

Менестрель

№1 (15), август 2021

Литературно-художественный журнал

ББК 84 (2Рос=Рус) 6–44
М50

16+

Подписано к печати 02.08.2021.
Формат бумаги 60х84/8.
Печать оперативная. Усл.печ.л.15,5.
Тираж 150 экз.
Издательство «Золотой тираж»
644043, г.Омск, ул.Орджоникидзе, 34.
ISBN 978-5-8042-075-0

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР А.В.Козырев

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА А.Ю.Сергеева

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Н.В.Елизарова
И.С.Федоровский
И.Н.Горелова
И.И.Хохлов
Д.П.Соснов
И.Н.Сенин

КОРРЕКТОР Е.Д.Артман

©Менестрель: литературно-художественный журнал, №15, 2021
©А.В. Козырев, главный редактор, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

поэзия и проза

Марина Улыбышева.....	4	Дмитрий Фалеев	47
Время, когда всё возвращается		Дураки	
<i>Стихотворения</i>		<i>Рассказ</i>	
Анна Грейп.....	5	Денис Кальнов	51
Интернет		Увидеть себя с лимонадным сиропом	
<i>Рассказ</i>		<i>Стихотворения</i>	
Олеся Николаева.....	16	Сергей Пронин.....	52
Вербной речью		Со сцены	
<i>Стихотворения</i>		<i>Рассказ</i>	
Станислав Домбровский.....	17	Ирина Горелова.....	54
Никогдальность		Каменный топор	
<i>Стихотворения</i>		<i>Стихотворения</i>	
Алексей Гребенников.....	18	Сара Зельцер.....	55
Фёдор		Найди себе человека	
<i>Рассказ</i>		<i>Стихотворения</i>	
Константин Вихляев.....	23	Наталья Елизарова.....	56
Чудное дежа вю		Под слоем копоти	
<i>Стихотворения</i>		<i>Рассказ</i>	
Анастасия Лобанова.....	24	Александр Бекишев.....	58
Ничего не случится		Конь вороной	
<i>Стихотворения</i>		<i>Стихотворения</i>	
Татьяна Сапрыкина.....	25	Нина Ягодинцева.....	59
Королева пыли		Взглядом ловишь – а очи не имут	
<i>Рассказ</i>		<i>Стихотворения</i>	
Яна-Мария Курмангалина	32	Михаил Полюга.....	60
Игрушечный огонь		Мир вам	
<i>Стихотворения</i>		<i>Рассказ</i>	
Сати Овакимян	33	Дмитрий Песков.....	66
Без любви		Вечерний звон	
<i>Рассказ</i>		<i>Стихотворения</i>	
Виктор Гаврилов		Борис Кутенков.....	67
Научи меня плохому		В отменённом мире	
<i>Стихотворения</i>		<i>Стихотворения</i>	
Эд Побужанский		Литературная школа журнала	
Разноцветные пуговицы		«Менестрель»	
<i>Стихотворения</i>			
Булат Ханов.....	39	Людмила Климович.....	68
Сердечные нравы		Ничего ты не знаешь о курицах	
<i>Рассказ</i>		<i>Стихотворения</i>	
Дмитрий Соснов.....	46	Камила Латыпова.....	68
Рифмованная почта		Просвистеть-просветлеть	
<i>Стихотворения</i>		<i>Стихотворения</i>	

Светлана Лоцманова	69
Универсальный рецепт	
Стихотворения	
Лариса Курбатова.....	69
Расставательно	
Стихотворения	
Галина Щербова.....	70
Факт частной жизни	
Стихотворения	
Виктория Левина.....	70
Под балконом	
Стихотворения	
Ксения Гильман.....	71
Стоп-кадр	
Стихотворения	
Константин Тугарин.....	71
Новая жизнь	
Стихотворение	
Наталья Баланова.....	72
Лёгкое дыхание	
Стихотворения	
Александра Гущина.....	72
А потом будет завтра	
Стихотворения	

«Взгляд с пристрастием»
(антология поэтического автопортрета)

Виктория Левина, Галина Щербова, Анна Филиппова, Марина Полякова, Мария Чистопольская.....	73
--	----

рецензии вслепую

Общество анонимных поэтов. Выпуск №5.	
Рецензенты Камила Латыпова, Людмила Климович.....	74

поэтическая перекличка

«Несрочная весна»	
Е.Баратынский – О.Клишин.....	83
Стихотворения	

поэты о своих стихах

Дмитрий Песков.....	84
Старая пластинка	
Авторецензия	

у нас в гостях

Марина Матвеева.....	87
Острова и мосты	
Интервью	

интервью

Татьяна Чертова.....	92
«Преобразившись в световую нить...»	
Интервью	

анкета «Менестреля»

Олеся Николаева, Борис Кутенков, Нина Ягодинцева, Ирина Горелова, Николай Коляда, Виталий Кальпиди	95
Учиться и учить	
Ответы на анкету	

рецензия на сайт

Анна Грейп.....	99
Река под стеклом	
О сайте поэмы Р.Амелина «Мегалополис Олос»	
Статья	

критика

Ольга Григорьева.....	101
«Жил я впервые на этой земле...»	
К 90-летию Роберта Рождественского	

Евгений Соколинский.....	106
Александр Строганов в параллельных мирах	
Критический сумбур вместо музыки	

драматургия

Светлана Сологуб.....	122
Ланцелот уже не тот	
Сказка в двух действиях	
Алексей Бурыкин.....	141
Молоко	
Комедия в семи сценах	

memoria

Георгий Бородянский.....	161
Очередь за уютом	
Стихотворения	
Хроника культурной жизни Омска.	
Октябрь 2020 – июнь 2021 гг.....	162
Библиографический указатель	
содержания альманаха «Менестрель»	
(выпуски 1-15).....	166

Сведения об авторах	
	185

ВРЕМЯ, КОГДА ВСЁ ВОЗВРАЩАЕТСЯ

Стихотворения

Ранним утром – горячий свет.
Утихает ночь... Утихает.
Злые слёзы выходят из глаз,
А потом глаза высыхают.

А потом только – суп с котом!
На трёхсотодинокие сутки
Я плевала на вашу любовь,
Эгоист вы мой чуткий.

Ничего... Я ещё поживу
Фотоснимком в семейном альбоме,
Где ладони сквозь бытовизну
Прорастают на солнце... А кроме –

Я найду себе на ночь – ночлег.
Я найду себе на день – заботы.
Ничего... Я ещё подышу
Духом той, абсолютной, свободы.

Там сияет сплошной абсолют.
Льётся воздух пустой и бездонный.
Там гуляет на воле наш сын,
Незаконно – до сих – нерождённый.

Ноябрь ветрами одержим.
Голо.
Дрожит, забившись под балкон,
голубь.
Отживший, пожелтевший лист
кружит,
вмерзает в почерневший лёд
лужи.

Мой заповедный человек,
верный,
тоскою нынче одержим
смертной.
Взгляд, отрешённый от всего,
сонный,
вмерзает в чёрное окно
дома.

Спешу на помощь. Только путь –
длинный.
Вспыхает медленный закат,
зимний.
И раскалённое за день
солнце,
как наболевшее за путь
сердце.

Белым-бело на свете и в душе.
Стих колокол. Задули свечи в храме.
В окне мороз раскрылся веерами.
Заварен чай. И вот остыл уже.

Коль пишется – пиши. А нет, и так
сиди читай про небыли и были,
которые мы в школе проходили,
и так прошли, что в голове – бардак.

А это то, что нужно для стихов.
Давай пороемся, полезное отыщем...
Вот лодка старая с прогнившим днищем.
А вот тетрадь для записи стихов.

Футбольный мяч, для плаванья очки –
(к чему всё это? Жизнь пошла к закату.)
Вот ржавый ножик, валик для наката
и пыльных трав бесцветные пучки.

Всё не годится! Было и не раз –
и у меня, и у других пиитов.
А эта дверца для меня закрыта.
Был ключик, но потерян. Вот те раз!

Ну что ж, оставим игры для ума.
Светильник потуши. Сиди и слушай.
Такая тишина, что режет уши.
Зимний-зима.

Время, когда всё возвращается

Воздухом тёплым дышать трудно.
Словно сохатый на водопой,
Трамвай, нагулявшийся, безлюдный,
Просится на ночлег в депо.

Звуки вполголоса, но отчётливо.
Окна – звёздами – в вышину.
Кто-то шуршащий пройдёт около,
Руки в карманы окунув.

Всё возвращается привычно
К родному, где ждут дверных звонков.
Профиль мужской у подъезда выхвачен
В ночь папиросным огоньком.

Шторы на окнах чуть приспущены.
Пыльная бабочка вспорхнёт.
Профиль погаснет. Уже вздрогнувшая
Дверь потревожено вздохнёт.

Всё возвращается когда-то.
Переосмыслился и придёт.
Ступени отбросят тень полосатую.
Тусклая лампочка подмигнёт.

ИНТЕРНЕТ

Рассказ

Я пою, когда готовлю завтрак.

Я люблю музыку, которая начинается в животе, низким звуком. Потом идёт наверх торжественно, медленно, через скандинавские согласные. Они как ступени в скале – такое затруднение, которое помогает подняться.

Пахнет кофе и шкварчит яичница.

Фотоаппарат стоит на штативе.

Фото моего завтрака в инстаграмме с хэш-тэгом #фудпорн. Цвета: коричневый, бежевый, белый, жёлтый, зелёный.

Посуда керамическая. Киви зелёный. Овсянка: молочно-бежевый. Яйца: с круглыми желтками на маленькой сковородке. Кофе с молоком.

Старая кофемолка с кнопкой, которую надо прижимать пальцем. Не попадёт в кадр. Кофе заливаю водой. Ставлю на маленький синий огонь. Помешиваю. Медленно вливаю молоко. Кладу сахар. В моей голове я – прекрасная женщина в зелёном платье на вершине горы. Я всё ещё пою.

Выключаю фотоаппарат. Вкусно ем.

Начинается мой рабочий день.

На работу не иду. Работа в Интернете.

Обычно переспрашивают: так ты дома работаешь?

Нет, интернет – это не дома. Если представить его как здание, то этажи идут во все стороны, а в них другие этажи. Никаких стен. Внутри мы носимся на горизонтальных и вертикальных лифтах, лифты вместо квартир. В одном из них сижу я.

Сжимается и выбирает синий лимончик скайпа, оттуда мне капают деньги.

– Здравствуйте... Мы не совсем поняли из вашего профиля на фриланс... как к вам обращаться, Lady Rat? Это же переводится как Леди Крыса?

– Ника. Просто Ника

– Очень приятно, Ника. Меня зовут Мария. Я представляю компанию... то есть в данном случае я представляю бизнесмена... об этом позже. Опишите как можно

подробнее ваши навыки и места предыдущей работы.

– Я всегда работала в интернете.

– Таак... а компания?

– Без компании.

– У вас образование есть профильное?

– Один парень организовал проект, и меня взяли нубом. За то, что хорошо писала. Проект был большой, на нём я всему научилась.

– Иии...?

– Так всё началось.

– Что началось?

– Seo, контекстная и таргетированная реклама, smm, контент-маркетинг.

– А поконкретнее? Нас заинтересовали представленные в вашем портфолио проекты, но непонятны ваши компетенции...

– Давайте так: вы расскажете задачу, и я конкретнее объясню, что смогу сделать и какой у меня в этом есть опыт. Цена, наверно, интересна?

Она ничего не понимает. Она секретарша. Заказчики пытаются нас померить, как картошку в магазине. Вместить в понятные измерения. Цена. Опыт. Навыки. Сроки. ...В интернете чем непонятнее звучат навыки, тем выше цена. Опыт измеряется не годами, а названиями. Сроки в интернете бессмысленны. Тут всё происходит сейчас. *Поэтому можно называть любые.*

Мария говорит:

– Я передам всё, что вы сказали, шефу.

Я сомневаюсь, что этот звонок превратится в заказ. В интернете люди должны знать, что они хотят, чтобы это получить. Но уведомление получаю в тот же день. Несколько вежливых фраз и приглашение на звонок с шефом. Зовут его Павел Дрозд.

– Меня зовут Павел.

– Я знаю.

Что я – его все знают. Выглядит, как персонаж американских фильмов времён депрессии. Умные уставшие глаза, породистое лицо. В фильме у него были бы

виски и сигара, но на моём экране он пьёт чай в обычной сетевой забегаловке. Наверно, в той, что была ближе к машине, застрявшей в московской пробке.

В камеру смотрит профессионально, в глаза. Не на экран и своё в нём изображение, а в точку размером с игольное ушко на верхнем краю монитора. Причём кажется, будто именно там он меня и видит. Что туда поместилась вся крошечная я.

Говорит чётко, по делу.

- Задача: найти девушку мечты.
- В смысле?
- В прямом.
- Девушку мечты в прямом смысле?
- Совершенно верно. Я подготовил ТЗ...

Я подавила смешок, закашлявшись. Кашляя, в самом деле давлюсь кофе. Вот она я – сама естественность.

Беру себя в руки:

– Расскажите подробнее, чем я Вам могу помочь в рамках своей специализации...

У всего, однако, есть пределы. У меня что, где-то в профиле написано: сводня? Секс-услуги, гадаю, ворожу, порчу навожу? Даже и для селебрити.

– Давайте начнём с начала, я вижу, что вы меня сейчас не понимаете. Сосредоточьтесь. Я – Павел. Я ищу девушку мечты. У меня очень много денег.

В этот момент я удачно вспоминаю, что у меня предоплата. Этот час будет называться «консультация». Выглядит, конечно, слегка... ээ... непрофессионально? ...или как это... неэтично? Неэтично – это если бы у парня был заказ, за который я взялась не могу... В силу, скажем своей некомпетентности. Но тут... М-да. Много ли у меня компетентности в вопросе поисков любви? Да нисколько. В арсенале короткий неудачный брак. Без поисков, одноклассники. Год пельменей, и мы не поняли друг друга. Он уехал учиться в Америку. Если вернётся поливать слезами берёзки, то я тут точно ни при чём. Он сказал, с такими, как я, больше связываться не будет. С тех пор думаю, такими – какими?

– У меня несколько бизнесов. Производство, общепит, торговля, франшизы... e-commerce съедает хороший кусок. Для интернета у меня своя команда. Воспитали «инхауз». Пользуемся услугами

агентств, но больше технологиями, чем людьми...

...тогда зачем ему я, если у него и так команда? Хочет схантить? Странный мужик. Кому нужны фрилансеры на работе?

Это как завести себе диких уток в надежде заставить яйца нести. Моя бабушка как-то завела. Отдали потом за бесценок. Они даром ели хлеб всю зиму, а весной улетели.... Половину всё-таки нашли через два двора у соседей. Я тогда спросила: «Бабушка, а что, домашние утки не умеют летать?» Бабушка задумалась: «Да умеют, наверно. Просто не знают, что можно». Вот это и есть разница между фрилансерами и офисными работниками. Фрилансеры знают, что можно. Это их портит.

...Значит, с работой не сойдёмся. Но время-то тикает. Психоаналитики, наверно, так деньги получают. Слушают. Может, пойти в психоаналитики?

– ...То есть я в теме. Очень конкретно в теме, что сейчас умеют технологии и что не умеют.

(Ещё бы не в теме. Ну давай, давай, миленький, про любовь.)

– Технологии знают про человека больше, чем кто-нибудь. Чем он сам себя знает.

Задача найти себе партнёра – одна из самых важных в жизни. И тем не менее именно в этой задаче у людей чаще всего случаются фак-апы. Ладно бы только у глупых, обычных людей, которые по жизни обречены быть овцами. Хуже всего лжают именно умные ребята. Смотришь со стороны: мозг у них как бы отключается, и полжизни псу под хвост... Я сказал псу? Какой-нибудь дешёвой сучке. То, что должно быть вдохновением, поддержкой, опорой превращается в полную... (Киваю. Наслаждаюсь ничегонеделанием. Переключаюсь на свой паблик ВКонтакте, проверяю статистику) – ...а технологии знают. Любой маркетолог знает про сучку больше, чем муж. Знает, пользует. А тот, умный, платит. За шубку, айфончик, что вы там последнее рекламировали?

Я быстрым переключаюсь на скайп, как будто он может видеть мой экран:

– Кредиты в банке КозлоФФ.

– О, точно. Прекрасно. Наш лошок залезает в кредит благодаря знанию тупых алгоритмов тупой психологии сучки. И всё, теперь у него к узам брака ещё узы ипотеки. А с этим уже и не разведёшься так просто... Я отличаюсь от других только тем, что

отношусь к одному из самых важных выборов в жизни не более безалаберно, чем к рутинной сделке в бизнесе.

Он замолкает. Перестаёт выглядеть деловым и успешным. Скосил немногого одним глазом. Не своим, пацанским каким-то голосом говорит то, почему я в итоге соглашаюсь:

— Для меня очень важно, жизненно необходимо найти близкого человека.

Он думает то, что сказал. Седина его красива и жестка, как дорогой мех. Седина — такая ранняя, узнаваемая его черта, ему ведь всего-то тридцать два.

Я часто перевожу взгляд из окон Windows на окно в осень прямо за ноутбуком. Смотрю на золото и дым. На игрушечные самолётики, кукурузники, на лес, полосатое поле, деревянные домики, разбросанные с краю, как опилки от наточенных цветных карандашей... Я сняла эту квартиру на самом краю самого края Москвы на самом высоком этаже самого высокого дома, и живу здесь, как в башне.

Для работы у меня есть ещё любимая кофейня внутри Садового кольца, чиллаут на Воробьёвых горах и лес рядом с домом. В лесу пруд и утки. До пруда дотягивается wi-fi из кафе, где я была лишь однажды. Ела плохо прожаренный шашлык с разбавленным пивом. Было солнечно и холодно, и поход в это кафе был мне самой от себя подарок за успешно сданный проект. Работать в парк я хожу, когда не комариное лето или тёплая осень, как сейчас. Я могла бы работать там и в мае, но в мае у меня сносит крышу. Работать не могу, уезжаю на край света в поход и там влюблуюсь. Иногда это кончается смутными надеждами, которые рассасываются где-то к середине июля и всегда тем, что у меня много друзей далеко и ни одного близко.

Пароль от вайфая в кафе никогда не меняют. Сейчас лучшее время смотреть за утками. Мне это приносит вдохновение. Я достаю раскладной стул, плед и термос с кофе.

Понедельник.

Это очень неспешный день. В парке никого нет. Утки плывут по самой середине медленно, у них тёмные глаза, готовящиеся к перелётной дали, тяжёлое сильное тело. Под водой тянется за ними трава с

отражением низких облаков. Я вкладываю белую таблетку наушника в ухо и включаю современную классику. Теперь я готова и буду работать целый час. Или два. Дольше без перерыва не умею. Выкурою сигарету, затягиваясь сырым воздухом и вкусной гарью. Потом, может быть, брошу. Но «потом» пока не наступило. Здесь всё происходит сейчас. Тексты у меня получаются лучше всего, но за них меньше всего платят. Поэтому я умею покупать шаблон, ставить его на тильду или вордпресс, вставлять туда эти тексты, и они превращаются в «контент». А всё вместе это называется «делать сайты». За это платят в разы больше, чем за текст. Или можно превращать текст в продвигаемые рекламные посты, размещать их через smm-сервисы сразу в нескольких соцсетях. Это называется «smm-продвижение».

Павел, в отличие от большинства клиентов, понимает, что самое главное и сложное из этого — написать текст. Создать идею. Вообще, для селебрити он слишком много всего понимает. О нашем деле, в частности. Ясно, что другие бизнесы его обязывают, конечно, но и у меня, оказывается, стереотипы. Всё время кажется, что он вот-вот представит мне технического специалиста, серого кардинала, умного парня, который всех пасёт.

Нет такого парня.

В этом месте, кхе, приходится вспоминать, что руководителем нового проекта он назначил меня. Не то, чтобы я никогда не бывала руководителем проекта... но то было из серии «я и пахарь, я и жнец, я и на дуде игрец». А теперь есть кому меня слушаться.

Руководитель я потому, что Павел считает контент и идею ключом успеха. Ключ я вложила ему в руки смиренно, мысленно надев своё зелёное платье женщины-тролля, за которую я пою.

Короче, выдав свою идею за его. Я почувствовала, что вариант не заработать маржи для фирмы на этом проекте имеется, но он скучен. Особенно человеку, у которого бизнесы успешно и неромантично размножаются, ежегодно прибывая в маркетинговым бюджете и прибыли.

Итак, мы решили сделать сайт знакомств. Фишка такая: вместо анкеты — мини-ролик. Профессиональная группа из режиссёра, гримёров, оператора и фотографа выезжает на съёмку к деве.

Чтобы девы не стеснялись, поначалу мы мимикрируем под самый популярный существующий сервис, в котором они уже зарегистрированы. Говорим, что тестируем новый функционал. Персонально каждую мы приглашаем на Ветаверсию. Первые 500 человек бесплатно. Индивидуальное спецпредложение и приз победительнице. Если тема заходит, мы проект монетизируем, нет – сворачиваем.

500 x 3000 р = 1 500 000 р. Полтора ляма на съёмку, стало быть. Не спрашивайте, почему так дёшево, у меня свои люди везде. Рекламные расходы отдельно. Максимально таргетируемые каналы. То есть чтобы наши приглашения на тест показывались и рассылались только самым-самым. Мы примерно представляем, что наша избранница кушает, слушает, покупает из косметики и из книг. Где может работать и учиться. Какой у неё распорядок дня. Чем руководствуется при принятии решений.

Вот вроде бы и доступна вся информация о человеке. А всё-таки можно совершенно не переживать за свои персональные данные. Интернет быстро считывает как раз всё не-персональное. Чтобы ваше движение стало заметным, много людей должны делать одно и то же, чтобы попасть в шаблон. Чтобы этот паттерн заметил робот и мы стали им использоваться.

Вот с этими возникли проблемы. Впервые вылезло с внешностью. С этого начали. Ищет мужчина. Ищет женщину. Чтобы фото профиля избранницы было похоже на желаемое, нам нужно было набрать обучающую выборку для машинного обучения. Откатить все фотошопные приёмы, уловить суть. Это как раз у роботов хорошо получается – всё, что сделано машиной, машина понимает лучше человека. Проблема в другом.

Честно – Павел большой привереда. Одна-две нравятся, остальные, скажите пожалуйста, «страшные». А нам, чтобы выборку сформировать, нужно много. Очень много.

Начинаешь выяснять, почему страшные-то? Детский сад. Вот, например, ему не нравятся все девушки с причёской, которая открывает уши. «Как училка», – говорит. Я не поленилась, раскопала в светской хронике фотографии его мамы. Так и есть. Уши закрыты. Лицо узкое, чуть вытянуто, очевидно, женщина никогда не

стриглась по-другому, чтобы скомпенсировать черты лица. Я и говорю: Паша, давай прогоним всех через фотофильтр и закроем уши. Он стоит на своём: мне нравятся вот эти две, и не надо меня анализировать. И смотрит на меня с подозрением, с нехорошим прищуром.

Я тут же перехотела быть психоаналитиком.

Тогда дата-сайентист проекта, парень, которые настраивает наши электронные мозги, сказал, что сейчас будем комбинировать мутантов из этих двух, чтобы была достаточная обучающая выборка. Но чтобы потом никаких претензий.

Павлу про мутантов, понятное дело, не понравилось.

Психанул было, хотел убрать внешность из параметров. Потом опомнился. Тоннами смотрел картинки девчонок, кликал. Набрали выборку, с грехом пополам.

Ему нравятся задорные, веснушчатые. Со вздёрнутыми носиками, худышки. Брюнеточки с большими глазами и резкими скулами, блондинки с короткой стрижкой, похожие на мальчишек. Ему нравится, когда есть твёрдость во взгляде, нацеленность в одну точку, внутренняя собранность. Ему не нравятся модельные фото. Нравится, когда у девушки есть дело, искреннее увлечение. И нужна при этом уязвимость, детскость, нежность. Ему нравятся те, у кого есть вкус. Не то, что слизано из журналов, а врождённое чутьё на сочетание цветов, правильность линий, единый образ.

Короче, губа у него не дура, и сам он не дурак.

Только такие девушки не сидят на сайтах знакомств. Когда я начала это понимать, когда пошли первые конверсии и я начала их обзванивать, я пришла в ужас. Это не то, не то, совсем не то. Это, блин, эсорт, а не девушка мечты. Такие стоят на каждом шоссе по рубль пачка и оттого, что на сайте знакомств предлагают себя бесплатно, лучше не становятся.

Думай, Ника, думай. По опыту знаю, что, если проблема не решается в лоб, надо её обмануть. Сосредоточиться на чём-то else, следить краем глаза. Я встала, положила ноутбук на свой складной стульчик. Пошла к воде. Пальто моё от долгого сидения на пластике отсырело и пахнет шерстью. Вдоль дорожки растёт

снежноягодник белый, куст с белыми лопающимися ягодами. В детстве мальчишки любили их рвать, лопать или давить ногами на асфальте. А девочки прикладывали веточку с двумя ягодками к уху и говорили: «Это сёёжки». Я сорвала две ягодки, бросила на тропинку, раздавила. Я всегда играла с мальчишками.

Близко лес, пахнет водой. Ветерок холодит щеки. Лес шуршит. Зелёные пучки травы в жёлтом ворохе, в котором уже полно коричневого. Трава ещё держится. Серые ступени к воде, листвы наметено по углам. Воронье карканье, на тон выше – грачи? Вот бы оказаться теперь – далеко, далеко...

«Надо расширять таргетинг», – вот что думаю я. Использовать все доступные ресурсы и источники данных. Тогда мы не будем ограничены сайтами знакомств. И географией не будем ограничены, ведь у сайтов знакомств аудитории больше в крупных городах.

Я подпрыгиваю. Иду обратно к своему стулу, хулиганю, пинаю шуршащее золото. Небо опрокинуто в синь высоко. Чисто, холодно. Хорошо всё-таки быть умной.

А теперь пришла зима. Работы по-прежнему много, но проект никуда не двигается. Я работаю только на Павла. Не беру ничего нового и, кажется, начинаю превращаться в домашнюю утку, исправно несущую яйца.

Сайт успешен. Начал окупаться, потому что Павел на лету схватывает бизнес-идеи. После моих замечаний об «эскорте» с отбракованными девушками всё-таки отсняли видео. «Нехорошо их обманывать», – сказал Павел с улыбкой старого лиса. Видео использовали в продвижении нашего сайта знакомств нового формата, он стал быстро наполняться мужчинами. Видео-анкеты вошли в оборот. На всём этом ядовитой плесенью тут же расцвел соответствующий сервис. Обслуживание потребностей мужчин онлайн. Хороший процент идёт сайту.

Я иду на йогу.

Позвонила мама и сообщила, что ей не всё равно, чем я занимаюсь.

– Ты меня не слушаешь.

Рука с телефоном мёрзнет без перчатки. Скоро начнётся поздний рассвет

и зима под гжель: отпечаток белого ствола березы на ярком тёмно-синем небе.

– Дочь! Имей в виду, когда ты молчишь, все думают самое плохое!

Я молчу большую часть своей жизни. Общаюсь много только в интернете, где я – текст.

– В последнее время с тобой очень сложно стало. Ты совсем не думаешь о родственниках...

– В последнее время я развелась, мама.

Когда говоришь что-то вслух, смысл сморщивается. Эмоция замещает его, все слова становятся глаголами. Попыткой уколоть, попыткой защититься. Из всех возможных фраз в диалоге хороши вопросы:

– Как ты себя чувствуешь сегодня, мама?

– Ты купила то лекарство, мама?

– Ты сильно устаёшь, мама?

Две белые лохматые собаки стоят на сугробе, дышат. Пар из их пасти кажется особенно густым на синем. Я начинаю думать о родственниках, как приказала мама, и понимаю, что все они больны и несчастны. Все люди вокруг больны и несчастны. Достаточно один раз проехать в общественном транспорте, чтобы узнать это.

Я люблю ходить пешком. Я чувствую ответственность за свою жизнь. Не верю, что кто-то может меня привезти туда, куда мне надо.

Путь до занятий йогой занимает полтора часа. Это шесть километров. Хожу туда теперь каждый день. В йоге меня учат использовать тело, как способ думать. Голова от обилия сведений становится свалкой. Если знания не перерабатываются, вываливается: смотрите, что тут у меня есть, похвалите меня. Человек рвётся, как решето, и представляет из себя дыру. Надо учиться жить, пропуская через себя весь поток информации и оставаясь целым. На йоге учитель говорит: «Гордость души – яд, которым отравлена чаша. Можно чашу перевернуть, и тогда ничего в ней не вольется. В чаше может быть трещина сомненья, через которую будет выливаться любое знание. Но хуже всего, когда на дне яд – гордость».

Я стою на голове. Я всегда думала, что я перевёрнутая чаша. Но оказалось не так.

Со всеми своими знаниями и умениями я могу сделать что угодно, но не

могу достать для Павла одного живого человека. Что меня в этом так задевает?

Ну в конце концов, за что мне платят? Чтобы найти любовь? Вряд ли. За любовью обращаются к сутенёрам. Эта сделка мне не стыдна, но – мала. Я хочу купить душу.

Секрет: настоящий профессионал никогда не работает за деньги. Работа, само собой, должна оплачиваться, но это нужно не профессиональному, а заказчику. Нужно рынку, чтобы сохранился заведённый порядок вещей.

Профессионала заводит настоящая задача.

...Дело в том, что мы их нашли, этих девочек. Вот что печалит меня больше всего. Алгоритм сработал, когда мы стали брать всех, без учёта активного желания познакомиться. Дата-сайентист тоже учёл свои ошибки с «эскортом» и доработал математическую модель. Из того, что он мне объяснял, я поняла главным образом, что модель искала теперь то, чего не было.

В первом случае она отбирала девушек с требуемыми параметрами, но имитирующих индивидуальность, а не обладающих ею. Все эти «фотомодель, художница и певица» попадались лучше всего. Теперь их удалось вычистить путём исключения «паттернов оригинальности», как обозвал их наш математический гений. Работа в первую очередь велась по профилям соцсетей. Но также и по видео, подкастам, профилям авторов на форумах и блогах, которые удавалось привязать к информации в соцсети или резюме.

Пятьдесят.

Их сначала было целых пятьдесят, но пришлось уменьшить. Парочка беременных, десяток влюблённых, у одной рак, у двух – начальная форма шизофрении. Четыре оформляют документы, чтобы уехать из страны.

Шесть лесбиянок. Павел и дата-сайентист не хотели их выкидывать. Цыганка. Единственная сумела ускользнуть, скрыться со всех электронных устройств.

И шестнадцать Павел отбраковал по внешним параметрам. Мужчина может сколько угодно рассуждать про ум женщины, её качества и говорить, что для него это важно. Но уже после того, как ему понравилась внешность. Так и на конкурсах красоты – с финалистками уже после отбора проводят интервью, чтобы определиться окончательно.

Итого восемь. Помню каждую.

Дина. 27 лет. Огромные глазищи в ресницах, каштановые кудри, плечи тонкие, как будто чуть приподнятые «ну что вам от меня надо?» Уверенная фигурка в походных штанах и майках. Дина бросила свой ВУЗ и приехала поступать в Москву на археологию. С тех пор ездит в экспедиции, раскапывает камни и окаменелости. Её то заносит снегом в горах Африки, то про неё и коллег снимают сразу три одинаковых передачи на трёх разных языках, действие происходит в Крыму. Она в стареньком купальнике и перемазанная держит что-то вроде обломка скалы, перед ней лежит фартук с набором хитрых инструментов. Кроме археологии её интересуют фотография. Она фотографирует звёзды и осеннюю плесень на плодах, камнях и деревьях. Для звёзд у неё есть специальный фотоаппарат, подаренный бывшим мужем. Муж этот – поэт, внешне похожий на Бродского. Собрать такую сумму ему было сложно, не имея постоянного места работы. Не вытерпев её насмешливого взгляда, он уехал в Петербург. Отрастил волосы в кудрявый хвост и перестал быть похожим на Бродского. Волосы оказались седыми и кудрявыми.

Мария, её подруга, 28 лет.

Маленькая, метр пятьдесят восемь, плавная походка, волосы струятся от головы до колен, если распускает, становится вся укутана ими, видны только узкие щиколотки. То, как она распускает волосы, люди увидели на свадьбе. Тот, кто мог видеть их каждую ночь, оказался приятелем того поэта, похожего на Бродского. Политический активист, добродушный парень, верящий в партию и преданность жены. Мужа пришлось бросить, он не хотел ехать в Москву, а в их маленьком городе не было свободных вакансий для кинологов. В Москве добилась многое. Про неё знают, её собаки высоко ценятся и участвуют в важных расследованиях. Как волонтёр участвует в поисках пропавших без вести людей. Людей она спасает, но не любит. Прекрасно стреляет из чего угодно. Неоднократно побеждала на состязаниях по стрельбе из лука. Мне она кажется хорошей песней, мелодией, которая врезалась в память и про которую нужно непременно вспомнить, откуда она, чтобы жить дальше.

Майя, 22 года. Фигуристка. Умные золотые глаза, в коротких волосах живёт ветер. Писала про лёд и танец, ведя дневник

на ресурсе, посвящённом пищевым ограничениям. Её целью было сделать тройной сальхов, для этого надо было скинуть несколько очаровательных килограммов. Как только у неё получился сальхов, она перестала писать. У неё есть та степень ласковости кожи, улыбки и всего смешливого, которое хочется трогать, как ребёнка. Она любит читать Камю и Сартра. У неё первый разряд по шахматам и лёгкой атлетике.

Лиза, 26 лет. По образованию биохимик. За отличную учебу её отправили по обмену в Венгрию, где она очень скучала по родине два года. К тому же в учебной программе совершенно не было химии и биологии, почти всё время занимали венгерский и английский языки, к которым у Лизы было мало склонности. В Венгрию она взяла альт. В младших классах музыкальной школы её учили играть на скрипке, но скрипка оказалась мала под её высокий рост и длинные худые руки. От тоски по родине у неё началась бессоница, она рано просыпалась и не могла заснуть. Она шла в подвал общежития и там играла с 4-5 утра, пока часы на колокольне били семь длинных ударов и один короткий, что значило 7:30, завтрак. Преподаватель английского, сердобольная стареющая дама без детей, нашла ей учителя для подготовки в консерваторию и хлопотала о стипендии. Так Лиза попала в ученический оркестр. Была влюблена в их дирижёра, капризного гения с огромными мешками под глазами, имевшего уже третью жену, детей и много беспорядочных связей. Из-за дирижёра она уехала поступать в консерваторию в Вену и живёт там, давая уроки. Я пыталась слушать то, что она играет для себя в подвале, записи с телефона. Восхитительная какофония. Не представляю, как люди остаются в живых с таким в голове.

Олеся, 19 лет. Завитки волос выбираются из узла на затылке, падают на высокий светлый лоб. Правильные черты лица и тела. Свет и тень рисуют её тёплые подмышки, ямочки ключиц, полукружье рук с длинными пальцами... даже на фото в купальнике выглядит аристократкой. Учится, по настоянию родителей, на кулинарном. Родители её стары и хотят, чтобы у дочери был всегда кусок хлеба, в прямом смысле. Единственное, что любит в своём учебном заведении, это то, что там кормят. Из-за наследственных проблем с

желчевыводящей системой на лице её часто можно увидеть мученическое, кроткое выражение. В периоды обострений худеет до синевы. Однажды устроилась подработать моделью в художественную студию неподалёку от училища. С тех пор не вылезает оттуда. Рисует чем придётся и что придётся. Художники, посещающие студию, делятся с ней карандашами, кистями, бумагой и печеньем. Учат рисовать и ругают на чём свет стоит. Ещё Олеся дружит со странным дебелым молодым человеком с клептоманией только для того, чтобы когда-нибудь написать о нём книгу. Одалживает ему деньги, обычно это пятьдесят рублей на проезд, а он возвращает ей их книгами, которые ворует в общественных читальнях. Набралась уже большая стопка – в основном история КПСС.

Настя, 29 лет. Работает в HRдепартаменте большой компании. Длинные ноги, веснушчатое лицо, ровное горение зелёных глаз. Любит ночами ходить купаться голой, если погода позволяет. Участвует в инсталляциях исторических событий самых разных эпох. Может быть и боярыней, и сотрудницей СС. Прекрасно вышивает бисером и ткёт гобелены с лешими и русалками. Мечтает написать диссертацию по славянской культуре.

Ирэна, 30 лет. Акробат, раз в год уезжает на цирковые гастроли. Тонкая чёрная фигурка под куполом, вся в блестках. Волосы светлые, запрокинутое лицо. Слишком накрашено на фото вблизи, как это водится у цирковых артистов. За белилами не видна живая тёплая жизнь и синяки. Подрабатывает на высотных работах. Реставрирует церкви, штукатурит здания торговых центров. У неё был парень, рокер и байкер. Два года назад он разбился, удирая от полиции. С тех пор Ирэна отворачивает лицо на фотографиях. Мотоцикл реставрировала и научилась на нём ездить. Никогда не гоняет, просто доезжает до работы. Ударилась в религию. В наушниках теперь вместо Judos Priest – Александр Мень. Приходя на службы, головы не поднимает, церковных текстов не понимает, представляет, видимо, его, Александра, – с топором в голове.

И Таня, 27 лет, орнитолог. Чтобы изучать птиц, она вместе с институтом приезжает на полгода в командировку на Куршскую косу. У Тани прямой нос, светлые

брови, как намётенный песок. На ней косынка, рубашка с плотными манжетами, штаны с резинками на щиколотках, всё от клещей.

Птицы попадаются в сетку, которой затянуто полнеба. Певчие птицы летят над косой низко, когда их сдувает ветер. Таня проходит по широкому лабиринту до трёх сетчатых кабинок. Надевает перчатки и быстрым движением ловит. Несёт на станцию. Окольцовывает. Говорит туристам, что средний срок жизни любой птицы – год. Камера телефона, в которую я смотрю это видео, слегка трясётся. Мужской голос очень близко спрашивает: как же так, он слышал, что вороня живут по сто лет. «Вороня могут жить сорок лет. Даже семьдесят, – поправляет Таня. – Но в среднем птицы, которые здесь пролетают, живут год. У птиц тяжёлая жизнь. Голод, хищники, провода. Естественный отбор во время перелёта».

Маленькие птицы летят над Куршской косой, потому что им тяжело лететь над морем без отдыха. Потому что здесь есть еда и нет хищников. В конце видео Таня рассказывает о том, как тяжело приходится станции без достаточного финансирования. Туристы покупают сувениры.

Таня, как и я, занимается йогой. Интересно, у неё получается? Дышать ровно, смотреть внутрь себя? Знать о моём присутствии за камерой.

ПЛЕВАТЬ ОНИ НА МЕНЯ ХОТЕЛИ.

Мне казалось, я могу в интернете почти всё, но не существую для этих восьми девочек.

Они не реагируют. Ни на рекламу, ни на контент, ни на смс, ни на телефон.

Считают меня спамом.

Спам – это когда к тебе лезут с тем, чего ты не просишь.

Я несу им любовь. Я спам.

Из-за того, что курю, мне трудно даются дыхательные упражнения в йоге. Поэтому я подумываю бросить. Йогу. Я постоянно жду дня, когда Павел сообщит мне о прекращении сотрудничества. Жду со страхом и с надеждой. Со страхом – потому что мне кажется, что клеймо о том, что я не справилась, будет висеть на мне до конца жизни. А надежда – это облегчение. Если получу расчёт, завяжу. Мне вообще не стоило ввязываться в этот проект. Не стоило выбирать эту профессию. Ещё чуть-чуть, и

все поймут, что на самом деле я ничего из себя не представляю.

Мне надо заняться чем-то другим. Прекрасна, например, профессия инструктора, проводника в горах. Никакого интернета. С утра до вечера ты идёшь, поднимаешься на гору. Смотришь на красоту. Если ботинки хорошие, можно представить, что ноги идут сами, и рюкзак сам себя несёт. Ты летишь невысоко над группой, за тобой лес. В утренней дымке внизу заварены маленькие домики, расчерченные посадками поля, ленточки дорог... Камни держат тебя высоко надо всем, кривые стволы можжевельника светят ржавым. Ты достаёшь котелок и баллон с газом, завариваешь чай из собранных здесь же трав. Режешь складным ножом чёрный хлеб, вскрываешь рыбные консервы. Люди в горах с аппетитом едят то, к чему в городской жизни бы и не притронулись. Люди промокают насекомые, спят на земле и не болеют. Чем выше в гору, тем круче подъём, тем меньше они склонны задавать глупые вопросы и рассуждать. Их это просто не успевает за ними подниматься.

Я сижу дома, завернувшись в плед. Холодно, до верхних этажей плохо поднимается горячая вода. Включаю телевизор, смотрю новости. «Смотрю» – не совсем верно. Уставилась на экран в одну точку и думаю про диктора. Думаю, что она, наверно, анорексичка. Из-под пиджака выглядывают, как обглоданные, кости ключиц, подбородок совсем маленький, по нему идёт еле заметный тик при слишком широких гласных.

Я решаю звонить Паше. Отказаться. Решаю и никак не могу решить. Мои глаза, наверно, похожи на глаза сумасшедшего, который смотрит новости в десять утра. Волосы так и остались всклокоченными после утреннего стояния на голове.

Паша звонит сам. По скайпу. Я вздрагиваю, смотрю почему-то, сколько времени. Совсем рассвело. Слышно, как отчаянно, на одной ноте гудят трубы во чреве многоэтажки. Сине-белым мерцает экран. На нём имя Павла.

– Ника, привет. Маша звонила тебе уже по поводу новых роликов для эскорт-промушен? Это наши новые поставщики. Они берут на себя часть расходов по

рекламе с условием размещения среди анкет данных их моделей.

Я уже знаю, что пристальный взгляд Павла во время звонка – это иллюзия. Он бережёт глаза и всегда старается работать так, чтобы за ноутбуком было окно. Он смотрит в окно, а поскольку глазок камеры находится наверху экрана, как раз по центру, кажется, что смотрит в глаза. Мне нравится этот приём, и теперь я тоже его использую.

– Для проекта разве нужны дополнительные вложения?

– Нет, конечно. У нас рекордный срок выхода на окупаемость. Маржинальность 150%, ты большая умничка, я тебе постоянно об этом говорю.

Но мне интересно их предложение с точки зрения девчонок тоже, пусть будет новая кровь. Всё-таки как никак, профессионалки. А многие из наших – очаровательны, но неумёхи. Мне, надо сказать, уже пару приятелей жаловались. Видишь, такой популярный сервис у нас, что никаких «тайных покупателей» не надо, люди сами приходят...

Мне всё время кажется, что у Павла ещё добавилось седины. Она смотрится на нём, как серебро. В окно их офиса заглянуло солнце, и он сидит, облитый сиянием. Его глаза, как глаза змеи, смотрят бессонно. Я вижу, что он мог бы быть счастлив. Но вместо этого – богат.

– Тебя не беспокоит конкуренция?

– А что меня должно беспокоить?

Брендинг наш. У них всё такое древнее, в плане методов. В худшем случае они визитки оставлять будут. Ну что такое визитки в современном мире? У нас мобильное приложение почти готово, Android выложат на бой в четверг, IOS на следующей неделе обещают. Программу лояльности запустим, персонализированные предложения, все дела. Тебе, кстати, интересно этим тоже заняться? Как у тебя с мобильным продвижением? Лично я бы предпочёл, чтобы всё было у одного человека.

– ...я, пожалуй, откажусь.

– Аа... А в чём проблема?

– Ни в чём.

– Слушай, ну начинается. Дело в деньгах? Я тебе давно предлагал процент от прибыли. Всё как минимум обсуждаемо.

– Проблема не в этом, Паш.

– А в чём?

– ...Паша, ты помнишь, зачем ты меня позвал?

– ...а что? Что ты имеешь в виду?

Я перевожу взгляд на чёрную дырочку вверху экрана, в глазок камеры. Пусть там никого нет, я знаю, пусть там только электроны и провода... но мне хочется быть честной. Мне хочется быть настоящей.

– Ты просил найти тебе жену.

– Ах, это...

Он откинулся на спинку стула. На экран теперь точно не смотрит. Рассеяно разглядывает что-то за окном. Он видит то же, что и я? Солнце размазанным пятном в белом небе, дым из трубы ТЭЦ. Яркие тени веток и водосточных труб на стенах домов. Сосульки над окнами верхних этажей – как стекло на просвет.

– Слушай, не надо об этом.

Он ссутулил плечи, сцепил руки под подбородком. Приблизил глаза к камере, говорит быстро, тихо, почти шепчет.

– Слушай, это была моя мечта, минута слабости. Я идиот. Я сам не знаю, что на меня нашло. Удивительно, что ты меня не послала с этим проектом. Ведь хотела послать, так? Ладно, не будем... Видишь, всё к лучшему.

Тут он откинулся назад и потёр висок, собрав тонкую кожу в складки. Как будто у него внезапно заболела голова.

– Когда два умных человека собираются... даже по самому бредовому поводу... всё равно получаются деньги.

Он выдыхает с облегчением и смеётся. Разочарование засыпает меня, как сугроб. Я отворачиваюсь от экрана. Он видит только мой выбритый висок под волосами и блестящий белок глаза. Злость подступает не слезами – солью. Это какой-то грёбаный эгоизм, но я не хочу, чтобы он сдавался. Я хочу ту задачу. Я боялась, что Павел меня уволит за её невыполнение, но оказалось хуже. Он не верит в свою мечту. Не верит в меня. А делать деньги на проститутках, зашифрованных под сервис знакомств, – нет, простите, это совсем не то. Я не имею ничего против такого способа заработка, просто скучно. Скучно. Скучно.

– Паш, слушай... давно хотела тебе сказать, на самом деле... мне надо передать кому-то ведение проекта. Запуск состоялся, мы же договаривались вообще только на запуск в рамках той задачи...

– Ника, стоп. Ника!

– Павел, мне очень жаль.

Наступила весна, март. Я читаю книги и занимаюсь спортом. Йогу бросила, хожу в качалку. Присед 45 кг на 8 раз, тяга 50 кг 8 раз, жим 30 кг 3 раза, раз в неделю круговая. Продолжаю курить. Голос от этого портится, пою хуже. Когда работаю дома, сверху мне видно, как скалывают лёд на крышах. Парень в сером комбинезоне идёт, балансируя одной рукой, по наклонной поверхности. Плещет солнце. Парень ловко, как кошка, пробирается к самому краю, цепляясь за верёвку. Я восхищаюсь его работой. Летом он, наверное, в пещерах, или на скалах, или инструктор в горах.

Мне сложно стало подобрать одежду, выходя на улицу. Обманувшись солнцем, я надеваю лёгкое и мёрзну. Выхожу на Чистых Прудах. Иду бульваром. В центре, в старом городе, есть ещё старые дома, и память тянется невидимыми ниточками туда, назад, в прошлое. Из мартовского света идут в темноту несуществующие большие страны. Когда-нибудь нити от нас так же ослабнут, повиснут... во что? Во что. То, что будет здесь вместо бульваров, проспектов и набережных. Виртуальное пространство после нас, бесконечное и неощущимое. Может быть, смерть — тоже своего рода интернет?

Я выхожу из деревьев задворками обратно к муравейнику старых улиц. Здесь есть небольшой торговый центр, устроенный в здании, которое всегда предназначалось для магазинов. Окна кофейни выходят во двор, близко к небу. Я занимаю одно из мест около окна. Кресла отгорожены друг от друга книжными полками. Заказываю то же, что и в прошлый раз. Работаю. Музыка, как сердце, колотится негромко в глубине. Это старый и современный джаз. Обработка классики и несколько узнаваемых произведений других жанров.

— Зачем было играть так металлику, как думаешь?

Где-то поблизости завелась парочка. Сзади, за высокой спинкой моего кресла, их нет. Значит, сбоку. Есть здесь такие плетёные конструкции на двоих, с подушками и подвесным столиком, висящие прямо перед окном. Нехорошо, что они близко.

— А как бы ты стала играть металлику, моя радость?

Парочка зашуршала подушками и захихикала. Наверно, девушка показывает, как играет, держит воображаемый инструмент и строит рожицы. Судя по тому, как часто они смеются, их отношения находятся в той прекрасной фазе, когда счастье перегоняет любые другие эмоции и тормозит мозг.

— Нет, серьёзно, ты могла бы сыграть металлику на своём альте?

— Конечно. Но только один раз.

— Почему один?

— Потому что потом Михрюнич меня прибил.

Они опять отчаянно хихикают.

— Нет, ну что это такое. Ты же не на концерте его играть собираешься. Ты даже не в Вене. Он не может тебе всегда диктовать, что делать.

— Может.

Это сказано набитым смехом ртом. Возня явно становится жарче. Мужчина говорит сквозь сцепленные от нежности зубы:

— И где ещё он тебе приказывает, интересно?

В её хихиканье появляются страстные нотки.

— Ну Паш, ну хватит уже, ну Паш...

— И всё это из-за его длинной дирижёрской палочки, да? Ты его хочешь слушаться, да? А меня ты будешь слушаться?

«Лиза, 26 лет. По образованию биохимик. За отличную учебу её отправили по обмену в Венгрию, где она очень скучала по родине... из-за несчастной любви к дирижёру уехала поступать в консерваторию в Вену...»

— Паш, ну Паш...

...После того, как я отказалась от проекта сервиса знакомств с виде анкетами, Павел Дрозд собрал команду под проект на удалёнке. Мобильное приложение быстро догнало и обогнало десктоп, как минимум удвоив дивиденды.

— Паш, неудобно, люди смотрят...

— Какие тут люди?

Из подушек в плетёном кресле высовывается лохматая седая голова. Рядом другая, гладкая, рыжая. Длинные тонкие руки поправляют волосы, она поворачивается, чтобы затянуть хвост.

Девчонка – умница. Девочка – красавица. Таких поискать... А у него глаза – растерянные, как у мальчишки. Я приподнимаю чашку с капучино, как бокал, чокаюсь с пространством. С пространством, которое, играя, даёт возможности тому, кому вздумается, и отнимает их у того, кому хочется. Это была моя работа, чёрт побери.

Паша уже идёт ко мне, оставив девушку бултыхаться в подушках, как котёнка в корзинке. Он подходит близко и смотрит умоляюще. Вблизи особенно видно, как он счастлив.

– Это совсем не то, что ты думаешь.

У меня взлетает бровь. Я не смотрю на него. Отпиваю кофе.

– После того, как... в общем, после того, как ты ушла, я решил ещё раз посмотреть на кандидаток. Слонялся по улицам разных городов, искал их... Объездил кучу мест! Блин, ты не представляешь, что это было. Своим я

сказал, что у меня отпуск, а я никогда ещё не брал отпуск за всю карьеру... За Лизой пришлось ехать в Вену.

Он присаживается на ручку кресла и сияет волосами на солнце. Я смотрю на него и не верю своим глазам. Складываю ладони вместе под подбородком. Улыбаюсь.

– Я понял, что это мой человек, Ника. И всё. Я сам пришёл к ней. Я никому ничего не заказывал. Только купил цветы в ближайшем ларьке... и.... и... пошёл знакомиться.

Я улыбаюсь.

– Я буду обязан тебе всю свою жизнь, Ника. Запомни. Я просто боялся своего счастья, боялся... сглазить и... и Лиза приехала, и... я просто забыл тебе потом позвонить...

Господи, я такая свинья, да?

– Да.

ПУГАЮЩИЙ АККОРД

Стихотворения

ПЛАЧ О ПОТЕРЯННОЙ ВЕЩИ

Вещь пропадает, словно развоплощаясь. Неровно книги стоят на полке, платья висят на палке, криво торчат заколки, тряпки черны, как галки.

Вещь пропадает, вроде как, вопреки природе, вдруг уходит за полог зrimых шкафов и полок, наподобье аферы, в ноуменальные сферы. И, метафизикой вея, вещь уж не вещь, а идея.

Я стою на границе, тру глаза и ресницы, чая узреть, немного с трепетом, – эйдос, логос. Где-то у этой двери мир этот, где потери в месте злачном, сохранном, в образе первозданном.

Где-то здесь, под рукою, за воздушной рекою, за пустыней немотной, как за шторою плотной... Как моя вещь там? Служит маме моей иль дружит с облачною грядою, с Рождественскою звездою?

Всё я перепахала в доме, все одеяла перетряхнула: что же... Скоро и я так тоже: р-раз – и ищите. Где-то тут ведь была и – нету. Книги стоят на полке, платья висят на палке, только лежат заколки, только горланят галки.

ВЕРБА

Помню, как оставали звёзды в реке ли, в чане, выли, на помошь звали бабы-односельчане. Как кричала неясить в полночь, когда счастливца здесь забивали насмерть два бугая-ревнивца. Кости ломали, жилы рвали, аж кровь кипела – за молодые силы,

за красивое тело. За лицо – без изъяна, статный стан без ущерба, где одна средь бурьяна лишь молодая верба.

За глаза – без порока, кожу – белее мела. И засохла до срока верба да почернела. Словно смерть человечью взял себе, в день воскресный молодца – вербной речью, силой своей древесной, ветками оплела, листьями обложила, на ноги подняла, соками опоила...

Бабы, о вербе той, пьяны, хмельны ль, тверёзы, песни слагают, – пой с ними, глотая слёзы!...

АККОРД

Такие странные дела: соседка утку родила, сожитель запил, мать лютует. Набила на щеку тату племянница, да не на ту, а бабка краденым торгует.

Повсюду жизнь: она, как шмель, закрой окно – отыщет щель, она, как мышь, зерно отыщет. Запрячет ключ – подкинет кость, войдёт, как тать, – уйдёт, как гость, как ветер – веет, воет, свищет.

И кто потом поймёт её? Какое пёстрое жнивье: всё вместе – плевелы и злаки. И, как заметил домуправ, здесь шавки, моськи, волкодав, гиены, волки и собаки.

Кто крупную находит дичь, кто бьёт мелкашку, кто достичь желал бы сразу райской дверцы, кто греет злость, кто копит хлам, кто затаился по углам, а кто булыжник носит в сердце.

...Но наступает миг, когда гурьба, толпа, братва, орда, кто – в облаках, кто – в нечистотах, кто сам в себе – упёрт и горд – сливаются в один аккорд, пугающий на нижних нотах.

НИКОГДАЛЬНОСТЬ

Стихотворения

РАЗГОВОР СО ЗНАКОМЫМ ДОЖДЁМ

– Привет.
– Привет. Залей глаза слезами мне.
Я разучился, высох изнутри.
Я сдал сегодня все свои экзамены.
– На пять?
– Да что ты... Нет, на 2 и 3.
Сдавал Любовь, да как-то не сложилось.
Пять пересдач – и все не про меня.
Не выучил, как там текут по жилам
Конспектов двадцать вечного огня.

Я Одиночество учил запойно,
Когда Толпу писали дураки.
Никто из одногруппников не понял,
Как смог я сдать Теорию Тоски.

Они орали: «Блин, приди, Халява!»
И открывали окна в темноту,
И двояки им ставили по правилу:
«Халява будет. Но в раю – не тут».

Спиши, попробуй, жизнь других до корки.
По трафарету стань собой – никем.
На умной роже шпору счастья скorchив,
Иди до самой смерти налегке.

Жил, как дерньмо? Так умирай, как падаль.
Не академ, а вылет навсегда.
Ты завалил всю сессию по Правде
И человекоминимум не сдал.

– ?!!

Забей. Пошли, я не тебе, конечно.
Ты в памяти моей пока живёшь –
Шесть тысяч дней моей угрюмой нежности,
Знакомый мой, обычный летний дождь.

Ты сам-то как?

– Работаю, как дьявол.
Деревьям – рост, влюблённых – по домам.
Пишу концерт для луж, машин и гравия.
Учу таких, как ты, сходить с ума

В хорошем смысле слова – в пару строчек
Куплетов, песен, знаешь – как попрёт.
Я стал, как ты, – старее, злей и проще.
Не пробежишь, не переедешь вброд.

– Забыл спросить...
– Да, да, ты вечно паришься,
Не по... не знаешь, как меня зовут.
Ты знаешь.
– Саня?
– Саня.
– Ларичев...

Я обернулся в тишине на звук.
Нет голоса. И человека тоже.
И я один иду к себе домой.
И ни один из чёртовых прохожих
Не понимал, что этот дождь – живой.

Как прокуренную логику,
жёлтым облаком листвы
осень выплюнула лёгкие
на порог асфальтовый.

Задевая нервов ветками
за фонарные столбы,
побежала вдаль, в заветное
Никогда-Не-Сможет-Быть,

в никогда-твоих-родителей,
в никогда-любви-твоей,
в никогда-не-победить или
никогда-не-быть-вдвоём,

в никогда-на-подоконнике-
снег-рождается-в-капель,
в никогда-не-стать-спокойным и
в никогда-не-сможешь-петь,

в Никогда тебя.

В реальность ли, отражение мечты – ты мечтай.

Всё никогдальнее
И всё ближе новый ты.

ФЁДОР

Рассказ

Меня в лесу боятся. Когда я выхожу из хаты, звери аккуратно разбегаются, освобождая дорогу. Ладно, белки с ежами. Лось прекращает водопой, плавно поднимает красивую голову с рогами, смотрит якобы в сторону, но за моими движениями следит. Если я направляюсь в его сторону, он также красиво и плавно, но стремительно улепётывает в чащу. Дятел, давясь, проглатывает червячка и, уворачиваясь от веток, улетает. Семейство волков покинуло насиженные норы и перебралось на другой конец леса, когда я здесь поселился. Даже пауки прячутся за листья, отпуская мух и мотыльков. Я ужасен. Я страшен. Меня зовут Фёдор. Я бобёр. И я говорю правду.

Я говорю правду обо всём, что вижу, особенно правду о тех, с кем начинаю разговор. Я не умею лгать. Это такое у меня достоинство. Жаль, окружающие не ценят его.

Неторопливо иду по своим делам. Сначала надо перекусить. Прекрасное всё-таки место я нашёл у водопоя, где недавно выстроил хатку. Всегда сочные молодые побеги багульника, сарана, черемша. Территория удобная. Берега тут пологие и крепкие, поэтому лесной народ издревле приходит сюда пить воду. Последнее время, правда, им приходится делать это быстро или искать другой источник.

Кушаю осоку. Так, ерунда, больше зубы размять и желудок. Почесав пузико, иду удовлетворить потребность в общении. Что поделать, поговорить я люблю, хотя и не всегда удаётся. На крайний случай у меня есть друг. Единственный. Тетерев. Глухой, как пень. Но слушает внимательно, не убегает. Иду к нему. Может, ещё кто по пути попадётся.

Мой день сегодня. И ста метров не прошёл, встретил молодого зайца. Глупость он сделал. Меня почуял, вместо того, чтобы убежать, юркнул в старую барсучью нору под корнями большой сосны. Я, конечно, остановился, грамотно отрезав путь к отступлению.

Словно ни к кому конкретно не обращаясь, я начал.

– Нет больше в нашем лесу морали! Раньше-то не сильно блестали добродетелью, а ныне совсем распоясались. Превратно понятый дух свободы, отсутствие авторитетов или ещё что, я не знаю, но современники ведут себя совершенно безнравственно и безответственно. И я готов доказать это с фактами в лапах. К примеру, третьего дня некто белый и пушистый, пардон, серый и пушистый (по сезону), отправился к Осиновой опушке. Место красивое, но с недавних пор поблизости там живёт волчье семейство, да и люди, бывает, появляются, поэтому другие зайцы стараются обходить его стороной.

В норе затихли.

– Что же понесло туда нашего героя!? – возвысил я голос до крещендо.

Молодой заяц предпринял попытку к бегству. Техничным движением бёдер пришлось отправить его обратно. Слушай, слушай, брат, как уши ни прижимай, всё равно услышишь.

– Озираясь и дрожа, как та осина, под которой он остановился, наш герой смело замер в опасном месте. Чего он ждал? Чу, послышался робкий шелест изящных прыжков. Вот и она, юная зайчиха благородного рода, ещё не успевшая связать свою судьбу официальным браком. Вам нужны подробности? Вот они. Не теряя даром времени, не говоря лишних слов, наши друзья тут же соединились в уютной ложбинке, устланной мягкими листьями. От их страсти осины свои листья потеряли, не дождавшись осени. Рябина покраснела раньше времени. Даже волки испугались криков. Ладно, про волков я соврал. Но в остальном! А ведь у него семья. Дети. Меленькие, миленькие зайчики. Штук семь, если я не ошибаюсь. Но он, рискуя жизнью, своей и чужой, предаётся похоти.

Я сардонически засмеялся.

– Низменная слабость, глупое безвольное следование основным инстинктам ведут в могилу. Горе несчастным близким этого дурака! – почти завыл я.

В отчаянном броске, ударившись башкой о нижнюю ветку, мой собеседник белой молнией скакнул в лесные дебри.

Ушёл.

Эх... Нет, чтобы с пользой для себя и других прислушаться к мудрости старших, извлечь уроки из происшедшего, воспользовавшись незамутненным взглядом со стороны. Но нам это не нужно.

Я постоял, посокрушился ещё немного и продолжил путь.

Но друга-глухаря на привычном месте не оказалось. Токовать что ли ушёл? Тоже мне поп-звезда.

Тут я вспомнил, что слух прошёл: старый кедр упал, самое древнее дерево нашего леса. Пойду посмотрю.

Кедр переломился у самого корня. Молния ударила или состарился и сам развалился? Много веков он здесьостоял. Может, тысячу. Я подошёл поближе и заглянул в разлом. Оттуда, словно кровь, вытекала смола. Взять, что ли, пожевать? Говорят, для зубов полезно. Ближе к сердцевине остались кусочки старой, засохшей, доисторической смолы. Дай-ка попробую эту, её и мои предки жевали. Недолго думая, выковырял я кусочек из самой середины. Ух ты! Твёрдая, как камень. Ничего, зубы у меня крепкие, да и слюна как кислота, любую органику разъест.

Усердно работая челюстями, я огляделся. Рядом с тем местом, где я добыл смолу, скол прошёл вертикально и обнажилась поверхность кольца, совсем близкого к сердцевине. С удивлением я увидел на ней знаки. То, что это именно пиктограмма, нанесённая людской рукой, не было никакого сомнения. Как же они туда попали? Не иначе, колдовским образом. По преданиям, в незапамятные времена наш кедр служил древним людям священным деревом, около него устраивались магические ритуалы. Между прочим, племя, которое здесь жило, поклонялось Духу Бобра, и мои предки работали у них тотемными животными. Вот, должно быть, была выгодная и хлебная должность! Я живо представил себя шаманом, который пляшет вокруг дерева и специальной косточкой наносит дымные знаки. Интересно, что здесь написано?

Первый знак представлял из себя стилизованное изображение бобра. Ну, это понятно. Священное животное, символ племени, всё такое. Следующий рисунок,

однако, недвусмысленно демонстрировал казнь бобра. Дааа... Видимо, не такая уж выгодная должность была у моих предков. Дальше было не очень понятно. Вроде кулинарного рецепта в картинках. Как приготовить коктейль из крови бобра и кедрового сока. И последний, совсем непонятный знак – лицо человека, но с удвоенным количеством органов: два носа, четыре уха, два рта, четыре глаза. А подбородок один. Может, инопланетянин? Я хоть и в лесу живу, а про научный взгляд на мир слышал. Мы не одиноки во вселенной. Хотя вот я одинок. В моей вселенной.

Я вздохнул. Взгрустнулось, что ли? Я вообще-то редко расстраиваюсь. В основном, желудком. А тут... Картинки навеяли? Ну, убили моего прапрапрадедушку. Все мы смертны. Но чувство грусти и тоски усиливалось. Я даже перестал жевать. Я даже смолу выплюнул.

Голова закружилась. Смола, наверное, наркотическая. Мир всё быстрее завертелся вокруг меня и вдруг резко рванул навстречу.

Лена проснулась в чудовищном настроении. Нет, ничего не болело, ни голова, ни печень, хотя она точно пила вчера текилу. После вина и пива. Не так пугал провал в памяти, как точное осознание, что она натворила, не могла не натворить. Вопреки всему, конечно, теплилась слабая надежда, что обошлось, но её, конечно, было мало. Надежды, что обошлось.

Надо позвонить сестре. Да, сначала сестре. Вадику звонить слишком страшно.

Медленно встала, умылась. Старательно, не глядя в зеркало, пошла на кухню пить чай, оттягивая неприятный момент. Но сколько ни оттягивай... Лена протяжно и длинно, со стоном выдохнула.

– Привет, я тебя не разбудила?

– Нет, ты меня не разбудила.

Вроде голос не обиженный, весёлый. Хотя, может, злая ирония?

– Ну, говори.

– Что говорить-то? Хе-хе. Какие именно подробности тебя интересуют, откровенная ты моя?

– Что я ему успела сказать?

– Вадику-то?

Точно, издевается.

– Ну?

Томительная пауза.

– Что сказала...

Опять пауза.

– Что ты могла сказать? Ты всегда в таких случаях говоришь только одно. Правду!

Лена безнадёжно застонала. Только не это!

Лиза, сестрёнка родная, торопливо продолжила:

– Ты ему всё высказала, всё, всё, что о нём думаешь, всё, что он про себя и так знает. Или догадывается. И что дела у него говёные. И что ты его ждёшь, ждёшь, а он время тебе уделить не может. Потому что проблемы у него его говёные. А тебе нормальный парень нужен. Чтоб семья. Хотя бы с восьми вечера. А сейчас пусть он идёт куда подальше, потому что тебе надо с сестрой побывать. Побывать и выпить. А его пустая болтовня и уговоры тебя не интересуют. И так далее.

– О-о-о...

– Вот тебе и «о-о».

– Лиза, как мне быть, скажи.

– Как быть, как быть... Как обычно. Подожди до вечера, а если сам не позовонит, сожми свою гордость в кулак и ползи прощенья просить на коленочках. Хотя бы на твоём месте прям сейчас начала выползать. А то поди переживает на своей «говённой» работе на ГЭС, ещё с горя какой рубильник не тот нажмёт. И пиши пропало – смоет нас к чертям собачьим, и всё по твоей вине.

– А если он не простит?

– Ерунда, простит! А не простит, другого найдёшь. Такого, который тебя, дуру, вытерпит.

– Не найду-у-у! Мне другой не ну-у-ужен, а-а-а!...

– Поплачь, поплачь! Слезами горю-то поможешь!

– А-а-а, ты жестокая-а-а!...

– Я-то? Я нет.

И трубку положила. А Лена даже не спросила, говорила она Лизе «правду» про неё или нет?

Тут, от горя ли, или ещё от чего, привиделось Лене, что она – животное, мохнатое и с усами. И ветки ест. Прямо с листьями.

– Всё. Ку-ку поймала. Это в наказание мне. Жизнь себе разрушила. А, может, и Вадику тоже. Точно – животное. Обрасту сейчас шерстью и уйду в зоопарк. Гиеной работать, смрадной и вонючей. Там мне самое и место.

– Привет, Ваше Высочество! Как самочувствие?

– Вадик, это ты?

– Нет, это твоя больная совесть тебя беспокоит. По телефону.

– Вадик, я больше не буду! Честное слово! Это всё Лиза виновата, она мне говорит: «Давай выпьем, да давай выпьем!» Текилы... Вот и...

Господи, приснится же такое! Я (я!) превращаюсь в самку человека. Какая удивительная трансгендерная перверсия. Надеюсь, вы уловили весь непередаваемый сарказм последней фразы. Конечно, я абсолютно гетеросексуален. И, разумеется, не зоофил.

Раньше людей много в этих местах было. Пока плотину не прорвало. Большая была плотина, огромная, энергию вырабатывала. Электрическую, чтобы деревья не жечь. И правильно, что их жечь, когда съесть можно. Целое море за ней плескалось. Но что-то не так пошло. За плотиной, за ней ухаживать надо. Не так что построил, и всё. Следить надо. Не уследили, видать. Вот море и выплеснулось. И людишек смыло. Туда и дорога, нечего воротники из бобров делать. Обезлюдила местность, значит. Вот звери потихоньку и заселили эти края.

Однако сон необычный. Съел, наверное, что-то не то. Точно. Смола. Смола с рисунками. Прямо колдовство и мистика в нашем насквозь материальном и пошлом мире. Надо держаться от этого места подальше.

Не успел я успокоиться, как нахлынули воспоминания. Пожевал молодых побегов осоки, не помогло. Сон проклятый навеял. Вспомнил свою историю. Вообще-то мы, бобры, существа семейные. Тяготеющие к моногамии. Меня тоже, знаете, эти шведские варианты не прельщают. Не успеешь оглянуться, как запутался. Была и у меня одна девушка. Попа круглая, хвост пистолетом. Характер хороший. Молчала всё больше, не перечила. Говорила, милый, и откуда ты всё знаешь? Уважительная, глаза опускала. Улыбка прекрасная, с большими зубами. Э-Эх.. Вот я хвост и распушил. Хатку совместную уже начали строить – небольшую, пятнадцатикомнатную, на четыре выхода. Тут она и обиделась. Что ты, говорит, всё меня пишишь, то не так стою, то не так грызу. Заплакала и уплыла. Вниз по

течению, только и видели. А что я? Я хотел, как лучше, что молчать, когда в интересах дела?

Все они предательницы – с круглыми попами...

А может, лучше промолчать иногда?

Вроде живу по-прежнему, а тянет меня к тому месту. Будто незаметно, а поближе сворачиваю. С другой стороны, что я, заяц трусливый? Смоля это действует или просто единичный случай произошёл? Надо испытать, все точки над *и* расставить.

– Правду! Я расскажу вам правду! – завыл шаман и заковылял к священному дереву, держа под мышкой большого придушенного бобра с завязанной мордой и лапами.

Бобра было жалко. Каяк долго приманивал его на дальней запруде, планируя подарить красивую шкурку жирного зверька Танье, пусть себе жилетку сошьёт или ещё что на бёдра, пусть благосклонно на Каяка посмотрит. Но на входе в стойбище караулил шаман, не иначе следил за ним, сказал: жертва нужна. Срочно. Теперь Танья на шамана благосклонно будет смотреть. По закону останки жертвенного животного, включая шкуру, доставались служителю культа.

– Беда! Нас ждёт беда! Вижу! Всё вижу! Большая вода придёт! С верховьев придёт! Всё затопит, никого не пожалеет!

– Когда?! Когда придёт?! – заволновались соплеменники. – Когда готовиться-то?!

– Пока не знаю! – чутьтише загундел шаман. – Бобра сейчас отправим к духам будущих времён, он мне оттуда дату укажет, – пояснил он, деловито подыскивая.

Племя слегка расслабилось, надеясь не без оснований, что скоро с насиженных мест сниматься не придётся. Были случаи, когда шаман видел уж больно далёкие перспективы, не имеющие практического значения.

Шаман споро, чтобы не потерять интереса аудитории, привязал бобра к дереву и поджёг заранее приготовленный валежник из смолистых и подмоченных веток. Чтобы едкого загадочного дыма было побольше, с сарказмом подумал Каяк. Большая вода, значит. Озеро будет, значит. Рыба будет, бобров будет больше. Лодку изобрету по озеру плавать, размышлял Каяк. Моим именем назовут. Ещё неизвестно, на

кого тогда Танья благосклоннее смотреть будет.

Несмотря на ревность, шамана он скорее уважал. Тот действительно часто приносил племени пользу, подсказывая, в том числе Каяку, разные умные и хитрые вещи. Словно действительно общался с духами будущих времён, где люди обустроили свою жизнь практически и удобно. Это свойство шамана подтверждалось тем, что иногда он выкрикивал незнакомые длинные слова, которые в племени никто не знал и которые сам тотчас забывал. А Каяк помнил. Память у него на звуки была хорошая. Мог любое слово повторить, любую птицу или зверя из леса передразнить. Злоупотребляя этим, передразнивая кое-кого из племени. Били даже. Но потом опять просили повторить.

Вот и сейчас, желая поддержать интерес публики, шаман завыл красивое незнакомое слово:

– Ка-та-стро-фа! Погибнем! Мы, тро-гло-ди-ты, вымрем, как три-ло-би-ты!

Высокий, костлявый, потряхивая короткой бородкой, завитой в косичку, шаман закружился вокруг священного дерева, размахивая кривым острым ножом перед бобриной мордой. Страшно. Несчастное животное обделалось шаману под ноги. Тот даже и не заметил, танцуя в экстазе.

Взмах ножа – и над поляной раздался тонкий задушенный визг, разрывающий нервы.

В этот момент Каяку показалось, что он и есть этот жертвенный бобёр, накрепко привязанный к священному кедру, которому сейчас вырвут сердце. И тогда мир умрёт вместе с ним. И он тоже не сдержался животом от страха.

Короче, подсел я на это дело. Жить стало неинтересно без этих особенных снов. Где и кем я только ни был. И вождём, и нищим, и простым мещанином, и разбойником с большой дороги. Невестой на выданье и воином на коне, в странном островорхом головном уборе с синей звездой. Всегда в человеческом обличье. Я почти привык к этим двуногим тварям. Даже отчасти научился управлять своими «персонажами», подсказывая им, как вести себя в тех или иных ситуациях. Но я чувствовал, что придётся заплатить. Каждый кончик каждого волоска на моей прекрасной

шкуре кричал: всё весёлое рано или поздно заканчивается. И счёт будет обязательно...

В это утро Вадим оделся особенно тщательно. Предстояло важное совещание. Такого уровня – первое в его жизни. Недавно его назначили заместителем главного инженера одной из самых больших гидроэлектростанций страны. Третьим заместителем. Но главный скоро уйдёт на пенсию, и карьерная лестница снова придёт в движение. В общем, стать первым замом – это совершенно реально. В тридцать два года. А там посмотрим.

Узел галстука никак не хотел ложиться как надо, и Вадим терпеливо развязывал и завязывал его, добиваясь правильного вида. Это важно. Сегодняшнее совещание проводит новый министр энергетики, специально прилетевший на ГЭС из Москвы, за свой нрав и внимание к мелочам прозванный «Чубайсом». Правда, конопатая физиономия тоже сыграла свою роль, мысленно усмехнулся Вадим. Говорили, что новый министр не только внимательный, но и злой. Такой злой, что даже взяток не берёт. На ум как-то сразу пришёл директор станции. Наверное, для контраста.

Совещание тянулось медленно и тихо, слышно было, как мухи летали. Новый министр молча, с каменным лицом слушал, как потеющий лысый директор монотонно бубнил:

«...по данным прошлогодней проверки Ростехнадзора, допустимые параметры на ряде агрегатов критично отступают от нормативных. Но в ходе плановых работ освоено полтора миллиарда, а вибрации при предельно допустимых оборотах на таких машинах, на таких уникальных машинах ещё до конца не изучены...»

Всё будет хорошо, раз такие большие деньги так удачно освоены.

Сидя с прямой спиной, Вадим думал, что за компанией, победившей на конкурсе, стоит сын директора. Зарегистрирована она буквально позавчера, а работы проводились

абы как, и в основном персоналом самой же станции. И что так можно и допрыгаться. Внизу посёлок, семнадцать тысяч жителей, а дальше, за каскадом, большой город, миллионник. Нельзя играть с природой. Мы же люди, а не бобры какие-нибудь, строители плотин.

Вадим словно наяву увидел себя в виде коллеги-бобра-строителя с усами и широкой печальной улыбкой. Стало тошно. И очень страшно, как перед прыжком с высокого обрыва.

– Кто-нибудь желает что-нибудь добавить? – министр тяжёлым взглядом обвёл зал.

Тишина.

Вадим поднял руку.

– Я хотел бы сообщить о некоторых проблемах, напрямую связанных с безопасностью людей.

Рассказывая правду про шестой агрегат, он краем сознания подумал, что вряд ли доживёт до сегодняшнего вечера. Надо позвонить Ленке, сорвать что-нибудь, чтоб не беспокоилась, типа, что он вдруг может неожиданно уехать. С министром. В командировку. Чтобы по больницам не звонила.

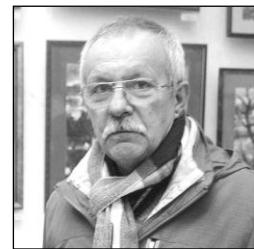
Вот она, моя любовь к правде. Не довела всё-таки до добра. Бобра. Если катастрофы не будет, значит, и меня не будет. Не прорвёт плотину, не выплеснется море, не пройдёт по нашим местам вода, серебряным валом сметая людей, не заселят эти места звери, включая моих родителей. Им тогда не будет суждено встретиться. Таковы законы Вселенной, насколько я их понял, путешествуя вне времени и пространства.

Что ж делать? Жалко всё же людишек, тоже по-своему разумные твари, хотя и на двух конечностях ходят. Но себя тоже очень жалко. Что же делать?

Я могу заставить своего персонажа сказать неправду, могу заставить замолчать.

Я не буду этого делать.

Правда есть правда, не будь я бобёр по имени Фёдор.

ЧУДНОЕ ДЕЖА ВЮ

Стихотворения

Простуженный отец полощет в ванной горло.
Я рядом становлюсь на взрослый табурет,
Воочию хочу увидеть эту Волгу,
Что булькает и бьёт в гортанный парапет.

Мне чудятся в густых, урчащих переливах
Звон сабельных атак, строчащий пулемёт,
Осенний крик стрижей, немолчный ветер в ивах
И чуточку того, что будет наперёд.

Весь содовый раствор – один стакан, не больше –
За несколько минут отец вливает в рот.
Его большой кадык работает, как поршень,
Как вся моя страна, как весь её народ.

Мой семилетний мир вместился в полосканье:
Гудел прокатный стан, нёс службу часовой,
Вставали города, и на трибуне Сталин
С обложки «Огонька» смотрелся как живой...

Я нынче полощу своё больное горло.
Чудное дежа вю, сентиментальный бред.
Как там тебе, отец, живётся в мире горнем?
Куда же запропал тот старый табурет?

Какая странная тоска по девятнадцатому веку! –
Одноэтажным городам,
неспешной поступи времён,
По незастроенной земле,
непоказному человеку,
Что фотоснимком той поры
на фоне гор запечатлён.

Кораблик в ялтинском порту
линялым парусом полощет,
Великокняжеских садов вдоль моря тянется кайма.
Серьёзно в камеру глядит
в турецкой фесочке извозчик,
За ним империя лежит – Мария, Анна, Фатима...

Фотограф сilitся вместить
как можно больше в фотоснимок:
По трапу сходят с корабля,
едва живые, господа.
Ещё мгновенье, и герой
подхватит вороха корзинок:
– Куда поедем? – В «Эдинбург»,
а впрочем, всё равно куда...

Пусть дважды в реку не войти,
но можно из неё напиться.
Держу в руках дагерротип,
вхожу в картину, как в запой.
Мне выпал жребий в новый век
в другой империи родиться,
Сходящей, кажется, с ума,
но ей такое не впервой.
Блошиный рынок на югах –
былого счастья позолота.
Вздыхает вслух филокартист:
«Какие были времена!».Он целит глазом в мой карман,
сродни извозчику на фото,
И в этом взгляде вся печаль,
и веку прошлому цена.

Я пишу вам из Крыма,
из вами любимого Крыма.
Он – такой же, как был:
поэтичен и дерзко красив.
Поменялись на мэриях флаги,
но это терпимо,
Суета это всё для того, кто дорогами жив.

Ничего не случилось.
Торговец по-прежнему жаден,
Те же «слуги» на тех же местах
умножают печаль,
И хоть много на этой земле
золотых виноградин,
Но любви поубавилось, –
это, действительно, жаль.

Кто-то сделал пиар
и на грудь нацепил аксельбанты,
Кто-то точит кинжал
или «горькую» глушит в тоске.
Если небо над Питером
всё-таки держат атланты,
Небо Крыма тогда на Господнем висит волоске.
Я пишу вам сегодня из Ялты,
холёной и броской.
Все, кто здесь побывали однажды,
соврать не дадут:
Что по Киевской улице двигаться,
что по Московской, –
Обе эти судьбы одинаково к морю ведут.

НИЧЕГО НЕ СЛУЧИТСЯ

Стихотворения

Отстегнуть капюшон

и высматривать в небе причал,
Ощущая в простуженном воздухе привкус горчицы...
Завари из нездешних растений лекарственный чай
И скажи, что со мной в феврале
ничего не случится.

А в космических водах

виляют хвостами киты,
Прошибают мерцающий бархат кометы-мурены.
Почему обязательно нужно дойти до черты,
Чтобы вспомнить, о чём шелестят вековые деревья,

Чтобы слышать упрямые вздохи травы подо льдом,
Чтобы стать невесомой, любуясь повадками птицы?
Ничего не случится, мой друг.

Расскажи мне о том,
Как в апреле небесные рыбы
начнут нереститься –

Будут пениться быстрые волны, меняя цвета.
Я очнусь ото сна, серебристой икры наглотавшись,
И почувствую, как в животе прижилась высота,
Как она разгибаet колени, становится старше.

Будет ветер вылизывать зимнюю слабость из рук,
Я приду к тебе в новеньком шарфе,
немыслимо-синем.

Ничего не случится.

Смотри, сколько жизни вокруг –
Как непрочно всё это,
но, Господи, как же красиво.

Покурим о несказанном, и вроде бы
Терпимо жить в кавычках января,
Рассматривая срубленную родину
В неоновой истерике гирлянд.

Гляди вон, как верхушка хорохорится,
Заигрываясь юностью своей,
В чудной постмодернистской бутафории,
В торжественном отрыве от корней.

Скользят года, теряя равновесие –
Пошли нам, Санта, светлого пути.
Не нужно говорить, что Достоевского
Развеяли цветными конфетти:

Такой сезон – утюжить и подштопывать
Традиции льняное полотно,
Вначале было слово тихим шёпотом –
И в зимний час проклоняется оно.

А холод расплясался, правый Господи,
За выпитый глинтвейн не обессудь.
Читаются молитвы хвойным голосом
В сердечном затаившемся лесу.

Не вздрагивай, всё сбудется, конечно же, –
Игривый брют и новогодний стрим,
А после мы очнёмся в утро снежное –
Обратно в детство лыжи навострим.

Возникнет свет бескрайне-малахитовый:
Еловый дух, и больше – ни души,
Лишь в небе санитар шуршит баxилами,
Родильный зал метёлкой тормошит.

Капризы осени. Издёвки сквозняка.
Прокисли брюки на фригидной батарее.
Как ни приглаживай, топорщится строка,
Постмодернистской философией болея,

А за расхристанным окном шагает век –
Невакцинированный, лязгающий, дикий,
И вместо следа на обугленной траве
Кроваво вспыхивают чётные гвоздики.

Поторопись из топора придумать щи,
Обзаведись дисконтной карточкой в аптеке.
Не разглагольствуй, не притворствуй, не ищи
Начала в слове, человека в человеке,

Добра от правды, лебедей от рукава,
Богатырей на раскуроченной отчине.
Не всё равно ли, чья религия права? –
Молись на газ, пока его не отключили.

Худеет город, астматически дыша,
Давясь рекламой потребительского рая.
Глаза упрямятся сканировать ландшафт,
Катастрофически диоптрии теряя,

И только сны под утро призрачно легки,
Как будто в осень прорастают незабудки,
Где ты цепляешься за краешек строки
Над общей памятью, разорванной на буквы.

КОРОЛЕВА ПЫЛИ

Рассказ

Серая, тёплая, упала она на сосну, поскрёбывая когтями по заледенелой ветке. Подвинулась ближе к стволу. Сквозь иголки, стылые и звонкие, уже проклёвывался край зимнего неприветливого солнца – и сегодня снова серый, как и её крыло. Внизу горбились белые балахоны сугробов, капюшоны, накинутые на ветки бузины, виднелась истеричная цепочка мышиных следов под кустами, оборванная у пня. Сова перебралась в дупло – перья, сучки и сухие мышиные кости зашуршили. Положила мышь под ноги и стала расправляться с ней. Потом отвернулась от ветра, затихла и съело провалилась в сон.

– Баааааабушка! – услышала она, но это было позже, далеко-далеко, наверняка, уже днём. – Ну, баааааабууууууушкааааа же! Вылезай, пожалуйста, надо поговорить!

Сквозь сон сова вяло ухнула: «Не мое дело» – и снова пропала в своём личном вареве мрака.

Девочка, что стояла на поляне, отчёлово угадывала дупло раскоряченной, старой сосны. Внутри было тихо. Как всегда. Бабушка и раньше не особенно-то разговаривала с ними.

– Зяка и Вяка разбежались, – девочка подула на варежки и вздохнула, снежинки полетели ей в лицо, пришлось чихнуть. – Ты можешь что-нибудь придумать, а? Я вот нет.

Лес молчал. Впереди за деревьями темнел пруд – зимой к пирсу вела узкая тропинка, где ходили рыбаки да чудики – любители окунуться в прорубь. Лыжня огибала пруд ровной каралькой, но так то же лыжня, по ней в сапогах не походишь.

– Зяка сказала, мы с ней поедем в другой город. Я не хочу в другой город. И не хочу, чтобы Вяки не было. А Зяка сказала, привыкай, больше не будет.

По-прежнему тихо. Только издалека, со стороны города доносились обрывки смеха – может, кто жарит сосиски или просто гуляет. У них с Вякой зимой была такая игра – идти назад по своим же следам, и чтобы обязательно попадать.

Девочка подышала угрюмо, глядя себе под ноги, поправила рюкзак за спиной, затолкала волосы под шапку и неуклюже потопталаась в снегу. Она достала из кармана кусок хлеба и положила его под сосну.

– Знаешь, мы вчера проходили гравитацию. Её никто никогда не видел, но на ней всё держится. Она везде.

Потом девочка, которая, быть может, ещё хотела что-то сказать, да передумала, нерешительно развернулась и, переваливаясь, пошла сначала по своим старым следам, а потом по тропинке к трамвайной остановке.

– Зяка, какая ты вонючая. Фу.

Зяка пришла с лестницы, где только что курила, закрыла дверь и хмыкнула.

– Фу, – охотно согласилась она, сняла куртку, ботинки, быстро глянула, чем занята её дочь, и отправилась в ванную набирать воду.

Села на белый холодный край, задумчиво высыпала из горсти в бодрую, молодую горячую воду душистую соль, мокрыми ладонями погладила себя по лицу, потом по бритой голове. Как приятно. Гладкая, чуть с пушком, однисилуэт, шок этот уже с характером – покалывает пальцы, – волосы только начали отрастать. Зяка посмотрела на свои ладони, бледно расписанные хной – мандала почти стёрлась. «Вот так и всё стёрлось, надо рисовать заново». Она попробовала успокоиться, сосредоточиться, закрыла глаза. Дышать. Вода лилась, поднимался пар, в зеркале отражался тонкий женский силуэт, – казалось, поведи по зеркалу рукой, он не станет чётче.

Тем временем девочка, лёжа на животе, на полу, рисовала сову. Сова была большая, белая, на весь лист. Она летела над городом, а внизу стояли трое – девочка и её родители – Зяка и Вяка. И сова с расправлёнными крыльями их закрывала и оберегала. Спасала. От туч, непогоды, грозы, пожара. Девочка взяла скотч и стала прикреплять картину изнанкой к себе, лицом к улице – если бабушка прилетит, сядет на балкон, то сразу поймёт, что к чему. Ей послышалось, что в ванной не только вода льётся, но и плачут. Шмыгают носом, всхлипывают и даже один раз вскрикнули. Девочка встала на стул, открыла окно и покрошила хлеба на балкон. Вдруг бабушка будет голодная?

Они с Вякой любят гулять в лесу. Когда у мамы занятия йогой, или она ведёт у них дома медитацию и приходит много чужих, Вяка сажает её в трамвае на колени, и они едут до пруда. Там, среди сосен, на поляне темно и тихо, даже летом, когда много солнца, так плотно стоят деревья, а одно старше и выше всех.

— Бу-ба, видишь дупло. Бу-бу-бу-ба? Там живёт твоя бабушка. Давай навестим бабушку.

Вяка смешно бежит вперед, размахивая руками и высоко поднимая колени. Это такая специальная лесная походка, иначе тут тебя никто не поймёт. Вот так-то.

Девочка всегда кричит: «Подожди» — и бежит следом, но ей его не догнать, хотя она очень старается. На поляне девочке нравится задавать всегда один и тот же вопрос.

— Моя бабушка что, сова?

— Твоя бабушка сова.

Когда Вяка так отвечает, сердце радостно заходится и становится весело. Вот так, оказывается, у неё бабушка сова, она живёт в дупле у пруда и ест мышей. Но это не простая сова, ясное дело. Она сама себя заколдовала, чтобы жить дольше и быть свободной, и вообще. Девочка тоже хотела бы стать совой, ну, когда-нибудь потом. Когда время придёт.

— А бабушка нас слышит?

— Она так давно уже сделалась совой, что почти перестала быть человеком. Так что, может, и слышит. Но самую малость.

— Вяка, пожарим хлебушка, а?

И они разводят на поляне костерок — обычно Вяка берёт для этого с собой банку из-под сгущёнки — и на палочках коптят корочки. Несколько они обязательно оставляют бабушке.

— О своих близких надо заботиться. Бу-бу-бу-ба?

— Бу-ба!

Бабушка по ночам навещает девочку, пока та спит. Она прилетает на балкон и ухает, желает им троим счастья и поёт колыбельные. Но только после того, как поохотится.

— Бу-ба, собирайся.

Лицо у Зяки было таким усталым и печальным, что девочка только голову наклонила, загородилась волосами. Она не хотела никого огорчать, но никуда ехать не собиралась! Вяло перекатывались игрушки на полу. Зяка деловито заворачивала в цветную шаль чашки для цампы, открепляла от обоев

открытки с золотопузым Буддой, дядькой мудрым и находчивым, у которого на все вопросы есть совет, снимала с зеркала фенечки и деревянные бусины на цветных верёвочках.

— Давай. Пожелай добра всем зверятам и людятам. Рыbam, жучкам, растениям — всему живому на белом свете. Да поскорее.

— Даже Вяке? — сквозь волосы с надеждой глянула девочка.

Зяка чуть прикусила губу и коротко кивнула.

— Я не могу поехать, — решилась открыться она. — Как же моя пыль?

— А знаешь, Бу-ба, что ты королева?

— Я королева?

Они с Вякой сидят на полу, скрестив ноги, и едят суп из деревянных чашек.

— Ты настоящая королева. И у тебя есть королевство.

Девочка смеётся. Это замечательно. Она оглядывается на уголок, где у неё лежат игрушки. Как-то не сильно он похож на королевство. Так ей кажется.

— А где?

Зяка тоже озирается. Он обводит рукой комнату — два матраса на полу с цветными покрывалами, барабанчик в углу у окна, ковёр с кисточками, кактус на подоконнике, ароматные палочки, книжки.

— Вот.

— Вот?

— Да, — радостно кивает Вяка, и его хвостик на затылке, перетянутый кожаным шнурком, тоже кивает девочке. — Только это королевство почти невидимое.

Он добавляет шёпотом.

— Потому что это королевство пыли.

— Пыли? — девочка широко-широко раскрывает глаза.

— Крохотные пылинки — твои подданные. Ты их почти не видишь, но иногда...

Вяка бросает есть, вскакивает и идёт к окну. Весь он такой резкий и быстрый, как круглая вертушка с цветными крыльшками, если её подставить под ветер. А вот Зяка, она, наоборот, тихая, мягкая, как простынка. Смотрит, будто целует.

— Гляди.

И они с девочкой вместе наблюдают, как всякая мелюзга — пыль, сор, — всё это на свету летает в воздухе. Стоит только взмахнуть рукой. Или покачать шторку.

— Вот давай, покружись.

И девочка крутится вокруг себя и смеётся. Лампа на потолке в самодельном абажуре с бусинками, двери на кухню и в

коридор, стены с обоями в полоску, на которых она кое-где нарисовала птиц, а кое-где червяков, вертятся вокруг неё.

— Ты можешь велеть им летать или садится. Если покружишься, то в королевстве начнётся карнавал — все будут радоваться, скакать и танцевать.

— Танцевать! — прыгает девочка. — Я хочу, чтобы мы все танцевали!

И они с Вякой начинают танцевать. Вяка смешно двигается, как барабанная палочка, когда стучит по барабану, — порциями, отрывисто, резко. Он задирает ноги, машет руками и кричит всякую ерунду. Такие у них танцы. И пыль танцует вместе с ними между тарелок с недоеденным супом.

К вечеру девочка старается ходить по комнате как можно тише, на цыпочках, — её подданные ложатся спать. Кто куда — кто на коврик, кто на его кисточки, кто на плинтус, а кто на подоконник. И родителям девочка говорит, чтобы не шумели. Они улыбаются и о чём-то шепчутся на своём матрасе.

Ночью девочке снятся крохотные принцессы и кавалеры, которые разъезжают верхом на лохматых разноцветных собачках, все они славные и одеты нарядно, как для бала. Девочка их очень любит, ведь и они тоже живые существа. И им тоже она желает добра.

Они с Зякой долго ехали на поезде, потом на троллейбусе. Поднимались на лифте на последний, девятый этаж. И наконец железная дверь с кованой ручкой открылась.

— Вот, Бу-ба, — выдохнула Зяка, натужно переваливая через порог сумку. — Это твоя бабушка.

Будто морозным воздухом кашлянула.

Прошло триста лет. Девочка сначала упорно разглядывала входной коврик, словно он мог ей что-нибудь объяснить. Раздеваться ей совсем не хотелось, она только теребила шарф. Потом решилась и подняла глаза. Она увидела тётушку, похожую на их учительницу в школе, только с волосами цвета бордовой яблочной кожуры — того сорта, который они с Вякой всегда покупали после прогулок. Лицо решительное и переносица, как у Зяки, — такая же мягкая, уютная ямочка, где наверняка хорошо хранить желания. Вот у Зяки такой тайничок есть, а у неё нету. «Пожелай и самой себе хорошего, и всё сбудется, — говорила обычно Зяка, целуя её в нос, — ты ведь тоже зверушка, жучок, рыбка и цветочек — ты у меня самое живое на белом свете».

— Где бабушка? — удивилась девочка и для верности ещё раз переспросила. — Где?

Она с тревогой поискала зякиного взгляда, как делала всегда, когда ей было трудно что-то решить самой.

Но Зяка на неё не смотрела. Она и на тётушку не смотрела тоже, а усиленно рылась в сумке. Будто там могло лежать что-то важное, гораздо важнее всего остального.

Вид у тётушки был ошарашенный, будто её накрыли цветным платком, а потом, когда платок сняли, оказалось, что она уже в пустыне, а вокруг ходят львы. Они с Зякой часто в такую игру играли. Это смешная игра, и девочка улыбнулась.

Кто-то шумно поднялся из кресла в комнате.

— А вот дедушка, — бодро сообщила Зяка, но голос у неё почему-то стал совсем мёртвый.
— Ну, знакомьтесь. Раз уж так вышло.

У дедушки и бабушки было три комнаты, и повсюду мебель. Девочка мебель видела только в школе. Там, где они жили, в лучшем случае стоял стол на кухне и стулья, хотя если они всё равно всегда на полу в комнате, на их любимом коврике с кисточками. Девочка любила сидеть на полу, так удобнее. И в школе на переменах в коридоре всегда сидилась на полу, за что её часто ругали и водили за руку обратно в класс. Ещё её иногда ругали за волосы, что она их не заплетает и за то, что ходит в цветных платьях с украшениями. Девочка, как и Зяка, дня не могла прожить, не нацепив бус или браслетов из цветных ниточек. Такие весёлые. Зяка делала много разных красивых штучек и иногда даже их продавала.

К бабушкиной и дедушкиной мебели девочке долго пришлось привыкать, по ночам ей казалось, что та, тёмная и гладкая, обступает её, словно живая, и смотрит плоскими, стеклянными, пустыми, блестящими глазами. Тогда девочка пугалась и шла прижиматься к Зяке. Спали они теперь в разных комнатах — Зяка на диване, свернувшись клубочком, а девочка в зале с бабушкой, потому что одна она не могла и всё время падала — привыкла к матрасу. Зяка так и не распаковала свою сумку, ничего не вытащила, даже девочкины игрушки. Сумка стояла сиротливо у порога, как будто они вот-вот снова куда-нибудь уедут.

Теперь девочка ходила в новую школу, и каждый день бабушка заплетала ей две тугое, неудобные косицы с бантами, которые девочка в школе каждый раз пыталась распутать, да дело это было непростое. Дедушка провожал её до школы и встречал обратно, хотя раньше она ездила на трамвае

сама и сама открывала ключом дверь, если мамы не было дома, а Вяка был на работе.

Дедушка пытался её смешить и рассказывал истории про разных людей и зверей, с которыми девочка раньше не была знакома. От них не делалось особенно весело, наоборот, всё вокруг казалось чужим и новым. Она скучала по Вяке, по лесу, по трамваю и дому, где пахло прямыми ароматными палочками (Зяка особенно любила ваниль), по вечерам обязательно горели свечи, и гости приходили — такие забавные. Но вместо гостей у бабушки и дедушки был телевизор — по вечерам его обязательно смотрели — громко, на всю квартиру.

Как только они приехали, сразу сели ужинать за столом на кухне. Зяка сидела очень тихая, глаза в тарелку. Девочка поразмыслила и решила, что бабушка всё-таки услышала её тогда в лесу и перекинулась в человека, чтобы им помочь. Про дедушку девочка вообще ничего не знала. Но теперь ей стало ясно, что бабушка нашла его в лесу (расколдовала какую-нибудь торчащую из снега сосновую палочку?) и взяла с собой. Девочка смотрела на бабушку заговорщически и иногда подмигивала. Всё-таки у неё получилось вытащить её из дупла, жалко только, что Вяки тут с ними нет. Но если Вяку бабушка не приколдовала, в чём тогда смысл? Девочка хмурилась, ей было немножко страшно. Распаковать бы хоть игрушки.

— Спасибо, бабушка, что ты превратилась, — тихонько прошептала девочка.

— Что ты говоришь, моя маленькая? — бабушка нагнулась к девочке пониже, пахла она странно, по-чужому, в основном какой-то новой едой и ещё хозяйственным мылом.

Дедушка жевал сосредоточенно и ласково оглядывал девочку. Глазами он был похож на Зяку, поэтому его девочка боялась поменьше. Он потихоньку включил радио около себя — без радио ему было непривычно. Голова у него была совсем белая, а нос длинный, совсем не как у Зяки.

— Что это за имя у ребёнка, зачем ты её так зовешь? — бабушка всё накладывала и накладывала девочке еду, такую, которую та до сих пор почти никогда не ела. — Ей же не два месяца. Бу-ба? Что это такое? Ребенок в школе, поди, назвать фамилию нормально не умеет. Что дальше-то будет? Ты почему не ешь?

Голос у бабушки был громкий, он даже заглушал радио.

— Мы не едим мясо, — тихо сообщила Зяка тарелке и под столом потихоньку сжала пальцы. — Я же говорила.

Бабушка и дедушка переглянулись, как показалось девочке, с какой-то торжественной обречённостью. Дедушка только крякнул и покачал головой. Видимо, чтобы успокоиться, бабушка собрала девочкины волосы назад и заправила за уши. Руки у неё были жесткие, костлявые, но тёплые и пахли супом.

— Посмотри, её надо постричь. В ушах мох. А мясо нужно ребёнку. Если на себя наплевать, выглядишь как бомж, вся в старых тряпках, подумала бы о дочери. Читает она как? Хорошо? Ты не смотри, что первый класс. Сейчас там такая подготовка, будто детей сразу в космонавты записывают. А пишет? Ничего, деточка, мы всё выучим, правда? — когда бабушка обращалась к девочке, голос её менялся, как будто солнце то пряталось за тучи, то выпрыгивало снова.

— В мясе витамины. Не станет есть, начнётся анемия, кости рости не будут, волосы выпадут.

— И будет такая же лысая, — довольный, сострил дедушка, обсасывая косточку.

Девочка зажала руками уши, замотала головой.

— Я коровку есть не буду, и свинку, и барашка не буду. Они живые существа. Я желаю им добра.

Она уже почти было собралась заплакать. Зяка, которая сидела напротив, с натужной улыбкой разжала пальцы, протянула руку через стол и погладила дочку по щеке. Девочка сползла под стол, повозилась там немного, уселась возле ног Зяки. За столом стало тихо, только радио бормотало что-то невнятное.

— Да выключи ты эту свою грохоталку! — вдруг крикнула бабушка.

Зяка потихоньку стала переправлять девочке под стол то кусок хлеба, то яблоко, то картофелину. Вдруг что-то с силой сухово звякнуло о тарелку, Зякина нога вздрогнула, стул отодвинулся, и из-под стола девочке было видно, как бабушкины ноги триумфально зашагали в комнату.

А ещё в тот самый день, когда они приехали, девочка первым делом открыла мамину жёлтую шкатулочку, укрупненную лоскутками и бисером. Вдвоём с Зякой они повсюду разложили привезённую пыль. Перед отъездом бережно собрали её — из-под матраса, с ковра с кисточками, с подоконника. И вот теперь любимых подданных переселили на новое место. Девочка представляла, как фрейлины и кавалеры рассаживаются с удивлением, шурша накрахмаленными платьицами, обмениваются восклицаниями,

смущённо оглядывают мебель. Тут для пыли был простор — полно тайных уголков и закоулков, полочек, местечек. Девочка немного волновалась, уживётся ли она с местной. Но у бабушки никакой пыли не было, все поверхности сияли и блестели, в мебель можно было смотреться, как в зеркало. Сначала девочка представляла себе, как её подданные знакомятся, церемонно и вежливо раскланиваются с теми, кто жил тут до них. Но знакомиться оказалось не с кем.

И всё же пыль прижилась на новом месте. Девочка иногда ложилась на пол, на толстый красный ковер, который закрывал весь пол, и смотрела на окно — тогда было видно, как летает в воздухе что-то невесомое. Девочка закрывала глаза и тихонько разговаривала со своим королевством.

«Добрый день, — говорила она. — Это замечательно, что вы пришли рассказать, как вам тут живётся. Немного скользко, ха-ха. И всё блестит. А мне, представляете, надо теперь есть курицу, и ходить в школу по новой дороге, и терпеть эти ленты в волосах, и мыться каждый вечер, и нюхать дедушкин пот. Ну, ничего. Ведь бабушке тоже, наверное, не очень хотелось убираться из леса. Там у неё, представляете, как было здорово, — летай себе, куда захочешь, всю ночь, — хоть через пруд, хоть по лесу, хоть в город».

И принцессы, такие миленькие, сговорчивые и родные, кивали ей и перешёпотывались и соглашались потерпеть, а кавалеры галантно кланялись и обещали передать остальным, что да, так надо. И славные мохнатые собачки, на которых они приехали, приветливо тявкали и от возбуждения лизали принцессам пряжки на туфлях.

Но гораздо чаще девочка слышала, как Зяка с бабушкой ссорились на кухне.

— Как ты можешь так говорить? Как это, что я вмешиваюсь? Мы же не чужие люди. Вот тебе хвост прижало, куда ты прибежала, а? Денег нет, работать не хочешь, и этот твой — и не муж и не поймешь кто, где он? А? Где он? Ни его, ни денег его. Я может, жизнью рисковала, когда тебя рожала!

— Да я не хочу, чтобы меня рожали! Вообще хочу, чтобы меня не было! Вообще чтобы никогда не было! Вот, ясно, чего я хочу? Больше всего!

Зяка стала совсем тоненькой, хотя бабушка только и делала, что кормила её и кормила.

Девочке теперь иногда кажется, что бабушка — это император. Она владеет империей гораздо более обширной и мощной, чем девочкино собственное скромное,

разноцветное, бестолковое королевство. Хочется уменьшиться, залезть в коробочку с бисером и закрыться на защёлку.

Однажды бабушка налила в таз воды, взяла тряпку и стала вытирать пыль. Она беспощадно тёрла и мыла. Девочка, остоянцев, замерла за столом, куда её непременно каждый день сажали писать каракули.

— Что ты делаешь? Это моя пыль! — она вскочила и повисла у бабушке на руке.

— Ну так мы её тряпкой. Пыли быть не должно. На пыль бывает аллергия.

Девочка расширенными глазами смотрела, как её подданные исчезают в тазу, как тряпка, белая, чистая, беспощадная, смахивает их, стирает, грабастает и трёт. Она стала кружиться. Махала руками, подпрыгивала, нелепо и резко, как когда-то Вяка, она кружилась, пока хватило сил, пока не упала на ковёр.

— Спасайтесь, — кричала девочка, — скорее улетайте наверх, там она вас не достанет. Прыгайте, танцуйте! Убегайте!

— Ну-ка, перестань, — рассердилась бабушка. — Ты мне мешаешь. Надоело писать, иди посмотри, что делает мама.

— Лучше бы ты сидела в дупле, — прошептала девочка и убежала.

Бабушка покачала головой.

— Вместо того, чтобы маяться дурью, курить да забивать голову ерундой, сводила бы ребёнка к психологу.

А Зяка целыми днями, свернувшись калачиком, лежала на диване возле нераспакованной сумки. Когда девочка заходила в комнату, Зяка закрывала глаза и притворялась, что спит. Волосы у неё отросли — такие трогательные, мягкие, как шёлковые ленточки. Девочка подходила и гладила их с удовольствием, ей казалось, что она плывёт, как лодочка, по маминой голове. Вот здесь, за ушками — две маленькие укромные пристани. Зяка ловила дочкину ладошку и целовала нежно и долго. И иногда плакала.

Когда Зяку отвезли в больницу, потому что она наелась каких-то таблеток, дедушка сделался бледный, как шторка на кухне, и включил радио на полную катушку. Бабушка следом тоже поехала в больницу, чтобы поддержать Зяку в трудную минуту её жизни. Тогда девочка вытащила из кармана сумки Зякин мобильный телефон. Она долго нажимала на кнопки, наконец нашла «Валера», позвонила и стала ждать.

— Вяка, — причмокнула она радостно, — привет.

— Привет, королева, — усталым голосом ответил Вяка и смущённо кашлянул. — Как там твоё королевство?

— Знаешь, зря я вызвала бабушку из дупла. Она вылезла оттуда вся такая странная. Кормит нас мясом, а Зяка не хочет, поэтому взяла и наелась таблеток. Теперь ей будут мыть живот, так бабушка сказала. Бабушка вообще всё моет. И мою пыль она тоже скоро вымоет до самого конца. А я собираю пыль в шкатулку, знаешь, такая у Зяки есть жёлтая, с бусинками.

— Умница, — рассмеялся Вяка. — Так значит, твоё королевство теперь совсем маленькое?

— Можно сказать, да. Оно сильно усохло.

— Бывают такие королевы в изгнании, знаешь?

— Где? В Избании?

— В изгнании. Это значит, что-то неприятное (революция там, скажем, или война) вынудили их уехать с родины. И им разрешено было взять с собой только некоторых близких фрейлин и парочку-другую самых преданных слуг.

— Выудили, — как зачарованная повторила девочка. — Война. Да.

— Но знаешь, королева пыли может быть королевой пыли где угодно. Потому что всё на свете покрыто пылью.

— Вообще всё?

— Всё, куда ни плюнь.

— Ну нет, — вздохнула девочка, — вот ты просто не знаешь, а у бабушки пыли нет. У неё только тряпка и котлеты.

— Как тебе новая школа? Бу-бу-бу-ба?

Вяка засмеялся. У него в трубке зашумело, и чужой недовольный голос вдалеке что-то произнёс.

— Мне надо работать, королева.

— Папа, — шмыгнула носом девочка, и в трубке стало очень тихо. — Папа, как ты там живёшь?

После истории с таблетками Зяка почти перестала бывать дома. Она забрала свою сумку и всё время где-то пропадала. Бабушка ходила по комнатам с поджатыми губами и ещё усерднее боролась с пылью. Её переносица стала жёсткой, а морщины на лбу совсем закрыли ложбинку, куда можно прятать секретные желания. Дедушка включал радио всё громче, бабушка сердилась всё крепче, особенно когда девочка отказывалась что-нибудь есть или плохо решала задачи.

— Вот вырастешь и будешь как эти, — угрожала бабушка. — Лысые и в тряпках. Болтаться.

Все её фенечки из цветных ниток бабушка давно срезала и бусы велела снять — во-первых, потому что в новой школе распустёхой и растрёпой ходить не разрешалось — эта школа приличная, а не то, что там у них. Только в форме и с косичками. А во-вторых, вообще, так некрасиво, люди смотрят, что они скажут? А девочка думала, что вот хорошо бы заколдовать бабушку обратно в сову, и даже сочинила заклинание. Она повторяла его каждый вечер перед сном, лёжа рядом с ней у стенки, и под утро обязательно осматривала круглую полную спину в халате, когда бабушка стояла у плиты, — не наросло ли там перьев.

— Что, маленькая моя? — совсем не понимала её бабушка — Кушать хочешь? Сейчас я вермишельки погрею. Ребёнок тощий, как палка с глазами, ещё бы, ел всякую ерунду.

И вот однажды вечером дедушка посадил девочку на колени. Это было совсем не похоже на то, как они с Вякой ездили на трамвае и говорили обо всякой всячине. Обо всём, что прилетает в голову, как будто голова — это радиоприёмник, стоит только выйти из дома, и оказывается, мир едет, вертится и бежит рядом с тобой. Впереди и позади.

Дедушка сказал торжественно.

— Вот так. А мать-то твоя взяла и уехала. Снова здорово.

Так девочка узнала, что Зяка теперь живёт от них очень далеко, в Индии. Там она ходит в цветных неглаженых тряпках, как выразилась бабушка, нацепив браслеты, лысая, молится, нюхает свои ароматы, и никто ей слова не скажет. Вот так. А ребёнка она кинула. Девочка ясно представляла себе, как Зяка, размахнувшись, кидает её на матрас с цветным покрывалом. Это совсем не больно, наоборот, — весело — матрас мягкий, потому что набит разноцветной шерстью лохматых собачек. Вот так. Растили её растили, учили, учили. И на тебе, пожалуйста. Сперва еле-еле через качели школу закончила, и как только не бросила, уехала, никуда не поступила, потом ребёнка родила непонятно от кого, ни кола ни двора, потом от неё годами ни слуха ни духа, ударила в какую-то секту, потом явилась, нате вам, и теперь опять та же история на новый лад. Утекла, как дым. Это девочка слышала, как бабушка кому-то по телефону доходчиво вкратце объясняет их с Зякой не получившуюся судьбу.

Девочка теперь часто тёрла переносицу, чтобы и у неё, как у Зяки, появилась такая же волшебная ложбинка, куда бы она могла складывать свои тайные желания. У неё их накопилось очень много.

«Пожелай сама себе. Вот чего ты хочешь? Всё сбудется. Попроси солнышко, попроси ветер». И девочка просила.

«Небо и земля, сделай меня, пожалуйста, вместо бабушки совой. Я хочу летать над прудом, жить в дупле. Да, у меня обязательно должно быть вместо дома такое тёмное большое дупло, куда можно было бы спрятаться, когда кто-нибудь придёт и позовёт меня».

Весной, когда ушёл снег и пришло тепло, бабушка и вправду решает повести девочку к психологу. Но сначала они идут к простому врачу. Девочка часто устает, у неё болит голова. Она плохо соображает, в школе одни замечания. Хотя выглядит теперь как все и больше не норовит сползти на пол. Но главное – это началось совсем недавно и ни с того ни с сего – девочка, оказывается, временами перестаёт дышать. Она хочет сделать вдох и не может, выдох – и снова не может.

– Наверное, это у неё аллергия, – заключает врач, точно такая же тётушка, как их учительница в старой школе, похожая на бабушку, только волосы у неё чёрные и по плечи, а щёки румяные, и над глазами нарисовано синим. – Скорее всего, на домашнюю пыль.

– Что вы, – пугается бабушка, – у нас дома нет никакой пыли.

– Пыль, – нравоучительно отвечает врач, глядя поверх очков, – есть у всех. Ведь что такое пыль? Это же мы с вами. Наши частички – кожа, волосы, кусочки ткани, пух от подушек. Мы и есть пыль. Мы сами. Без пыли никуда.

Хорошо, что бабушка не знает про жёлтую шкатулочку с бусинками, где подданных становится всё больше, им уже почти тесно. Девочка тайно торжествует. Она всё время морщит лоб, чтобы было куда складывать тайны. А дышать ей совсем не хочется. Она даже придумала специальное упражнение – если задержать дыхание, можно собрать гораздо больше пыли, тогда её не распугаешь.

Королевство стало совсем захудальным – все прячутся по углам, таятся, платьица на принцессах порвались, лакированные башмачки стёрлись, лохматые собачки бегают невесёлые, шерсть у них свалялась, уши висят. И кавалеры невежливые, не стараются угодить дамам, а всё больше огрызаются, спят или шляются неизвестно где. Девочке иногда хочется вообще перестать двигаться, а только лежать на ковре, прикрыв глаза, и смотреть, как некоторые свободолюбивые пылинки всё же поднимаются на свету вверх – лёгкие, весёлые. Так часами она лежит, замерев, и ждёт, пока они не осядут на её пальцы, веки, губы. Это щекотно. Тогда девочка смеётся. Она почти счастлива.

К осени дедушка принёс домой клетку. В клетке сидели две лохматые мыши – одна чёрная, другая рыжая.

«Неужели она их будет есть? – ужаснулась девочка и убежала на кухню. – Прямо здесь, у себя дома? Прямо вот так, ни в кого не превращаясь? Ну, это уж совсем».

– Психолог, слышала, что сказал? Тебе нужны друзья.

– Вот, – весело рассмеялся дедушка, снимая ботинки, – и назови их Зяка и Вяка.

Бабушка поставила клетку возле дивана, где когда-то лежала Зяка. Две мышки сидели в опилках и что-то грызли. Они смотрели на людей насторожённо – в блестящих чёрных бусинках отражался свет из окна.

ИГРУШЕЧНЫЙ ОГОНЬ

Стихотворения

...отставив гундосые речи
и реки сезонных соплей,
включить электрический вечер,
чтоб стало немного теплей.
туристом, заблудшим в пустыне,
смотреть, протянувши ладонь,
как быстро поленья в камине
игрушечный лижет огонь,
как вяжется змейками в узел,
где каждая искра видна,
и вечную прелесть иллюзий
запить суррогатом вина,
забыв, что за окнами осень,
совсем не июль-весельчак,
и тени моей остроносой
боится фальшивый очаг.

вот и зима ноябрю в ушко
что-то своё скулит,
за ночь припудрив худым снежком
бурую шерсть земли.

и, ничего не оставив нам,
кроме пустых небес,
выглядит жизнь, как дешёвый хлам
с сайта «алиэкспресс».

кто и кого предавал в сердцах,
кто там кого любил?
время пойти, наварить супца
из магазинных крыл,
вспомнить о радио, где поют
те, кто давно забыт,
встроив какой-никакой уют
в этот вселенский быт.

осень в самом эпилоге,
город светится воскресно,
это время одиночек
в общем корпусе жилом.
я сижу в своей берлоге,
а душа летит, как «цессна»,
мимо всех радиоточек,
с переломленным крылом.

тень остры, как рыбий хрящик,
скоро ветер, старый сыщик,
в снеге истину обрящет
вместо пыли дождевой.
не забудь, вперёдсмотряющий,
если кто сигнал услышит,
откопать мой чёрный ящик,
самописец бортовой, –
неубойный, негорящий,
несмолкаемо живой.

...ни адресатом, ни адресантом,
ни постоянным твоим десантом,
ни кашеваром в твоём полку,
лучшим из всех на твоём веку,
ни королевой твоей гостиной,
ни оживленьем твоей рутины,
ни знаменосцем твоих знамён,
ни украшеньем твоих времён,
даже не птицей в твоей руке,
можно я стану тебе – никем?

у меня в крови –
небеса кучевые,
племена кочевые,
лошадиные всхрапы,
ястребиные крики.

у меня в крови –
земляные бараки,
сибирские буераки,
рассохшиеся арыки,
русские да поляки.

у меня в крови –
ветхий и новый заветы,
восточные минареты,
уральские самоцветы
брошенных шахт и штолен.

...так с чего ты решил,
что слово твоё непреложно,
что такую можно
посадить в клетку,
поставить метку, –
бессмертный, что ли?

БЕЗ ЛЮБВИ

Рассказ

Карантин, день 1

Мои дороги не ведут в Рим. Площадь моих дорог составляет пятьдесят квадратных метров. Из кухни в гостиную, из гостиной в спальню, из спальни в коридор – ванную – туалет. Пожалуй, всё. Это мой лабиринт – узкий, кривой и нескончаемый. В моём лабиринте внезапно появились другие – члены моей семьи. Когда пятеро взрослых и один малолетний встречаются вечером, после работы – это ничего, но сейчас мы вынуждены видеть друг друга с утра до ночи, днём и вечером, каждую минуту, секунду встречаться взглядами, слышать, взрываться, орать, ненавидеть и показывать своё отношение друг к другу. Я хочу ускорить это чёртово время, хочу утопить все маски, павильоны новостей, откуда бесконечно передаются слова «карантин», «пандемия», «коронавирус». На столе появляются тарелки, хлеб, запечённая курица и спагетти. Мы взяли стол в окружение, наши мысли тянутся так же, как спагетти из тарелок переходят в наши рты. Острые зубцы вилок терзают уже дохлую и запечённую птицу, которая так никогда и не успела взлететь. Мать сердито смотрит на отца: «Жуйтише», – отец взглядом Минотавра отвечает матери: «Ты поешь, мы уж потом поговорим». «Ну, хватит уже», – сестра повышает голос, брат угрожающе перебивает: «Когда же я уйду от вас? От вас невозможно избавиться. Это полный дурдом!» Мой сын плачет, а затем подключается к другу: «Сейчас кого убивать будем? Запри его в ящик, чтоб не смог выйти. Хана, хана, хана!». Кладу в рот спагетти, чтобы не вмешиваться. Я, кажется, температурю. Видимо, на нервной почве. «Апчхи!» – чихнула мать. «Ничего себе, не хватало, чтобы ты заболела и нас заразила», – усмехается сестра, вместо того, чтобы пожелать здоровья, и считает, сколько ещё нам предстоит сидеть дома. «Обычная история. Надо же было так наказать человечество! Труп на трупе, видимо, все умрём. Вон, в Италии ни души, все, все помирают», – констатирует брат и

уходит к себе в спальню, дорисовывать цикл картин «Горгона». «Что-что?» – переспрашивает сестра и хочет как сумасшедшая. «Бездарным коровам знать не дано, ты разбираешься только в искусственных цветах, подаренных твоим таксистом», – колко отвечает брат. Они кричат друг на друга, отец матерится, мать плачет. Чувствуется, как они любят друг друга.

Карантин, день 4

«Вот, все умирают, нет Европы. Конец», – жуя и одновременно глядя в телефон, говорит отец. Я дрожу. Я хочу залезть под стол, как в детстве, когда наивно думала, что так мать не сможет найти меня, я хочу проснуться из этой реальности, хочу найти выход из своего лабиринта и уехать к своему возлюбленному, который ждёт меня в Риме. Да, в отличие от своих домочадцев, я безработная; я никогда не работала. Успела лишь окончить школу, университет, выйти замуж, родить ребёнка, развестись, вернуться обратно. Вернуться, сидеть, ждать, ждать, крепко сидя на стуле, дать название своему перформансу: «Растить ребёнка». Растить, растить, ребёнок всегда нуждается в опеке, опека требует времени, нужно отложить свои требования. Безработная не имеет права слова, не поднимает голоса, разведёнка – в особенности. Я разведённая и безработная женщина. Как говорит сестра, «классическая паразитка». Я, конечно, не знаю, чем отличается классическая паразитка от неклассической, но она денно и нощно работает (как и остальные члены моей семьи), кормит нас с ребёнком, и я вынуждена делать вид, что ничего такого не слышу. Хотя однажды не сдержалась. Несколько дней назад сын мне сказал: «Ты мне не указывай, делать уроки или нет, классическая паразитка!» Я вышла из себя и дала пощёчину, видимо, получилось слишком сильно, потому что все мгновенно собрались вокруг нас изо всех углов и начали обвинять: «Невоспитанная вырастила невоспитанного!»

Карантин, день 6

Мои слёзы больше не умеют течь снаружи. Они капают поперёк и застревают там, внутри. Прячутся. Как я, от этого мира. Сильные мира устали от своих граждан, граждане – от своих начальников, начальники – от работников, работники – от своих супругов, супруги – от детей, все отказались друг от друга. В итоге, не только Дания, как писал Шекспир, но и весь мир превратился в огромную тюрьму. Я в своей тюрьме угвоздилась на маленьком стуле рядом с окном, перед ноутбуком. От нас только интернет не отказывается. Пока он новенький, не очень-то разбирается в людях. У меня задание: написать рассказ для одного журнала. Сестра смеётся: «Напиши-ка ты про таких же классических паразитов, авось полюбишься читателям, ко всему прочему, ещё и эмигрантка, будет от тебя хоть какой-нибудь толк». Мне захотелось поставленную перед ней тарелку разбить о её коровью морду, но тарелку стало жалко. У нас всего шесть тарелок. Если разобью, из чего же тогда буду есть?

Карантин, день 8

В нашей маленькой московской съёмной квартире к основным членам семьи добавился ещё один – премьер-министр Армении, который, периодически заходя в лайв, появляется среди нас. Это невыносимо. Можно подумать, что отец делает это намеренно, последовательно следя за нашей реакцией. В ответ на это брат демонстративно включает арии из «Нормы», сестра якобы случайно вспоминает, что должна заняться шейпингом, пока не растолстела, и под непонятные ритмичные звуки, тряся своей огромной задницей, начинает опускать и поднимать грузное тело (она думает, что в её тридцать пять шансы на замужество и беременность сошли к минимуму, из-за чего часто раздражается). Тогда брат, который младше её на пять лет, кричит из спальни: «Ну не делай так, худые коровы приобретают болезненный вид». Я начинаю смеяться, и это моя самая большая ошибка, поскольку все вспоминают, что существую я, младшая в семье, в реальности – двадцативосьмилетняя женщина, смех которой раздражает всех.

Карантин, день 10

Если карантин продлится ещё месяц, думаю, многие семьи с любовью уничтожат друг друга, ведь невыносимо, когда в одном месте собирают людей, друг друга ненавидящих, и заставляют их оставаться дома. Мать заранее закупилась продуктами. Нет никакой необходимости выходить из дома. А если кто-нибудь из нас заболевет, вот тогда начнётся настоящая драма. Никто из нас не имеет гражданства, а срок регистрационных документов уже два месяца как истёк. «Хватит истерить, кто проверять-то будет?» – говорит отец. Режущий слух голос премьер-министра вновь распространяется по квартире.

Карантин, день 15

Мой ноутбук – моё спасение. Это моё окно в мир, где воздух более чистый, где нет надобности носить медицинские маски, где все... ладно, не все, но некоторые любят меня. Среди них мне сразу понравился он, Марчелло, который живёт в Риме. На самом деле он русский по имени Миша. Он такой же эмигрант, как и я, бесконечно ищущий свой жизненный путь, цели, свою любовь. Я представила себя с бокалом шампанского, смеющейся и танцующей в фонтане Треви с Марчелло, конечно же, не с Мастроянни. Эмигрантам приходится несладко. Марчелло тоже нельзя выходить из своей маленькой съёмной квартирки. На стройке сейчас делать нечего, остаётся сидеть взаперти и рисовать. Он рисует облака. Большие, кучевые, слоистые, перистые, разных форм и оттенков. Правда, мне было не по себе, когда он показал непонятно куда движущееся облако загнутой формы и добавил, что перистое облако на картине – я. Признаюсь, было досадно, но потом я остыла и подумала: лучше быть перистым облаком, чем классическим паразитом. Он признался в любви. Это окрыляет.

Карантин, день 22

Сын постоянно сетует: «Когда вырасту, и тогда нельзя будет выходить на улицу?» Продукты питания постепенно заканчиваются. «Пораньше ложитесь спать, чтобы тратить меньше электроэнергии и мало есть», – наставляет мать. Я стараюсь меньше питаться, меньше общаться, меньше думать. Мать наводит порядок в шкафу. И так каждый день. В день два раза.

Впечатление, что выводит своих собачек на свежий воздух. Это очень смешно, но и печально. По вечерам она достаёт своё красное платьице, которое в последний раз надевала в трёхлетнем возрасте. «Дети, я ведь тоже была ребёнком, вот в этом платьице, взяв за руку свою маму, возвращалась из детсада домой. Меня любили, угощали конфетами. Я устала от своей жизни, я хочу вернуться в детство. Каким хитрым волком ты оказался на моём пути? Апчхи!» Отец, распространяя дым сигарет, из кухни появляется в гостиной. «Неблагодарная ты! Опять начинаешь, опять... Не устала от своего архива? Хочешь, катись ко всем чертам, тебя никто не задерживает». «Ты мне должен, верни мою жизнь, ты сожрал её и спрятал в своём огромном брюхе!» – отвечает мать. Слёзы опять тихонько начинают укладываться в еле заметные дырочки вязки. Скора начинает набирать обороты, детство матери борется с хладнокровием отца. В неравном бою побеждает появление брата с картинами «Обычная пандемия». На картинах – клетки с открытыми дверцами, а внутри клеток – трупчики птиц и животных. «А нет ли среди них колибри?», – спрашиваю я. «Нет, они и без того наказаны, что такие маленькие, я их пощадил». «Маленькие, как мама, наказанные, как мама, хи-хи, хи-хи!», – хлопает в ладоши, покатывается со смеху сын, поднимая волну хохота в доме.

Карантин, день 23

Я каждый день кормлю голубя. Он залетает на балкон и своим воркованием зовёт меня. Оказывается, Марчелло тоже кормит голубя. Мы решили, что это наш почтовый голубь, единственный реальный свидетель нашей виртуальной любви. Я стараюсь быть по возможности предусмотрительной. Вдруг подумают, что я делясь нашим хлебом с какой-то птицей. Ведь нам и самим не хватает еды. Сегодня утром заметила, как сын тайно следит за мной (когда мне было восемь, я не была такой), но сделала вид, что не замечаю. Не хотела поднимать лишний шум. Он вскоре ушёл со своим телефоном, наверное, опять взялся уничтожать виртуальных врагов. Я понимаю, что слаба как мать, женщина, дочь, человек, в конце концов, надо быть более принципиальной и смелой, надо менять свою жизнь. Когда всё это закончится, я обязательно изменю свою жизнь. Возьму свой маленький чемодан, сына, поблагодарю своих родных и уеду в

Италию. Да, именно к нему! А если сын заупрямится, не захочет уехать со мной... Нет, тогда я не смогу оставить его и уехать одна. И не смогу не уехать...

Карантин, день 25

Я продолжаю писать. Литература – самый приятный наркотик, оправдывающий существование таких самоизолированных, как я. Наша жизнь находится на грани снов. Это немного страшит, так как сейчас на нашей планете все до единого видят один и тот же сон. Это как если в тёмном зале кинотеатра включить фильм определённого жанра и заставить всех смотреть именно этот фильм. Я так и не полюбила кино. Моя любовь – театр, порывистый и искренний, без лживых монтажей, сцен, снятых общим, средним и крупным планом.

Карантин, день 26

Мать снова плачет. Все кричат друг на друга. Я предложила ей стакан воды и попросила открыть мне сердце. Она посмотрела на меня блёклым взглядом, своей пухленькой рукой прикрыла мою костлявую руку и сказала, что всегда мечтала с концертами игры на арфе выступать в разных странах, чтобы ей аплодировали и дарили цветы. «Мам, так у тебя есть музыкальное образование?» – она на пару секунд задержала взгляд: «Девочка моя, мечты не требуют образования».

Карантин, день 30

Пока все спят, я решила испечь хлеб. Если правильно рассчитала, то мы сможем испечь ещё десять буханок хлеба и всё. Надеюсь, что через десять буханок нас выпустят на свободу. А пока закрыты все возможные границы мира, я смело перехожу границы интернета. Моя итальянская любовь на фоне всеобщей боли нашла другую боль – это я. Я начала ныть, что одиночество грызёт меня, что я больше не могу так жить. Он улыбнулся своими небесными глазами и произнёс: «Нас с детства учат быть ответственными за других людей, но не учат брать ответственность за свою одиночество». Находясь в окружении своих картин с облаками, он показался мне более далёким и очень любимым. «Опять ты куришь», – улыбнулась я. «Выкуриваю своё счастье». Я поняла, что ожидание чудес и скрытые мысли опустошают нас...

Карантин

У нас пока ничего не изменилось, если не считать, что ссоры и затишья стали более беспорядочными. Большое затишье следует за большой ссорой, а потом снова собираемся на кухне, за столом продолжаем незавершённые разговоры прошлых лет. Слова, мысли, воспоминания, словно эстафетой передаются от одного к другому, это продолжается до тех пор, пока все не поймут, что истощены и потихоньку не покинут поле битвы. И опять включится премьер-министр с повесткой дня, со сложной арифметикой смертей и выживших. «Я больше не в силах терпеть это. Мне хочется на родину», — говорит отец. «Эх, а кто тебя держит-то?», — обиженно отвечает мать и продолжает: «Остаётся понять, где ты жить собираешься, и всё». И всё. Все вспоминают наш проданный дом, чистый воздух, оранжевое солнце, наш переезд, ожидание и надежду, веру, спрятанную за медицинской маской, а ещё — наши просроченные документы...

Карантин

Уже два дня, как Марчелло сильно грустит. Он сказал, что цикл «облаков» пополнился кучево-дождовыми облаками. Показал. Мне не понравилось. Он понял. Я

не умею скрывать свои эмоции. Он сказал, что дождевые облака приятны лишь земле. Заметила, что он отошёл от голода, но он продолжал говорить о нашей любви, границах, которые очень скоро откроются, о солнце и воздухе... Мать снова обняла своё красное платьице и опять продолжает требовать у отца свою сломанную жизнь... «Апчхи!»...

Карантин

Сегодня я почти весь день спала, только к вечеру сестра разбудила: «Вставай, ужин готов». По правде говоря, я не хотела есть, не спеша зашла на кухню. Я еле удержалась за стену, чтобы не упасть. Хотела закричать, но голос куда-то пропал. Застыла на месте. На стол в овальной тарелке положили моего голубя. Острые копья вилок вонзились в его тело. Я смогла лишь повернуться и войти в туалет, затем обеими руками схватиться за унитаз...

Меня словно никто не видел и не слышал. Когда выходила оттуда, до меня донёсся восторженный голос сына: «Дедушка, ты такой крутой! Как тебе удалось, а? Смотри, за несколько часов столько лайков собрали!» «Да уж, мальчик мой, не каждому удаётся крысоливкой поймать птицу. Ты ешь, набирайся сил, нам ещё много всего предстоит сделать...»

НАУЧИ МЕНЯ ПЛОХОМУ

Стихотворения

Город мой, с луной-плафоном,
С листопадом из трухи,
Научи меня плохому:
Пить, курить, писать стихи.

Нечего мне ждать, пожалуй,
Кроме сумрачной зимы.
Разбуди души пожары,
Дай кабацкой кутерьмы...

Не хочу кряхтеть да охать.
Дай от счаствия ключи
И за девой черноокой
Волочиться научи!

Чтоб, забыв ID, пароли,
В нетерпении дрожа,
Мой читатель напоролся
На метафору ножа.

Иль бутылкою сравненья
Получил по голове
И нашёл отдохновенье
В залитой луной траве.

Танцы, стансы и романсы –
Вот что надо молодым,
Кулаками ассонансов
Наудачу молотить...

Пьянствовать без сна и лени,
Отмечая свой провал.
Растоптать без сожаленья
Всё, о чём ты горевал,

Со стихами сжечь тетрадки,
В небо взмыть, убрав шасси...
Всё с летальностью в порядке
У поэтов на Руси.

На стенку в рамке не повесить,
Жаль: ночью стало бы светло...
Хорошие же были вещи:
Июнь, и юность, и село.

Не знал тогда, что есть усталость,
Но постигал свои миры.
Как плакалось и как смеялись! –
Как будто бы за семерых.

Я вышибал ногою двери,
Брал, словно рюмку, города.
Я был друзьям не очень верен,
Не верил девам никогда.

И, под собой не зная дна, я
Гнал вдаль поэзии металл.
Что до моих стихов, родная,
Так я их сроду не читал...

Теперь уже не то. Межстрочный
Подтекст зачах, сведён к нулю:
Тебя люблю я очень-очень,
Хоть слова «очень» не люблю.

Вино вины винтом по венам.
В конце концов, что за мужик? –
Мой шаг неточен, глаз неверен
И заплетается язык.

Луна над крышами парила,
К утру исчезло волшебство...
А что касается Гаврилова, –
Я буду нынче за него.

Тепла у мира не отсудишь.
...Наш двор без окон, без дверей.
И как тебе уйти отсюда? –
Так оставайся, будь моей!

Снежинки люто бьются о землю.
Зима на радости скуча.
... А позади осталась осень,
И некуда нам отступать.

Шагать нездешней тропой,
Работу души делать...
Как мне совладать со страной
(исправлено) строфой,
Когда неправляюсь с Т 9?

Я – в мире бетонных страниц.
Свободным давно не был.
Стихи похожи на птиц,
Вьющих гнёзда в небе.

Пускай неуместны слова,
Пускай не дождусь оваций,
Дзюдо учит падать, а
Поэзия – подниматься.

РАЗНОЦВЕТНЫЕ ПУГОВИЦЫ

Стихотворения

2020

Я мечтал о морском круизе,
но всё, что могу сейчас, —
это смотреть
в иллюминатор
стиральной машины...

А вчера
в каком-то
белорусском
телеграм-канале
я прочитал, что глаза
после атаки
слезоточивым газом
лучше промывать
молоком...
Выходу из подъезда,
сжимая в руке
пару синих перчаток, —
странные резиновые
цветы
двадцатого года.

Пуговицы

«Вы, русские, всегда всё усложняете, —
вздохнул чешский поэт и переводчик,
закрывая мою книгу. —
Кому сейчас нужны рифмованные стихи?
Разве что детям!
Рифмы сегодня так же нелепы,
как пуговицы на голом теле!..»
Я промолчал.
Мне было неловко признаться,
что в детстве,
когда я приезжал на лето
к бабушке,
то любил перебирать
разноцветные пуговицы
в жестяной коробке.
Перламутровые, деревянные, стальные,
разных форм и цветов —
они казались мне настоящим
сокровищем!
Я даже хотел стащить одну —
жёлтую пуговицу со звездой, —
чтобы выменять её
на рогатку...
А когда мы с дружком Сашкой
убегали на озеро,

то возвращались домой
только под вечер,
когда июньское солнце
закатывалось за горизонт,
словно большая
красная пуговица.

Время

В ресторане «Тануки»
я держу в руке хаси
(палочки для еды),
словно тонкие
белые стрелки
часов-невидимки,
словно время само
у меня в кулаке.

Смешно.
Я даже не знаю,
во сколько сегодня
вернусь домой.

Звонок

Каждый недавно умерший
получает право
на один короткий звонок —
чтобы только сказать,
что с ним всё в порядке.
Обычно звонят детям,
реже — родителям,
звонят мужьям и жёнам
(иногда даже бывшим!),
и почти никто
не звонит
на работу,
в церковь,
в больницу,
в собес.
Никто не звонит
на прямую линию с президентом
или экстрасенсу
из известного телепроекта.
Говорят, таких номеров
даже нет в телефонной книге.
Есть только эти:
мама, папа,
сын, дочь,
любимый,
любимая...

СЕРДЕЧНЫЕ НРАВЫ*Рассказ*

По вине университета, неожиданно поскупившегося на общежитие, у Кирилла оставались считанные дни до сентября, чтобы подыскать себе комнату. По одним слухам, заселяли по национальному признаку и места в общаге доставались в первую очередь татарам. По другой версии, места отвели беженцам из Донбасса и Луганска.

Поиски в сети не дали ничего. Хостел надоел за два дня. Соседи сменялись ежедневно. Жизнь в хостеле смахивала на социальный эксперимент или реалити-шоу, пусть без камер и славы. Во время одной из бесцельных прогулок Кирилл зацепился взглядом за рукописное объявление на фонарном столбе. Комната сдавалась за смешные пять тысяч в месяц, а «Дубль Гис» твёрдо указывал на её близость к университету и к метро.

Детство и школьные годы Кирилл безвыездно провёл в Набережных Челнах. Всякому постороннему Челны представились бы до скуки однообразным проектом, воплощённом в камне, кирпиче, бетоне и зелёных насаждениях, безликой единицей на карте, где маленькое время измерялось графиком трамваев, а большое – утверждёнными планами Камского автомобильного завода. Папа Кирилла собирал КамАЗы и неизменно сверял свои убеждения с генеральным курсом. Мама служила в СанЭпидемНадзоре. Именно она повесила иконки над порогом и на лобовом стекле отцовской «Волги».

Передвижения Кирилла по Челнам за редкостью ограничивались двумя-тремя улицами. Дух скитальчества не посещал его даже при чтении Стивенсона и Твена, тяга покорять большие пространства также была ему чуждой. Кирилл любил декламировать стихи классиков и публиковал спортивные заметки в местной газете. По общему мнению, ему не доставало настойчивости и упорства. Политика его интересовала мало, лишь однажды друзья подначили его митинговать – за льготный проездной для школьников и студентов. Кирилл честно отстоял под дождём два часа с плакатом в руках и больше на митингах не появлялся.

Он верил в мирное сосуществование православия и «Бургер Кинга» и надеялся на победу сборной России на ЧМ-2018 по футболу. Идея прогресса Кириллом не подвергалась сомнению.

В Казани же поражал контраст. Минута ходьбы отделяла Баскет-Холл от голубого костёла, две минуты – костёл от старообрядческой церкви с чёрными куполами. В постройках вековой давности размещались бары и магазины спортивного питания. В метро девушка с голубыми волосами, будто с картинок книги о Буратино, занимала сиденье между стариком в тюбетейке и дородной тёtkой в бордовом берете, позабывшей снять бахилы в поликлинике.

Сукинская слобода, некогда первой присоединившаяся к восстанию Пугачёва, и спустя века противопоставляла себя остальной Казани. Здесь, на изрезанной Шмелёвым оврагом Третьей горе, ещё уцелел островок досоветской России, мужицкой, деревянной, иной. Стоило повернуть влево от Казанского архитектурно-строительного университета, чтобы очутиться среди бревенчатых домиков с кропотливо вырезанными наличниками и цветами в окнах. Если ты шагал по узким улочкам, то невольно вздрагивал от внезапного лая четвероногих сторожей за забором. В дома был проведён водопровод, но некоторые по-прежнему набирали воду из колонок. Иные адреса выводились краской вручную. Названия улиц – Ремесленная, 2-я Привольная, Пехотный переулок, Горный переулок – навевали романтические думы. Современность обретала контуры спутниковых тарелок, инопланетными телами белеющих на фоне досок и брёвен. С трёх сторон уходящую натуру теснили свежие высотки, а четвёртой стороной островок упирался в крутой откос, ведущий к автотрассе.

Именно на Сукинке, в двухэтажном бревенчатом доме на краю холма, снял комнату Кирилл. Окно выходило на метро и аллею, украшенную трамвайными вагончиками довоенной и дореволю-

ционной поры. Ночью они подсвечивались и пассажиры-манекены в них оживали. На одном из трамваев работал в тридцатые Иван Кабушкин, в Великую Отечественную участник Минского подполья. Посмертно Кабушкин получил Звезду Героя.

Сдававшие комнату Бородин Михайлович и Таисия Филипповна были престранной парой. Крепкого сложения старик с баками и сдвинутыми на нос очками представал перед студентом в неизменной холщовой блузке и мешковатых штанах, опоясанных верёвкой. Что удивительно, одежда Бородина Михайловича всегда отличалась завидной чистотой. Вести речь он предпочитал чуть наклонившись к собеседнику, а лицо его почастью озаряла неизъяснимая клыкастая улыбка. Сухонькая Таисия Филипповна надевала обычно кофту с неброскими шароварами или длиннополой юбкой. Мелкими чертами кроткого серёзного лица Таисия Филипповна напоминала маленькую девочку.

Привязанные друг к другу трепетным чувством, старички не имели детей. Хозяева не пользовались Интернетом и мобильными, а звонили по телефонному аппарату с крутящимся диском. Когда Кирилл оплачивал жильё, он замечал в старицковской комнате множество ящиков и сундучков, а также древний верстак, подобный тому, на котором Карло вытесал Буратино. На стене висела домашняя утварь и связка баранок. Пахло горькими травами.

Половицы и двери в доме скрипели на разные лады. Дощатый пол устилали дорожки и паласы, стены украшали ковры. Возвращаясь с лекций, Кирилл не раз видел, как хозяин, развесив ковёр на заборе, усердно выбивает пыль и бормочет под нос песенку.

Первые дни Кирилла облавлял здоровенный, размерами с мастиффа, рыжий ёс, ошивавшийся во дворе и съедавший на обед целый таз супа, любезно подносимого Таисией Филипповной. Впоследствии рыжий привык к квартиранту и лишь провожал его долгим оценивающим взглядом. Немногословный Бородин Михайлович отметил: то сама Суконка, недоверчивая к чужакам, приняла студента.

Чудно было возвращаться сюда вечером из городской суэты, выныривать из метро, перебираться из аудиторий с интерактивными досками, из университетского коридорчика с разноцвет-

ными стенами, пестрящими лозунгами наподобие «Телевидение принадлежит народу. Так ему и надо» и «У каждого своё предназначение. Возможно, ваше – смотреть телевизор». Казань без предупреждения перебрасывала в иное время, в иные локации. Кирилл мог тёмным снежным вечером брести по тихой улочке и увидеть в ярко освещённом окне каменного особняка серебристую иномарку (как выяснилось позже, в стенах особняка натуральным образом разместился гараж). Мог натолкнуться на табличку на доме, повествующую о том, что улица названа именем выдающегося акушера Викторина Сергеевича Груздева. Перед глазами вставал радушный старик в пенсне и с бесконечно добрым, как у доктора Айболита, лицом. На руках доктора весело улыбался новорожденный. Город вынуждал петлять и чертыхаться в лабиринте, чтобы в конце концов вывести к зелёным огням «Сбербанка».

Большой город позволял людям, особенно молодым, быть разными. Тех, кто старше, сдерживали привычки, корпоративная этика и *noblesse oblige*, тогда как студенты предоставлялись сами себе и совсем необязательно было, как в Челнах, сверяться с другими в увлечениях, одежде или еде.

Первый этаж с Бородином Михайловичем и Таисией Филипповной делила чета помоложе. Кирилл не знал, как их зовут, есть ли у них дети, и лишь обменивался с ними приветствиями. Зато он сблизился с соседом по второму этажу, одиноким писателем. Как правило, литераторов Кирилл сторонился из-за того, что они выпячивали свои отличия от остальных. На журфаке преподавал поэт, иногда демонстративно прерывавший лекцию на середине с целью зачитать новые свои стихи. Впрочем, его манерная чудаковатость не шла ни в какое сравнение с заносчивостью ископаемого стихоплётё, на чей вечер однажды угодил и Кирилл. Рифмач в затасканном пиджаке, размахивая руками за кафедрой, яростно доказывал, будто тот не поэт, кто не давился гвоздями.

Собеседник Кирилла был совершенно иным. Он не читал стихов. Его исключительные суждения не провоцировали на возражения. Как говорил писатель, его нельзя переспорить, поскольку нельзя завлечь в спор. Собственные размышления он называл версиями безбожного провинциала. Он сразу

предупредил, что слеп, о чём бы Кирилл никогда не догадался, глядя, как ловко слепец управляет с бытом и зажигает сигару, как завязывает галстук виндзорским узлом и с тростью преодолевает путь до магазина. Писатель зачёсывал волосы на затылок, поэтому его высокий лоб казался ещё выше. Замкнутый и не охочий до разговоров с остальными, он благосклонно относился к квартиранту и приглашал его на чай. Одна из трёх его комнат отводилась под библиотеку, а посередине стояли стол и кресло. Вечером Кирилл приносил тяжёлый стул с высокой спинкой, и они с писателем предавались беседе. Говорил по преимуществу писатель, а студент заворожённо слушал размежеванный голос, всматриваясь в морщинистое лицо сквозь сигарный дым.

— В то лето, когда шли бои за Цхинвал, меня пригласили в Москву на конференцию. Тогда я ещё видел, поэтому наблюдения давались мне лучше. Из поездки я вынес, что в столице уцелели советские привычки. Там обосновалась мусульманская Азия и проросли семена Запада. Зато из Москвы стремительно исчезло то, что называется русским укладом. Распалась форма, а содержание рассеялось. Кхе-кхе... Только не торопитесь причислять меня к ревностным поклонникам старины. Я предпочитаю разгадывать порядок вещей, а не отдаваться без остатка идеям.

Говорил писатель по обыкновению бесстрастно.

— Тот русский уклад ещё сохранил очертания в Казани, на Суконке. Он укрылся под носом у прямолинейной современности. Разумеется, не навечно. Он уже исчезает. Столица с её офисами, небоскрёбами и восточными наймитами настигает Казань. Отрицать это — не разбираться в истории и национальном своеобразии. Бессмысленно проводить аналогии с Веной, Прагой, Брюгге, где сберегли целые исторические кварталы и где туристы ориентируются по картам вековой давности. В России, в противовес Европе, от ближайшего прошлого отказываются и влюбляются в прошлое далёкое, оставшееся лишь в виде искажённых воспоминаний. Каждое новое поколение подспудно считает, что их родители, а иногда и деды, виновны в кончине Золотого века, поэтому новые поколения тщательно вымарывают родительские следы. Мы любим свою отделённость и свою обделённость. Я не отвлечённо выражаясь?

Язык Кирилла словно присох к нёбу, поэтому студент лишь мотнул головой, забыв, что собеседник слеп.

— Служение прошлому требует жертвы. Взгляните на защитников старинной архитектуры, на ръяных любителей трамваев, на убеждённых букинистов и нумизматов. Какая временами в них просыпается остервенелость, сколько в них раздутой скорби, чувства собственной правоты. Иные из них кладут на алтарь личное счастье и готовы поступиться счастьем других ради мнимых сущностей. Это самые бессильные рыцари из всех. Неверно в их случае утверждать о гальванизации трупа. Уместнее другая метафора: они берутся обратить речное течение вспять без начальных познаний в гидравлике.

На книжных полках у писателя Кирилл находил чудные экземпляры — без указания автора, без издательских сведений. Завораживали заглавия — «Метаморфозы левой руки», «Воля небытия», «Оязыченный», «Стратагема жертвы», «Заметки на песке», «История неопороченных идей». Многие из книг запирались на ключ, точно девичьи дневники, а Кирилл не решался уточнить у писателя, каким запретным содержанием они обладали. Порой писатель называл полку и произведение. Когда Кирилл доставал издание, указывалась страница. Её писатель пересказывал, цитируя длинные абзацы. У студента дух захватывало от того, как искусно слепой мудрец маневрирует по закоулкам памяти. На очередной странице взору Кирилла предстал фотографический снимок холма с домом на 2-ой Привольной, выполненный век назад из низины, из точки, где теперь располагался вход в метро.

С каждой неделей студента всё реже тянуло обратно в Набережные Челны. Когда он отправлялся туда, Таисия Филипповна клала ему в сумку угощение для родни. В сентябре это был медовый пирог, перед новогодними праздниками — печенье в форме коровок. Родители исправно посыпали Кириллу деньги и справлялись о его казанской жизни, а он не менее исправно удовлетворял любопытство домашних заученными ответами. Мама спешила ввести его в тонкости телешоу «Голос», а папа выказывал неудовольствие из-за равнодушия сына к политике. По мнению отца, мир раскололся надвое, а незаинтересованные в борьбе обрекали себя на гибель в неминуемой войне. В начале

января, когда Кирилл возвращался в Казань рейсовым автобусом, его передёрнуло от мысли, как скудна жизнь маленького города, как смехотворно полагать, будто ты способен постичь порядок вещей, затерявшись в одной из сотен тысяч безликих многоэтажек, сроднившись со схемой трамвайных линий, живя выдуманной реальностью конкурсантов телешоу «Голос». Кирилл, ранее с энтузиазмом предвосхищавший августовский день рождения, на который он собираёт всех членинских друзей, с отвращением отверг эту мелкую, увечную мечту.

К приезду постояльца Бородин Михайлович затопил баню. Делал он это нечасто, потому что в доме стояла душевая кабина, и оттого баня словно бы превращалась в необязательный ритуал, завершившийся чаем из самовара. Чаёничали в длинной узкой кухне на первом этаже, где тикали ходики и висел отрывной календарь с гороскопом. Супружеская чета с первого этажа за стол не садилась, писатель спускался редко и пил чай молча. В самоварный день извлекался на свет праздничный сервиз XIX столетия и подавалось угощение от Таисии Филипповны – самодельные бараки и сахарные петушки на палочке. Бородин Михайлович доставал из погреба рябиновую настойку и наливал Кириллу неизменную рюмку перед чаем.

На сей раз хозяин признался, что вынужден поднять плату до шести тысяч из-за санкций и взлетевшего курса доллара.

– Коммунальные платежи растут, сам видишь, – сказал Бородин Михайлович с долей неловкости. – Как всё образуется, непременно по-прежнему станется, по пять тысяч.

Студент заверил его, что всё в порядке. Тогда обрадованный старик, словно в благодарность, принялся потчевать Кирилла историями и размышлениями. Выяснилось, что в давние времена низину весной затапливали талые воды, а мужики оттуда поднимались на холм, на Суконку, за помощью. Добро тогда отплачивалось добром, а память об оказанной услуге передавалась из поколения в поколение. Друзей за спиной не обсуждали, за своих стояли горой. Превыше всего ценилась простота и честность. По искреннему заверению Бородина Михайловича, знаменитый акушер Груздев однажды опоздал на званый ужин:

– Баба прямо в хлебной лавке рожать начала, а Викторин Сергеевич мимо

проходил. Так он не только ребёнка вытащил – он извозчика поймал, чтобы бабу с дитятей в отделение доставили. И сопровождал их. Вот такой чудесный человек был. Не то что нынешние доктора.

И Таисия Филипповна, подливавшая чаю, вздыхала.

Если бы по журналистике задали написать статью об идеальной паре, Кирилл без колебаний выбрал бы Бородина Михайловича и Таисию Филипповну. Хозяева относились друг к другу с неподдельным целомудренным почтением, и даже целующимися их Кирилл вообразить не мог. Они напоминали героев знаменитого древнегреческого мифа, имена которых стёрлись из памяти сразу после зачёта по античной литературе. Дело даже не в благонравии и сердечной простоте старииков, а в их крепкой любви. Что такое любовь, как ни верная дружба, проверенная долгой близостью? За такой образец прощаются чудачества, с какими старики лелеяли свои упрощённые представления о прошлом. Не преувеличивает ли писатель в сухих обобщениях, говоря об остервенелости и раздутой скорби?

Кирилл находил причуды хозяев безобидными, а иногда и полезными. Помнится, сентябрьским утром он застал Таисию Филипповну за непонятным занятием. Она собирала из коры нечто вроде гробиков для мух. Вечером студент по белым ниткам заметил гробики висящими на дереве во дворе. На Коляду в дверь стучались дети, и старушка горстями насыпала им леденцы и печенье. Привычно серьёзная, она улыбалась при этом, как ребёнок. Восемнадцатого февраля, в библиотечный день для журналистов, Бородин Михайлович, ездивший на Колхозный рынок, с гордостью сообщил, как в овощных рядах схватил за руку воришку-кавказца в ватных штанах, нацелившегося на кошёлёк хромой бабки. Воришка, по словам хозяина, скверно изъяснялся по-русски и злобно косился на Бородина Михайловича, точно поверженный Соловей-разбойник. Кирилл нашёл справедливым, что бабку защитил простой русский чудак, а никакая не полиция.

Первую сессию Кирилл закрыл на четвёрки. За семестр он не сблизился тесным образом ни с кем из одногруппников и со всеми держался ровно и вежливо. Печататься в членинской газете он перестал, лишь раз выслав им стандартный отчёт с кубкового футбольного

матча со «Спартаком». Гонорара хватило на два перекуса в университетском кафетерии.

На исходе зимы Кирилла пригласил к себе писатель. Устроились они по обыкновению в библиотеке. На сей раз писатель не дымил сигарой и вместо чая предложил гостю свежемолотый кофе без сливок и сахара.

— Я постоянно подчёркиваю, что я не идеолог, а наблюдатель, — сказал он. — Мне выпал чудесный шанс: обозревать действительность с холма, укрывшись в неприметном доме посреди не великого, но большого города. Это как следить за бурной рекой, отыскивать закономерности в её течении, не рискуя быть унесённым им. Я всегда ценил это. Будьте добры, мой друг, подайте с третьей полки «Волю небытия». По левую руку от вас.

Кирилл с робостью взял увесистый том. Холодок коснулся его загривка. Это было одно из тех изданий с замочком, что писатель никогда не просил достать.

— Ключ номер семь. Держите.

В дрожащую руку студента упала холодная связка миниатюрных позолоченных ключей с оттиснутым на каждом номером. Через минуту Кирилл выдал разочарованный взор:

— Так меня ещё не разыгрывали!

Страницы с текстом в «Воле небытия» заменяла ниша с аккуратно помещённой в неё бутылочкой с французскими словами на белой этикетке и двумя изящными рюмками едва больше напёрстков.

— Зря вы решили, будто я пригласил вас ради дешёвого фокуса, — серьёзно произнёс писатель. — Ручаюсь, коньёк старше французского президента. Этого, как его, Миттерана. Разлейте, пожалуйста, и аккуратнее.

Кирилл осторожно вскрыл бутылку. Комната вмиг наполнилась виноградными, апельсиновыми, древесными запахами. Голова закружилась, и тем не менее студент не пролил ни капли драгоценного напитка. Непередаваемый вкус увлёк студента, вычеркнул его из пространства.

Не было блаженства, не было восторга. Все чувства исчезли.

Вселенский разум поглотил его, стерев границы между «я» и всем остальным.

— ... заполнили тоску по небытию? — спросил писатель, когда Кирилл вернулся в себя.

— Простите, что?

Писатель выдержал паузу, пока Кирилл вновь не обрёл способность внимать, и сказал:

— Итак, повторюсь: мой принцип — не вмешиваться в историю, а дать событиям идти своим чередом. Представьте, вы мечтаете сделать мир счастливее и пишете книгу. Или занимаетесь изобретениями. Как бы вы поступили, если ваше детище, почти доведённое до ума, присвоил другой человек, не знакомый вам? При условии, что ваш труд действительно благотворно повлиял бы на человечество?

— Сложный вопрос, — Кирилл задумался. — Наверное, промолчал бы и не претендовал на авторство. Цель-то достигнута.

— Я тоже, — сказал писатель. — На мой вкус, единственным оправданием вмешательства в историю служит противодействие тем, кто стремится навязать ей свою волю. Это касается не только диктаторов, а всех, кто присваивает себе функции пасторов, пророков, богов. Я заинтересован в том, чтобы течением не сносило напрасных жертв. Поставьте, пожалуйста, «Волю небытия» на место. И принесите с той полки «Стратегему жертвы». Ключ номер четыре.

Пока Кирилл попадал ключом в крохотную замочную скважину, писатель срезал кончик сигары и закурил. Бутылка осталась на столе.

— Как видите, это настоящая книга, — заметил писатель, когда студент справился с замком. — Откройте страницу с оглавлением.

Междуду заключительными страницами нашлись фотографии. На первой, чёрно-белой, из дощатого пола торчал здоровенный кол, окружённый зажжёнными свечами. На заднем фоне виднелись приколоченные к стене полки. На нижней из них выстроились трёхлитровые банки, на верхней — черепа. Искусно подобранный свет усиливал зловещую атмосферу. Студент счёл инсталляцию эффектной. Следующие две фотографии принадлежали двум молодым незнакомцам. Первый, лупоглазый очкарик в пиджаке поверх водолазки, обладал усами, печально известными как усы девственника. Второй, из-под распахнутой кожаной куртки которого поблескивали на чёрной футболке цепи, выделялся свалевшимися патлами и подведёнными веками. Последняя фотография вызывала отвращение: на ковровой дорожке стоял алюминиевый таз, наполненный внутренностями, венчали которые две

отсечённые человеческие кисти с окровавленными выпрямленными пальцами. Кирилл фыркнул.

— Вы добрались до последнего снимка? — уточнил писатель, невидящим взором устремившийся перед собой. — Узнали кухню?

Стараясь не смотреть на алюминиевый таз, студент сравнил. Без сомнения, на фото запечатлелась хозяйская кухня, где они пили чай из самовара с угощениями от Таисии Филипповны.

— Хозяева благовеют перед прошлым, — произнёс писатель. — Они чтут не только Коляду и Трояна, но и Чернобога. Другими словами, Кащея. Или, если угодно, Касьяна. Целые десятилетия ни один високосный год не обходился без жертвы. Увиденные вами на снимках Алексей Кунарин и Максим Можайский — это последние из них. И лишь в 2012 году традиция нарушилась. Новый квартирант, Василь Якупов, слёг в больницу с пищевым отравлением и чудом избежал смерти. У него диагностировали язву, и он съехал с комнаты, какую теперь занимаете вы.

— Признайтесь, вы опять меня разыгрываете? — спросил Кирилл.

— Снимки не внушают вам доверия? — своим бесстрастным тоном поинтересовался писатель. — Должно быть, слова о Кащее и жертвоприношениях в наш век звучат в лучшем случае иронично. И тем не менее. В 2012-2013 годах, перед Универсиадой, в Казани порушили множество исторических зданий, а ещё больше старинной архитектуры изуродовали под видом реставрации. А весь состав городской администрации после соревнований пересел на новые автомобили. Бородин Михайлович объяснил катастрофу своим промахом и намеревался загладить вину 28 февраля 2014 года. Тогда комнату никто не снял, а осенью объявились вы. Поймите, Бородин Михайлович и так пошёл на существенные уступки своим принципам. Древние славяне окропляли алтарь Чернобога круглый год.

Кирилл, отгоняя от лица сигарный дым, произнёс с притворной усмешкой:

— Вы отрабатываете на мне новые сюжеты, не правда ли?

— Сюжетов гораздо меньше, чем представляется, — возразил писатель. — Что же до вас, то рассеять сомнения легко. Спуститесь в погреб. Полка с черепами по правую руку.

Студент отставил «Стратагему жертвы» и фотографии и с дрожащими коленями прошествовал до своей комнаты

и закрыл дверь на щеколду. Если слова писателя не шутка, тогда остаётся две версии: либо старик двинулся умом, либо он прав.

Мысли сбивались в кучу, страх и сомнения перемежались отвращением к писателю с его безразличным тоном, точно он рассуждал о кипятильниках или пуховиках. Таз с внутренностями и кистями вставал перед глазами. Что, если фотограф самолично наполнял таз из соображений удачной композиции? Выпрямлял пальцы на кистях?

Имя очкарика вылетело из памяти Кирилла, зато по Максиму Можайскому, патлачу с проколотой губой, поисковик выдал гору ссылок. Семь лет назад Можайский пропал без вести по пути на концерт «Психеи». Зацепки уводили в разные стороны. За неделю Максим расстался с Оксаной, однокурсницей по биофаку, а за месяц крупно проигрался в букмекерской конторе во время «Australian Open». Как и многие альтернативные музыканты, он пробовал творческие силы в лирике о снах, о боли и смерти. Вещи Можайского остались в съёмной квартире. Преисполненный жалости Бородин Михайлович уверял, что квартирант, славный и жизнерадостный парняга, ни за что бы не покончил с собой.

Группа «Вконтакте», посвящённая Максиму, не прояснила его судьбу. Друзья в Йошкар-Оле по-прежнему ждали его, с пивом и шашлыками отмечая дни рождения Можайского без виновника торжества.

Иные новостные сайты открывались медленно из-за перегруженных серверов. Час назад у Кремля застрелили оппозиционного лидера, и комментаторы самых разных убеждений, примкнув штыки, ринулись друг на друга. В иной момент Кирилл с удовольствием следил бы за их битвами на полях «Взгляда» и «Новой газеты», однако примелькавшиеся выражения «небесная сотня» и «сакральная жертва» будто сигналили студенту — скоро слова «жертва» и «небеса» могут применить к нему.

В полночь он тихо спустился на первый этаж. Из запертой двери безымянной четы будто сквозило холодом. Таисия Филипповна в переднике начищала содой алюминиевый таз, и выбежать из дома незаметно не было никакой возможности.

— Не спится? — участливо поинтересовалась хозяйка, на секунду прерывая круговые движения.

— Кефира выпью, — пробормотал Кирилл.

Пока он трясущимися руками наливал кефир, на кухню явился Бородин Михайлович с охотничим ножом и колом в руках, ещё не отёсанным до конца. Вообразив, как эта штука диаметром с лопатный черенок разрывает его заднее отверстие и по вертикали пронзает насеквоздь, Кирилл едва не выронил чашку.

— Кисломолочное? — уточнил хозяин.

— Полезное дело. Почему китайцы жёлтые? Молока потому что не пьют.

Допив кефир, студент на цыпочках вернулся в библиотеку. Погашенная сигара торчала из пепельницы. На постаменте из «Стратегемы жертвы» возвышалась опустошённая бутылка. Писатель заснул в кресле, сложив руки на животе, и грудь его не вздымалась.

Покидая библиотеку, Кирилл скрипнул дверью. От неожиданности он притопнул. С первого этажа донёсся бодрый хозяйский голос:

— Опять не спится?

Послышались тяжёлые шаги. Охваченный страхом студент метнулся в свою комнату. Кошелёк со стола отправился в задний карман джинсов, времени переодеваться не было. На зиму старики заклеивали окна, поэтому пришлось воспользоваться настольной лампой, чтобы выбить стекло. Первый удар оно выдержало. В комнату требовательно постучали. После второго удара по стеклу поползла трещина, на третий оно разбилось. Кирилл взобрался на стол и ногой выбил остатки стекла, чтобы не порезаться при прыжке. Под проклятия молотившего в дверь Бородина Михайловича студент протиснулся в узкую дыру в деревянной раме. Свитер задрался до груди, и Кирилл голой спиной проехался по деревянной раме. Наверное, хозяин винил себя за просчёт. Небьющееся окно — грошовая плата, когда традиция ведёт счёт на века.

В Набережных Челнах Кириллу доводилось прыгать с гаражей, но не из окон. Чудом приземлившись без переломов, он кубарем покатился под гору. Снег забивался в волосы и за ворот свитера.

Прямо перед глазами Кирилла проехала «скорая» с боком, заляпанным грязью. Водитель не отреагировал на крики на обочине. Тогда, вскочив, студент перемахнул через дорожное ограждение и

помчался вперёд. Снег взметался из-под тапочек. Метро было закрыто на ночь, поэтому Кирилл сразу побежал в парк. По ночам там нередко слонялись местные подростки, фотографируясь с пивом в вагонах и на крышах старых трамваев.

Позади раздался лай. Рыжий пёс, по первой рявкавший на постояльца, прыжками нёсся с горы. Комья снёга летели в стороны.

Кирилл едва успел по лестнице взобраться на крышу трамвая с номером «24», того самого, который водил герой Советского Союза Кабушкин. Рыжий хищник, надрываясь от негодящего лая, заметался вокруг вагона. Кирилл привалился спиной к холодной дуге и закрыл голову руками. Единственной альтернативой добровольной тюрьме под открытым ночным небом был ад с Цербером.

Когда полицейский патруль неподалёку засыпал лай и крики, он поехал в их сторону. Пёс напоследок грозно рявкнул и рванул прочь, а молодого человека в джинсах, свитере и тапочках десять минут уговаривали спуститься с крыши трамвая. Затем ещё два часа в участке добивались от него внятного рассказа. Кирилл долго не верил, что ему не хотят навредить, и отворачивался от кофе и пряников.

Черепов и кольев в доме и в подвале не отыскали, зато выяснилось, что ночью умер от остановки сердца заслуженный деятель культуры и искусства, сосед студента. Кириллу уже готовились навесить подозрение в убийстве, когда лечащий врач писателя доложил, что покойный страдал сердечной болезнью и гипертонией. Писатель сознавал, что жить ему всего ничего.

Тогда следователь разумно счёл, что запредельная изысканность конька и дьявольское по мастерству убийство исключали студента, к тому же не имевшего мотивов. Под ласковые уговоры доктора Кирилл отказался от показаний, порочащих хозяев дома. Бородин Михайлович, не стыдясь слёз, ударился в воспоминания, как его постоялец и писатель сдружились за полгода. Версию Кирилла списали на нервное расстройство и желание отвести от себя подозрения. Студента два дня поддержали в психиатрической лечебнице и отправили в Челны с академическим отпуском.

РИФМОВАННАЯ ПОЧТА

Стихотворения

Белые виноградины фонарь
На зелёных металлических стеблях.
Я покидаю печали рейд
И улетаю в грядущее стерхом.

Многое мне довелось пережить,
Многое я позабуду едва ли,
Но огнеупорная сила души
Иллюзии, словно камни, отвалит,

Те, что тянули балластом на дно,
Мучили, жгли и лишали силы...
Надеждой яркой освещено
Будущее – моё и России!

Наша любовь – не нашёптанная, выстраданная.
Мы к ней по миру так долго шли.
Искренне шли, отрицали выспренность
И все другие помехи земли.

И вот она расцветает акацией,
Привлекая гудение ангелов-пчёл...
Занять свои дорогие вакансии
Каждый друг в друге из нас предпочёл.

Ты прости, что звонил я тебе во хмелью
И, возможно, слова прокричал не такие...
Но так трудно синонимы к слову «люблю»
Подбирать.
И замены выходят плохие.

Душу жжёт ожиданье, как ядерный смерч
Хирошиму когда-то...
Но – прочно все сомненья!
Как хочу тебя к сердцу скорее привлечь,
Так, что руки порой трепят от волненья.

Снова жду «смс», чей звонок, как набат...
Тишина разбьётся на острые части.
«Отзовись поскорей!» – улетает мольба,
Оставляя в душе лишь надежду на счастье.

Порою надёжней священной мантры
Спасает сердце смешишки суть –
Улыбка, как солнце в начале марта,
Желанней объятий всех камасутр

Своей естественно-золотистой
Энергией, возрождающей жизнь,
Вне демократов и коммунистов
И прочей надуманной грязи и лжи,

Такой нежной, как будто почки
Таких ароматных и редких лип.
И я доверяю рифмованной почте
Твой адрес, как греки богам – Олимп.

Прости изысканное хулиганство
И исповедь сердцем добрым прими.
Это враньё, что в стихах я гангстер,
Я строчками сею всеобщий мир,

Певучий, как имя твоё на кромке
Ночи и грядущего дня,
Когда свой голос – исконно громкий –
Выше шёпота не смею поднять.

Образ любимой всегда многогранен.
Каждая грань – как любви ступень.
Одна – грачным запомнилась граем,
Другую – августа выточил день.
Третья – пахнет сосновым бором.
Четвёртая – снегом январским блестит.
Пятая – стонет доверенной болью.
Шестая – жжётся, как в горле спирт.
Седьмая же – некий венец творенья.
К ней прихожу тишины глотнуть,
А после сиянием стихотворенья
Темень времени перечеркнуть.

Приоткрываю последнюю банку
НЗ сердечного оптимизма,
Чтоб не попасться на глупые байки,
Чтоб видеть всё через света призму.

Глотаю уксус и макароны –
Довольно наспех сделанный завтрак –
И размышляю, что время оно
Минует скоро. Хотя – не завтра.

И с ним исчезнут стальные догмы,
Что портят жизнь цепями запретов,
И каждый себя будет чувствовать дома
В любой из выживших частей света.

...Чтобы восстать в обновлённом ранге
После последнего катаклизма,
Приоткрываю последнюю банку
НЗ сердечного оптимизма.

ДУРАКИ

Рассказ

Снится мне детство.

Снится Вовка. Вовка по малолетству был непоседой: ни стоять, ни сидеть спокойно не мог. Он всё время где-то бегал, дразнил каких-то собак, таскал за хвост каких-то кошек, бил какие-то стёкла, пел какие-то песни и лепил из пластилина каких-то дураков. Это были не то человечки, не то зверушки — пучеглазые и весьма милые. Выражение глаз у них было форменно дурацкое, этим они и заслужили себе прозвище. Дураков Вовка рассказывал вокруг дома — в кустах, под лавками, в ветвях старого дуба. Некоторым из дураков — примелькавшимся — Вовка устраивал публичные казни: лез на крышу сарая в солнечный день, ставил неугодную фигурку на солнцепёк, — и та таяла, расплзлась и превращалась в непонятного цвета пластилиновую лепёшку. Вечером, когда становилось прохладно, Вовка эту лепёшку с шифера соскребал, скатывал в шарик, добавлял ещё пару и лепил нового дурака. Такой вот выходил круговорот.

Вовкина мама, добрейшая женщина, в сыне видела талант вселенского масштаба и ухитрялась стягивать дураков с эшафота, если Вовки не было рядом. Она становилась на лавку у сарая, снимала несчастного, шла в дом и прятала его в коробку в своём бездонном шкафу. Вскорости дураков в коробке накопилось с дюжину. Вовке она ничего не говорила, а потому тот решал, что кому-то удаётся сбежать, объявляя беглецов в розыск и тратил ближайший день на исследование окрестностей. Окрестности вздыхали облегчённо — целый день без разбитых окон.

Когда Вовке стукнуло двадцать, мать торжественно вручила ему коробку со спасёнными дураками. Вовка был счастлив безмерно, потому что детство, как и все мы, очень любил и любой ниточке, связывающей настояще с тем сладким временем, был рад.

Снится мне, что я иду по тропинке вдоль железной дороги, а вокруг меня прыгает Вовка, кружит, забегает вперед, торопит и повизгивает:

— Ну, давай, шевелись, дурак! Шевелись!

Я понимаю, что сплю, но сснувшись плечи продолжаю идти. Солнце светит в затылок, и от ступней моих вперед тянется длинная тощая тень, неуклюже

дёргающаяся в такт ходьбе. Вовка, суетясь, топчется по моей тени, и мне от этого неприятно, хочется подобрать её, перекинуть через плечо и брести так, не давая пачкать её пыльными сандалиями.

— Не шали, Вовка, — отвечаю. — Я не дурак. Дураки у тебя под кустами прячутся.

Хотел ещё сказать про коробку, но вспомнил, что этому Вовке ещё рано знать о тайнике. Пусть ждёт до двадцати.

Краешек моего сознания вздрагивает от фразы «под кустами прячутся», мне становится жутко — они ведь не прячутся, Вовка сам их туда рассаживал.

Вовка, забежав порядочно вперёд, что-то выкрикивает мне в ответ, что-то резкое, может быть, обидное, но я ничего не слышу, потому как внезапно из-за правого моего плеча вылетает оглушительно грохочущий поезд.

Меня во сне ничем не удивить, я останавливаюсь и начинаю подпрыгивать на месте, махать несущемуся составу руками, радостно что-то кричать, вагоны мелькают стремительно, я не вижу даже пробелов между ними. Начинаю часто-часто моргать, чтобы вместо кино смотреть диафильм. В одном из бесчисленных окон выхватываю взглядом знакомое лицо. Я поворачиваю голову и не вижу на тропинке Вовки, вокруг меня — никого. Оглядываюсь и понимаю, что лицо в вагоне — Вовкино, это он там, подлец эдакий. Запрыгнул-таки.

Поезд так же резко, как появился, превращается в уползающую вдаль гусеницу, шум пропадает, я машу вслед Вовке, выпрыгиваю на шпалы, продолжаю махать, поезд уже едва виден — козявка какая-то у горизонта. В небе по одной начинают появляться звёзды, но свет за моей спиной не тускнеет. Я замечаю что-то между шпалами, наклоняюсь и поднимаю одного из Вовкиных дураков, того самого, что он мне подарил как-то в пьяном угаре лет пять назад. У дурака добрые глупые глаза, он непонятно какого цвета, и ручки его крохотные растопырены в стороны, будто для объятий. Кладу дурака в карман и поворачиваюсь, чтобы посмотреть на солнце, которое не меркнет.

Просыпаюсь. Просыпаюсь и вижу яркий свет. На меня мгновенно обрушивается шквал голосов, звуков и запахов, я зажмуриваюсь, моргаю и

понимаю, что какой-то умник светит мне в лицо фонарём.

Отталкиваю его руку.

— Ты чего разлёгся? Проехать дай! — скрипит обладатель фонаря.

Я, стряхивая остатки сна, оглядываюсь и понимаю, что за время небытия сполз в кресле — хорошо, на пол не свалился — и длинные мои ноги перегородили проход между рядами. Я в зале ожидания, вокруг полно народу, и подобные фривольности недопустимы. Надо мной стоит косматый старик и светит на меня пластмассовым фонарём «Хрустальный родник». На старике какие-то лохмотья, куртки, пиджаки, рубашки.

«Сто одёжек и все без застёжек», — думаю я и подтягиваюсь в кресле, поджимая ноги. Стариk признателю козыряет мне грязной ладонью, опускает фонарь куда-то за пазуху и мелкими смешными шажками, почти не отрывая подошв от пола, начинает шаркать между креслами.

Смотрю вслед. На ногах у него замызганные сапоги, в которые заправлены костюмные брюки в мелкую полоску.

Старик, не останавливаясь, оборачивается и ещё раз коротко козыряет мне через плечо. Киваю в ответ. Он улыбается и продолжает своё шествие по залу, задевая людей и лежащие на полу сумки. Вскоре он скрывается за колонной, и я теряю его из виду.

Я окончательно просыпаюсь. Всё тело замлело и ноет, а кроме того, я порядком вспотел и от этого мне неуютно. На коленях у меня жиденъкий рюкзачок, постукиваю по нему ладонью, убеждаясь, что он за время моего сна не опустел совсем.

До поезда ещё полчаса. Терпеть не могу ждать.

В кресле напротив расположился толстяк в шляпе. Поднимаю на него глаза и вздрагиваю. Толстяк спит, запрокинув голову (как только шляпа держится?), толстые ладони сплетены на саквояжике, рот широко открыт. По щеке, приближаясь к пышным седым усам, пробирается жирная чёрная муха. Замирает, делает пару мушых своих шажков и снова замирает, словно боясь разбудить.

Я брезглив. Если бы по мне спящему — да даже, если и по мне мёртвому — ползла муха, я бы хотел, чтобы её смахнули.

Муха двигается к усам толстяка, а всем вокруг плевать, и никто этого не замечает. Рядом с усачом сидит, насупившись, его жена — тучная дама неприветливого вида — и читает что-то пёстрое.

— Простите, — говорю я ей.

Не слышит.

— Я прошу прощения.

Дама медленно поднимает глаза.

Показываю пальцем на толстяка. Муха уже упёрлась в ус и робко трогает его лапкой.

Дама, хмурясь, медленно поворачивает голову, медленно кривит губы и тыльной стороной ладони шлёпает супруга по щеке. Муха взмывает, а толстяк вздрагивает, распахивает веки и смотрит на жену с таким непониманием, что мне его становится жалко.

Жена уже продолжает чтение, не обращая никакого внимания ни на мужа, ни на меня. Толстяк что-то бормочет в усы и выуживает из саквояжика пачку сигарет. Хлопает по карманам и, поняв, что чего-то в них недостаёт, толстым указательным пальцем осторожно касается плеча благоверной. Та, не отрываясь от журнала, выдёргивает откуда-то длинную сияющую зажигалку и сует мужу. Муж благодарно крякает, поднимается и семенит к выходу на перрон.

Меня опять клонит в сон. Чтобы не проспать, решаю оставшееся время провести на воздухе. Медленно встаю, накидываю на плечо рюкзак и иду вслед за толстяком.

На перроне гуляет ветер, стучит вдалеке стройка, по небу перекатывается пух облаков. Ох, как же хорошо дышать.

Справа, у самых путей, топчется в клубах дыма толстяк. Ловит мой взгляд и смущённо отворачивается.

Я прохожу вперёд, к лавкам, вткнутым в самую середину перрона. Людей вокруг — раз-два и обчёлся.

Сажусь на холодную лавку и раскрываю рюкзак. Вещей по минимуму, сверху устроились книга и завёрнутый в бумагу Вовкин дурак.

Достаю книгу, пытаюсь читать, но мешает ветер — хватается за страницы, дёргает, мнёт. Ветру невдомёк, что человек, по слову Бродского, есть продукт чтения, ему не объяснишь, что рвать порядочные издания — нехорошо.

Уступаю.

Откладываю книгу и достаю дурака. Разворачиваю, смотрю в добрые его глаза. Воспоминания обрушаются с грохотом, сливаются с приснившимся, кружат в вихре. Ветер треплет воспоминания, как трепал страницы, выёт из них узоры, разворачивает перед моими глазами причудливую вязь.

Помню, Вовка дёрнулся резко, встал из-за стола, чуть не повалив его. Сунул руки в шкаф по локоть, что-то схватил, протянул мне.

— Держи. Дарю.

В ладони у него – один из дураков, смотрит на меня, ручки в стороны разводит.

Я, помню, усмехнулся.

– На кой он мне?

– Обижаешь.

Что я, Вовку не знаю? Как ни напьётся, бывало, раздаривает дураков. Я и взял.

Вовка тогда пил без продыху. Жена ушла, с работой не складывалось, вот и повело. Стал друзей звать – что ни вечер, полна горница народу. А потом и друзья приходят перестали – не из презрения, а просто так, как-то само собой всё расплзлось, позабыли друг друга. Теперь вот снова соберёмся. Да.

– Что за дурак? – вырывает меня из объятий памяти скрипучий голос.

Смотрю – тот самый дед, что в меня фонарём светил. Стоит, смотрит заинтересованно, пятерней бороду чешет.

– Да, так, – говорю, – подарили. А чего дурак-то?

Дед фыркает.

– А то я дурака не узнаю? Вон, – тычет пальцем, – глаза глупые какие.

Пауза.

– А добрые, – говорит.

– Ага, – киваю. И начинаю дурака в бумагу заворачивать.

Но у деда другие планы.

– Подари.

– Не могу, – вздыхаю я и заталкиваю свёрток в рюкзак.

– Жлоб? – интересуется дед.

– Жлоб, – улыбаюсь. – Самому подарили, говорю же.

– Ну и ладно.

И смотрит обиженно.

А сам – ни с места. Я смотрю вдаль, мне неловко. Даль ясная, солнечная, там птицы поют, деревья шумят.

– А на фонарь поменяешь? – начинает снова.

– Извините, – говорю, – не могу. Подарок друга.

– А друг хороший?

– Хороший.

– Ну и ладно тогда. Фонарь всяко нужнее.

– Согласен.

Дед замолкает и тоже смотрит вдаль.

– Ты кем служишь? – спрашивает.

– Журналистом.

– Ну и дурак.

Молчу. И дед замолкает. Потом садится рядом со мной вполоборота, придвигается и заговорщически шепчет:

– А я – машинист.

Какой забавный старик.

– Машинист? – переспрашиваю.

– Точно, – козыряет грязной ладонью.

– Сейчас постою с тобой чутка и дальше поеду.

И машет вдаль.

– А куда поедете?

– Как куда? – удивляется. – Знамо дело, за гроб.

Вздыхаю.

– Понятно, – говорю.

Всё понятно. Больше и пояснять ничего не надо. Но почему-то спрашиваю:

– А поезд где?

– Хех, – усмехается. – Слепой ты что ли?

И кивает себе за спину.

За спиной у него опустевший перрон, даже толстяка не видать. Вокзал смотрит важно, под самой крышей у него красуется: «1902».

– О, – говорю, – точно. И как это я не приметил такого поезда?

– Это потому, что ты невнимательный и поверхностный.

Точнее некуда. Может, вернуться в зал ожидания? Там можно выпить кофе, можно выбрать газету. Но почему-то продолжаю задавать вопросы:

– А что везёте?

Дед оглядывается. Задумывается.

– Так-то много чего. Всё моё, – кивает так, словно я его заподозрил в краже. – Жизнь, она, брат, во какая длинная, всего понабрал, – разводит руки. – А в основном – грехи.

Сколько ещё ждать? Ещё приложит чем-нибудь – тем же фонарём. Сажусь вполоборота, чтобы быть начеку, смотрю старику в глаза.

– Ну, чего ты так смотришь? Легко, думаешь?

– Не думаю, – отвечаю.

– Вот видно, что не думаешь. Как зерно воят, видал?

– Видал.

– Вот. А я так грехи везу.

– А чего, – говорю, – вы их везёте?

Бросьте – и налегке.

Дед вдруг захохотал, прямо-таки затрясся от смеха. Смеялся долго, запрокинув голову и демонстрируя полный набор жёлтых квадратных зубов. Потом долго не мог отышаться.

– Как же я вагоны отцеплю? Мог бы – понятно, давно уже бросил бы. Да только тут не моя воля.

– А чья?

Старик делает серьёзное лицо и многозначительно поднимает к небу указательный палец.

Я молчу. А потом опять спрашиваю. Что ж такое со мной сегодня?

– А ваша воля где?

– А моя воля была, когда копил. Копил-копил, а вот теперь приходится всю эту дрянь на себе волочить.

– А что, – говорю, – тяжело волочить-то?

— Ну ты деревня, — фыркает. — Знамо дело, тяжело! Знамо дело, тяжело! — Взгляд его вдруг становится серьёзным. — Но что уж тут.

Слева слышится грохот. Он нарастает, наваливается на перрон — и перед нами возникает поезд. Мой. Подполз, развязил двери — на перрон посыпался народ.

Пора. Встаю. И старик встаёт.

— Подари дурака.

— Ох, отец, — говорю, — дался он тебе.

— Дался, — говорит. — Глаза больно добрые.

Ну вот, а почему, собственно, и нет? Вовке он всё равно ни к чему, а у доброй Вовкиной матери наверняка один-два в коробке запрятаны.

Достаю свёрток, протягиваю.

Дед аж заискрился, борода расползлась в разные стороны, только что не заплакал от радости.

— Спа-си-бо, — берёт дурака и прячет за пазуху. — Хороший ты малый. Только глупый. Бог в помощь.

— И вам не хворать, — говорю.

Старик поворачивается спиной и принимается шаркать по перрону.

Я подтягиваюсь к вагону, вручаю проводнице билет. Она смотрит в спину шаркающему машинисту и говорит мне доброжелательно:

— Это машинист, что ли? Вы не обращайте внимания... Он тут ко всем пристает.

Старик, словно услышав её, оборачивается:

— Журналист!

Поднимаю руку.

— Во всех грехах раскаяться можно! Кроме одного! — козыряет и удаляется.

Остаюсь стоять с поднятой рукой.

— Да ничего, — говорю я проводнице.

Она пожимает плечами и возвращает билет:

— Десятое место.

— Спасибо.

Прохожу по вагону, задевая рюкзаком шторки. У одного окна останавливаюсь, вижу как по перрону бредёт куда-то прочь от вокзала мой старик. В руке фонарь. Бледное, едва заметное пятно света скользит по заплёванному асфальту.

Захожу в купе — пустое. Опускаюсь на полку, заталкиваю под голову рюкзак. И не дожидаясь, пока поезд тронется, засыпаю.

Снится мне Вовка. Вовка часто мне снится.

Он сидит у железной дороги на валуне, в руках у него пластилин. Подхожу, сажусь рядом — на траву.

— Дураков лепиши?

— Дураков.

— Ну, лепи, дело неплохое.

Вовка пыхтит, старается, но пластилин слишком мягкий, слишком податливый, так нельзя. Вовка весь раскраснелся, ёрзает. Я вижу, что по его щеке ползёт черная муха.

— Вовк.

— Не мешай.

— По тебе муха ползёт.

— Пускай.

Никаких «пускай». Легонько хлопаю Вовку по щеке. Он вскакивает.

— Ты чего дерёшься?! Отдавай дурака!

— Вовк, я муху согнал.

— Всё равно отдавай!

Я унижаться не намерен, хлопаю по карманам. Вспоминаю, что дурака у меня нет.

— Нет у меня твоего дурака, Вовк.

— Куда дел?

— Старику отдал.

— А и ладно, — Вовка садится на камень и продолжает возиться с пластилином. — Я ещё налеплю.

Сижу и смотрю. Пальцы у Вовки ловкие, все перепачканы, под ногтями глубоко черно.

— Ты обиделся что ли? — спрашиваю.

— На что?

— Ну, за дурака. Что я его отдал.

— Нет, — отвечает Вовка, и я вижу, что там, где была на его щеке муха, блестит слеза.

— Я ж его тебе вёз. Правда. Да уж больно старик чудной.

— Понял, — сухо отвечает Вовка.

Сидим молча. За моей спиной закат. Над Вовкиной макушкой небо густо оранжевое. Вокруг — сухое и жёлтое поле.

— Вовк, — решаюсь я наконец.

— Что?

— А ты зачем?

— Что зачем?

— Самоубился зачем?

Вовка поднимает глаза. Пару секунд смотрит молча. Потом открывает рот и начинает быстро-быстро что-то говорить, еле сдерживая слёзы.

Но в этот самый момент справа возникает поезд, он несётся, ревёт, гремит, я не слышу ни единого Вовкиного слова. Воздух пропитывается каким-то смрадом — невозможно дышать; над рельсами мелькают один за другим серые грузовые вагоны. Вонь идёт от них.

Я смотрю на Вовку, он что-то тараторит, но ничего не разобрать — слишком громыхает.

Поезд уносится вдаль, я просыпаюсь.

Полка мягко покачивается, колёса выступают свой несложный ритм. Мимо запертых дверей проплывают шаги — удаляются, исчезают.

УВИДЕТЬ СЕБЯ С ЛИМОНАДНЫМ СИРОПОМ

Стихотворения

* * *

Со всех сторон приходят поезда,
Сменяется вокзал античным Римом,
Вдруг узнаёшь, что прежде никогда
Не видел глаз, в пронзительно томимом,
В каком-то странном чувстве, будто сон:
Знакомый дом, все мелочи, проулок,
На камне капли — влажно, купидон,
И с бакалеи запах сдобных булок.
Вдруг старый Петербург и Древний Рим
Смешались наяву в лучистой мысли:
И горизонт с пейзажем заводским,
Текстильных фабрик выхлоп углекислый,
Дом сто восьмой, колодец из квартир,
Вот стол, и солнце заменяет лампа,
Помехи, сырость, радиоэфир,
Пробился стих, что пятистопным ямбом
Звучит, а следом грустный хор, с трудом
Припомнешь день, когда-то слышал,
Тогда, быть может, видел сон: пешком
Всего лишь час, Шпалерная и выше,
А за углом — прекрасный Древний Рим,
Сухому ветру птица доверяет,
Непросто с города холодных зим
Зрачку перенести как луч сияет,
Что отражён бутылкой из стекла,
И в ней письмо, и блеск голубоватый,
Прижал печатью, плотная смола,
Закинул в реку, кто найдёт когда-то —
Прочтёт тот стих, что собран из пяти
Двухсложных стоп, бумага пожелтеет,
Экслибрис тёмный выцветет почти,
Строка воспоминания навеет.

* * *

Фонтан на лондонском квартале будто спит:
Вода статична, отражается лишь камень.
Светильник матовый, окно и бледный пламень,
Раскрыта книга, но кому принадлежит —
Мне не узнать. И неподвижная стрела
На старой башне, словно флюгер, указала
На временную относительность, и стала
Повсюду ночь, всё замирало досветла.
Обрывок фразы недосказанной застыл,
И мнемонические строки, части речи,
Вот найтингейл остановился, белокрыл,
Остановилось всё. И тень от каждой вещи
Не удлинялась ближе к вечеру, разряд
Далёкой молнии, но грома нет, и площадь
Вся в тишине, истроен неподвижный сад,

Что полон птиц, от пыли пепельная роща.
Вернулась ночь, и англичане крепко спят.
Чернее сажи кошки ждут луну на крыше,
Вот найтингейл, но нарисованный, затишье,
Туманный Лондон, воздух сыростью обят.
И снова ночь, а следом вечер, дальше день,
На всех страницах с фотографиями дата,
И время тянется к пространству, словно тень,
Что удлиняется от стрелки циферблата.

* * *

На пыльном дворе из теней кружева,
Упругий прыжок и полёт над пробелом,
Ряды из квадратов, число и слова
На сером асфальте написаны мелом.

Хромая собака на сонный вокзал
Отправилась снова встречать лаборанта,
В вечерних лучах силуэт исчезал,
Став бледным пятном, как отсчёт радианта.

Железное тело из двух центрифуг,
Мотор мотоцикла и гибкая лента —
Соседа-мальчишки придуманный друг,
Но сердца в нём нет, не досталось фрагмента.

И ночью придёт вдруг идея одна:
Замок в гараже подойдёт, и аорта
Из старого шланга, гитары струна
Похожа на вену, душа из аккорда.

Но утром он вспомнит: пора уезжать,
Вот скоро составит инструкцию сборки
И спрячет в камнях, и возьмётся мечтать,
Как снова найдёт в затаённом восторге.

* * *

Овеяно тканью незримых миров
Пространство, что видит лишь оптик-любитель,
В уме представлял на Сатурне обитель,
На спутниках нет кучевых облаков.

Рефрактор настроен, далёкий объект,
Что, если попасть на него с телескопом?
Увидеть себя с лимонадным сиропом,
Идущим весной на Литейный проспект.

Расфокус, но видно из детства мечту,
Медведицы свет, логотип, вход у банка...
Забрать бы домой, но нужна же стремянка,
И ждать мне придётся, когда дорасту.

СО СЦЕНЫ

Рассказ

— Я ж вас веду на братьев; я Литву позвал на Русь!

— Нет, никуда не годится...

— Я в красную Москву кажу... Извините, я не расслышал. Дальше?

— Ни слова не понимаю. Ничего. Текст мёртвый, Валера.

— Я понял. Тогда, может быть, отсюда... Вы за царя подняли меч, вы чисты?

— Стоп. Куда ты бежишь? «Я понял», «я понял», и ничего не меняется. Где внутренняя работа? Где подготовка к репетиции? Я уже не знаю, что делать. Перерыв десять минут.

Олег зовёт покурить. Меня вежливо огибают взгляды, я выхожу из гримёрки. Не хочу через зал, но другого выхода нет. Режиссёр говорит с Машей. Оглядываются, замолкают. Олег усмехается. Мне нужно взять пальто, на улице холодно, я не хочу простужаться. Думаю на пять-десять секунд вперёд, дальше кружится голова.

— Вот так... Я тоже иногда думаю: ну его к чёрту... Стою на сцене и понять не могу, что говорю.

— Ты мне скажи лучше, что делать.

— Сказать, хм... Пробуй, Валерка. Знаешь, сколько мы моно мучали?

— Знаю. А показ через неделю.

— И что, и что мы? Не покажем, что ли?

— Да покажем, конечно.

— Ну вот, Валерка, вот...

Полтора года назад аплодисменты оглушали. Всем гордо говорил, что привык к свету софитов, но глаза постоянно слезятся. Может, потому что слёзы хлынули в последней сцене. Дарят цветы. Какая-то девушка подходит и вручает арбуз. Я не знаю, куда его девать, стою с розами и арбузом, стараюсь улыбаться, проговариваю губами: «Спасибо». Устал и счастлив.

— И если нужно ещё что-то сделать, я с удовольствием.

— Я пока присматриваюсь. Хочу понять, как ты работаешь. Делай, что у тебя получается.

— Я бы с удовольствием и над моноспектаклем поработал, и в дуэте.

— Давай сперва с текущими постановками разберёмся.

Кислое, тянувшее ощущение в груди. Двадцать три пятьдесят. Сижу на заднем сидении Тойоты Приус. Убер дал скидку на десять дней, еду домой за шесть евро. Гораздо быстрее, чем метро и трамвай. Мне надо поесть и спать, репетиции каждый день. Свободно только в субботу.

— Всё-таки слишком она... С другой стороны, весь спектакль на тебе, все ключевые сцены. Всё-таки... Ага.

— А текст каждую неделю сокращают. Выкинула бы она меня совсем.

Восемь двадцать две. Меньше десяти часов осталось... Считаю время, тяну его мысленно, жду репетиций, как неизбежного наказания. Из папки выпадает исчерканный текст. Вы за царя... Литва справа. Русь слева. Не показывать руками, видеть!

— Неужели у всех всё получается?

— В принципе да... Катя, конечно, тоже... Но ей проще. А Серёжа вообще из репетиций вышел.

— А Данила?

— Данила естественный. А ты только думаешь. Думай меньше.

Погладить рубашку и ехать на работу. Календарь забит встречами, но ведь до репетиции надо как-то вжиться в эту сцену. Или отвлечься. Заболеть. Два дня можно не приходить без справки от врача. Боже, благослови четверг.

— Маша плакала, с репетиции уходила.

— Для неё это дело жизни, она актриса. А я?

— А тебя так же воспринимают. Это же, Валерич, комплимент.

— Я помру от таких комплиментов.

— Ты давай лучше весь спектакль сделай, ну, как сцену в келье сегодня, тогда порадуешься.

Шеф желает мне выздоровления. Прячусь под одеяло от стыда. Закрываю глаза, вычищаю страх из-под ногтей. Интересно, это настоящая депрессия или острые форма комплекса отличника? Шепчу себе: «Я не собираюсь быть профессиональным актёром». Два часа до репетиции, а ехать час. Не могу больше проговаривать текст, сводит губы. Хожу по комнате и визуализирую. Где-то же должна быть эта проклятая эмоция.

– А что вы заканчивали в Москве?

– Я так понимаю, вы имеете в виду театральный? Я просто очень давно занимаюсь, как любитель, почти двадцать лет уже.

– Ну, это всё равно, вы профессионал, природный актёр.

– Спасибо большое. Всё же нет, не профессионал, но очень приятно.

Пять минут идти от метро. Каждым шагом словно разрываю намотанный на ноги бинт. Замер перед входной дверью. Пришёл раньше, как будто это поможет.

– Может быть, в какой-то сцене...

– Что?

– Есть какие-то моменты, которые получаются? Я бы от них оттолкнулся.

– Нет... Закрепления нет. Каждый день как с чистого листа... Я могу что-то придумать, но не всегда каждый день заново. Ну, допустим, сегодня что-то мелькало в сцене с Олегом.

– Да? Спасибо, попробую её проработать.

– Что ты будешь прорабатывать? Скажу «да», а завтра ты всё будешь будешь повторять механически. Я не знаю... Я не знаю, что мы будем показывать через неделю.

Папка не влезает в маленькую урну на столбе. Радуюсь, что я в перчатках. В театре принято посидеть на тексте, если его уронил. Плохая примета – упавший текст перед спектаклем. А я с наслаждением вырываю страницы, и комками – в

щель. Мой покой бесовское мечтанье тревожило.

На репетиции меня ждут только через час. Вызвал убер на другую сторону улицы, не хочу ни с кем встречаться – даже случайно.

– Репетиции бывают разные, это понятно.

– А что ты тогда?

– На сцену больше не хочу. Раньше я каждую строчку своего текста берёг, секунды растягивал... Теперь полстраницы монолога выкинули, а я рад.

Сообщение от Маши, пропущенный от Олега. Скрываю оповещения. Расхотелось жить в этом городе. Все настоящие друзья есть в вотсан. И три предложения от рекрутёров в почте.

– Очень важный спектакль. Критики придут и, возможно, кто-то из посольства.

– Она о твоём спектакле говорила ровно то же самое. И о фестивале в Ижевске. И о фестивале «Кросс-культур».

– Они тоже были важные.

– Я работу стал пропускать. В этом году у меня больше дней на больничном, чем за предыдущие 6 лет, а сейчас только март! Я ничего больше не делаю, только еле работаю и театр.

– Это нормально. Я даже в магазин не успеваю.

– Ты же профессиональная актриса!

По дороге разослал обновлённое резюме. Завтра будут назначать собеседования, главное – подальше отсюда. Водитель слишком резко и часто перестраивался, а я смотрел в экран планшета. Теперь мутит. Дышу у подъезда. Телефон затих. Больше не ищут. Достаю ключи, как свободный человек.. Свет фонарей режет комнату на треугольники. Ногтем по бокалу – звук, будто с кем-то чокнулся. Я не могу просто уйти. Придётся сбежать.

КАМЕННЫЙ ТОПОР

Стихотворения

Два полюса

Как за глоток огня платят сожженым нёбом,
так за внутреннюю силу – крепостью оболочек.

Кто слаб – тот напоминает амёбу:
под микроскоп её и смотри, кто хочешь.
Тоненькая кожица не даст защиты,
не спасёт от вторжения в хрупкую сущность.
О, как легко быть морально убитым!

Правда, стать крепче не значит – стать лучше.
Иногда такой монолит соторится!

Страшно
и находится
с ним по соседству.

В душу не глянуть и не пробиться.
И не согреть. И не согреться.

Какая-то часть меня снова
не переживёт нашей ссоры.
На ногах удержала,
пожалуй, только бравада,
а потом выдернула твоё меткое слово! –
с гарпунным жалом
и желобком для яда.

Метнула своё – последнее,
и как агония – истерики
нервные спазмы.
Каменный топор, помнится,
был милосерднее.
По крайней мере,
убивал сразу.

Вселенская катастрофа

Я не «кто» и не «что». Я –
растянутый в бесконечности взрыв,
от первой инертной точки нуля
до летящих веером расплавленных брызг

я разговариваю с каждой вещью
на языке, незнакомом ей прежде,
на языке первозданной силы,
крушащей преграды,
рвущей жилы
во имя великой цели движенья.

Остановить не пытайтесь! Поздно.
Я – разрушение.
Я – для того, чтобы всё было создано
вновь.

Икар

Блаженны алчущие неба!
Хоть раз вкусивший высоты
на вес не золота, но хлеба
такие меряет мечты.

Тщеты своей
не понимая,
он вновь и вновь
берёт разбег...
И, воздух крыльями ломая,
ложится в первый белый снег.

когда до конца света останется несколько минут
я оборву провода

но дозвонюсь по тому номеру
который я обычно не помню
и задам тебе только один вопрос
но так

чтобы ты не успел ответить
чтобы Вселенная им подавилась
чтобы надежда осталась вечной
я дозвонюсь это я обещаю
только вот пусть сначала всё рухнет

Мы тянем разговоры, словно жгут,
спасая затухающее пламя,
но ты не тот, которого здесь ждут,
и я не та, что плачет под дверями.

Банальный смысл – банальнейший размер.
Всё было так и даже тем же ямбом.
Но горько втиснуть собственный пример
в чужие отшлифованные штампы!

Как хочется, чтоб было всё не так!
Переломать и правила, и роли!
Но ты не тот, чтоб пересилить страх.
И я с тобой
боюсь
банальной
боли.

НАЙДИ СЕБЕ ЧЕЛОВЕКА

Стихотворения

В сезон хурмы и повышенья цен,
Мовалиса, бессонниц и шалфея,
Где улицы меняются в лице
И трубы радиатора теплеют,
Откажешься от грусти ни о ком
Во имя сна и набежавшей лени,
Когда бетон прикроется снежком
И дворники вздохнут от умиленья.
И не было, пожалуй, никогда
Таких времён, где долгие недели
Стрижей к себе магнитила вода
И пчёлы от нектара тяжелели.
Где пах ромашкой липкий баббл-гам
И майский жук выделявал коленца,
Где мы плелись по разным берегам
С дырой внутри и пластирем на сердце.

Я училась терять печаль в лабиринтах ЦУМа,
В полосе дождей не жалела ни Бланш, ни Бэлу.
Я пила с вурдалаками, с узником Кхазад-Дума.
Прожигала жизнь с пионером в рубахе белой.
Хороня вино в пакетиках tetrapak'a,
Среди прочих истин одну сохраню от века:
Если хочешь большой любви – заведи собаку.
Пожелаешь разлук – найди себе человека.

К осени город прост и очеловечен.
На остановке тополь роняет сны.
Что, если счастье – просто фигура речи?
Мальчик, забытый мячиком до весны?

В переулках зима,
возвратившись с окраины страха,
Сыплет мелкую дрожь
через неба бескровный порез.
Это вовсе не снег. Это новая музыка Баха.
Это Моцарт в миноре опять заиграл до-диез.

И не слышно уже, как выходит сосед из запоя.
Как машины гудят,
а мальвины сбивают гранит.
Ни волхвов. Ни ментов.
Только тьма на дощатом заборе.
География комнат.
Вселенная.
Острый бронхит.

Что до любви –

она постоянный голод:

Пьёшь анальгин ли,
сонной выходишь в город,
Локти сбиваешь на переходах узких,
Врёшь на иврите

или молчишь на русском.

Свет мой, с твоим закатом
не стало хуже,

Но отпустивший –
дважды обезоружен.

Если душа примёрзла к душе подобной,
Память водой не смоешь водопроводной.
Кашель взрывной волной накрывает утро.
Даже в стихах становится неуютно.

Словно, дойдя до места, где мы согрелись,
Жизнь замирает и запускает реверс.

объёмная тушь удлиняет мои ресницы
парикмахер делает меня седой
вытянутой
и немного яйцеобразной
визажист прибавляет возраст
фотограф фиксирует мои недостатки
и я всё больше становлюсь похожей на маму
с которой никогда не жила
и чьего лица боюсь до сих пор
массажист говорит
что ноги стройнеют
с каждой проведённой мне процедурой
но зеркало в Zara ухмыляется
как двадцатилетняя фотограф
на просьбу о ретуши носогубок

эти стихи
никогда не написал бы Чарльз Буковски
потому что он мужик
и прекрасен
в своей алкогольной запущенности

или Эмили Дикинсон
потому что она была выше этого

эти стихи пишет Сара Зельцер
потому что её все достали.

ПОД СЛОЕМ КОПОТИ

Рассказ

Был у нас в деревне один дом. Нехороший, как говорили сельчане. Что там на самом деле произошло доподлинно, пожалуй, уже никто никогда не узнает, – слишком давно это было: те, кто что либо видел или слышал, давно поумирали. Конечно, кое-какие слухи живучи до сих пор, но как знать, не брещут ли люди красного словца ради?.. Одним словом, тёмная история, в которой слишком много вопросов и ни одного ответа.

Я был в том возрасте, когда любая тайна будоражила воображение. И чем более зловещей и запутанной она казалась, тем лучше. Как и всякому пацану в тринадцать лет, мне хотелось приключений. Тем более что в те годы я безнадёжно «объелся» Стивенсоном и Жюлем Верном.

У меня было два закадычных приятеля – Стёпка и Сашка, таких же неисправимых романтика, как я. Учились мы ни шатко, ни валко. Не учились даже, а так, отбывали, протирали за партами штаны. Единственное, что нас интересовало, – это поиски клада, ради которого мы то обшаривали полуразвалившуюся кладку какого-нибудь заброшенного дома, то в тайне от родителей, прихватив из сарая мешок и лопату, совершали вылазку в лес.

Построенный ещё до революции кирпичный двухэтажный особняк притягивал нас своей легендой: раз его строил купчина, думалось нам, значит, где-то непременно должно быть припрятано золотишко. А разве может быть иначе, ведь всем известно, что купчики – народ зажиточный.

К слову, дом этот манил не только нас. Сельское начальство наше то и дело пыталось его обжить, устроить в нём склад или мастерскую, но дальше разговоров дело не шло, потому что здание требовало ремонта, а на это вечно не хватало денег. Зная расторопность председателя сельсовета, можно было быть спокойным, что в ближайшую пятилетку починкой ветхой, провалившейся крыши и стнившего от грибка пола никто не займётся.

Был и ещё один тип, которому приглянулся купеческий дом. Целыми днями напролёт возле особняка отирался странный субъект – жалкий весь какой-то, в поистрёпанной одежонке и вечно под хмельком... Служалось ли вам видеть беспробудно пьющего человека? Не

обычного пьяницу – это дело нехитрое: много таких на Руси повстречать можно. А трезвенника – убеждённого, истового, но припадающего к горькой, как к отраве, с остервенением отчаянием самоубийцы. Это действительно сродни самоуничтожению. Только конец отсрочен на мириады бесконечно долгих, отупляющих своей безысходностью дней. Вот и этот бедолага был такой. Опустившийся, но безобидный, тихий. Мы с брезгливым любопытством приглядывались к нему, а он, казалось, не замечал нас вовсе. Бродил вокруг старого дома, выискивал всё чего-то, вздыхал и будто бы сокращался от невесть какой беды.

Пожалуй, в каждом селении, даже самом маленьком, есть свой сумасшедший. Над ним, как водится, посмеиваются, крутят пальцем у виска и дразнят обидными прозвищами. Что поделаешь – жестоки люди: вечно им нужен кто-то, на кого можно тыкать пальцем. Я и дружки мои выбрали для преследования этого горемыку. Особо не донимали, конечно, но при личной встрече считали своим долгом выкрикнуть по его адресу какое-нибудь обидное ругательство или залимонить камешком в спину. Знали – жаловаться не пойдёт, потому и куражились... Стыдно сейчас, спустя годы, за то, что я таким поганцем был. Но, как говорится, мой бы ум, да в те бы годы!

Помнится, один раз мы, мальчишки, изнывая от безделья во время летних каникул, околачивались вокруг заброшенного дома и ожидали встретили там местного пьяницу. Увидев его, принялись готовить и улюлюкать:

– Эй, чучело гороховое!.. Вернись на огород ворон пугать!..

– Вымой рожу, образина!..

Он, против обыкновения, не стал делать вид, что ничего не слышит, а обернулся к нам лицом. В его глазах застыли слёзы.

– Она была ангелом... – прошептал он. – Бедная моя, хорошая... А вы – сволочи!.. Мизинца её не стоите...

И, сев на пыльную дорогу, заплакал.

Я и товарищи мои растерялись. А он, вытирая слёзы грязным кулаком, рыдал навзрыд и мямлил что-то невнятное.

Нас шуганул сосед, возвращавшийся с покоса дядька Семёна, – суровый, вечно хмурый мужик, которого я, признаться, побаивался, как, впрочем, и все пацаны, кто

пытался воровать яблоки из его сада – по ночам он дежурил там с ружьём, начинённым солью.

– А ну по домам, соплячё! И чтоб больше я вас не видел, а то уши поотрываю! – и, склонившись над пьяницей, заботливо взяв его под руки, с непривычною мягкостью в голосе произнёс: – Пошли ко мне, Николай, жена обедом накормит.

И увёл его – рваного, шатающегося, источающего кислый запах самогонки и немытого тела. Мы с друзьями ошалело переглянулись – такого ханыгу и в дом! Вот даёт сосед! Но главное, мы наконец-то узнали имя незнакомца – Николай.

Вечером мы встретили этого самого Николая ещё раз: он выходил из ворот соседского дома, провожаемый хозяевами. Удивительное дело – похоже, он побывал в бане. Вымытый, побритый, он казался значительно помолодевшим. Старенькая одёжа его была чистая, отглаженная, колени на штанах – аккуратно заштопаны, а рубаха, похоже, вообще с чужого плеча – не иначе, сосед расщедрился.

Простившись с гостеприимными хозяевами, Николай зашагал в направлении заброшенного дома. Мы хотели было двинуться вслед за ним, но дядька Семён пригрозил кулаком, и это нас остановило. Встав на дороге, мы долго свербили взглядом его долговязую фигуру. Николай шёл, не оглядываясь, резвой, подпрыгивающей походкой. Один раз наклонился – оборвал веточку растущего вдоль дороги репейника. Зажав пальцами цветок, мечтательным движением помахал им в воздухе – должно быть, напевал что-то или просто пребывал в благодушном настроении.

– Знамо дело, пропустил стопарик, – съязвил Сашка.

– И не один, – поддержал его Стёпка, сплюнув сквозь зубы. – Пьянь подзаборная!

Я тоже не мог оставаться в стороне от столько авторитетного мнения и, скривившись, процидил:

– Трезвяк по нему плачет!

...Больше мы его никогда не видели...

В ту же ночь в бывшем купеческом доме произошёл пожар. Огонь был такой силы, что пришлось вызывать подмогу с района. Поляхало несколько часов кряду. Все в деревне, от мала до велика, таскали воду из реки. У меня от тяжести вёдер потом ещё долго ныла спина и болели руки.

Дом выгорел почти дотла, уцелели одни стены. Николая с трудом опознали по пряжке на ремне. Немногие нашлись, кто ему посочувствовал. Считали, что это именно он совершил поджог.

Когда приехавший из города следователь и местный участковый,

разгоняя окриками нас, толпу зевак, несли в пакетах то, что осталось от погибшего, я услышал как две стоявшие рядом со мной бабы, крестясь, зашептали друг другу:

– Бросил её, беременную, а она руки на себя наложила... Потом всю жизнь ходил, каялся... Так и спился мужик... Хоть дом этот проклятущий сгорел! А то как иду мимо, всё она мерецится. Её на чердаке нашли, на перекладине уже холодная висела...

– А я слышала другое. Колька-то служить ушёл, а дружок его верный Сенечка про неё гадостей всяких ему написал, мол, гуляет тут невеста с кем твоя девка, пока ты в армии. А сам-то, гад, клеился к ней, а она его отшила. Ну, его и заело – навёл поклён. Колька, дурень, уши развесил, отставку ей махом дал, не разбирая, кто прав, кто виноват. А она, глупая, в петлю...

– Тише ты, и он тут!.. Принесла нелёгкая...

Оглянувшись, я увидел бледное лицо дядьки Семёна. Похоже, он краем уха слышал ядовитые пересуды кумушек. Зная его крутой нрав, ждал, что сейчас он по обыкновению своему зычно гаркнет на сплетниц: «Цыц, курицы безмозглые, откуда, мол, знать вам, как оно было на самом деле!» Но он не произнёс ни слова. Опустив голову и как-то сразу ссупулившись, он, ни на кого не глядя, понуро побрёл домой. В его походке появилось что-то стариковское, шаркающее, жалкое. Мы с Сашкой и Стёпкой провожали его взглядом, пока он не скрылся за поворотом. Потом, сухо попрощавшись друг с другом, разошлись по домам. Впервые в жизни мы не стремились обсуждать увиденное сообща. Каждый из нас замкнулся в своих мыслях, которыми не хотелось делиться с окружающими.

...Осенью батька мой получил повышение по службе, и его перевели на работу в город. Моя семья, продав дом и корову, уехала из деревни. На новом месте всё было по-другому: я пошёл в новую школу, обзавёлся новыми друзьями и увлечениями, ранее не свойственными мне, – записался в кружок юных астрономов и спортивную секцию. Старинные развалины бывшего купеческого дома с его страшными тайнами остались далеко в прошлом... Друзьям своего детства Сашке и Стёпке я горячо пообещал писать письма и обязательно приехать летом на каникулы, а ещё – пригласить их к себе в гости и сводить в городской парк покататься на чёртовом колесе. Но слова своего не сдержал. Они меня, наверное, честят за это почём зря – плохим я оказался товарищем... Впрочем, писем я не писал не только им. Не люблю я это дело. Если что – лучше на словах, в глаза глядя. Чтоб не соврать.

КОНЬ ВОРОНОЙ

Стихотворения

* * *

Неслышно играя наборной уздечкой,
Бесшумно крадусь над притихшою речкой.
Колотится сердце в ушах у меня:
Мне надо украсть Вороного коня.
Мигают над городом бледные звёзды.
Над городом месяц оскалился грозно.
Пока не взошла золотая заря –
Мне надо украсть Вороного коня.
Мой конь и не знает, что я уже рядом,
Что через минуту мы встретимся взглядом,
Что Ветер-изменник тревогу принёс –
Конь сонно жуёт золотистый овёс.
Не слышит мой конь, что шумит ему Ветер,
Он дремлет в уютной, обструганной клети.
Накормлен, ухожен и конюх – родня...
МНЕ НАДО!

Украсть Вороного коня.
Прощайся со стойлом и вкусным овсом.
Проснись, Вороной!

Еле скрипнул засов.
Секунда – и воздухом дышится чистым!
И ветер в лицо ударяет со свистом!
И, тёплый асфальт разбивая копытами,
Сквозь лай мы несёмся из города сытого.
...И вот за спину, лениво шурша,
Бессмысленно шепчется плёс Иртыша.
Мы вырвались!

Наша погоня отстала.
Погоня в конюшню вернулась устало.
Кричала погоня, что мало зарплаты
И кони погони совсем не крылаты.
«На что вам раздолье берёзовых колков?» –
Мы сами, признаться, не ведаем толком.
Не спрашивай нынче про это меня –
Я всё же

украл
Вороного
коня!

Старый волк

Клыки сточились.
Облезла шкура.
Глаза слезятся...
Раз – ну и ну! –
Завыл на солнце однажды сдуру,
Как прежде, в юности, – на луну.

Волчица мчится с другим бок о бок,
Вонзаясь хищно в ночную тишину.
А тут скулишь и мечтаешь, чтобы
Поймать хотя б полевую мышь.

И ты на лавке сидишь у хаты,
Костыль отставив,
смолишь табак
И вспоминаешь, как мы когда-то
Сходились в схватках,
мой старый враг.

Припомнишь вмиг молодые годы,
Узнав мой жёлтый, тяжёлый взгляд.
Не торопись, я дождусь и гордо
Приму на грудь роковой заряд.

В село открыто войду я нынче,
А прежде – крался через бурьян,
Чтоб стать последней твоей добычей,
Мой верный недруг, старик Иван.

* * *

*Фотографию двух погибших детей
сжёг на глазах их матери, Айседоры
Дункан, в порыве ревности Сергей
Александрович Есенин.*

Проклятый случай не даёт покоя мне:
Ну что же вы наделали, Сергей?
Металась женщина прекрасная по комнате,
Пытаясь уберечь своих детей.

Другой бы кто...
Но вы – поверить страшно!
Ещё страшнее было вспоминать,
Как фото, что спалила ревность ваша,
Рыданьями не вымогила мать.

Потом вы каялись и пили до потери...
Тут я себя на мысли вдруг ловлю:
Других причин хватало в «Англете»,
Но ЭТА затянула ТУ петлю.

Когда курил седьмую сигарету,
Открылся разом страшненький секрет:
В шкафу судьбы для каждого поэта
В подарок припасён такой скелет.

ВЗГЛЯДОМ ЛОВИШЬ – А ОЧИ НЕЙМУТ...

Стихотворения

Словно зимы

песнопением прерванным,
Воздух цветеньем неистовым вспенен.
По деревянным, скрипучим, серебряным
Трём на веранду ведущим ступеням

Можно подняться – но дверь заперта ещё,
Ключ в тайнике с прошлогодней листвою...
Айсберг апреля, стремительно тающий,
Кружится облачком над головою.

Каждым цветком и травинкою каждою
Учится мир просыпаться счастливым.
Руки возденешь – и хлынет над жаждою
Бурного лета неистовый ливень!

И никогда не узнаешь, зачем это,
Может быть, просто взглянув, удивиться
Щедрой горсти неумолчного щебета,
Нежно мерцающего пересвиста...

Как за Масленой мело,
как пути переметало!

Неприметное село
к ледяной Оби пристало.
Только крыши да дымок
в месте этом незнакомом.
На реке стальной замок
в цепи белые закован.

А на Маслену, небось,
зацвели костры да шали,
Как заходит в избу гость –
всё блинами угощали,
И морошка на меду
в чашках писаных светилась,
И до проруби во льду
солнце в саночках катилось.

Обь-река разоспалась,
да уже пора к заботам –
Собирать сырую бязь
по дорогам-огородам.
Сколь снегов ни полегло,
а весне всё будет мало –
Так за Масленой мело,
так над Масленой сияло!

Взглядом ловишь – а очи неймут:
Не собрать этой радостной дани
Лёгким щебетом праздных минут,
Чередой оправданий.

В мягком шелесте майской листвы,
Золотисто искрящем прибое
Так светло –
не поднять головы
В ослепительно голубое...

Но прихлынет холодная тишина
Из глубин
этой праздничной сени –
И с пустыми руками стоишь
В гуще ярмарки у карусели,

Где на каждой лошадке – плюмаж,
Стременные золочены кольца,
Где бравурно заявленный марш
Всё не может никак успокоиться.

Мир идёт
по кровавой кромке
большой войны,

Ни на миг
не отшатываясь назад.
Мы живём,
как будто друг другу
мы не нужны.

Словно нам
не вместе гасить
этот адский ад.

Ненависть как вино –
обжигающа и легка,
Пока нельзя ненавидеть открыто –
мы тайно ропщем.
У каждого своя правда –
но это только пока:
Пепелище всё равно будет общим.

МИР ВАМ

Рассказ

У нас завязался серьёзный спор, проистекший, по-видимому, от нескольких причин сразу, и, перво-наперво, от усталости друг от друга. Были и ещё причины, уже второстепенные, но не менее важные. Надвигалась зима, — время в последние годы нестойкое, гнетущее, паршивое для здоровья из-за постоянных перемен дождя и снега, холода и тепла, — и это была серьёзная причина быть постоянно на взводе. Кроме того, взрослые дети нам докучали, живя рядом, но — своей жизнью, а проблемы, связанные с этой жизнью, непрестанно и целеустремлённо перекладывая на нас. И, наконец, донимало непреходящее осознание того, что впереди у нас всё меньше оставалось света, тогда как за спиной ширилась и настигала нас мгла...

Она сказала, что мы не исполняем Божьих заповедей, замыкая в себе мир, тогда как мы должны раскрываться и жить в мире; что главное теперь, когда большая часть жизни уже прожита, — иди миру навстречу, любить и познавать его, сколько ещё осталось сил.

Я возразил, испытывая всегдашнее, едва ввязывался в спор с нею, раздражение, — так раздражается агрессивный пессимист, втайне причисляющий себя к оптимистам, когда вынужден отрицать очевидное в дискуссии с оптимистом открытым. Я сказал, что мир земной есть, возможно, тот самый ад, куда Господь вытряхнул нас из рая вместе с пылью за грех, совершённый Адамом и Евой. В подтверждение своих слов я назвал мир несовершенным, равнодушным к нам, а то и агрессивным по отношению к живущим, — со смертоносными землетрясениями, цунами, селями и лавинами. Я кричал, что в этом мире правит один закон — закон сильного, а потому каждый здесь пожирает другого и существует за счёт другого, что болезни и голод, точно язва, разъедают человечество, что так называемый «золотой миллиард» — самая большая несправедливость, конечно,

после смерти, какая существует на свете. И твой Бог с этим мирится! — кричал я.

Тогда она заплакала и сказала, что я уподобился старому иссохшему дереву, которому только и осталось на веку, что скрипеть и выть дулами на ветру. И ещё она сказала, что знает: втайне я думаю иначе, только не могу уже не скрипеть, — таковы одёжки, в которые в последние годы я рялся.

Я обозвал её дурой.

В ответ она коснулась моего лица губами, прижалась мокрой, облитой слезами щекой и прошептала, заглядывая в глаза: Бог даровал Адаму и Еве рай, но, когда им захотелось познания, отпустил на землю по их желанию. Бог сказал: мир вам! — и в мире этом — любовь!

Кстати, сказал я, пора бы уже подумать о том, как будем отмечать нашу серебряную свадьбу. Я предлагаю ресторан, тем более что в доме после нескольких месяцев совместного проживания двух семей назревает очередной ремонт.

Она внезапно помрачнела и замолчала, и тут я понял, что в ней уже засела какая-то мысль, связанная с торжеством, и до тех пор, пока мысль не будет выношена, она упорно станет молчать и уходить от разговора. Но уж когда что-то решит, её и на коне не объедешь: хитростью, упорством, каплей, что камень точит, она станет добиваться своего, пока не добьётся, а потом скажет: видишь, как славно всё получилось! Точно так, как ты и хотел.

— Да, конечно, хотел, но после тебя, дорогая.

Видя, что дело принимает такой оборот, я пустил дело на самотёк, но, когда дети застали меня врасплох, спросив, какой подарок с их стороны не разстроит маму, спохватился: до юбилейного дня оставалось всего ничего.

— О ресторане, как я понимаю, говорить бесполезно? — осторожно спросил я.

— Разве ты забыл? Мы уезжаем, — не моргнув глазом, ответила она.

— Как уезжаем? Куда?

— Ты ведь давно собирался поехать в места, откуда родом твой дед. Лучшего и придумать нельзя: поедем теперь.

Всё внутри у меня похолодело: дальняя поездка зимой, по нашим замечательным дорогам, никаким образом не входила в мои планы. Кроме того, я тяжёл был на подъём, неповоротлив, ленив и вообще... Какого, спрашивается, дьявола все за меня решили?! Если уж по мне, то лучше бы выпить у камина сухого вина и лежать весь день с книгой на диване.

Однако спорить с ней было бесполезно, к тому же можно напроситься на ссору и слёзы, что ещё страшнее дороги. И я решил потянуть время, надеясь на какой-нибудь случай, который отвлек бы её, а меня обезопасил.

Но и здесь не вышло, как я задумал...

И вот рано поутру, накануне заветного дня, мы выехали из дома и взяли путь на запад, туда, куда, вслед за нами должно было закатиться солнце.

Надо сказать по секрету, что я не люблю приготовления и сборы, прощание с домом приводит меня в уныние, а вот дорога, точно сильный наркотик, сперва отпугивает, но затем постепенно притягивает, пока, как говорили в дни нашей молодости, не вводит в истинный кайф.

И вот она, дорога, — без единой корочки льда, старая простуженная дорога!

Через какое-то время для меня уже сладостно гудели протекторами шины, весело набегали одно за другим бесснежные, подмёрзшие, серые от мохнатой изморози поля и выбивалось из хмурой пелены туч слепящее солнце, придавая дню ощущение радостного ожидания чего-то хорошего и необычайного, что непременно должно сегодня случиться с нами. Порой даже казалось, что мы незаметно возвратились в осень — с последними листьями в кронах у обочин, ржавой, проволочной травой, дальними сёлами, слегка подтаявшими в прозрачном воздухе, как если бы на стёкла автомобиля надышали теплом, плавным гусиным ходом по незамерзающему пруду.

— И что же? Может быть, вернёмся? — спросила она, безошибочно угадывая моё состояние и напрашиваясь на комплимент.

— Когда-нибудь все возвращаются на круги своя, — отозвался я важно, изображая философа. — И мы вернёмся, и те, кто пойдёт после нас.

Она прижалась ко мне, и впервые за последние дни мы улыбнулись друг другу, точно освободились внезапно от обыденных, серых пут под названием «наша жизнь».

— Как ты думаешь, — спросила она немного погодя, — мы хорошо прожили нашу жизнь? Помнишь, у Трифонова в «Другой жизни»? Такая себе Ольга Васильевна искренне верила, что у них с Сергеем была хорошая жизнь, тогда как все вокруг считали наоборот.

— Сматря от чего отталкиваться, каким будет критерий. Можно взглянуть с той стороны, что дом мы построили, сад посадили, у нас выросли дети, есть внуки. Что мы ещё живы и относительно здоровы при нашей гипертонии, человеконенавистнической системе наших учреждений, хамах-руководителях, систематических стрессах и напрягах по пустякам. Что мы ездим на хорошей машине, раз в месяц можем позволить себе пообедать в недорогом ресторане, поехать куда-нибудь просто так, для души, потакая желанию развеяться и узнать что-либо ещё, кроме собственного дома. Но вот у дороги старуха гонит гусей, мужик чинит гнилую изгородь, и, положим, дочь у них молода и красива, но кое-как одета и оттого ущербна; и дочь эта не может себе позволить учиться в городе, ездить на машине, бывать где-то ещё, хотя бы у моря, — они-то уж точно никогда не вырвутся из своего круга. Но вполне вероятно, что этот круг устраивает их или они не знают другого. А то, с каким пренебрежением к прочим, разным и всяким, показывают теперь по телевизору, как новые господа жрут, размножаются, стреляют в Африке носорогов, катаются с гор на лыжах, кажется им в своём убогом прибежище такой же сказкой, как вечная история про Золушку. И при всём при этом неизвестно ещё, кто прожил жизнь лучше, кто из нас счастливее: те, эти или мы с тобой. Здесь, очевидно, главное — собственное мировосприятие, и ещё, наверное, — осознание того, что рядом с тобой хорошо кому-то ещё. Тебе со мной как?

Она задумалась, отворотившись к стеклу и, глядя на убегающую деревеньку,

потом подышала мне в щеку, пощекотала губами, говоря:

— Я просто люблю тебя. Мы вместе. И наши дети здоровы, мужают и встают понемногу на ноги. Ничего другого, наверное, и не нужно.

И я вздохнул, как вздыхал когда-то в далёком детстве, когда меня укладывали спать, поправляли на мне одеяло, целовали, шептали на ухо всякие волшебные небылицы, которые потом снились мне в позабытых, потерявшихся в зрелости цветных снах.

Через какое-то время указатели у обочины участились, развилики разбежались по сторонам, дорога разделилась на четыре полосы, и тут же вынырнули, как из-под земли, околицы областного центра, а вскоре и сам город показался из-за холма — в сизых дымах заводских труб и молочной дымке городского смога.

Она призналась, что голодна, и, завернув на кольцевую дорогу, я припарковал машину у симпатичного мотеля со стенами из морковно-красного кирпича и большими окнами, на чистых, вымытых стеклах которых играло яркими бликами солнце.

Нам накрыли в деревянном домике во дворе мотеля, обитом изнутри лакированной «вагонкой», украшенном подозрительно глядящими со стен чучелами двух диковинных птиц, тёплом симпатичном домике, уютном уже оттого, что мы оказались здесь одни. Вскоре на столе у нас оказались украинский борщ с пампушками, отбивные на кости, помидоры и огурцы, заквашенные в дубовых бочках, деруны со сметаной и бутылка водки, немедля запотевшая в нежданном тепле.

— Просто не верится! — воскликнула она, вся сияя. — Неужели мы наконец вдвоём? Неужели никто сию минуту не откроет двери: «Мама, подай», «Мама, убери»?

Мы выпили и поцеловались, словно в дни первых свиданий, — и я вдруг подумал, что уже отык целоваться, что мои губы жестки и неумелы, а сами поцелуй отнюдь не означают одну только страсть к обладанию, в них заложено и нечто иное, чему нет слов ни в справочниках, ни в толковых словарях.

Кто-то гортанно и резко вскрикнул рядом, за стеной, и ещё раз вскрикнул. Мы

рассмеялись и вышли во двор: за домиком, в отгороженных сеткой вольерах, важно ходили два павлина, и один из них, чем-то своим, павлиньим, возмущённый, гортанно выкрикивал на птичьем наречии нечто нам не понятное, косился на нас негодующим глазом и показывал нам презрительно хвост и спину.

— Ещё одна сладкая парочка! — прыснула она и, блестя глазами, потянулась ко мне за поцелуем. — Они здесь жили и ждали нас. И вот мы приехали, и они позвали: мы здесь, идите к нам любоваться!

Павлин картинно дрогнул хвостом и боком, боком пошёл вокруг самки, вместе с тем не выпуская нас из вида, как будто показывался нам со всех сторон — какой он красавец и молодец.

Глядя на хвастуна, мы смеялись как дети, самка же сохраняла вид невозмутимый и равнодушный, вынуждая павлина то охладевать, то снова возгораться и наседать на неё со всей птичьей страстью.

— Вот уж — сколько живут, столько любят, — сказала она, когда мы возвратились в домик. — Не то что у людей: старость, дряхлость, ненужность.

— Уж не скажи: зато у нас есть память. Кроме того, есть ещё, например, Тютчев.

*О, как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней...
Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, зари вечерней!*

— Вот ещё: любовь старика к молоденькой! Совсем ты, отец, сбрендил! — внезапно осердилась она неудачному моему примеру. — Я давно замечаю, как тебе секретарша кофе в кабинет носит. Такая наглая, всё у неё на виду, всё выставлено, на всё она готова.

Увы, она всегда была страшно ревнива. Но уж лучше ревность, — всякий раз думал я, — чем напускное спокойствие. Кто ровен и спокоен внешне, как правило, неискренен в душе, — темно там, как в погребе, и таится невесть что.

Вечер наступил незаметно, и, когда мы вышли из домика, мотель был уже ярко освещён, вдоль выстеленных плиткой дорожек желтели фонари, а между тёмных сосен в конце аллеи светила изо всех сил серебристо-перламутровая полярная звезда.

— Ты меня напоил! — сказала она, распахивая дублёнку и не отрывая глаз от звезды. — Просто дышать нечем! Смотри, она пульсирует, точно живая. Может быть, и там существует жизнь?

— Может быть. Всё в мире относительно. Видишь, по шоссе пошла к городу машина, за ней — ещё одна? Там, куда они едут, тоже существует жизнь, но мы ничего о ней не знаем и никогда не узнаем: кто живёт в этом городе, кто в эти мгновения умирает, кому сейчас одиноко, кто впервые целует и обнимает женщину... Мир многолик, но и на удивление однообразен: нам ничего не известно, но в то же время мы знаем и догадываемся обо всём.

— Гляди-ка, да ты на свободе ударился в философию! И глаза-то, глаза — заблестели, и красноречие накатило! Представляю, кому ты всё это втират сейчас, не будь с тобою меня! Пошёл бы по бабам?

— Ровным счётом никому. Думал бы о тебе.

— Вот и думай — всегда и везде. А то — «прощальный свет любви последней...»

В номере было горячо, и она сразу же потянула через голову свитерок, сбросила сапоги и пошла по ковролину без обуви, заглядывая в каждый уголок и радуясь, что номер ухожен и чист, а постель пахнет свежестью, будто её сейчас только принесли с мороза.

— Как хорошо, как покойно, как радостно! Неужели и мы поживём немного такой жизнью, попутешествуем, увидим мир и в этом мире — друг друга? Неужели?

Всё, что она думала и говорила, было теперь написано у неё на лице, и мне трогательно было наблюдать за переменами этого оживлённого лица, за её прояснёнными, печальными, восхищающимися глазами. Так живёт и дышит ребёнок, душа у которого ещё чиста, словно тетрадный лист, — и мне хотелось написать в этой душе нечто необыкновенное и значительное, чему не будет ни конца, ни начала.

— Что нужно человеку для счастья? Совсем немного, самую малость: то, что мы можем друг другу дать. Почему же не даём? Что мешает? Сами же и мешаем, будто ещё собираемся жить и жить, откладываем на потом, а сейчас недосуг. Горько и печально: мы же во всём и виноваты!..

Утром мы поехали дальше.

Городок, который был нужен нам, показался мне настолько чужим и отдаленным от прожитой мною жизни, что сердце даже не отозвалось, не откликнулось блаженной мысли о близости земных истоков: серые домики между холмами, асфальтовые улочки, чужие и безразличные мне люди... В районном архиве казённым голосом нам поведали, что документы столетней давности увезены в областной архив, где, возможно, сгорели в недавнем пожаре. Паспортный стол располагал данными о двух десятках людей с фамилией, какую носил и я, но все эти люди были настолько молоды, что вряд ли могли поведать что-нибудь вразумительное о случившемся сто лет назад исходе. На старом кладбище и того более: всё поросло, затянулось, поглотилось разнотравьем, всё сущее когда-то стало теперь небылью, тёмной и дикой зеленью, лезущей на могильные камни отовсюду.

Я затосковал, занервничал, стал злобиться по любому пустяку, и мы решили как можно скорее покинуть этот город.

— Надо было помнить о живых — не искали бы мёртвых, — сказал я в сердцах, упрекая себя в душевной лени, нелюбопытстве и равнодушии ко всему, что жило какое-то время рядом со мной и постепенно ушло, затянулось небылью, как старое кладбище городка. — Вот во Франции помнят о предках едва не до десятого колена. Потому там — Франция, а здесь...

— Куда мы едем? — вдруг спросила она, всматриваясь в дорожные указатели.

Оказывается, сгоряча я понёсся в противоположном направлении, отдаляясь от дома на северо-запад. Не хотелось оправдываться и виниться, и я ответил вроде того, что поедем по кругу, как в России — по Золотому Кольцу. Всё равно ведь, говорил я, мы путешествуем, и это путешествие ещё нас не утомило.

Без сомнения, я был раскрыт, но ей следовало промолчать, и она так и поступила: пока всё, кроме посещения городка, ложилось у нас в масть, и она, по-видимому, опасалась вспугнуть несвоевременными разборками переменчивую и капризную птицу-счастье.

Мы сверились по карте, выбирая маршрут, и тут она, приглядевшись и нечто знакомое для себя узнавая, сказала: поедем

в Почаевскую Лавру! — точно давно для себя это решила, но только сейчас, когда до цели было всего несколько часов езды, призналась в истинной причине нашего путешествия.

Наверное, я плохой христианин, мало думаю о духовном и вечном, а всё больше — о суетном. Но сейчас, в эти минуты, когда она сказала: поедем в Лавру! — я вдруг вздохнул с облегчением, как если бы издавна, втайне от самого себя, хотел поехать на святые места и побывать там с нею, и покаяться, и ощутить благодать Божью.

— Мы ведь с тобой не венчаны, — сказала она раздумчиво, изредка заглядывая мне в глаза, но больше пряча от меня взгляд. — Если не повенчаемся, то после смерти наши души никогда уже не будут вместе. Тебе не будет тоскливо без меня *там*?

И от её слов, и от её взгляда мне и в самом деле стало жутко и одиноко, точно я уже умер, и душа моя не может отыскать её среди других душ.

Мы молча поехали дальше, иногда только переговариваясь о чём-то незначащем, втайне же собираясь с духом, как если бы в глубине души приготавливались к единственному необходимой теперь нам обоим встрече.

Поля вокруг нас были уже в снегу, в снегу был и тёмный лес, взирающийся там и здесь по покатым холмам. Дорога становилась всё извилистее, стала чередоваться подъёмами и спусками, и неизвестно что могло появиться за очередным поворотом: селение, храм или снова — лес и стылое поле.

И вдруг, после долгого затяжного подъёма и поворота, вдали, сколько хватило глаз, открылась равнина, и посреди неё, на крутой высоте, точно в сказке на острове Буяне, — город-храм, сияющий золотом куполов.

— Лавра! — выдохнула она и заворожённо взяла меня за руку, понуждая остановить машину. — В самом деле, чудо! В самом деле!

Какое-то время мы молча смотрели и думали каждый о своём.

Я думал, что давно уже не испытывал такого тепла, такой нежности к ней, как теперь, по той простой причине, что доставил ей истинную радость, — отчасти потому, что так мало доставлял ей радости в

жизни. Меня мучило раскаяние из-за этого, мне очень хотелось с этой минуты всегда радовать её, даровать счастье во всём. При этом я отлично осознавал, что счастья как такового на свете нет, что его никогда не будет, — есть всего лишь ощущение неповторимости мгновения, и это ощущение ошибочно принимается за так называемое счастье. Чем больше таких мгновений случается с нами, тем светлее и радостнее осознаётся сама жизнь. А сотворить мгновение так несложно, это каждому по плечу, это много легче, чем построить дом, посадить сад и вырастить сына. Отчего же тогда мы так скучны и беспечны, отчего каждую минуту не пытаемся сделать что-то хорошее для любимого человека — точно надеемся, что минута эта не канет навсегда, а ещё и ещё повторится в нас с тем, чтобы мы смогли исправить утраченное и прожить её по-иному?!

А что думала она? Не знаю, но мысли её были очень далеко, я видел это по взгляду, как бы повернутому в себя, по закусенной губе, по ладоням, которые легли на колени и лежали так смиренно и неподвижно, точно хозяйке не было до них никакого дела.

Ну, а потом в нашей жизни случилась Лавра — нечто, о чём нельзя поминать всеу. Наверное, можно было сказать о головокружительной высоте стен, вздигнутых на скале, о необозримых просторах, открывающихся отовсюду, о солнечных лучах, так чудесно и ясно пробивающихся сквозь облака, как если бы благодать Божья нисходила на эту намоленную за века землю. Можно было признаться и в том, что более всего прочего осталась у нас в памяти пещера преподобного Иова с гладкими тёплыми стенами, с одинокой свечой у образка, недолгое пребывание в которой и по истечении времени ощущается и телом, и душой так, точно и тело, и душа всё ещё пребывают *там*.

Можно — многое, но что бы я ни говорил, как бы ни живописал, главным даже в Лавре для меня оставалось одно или, вернее, одна — она, вот уже тридцать лет бывшая со мной рядом. И потому всё происходящее с нами было в подсознании определено для меня твёрдо и однозначно: это происходит исключительно для неё. Это обстоятельство осознавалось как нечто

никогда ранее со мной не случавшееся, точно я был всю прошлую жизнь глух и слеп, но вдруг прозрел в нежности и любви. Исподтишка, с бьющимся сердцем, я ловил каждое движение, каждый взгляд восхищения, печали или покаяния, каждую слезинку подле её глаз. Неужели это — та женщина, с которой мы столько лет прожили как одно целое, неужели это она? Вот она берёт меня за руку, вот мимолётно смотрит, и я почти всё угадываю и узнаю в ней, но и открываю для себя сызнова. И всегда буду, по всей видимости, открывать. Она — это я, а с самим собою не наскучишь, себя не разлюбишь, как бы ни стремился разлюбить, себя не потеряешь в сумерках прожитых на земле лет.

Мы возвращались затемно, и редкая череда машин слепила нас встречным светом и уносилась вслед за этим светом куда-то в звёздную темноту, нам за спину. Она молчала, склонив голову к моему плечу. Щека её какое-то ещё время была холодна после купания в озере святой Анны, куда мы

напоследок заехали, следя из Почаевской Лавры. Нам было покойно и хорошо вдвоём, мы так естественны были в эти мгновения жизни в окружающем нас мире, точно знали наперёд, что никогда и ничего дурного с нами не может уже случиться.

— Будто в серебро окунулась! — вдруг прошептала она и улыбнулась, как улыбаются впервые в жизни неискушённые дети: светло, застенчиво и с нежностью ко всему, что их окружает. — Он сказал: мир вам! Какой благодатный мир!

Я же, соглашаясь с нею, долго ещё думал и вспоминал иное: как в купальне она спускалась по дощатым ступеням к воде, как окуналась в святую воду — в разгар зимы, в декабре! — и была потом так счастлива, что даже не ощущала озноба. И ещё вспоминал, как выходила она из воды — и в самом деле точно облитая серебром, — и как я, словно впервые осознавая дарованную мне свыше ослепительную наготу, сказал себе — её же словами:

— Мир вам, и этот мир — ты!

ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН

Стихотворения

сейчас ты появишься на экране
прекрасная своей далёкой красотой
и я расскажу тебе про свой день
вместе со своей немотой
проглочу страсть
переборю лень

и мани мани
появятся в моём кармане
и жить станет веселей
как детство на картине
наивных художников
погибших
при всемирном
карантине

нужно носить маски
нужно прятаться от себя
потому что нутро мягко
как мёд в ульях
как святая вода
нужно не оставить
ни единого следа
после себя
чтобы просто исчезнуть
как исчезают
страны города
вроде атлантиды
или сша

до новой встречи
будь со мной нежней
будь со мной мудрей
как древнее вече
защити меня от простуды
или от рака
как давеча защищали солдата
от чужого насекомого
или рыдания набата
обними меня как брата
и поцелуем иуды
отпусти восвояси

ведь в любой нежности
есть дурной привкус
небольшой грязи

тибетские ламы играют бом бом бом
а ты стоишь за углом и тихо плачешь
тибетские ламы ничего не значат
и ты ничего не значишь
от того и плачешь
спрятавшись за
углом
вечерний
звук
вечерний
звук

и вот москва
чужой город увы
чужие люди
восстань и прозри
то ли ещё будет
то ли ещё будет
то ли ещё будет
погоди

волк гонится за степашкой
спокойной ночи детки
души нараспашку
и в морфия объятия
ни лам ни распятий нет
поезд идёт в одну сторону
остаётся порвать билет
и в ответ ворону накаркать
мы спим мы спим мы спим
кажется это нирвана
прореха прогалинка клин

рогалики деткам
kekсы влюблённым
неутолённым и неугомонным
власть всем советам
и дань заключённым
в ногу и в ногу и в ногу

значит опять одиссей
нам в дорогу
снова
пустыня
простор
суховей

В ОТМЕНЁННОМ МИРЕ

Стихотворения

Это – человек в другой стране,
с жадным google searching-ом на дне,
ждущий, как ведут во сне застольном
разговор весёлый обо мне:

Божий блог о невеликой верности,
крошки разлетаются с поверхности,
вместо древа белого горящего –
крона в чуть дымящемся окне.

Это – напрямую ни гу-гу,
разговор о страшном «не могу»,
с удочкой неправильного смысла
человек на верном берегу:

вместо разговорной, полуустной –
вдвинет угль о вечном «никогда»,
чтобы в жёлтой тьме обериутской
замерло животное «беда»,

долго не проснулось обо мне:
в смерти – мать и голова – в огне;
два проклятья – «личико» и «времечко» –
в адрес тех, на каменной стене.

Николаю Васильеву

где жизнь убывает, где ты убываешь, не весь,
но – дерево полурассвета, но – ветви без денег
там женщина входит,

проснись поскорее, я здесь
огнём заблудившимся,
чёрным трудом запределья

в ней птица дрожит соловей и трава-чистотел
и тайна горит мизогина в небесном июне
смотри же на голое небо, как я посмотрел
отплытия прежнего,
нового сна накануне

на стебле качается, стебле тончайшем, слепя
в тебе полуутёного нище сквозь белые блики
и так говорит: всё равно потеряю тебя,
вся правда –

о дереве страшном твоя, двуязыкий

ты – ветви больные, ты – ад замерзающий, спи,
закончено время, оставлены долгие крики
вся правда твоя – не со мной,
в этой страшной степи,
вперёд, говори, говори же, извёсткоязыкий
себе – недоделанный космос неспящих обид
другим – перелёт новогодний, легко и недлинно
и слово её прибывает в тебе и горит
как высшая тяга
на ёлке последний кульбит
цветы и горячая глина

а никто не просил «приходи» «защити»
не просил быть ни братом

ни матерью и ни отцом
неуклюжим подползшим к тебе
сам-низвергнутым богом

разжимается сердце – и кажется можно спасти
обожанье напористо – можно сломать
хрупкий приидрчивый стебелёк
твоего доверия

в первый раз он проснулся в отменённом мире:
на дворе трава, в комнате сервант,

на улицах пустошь
словно мальчик в той сказке где умерли все
кроме него
и конфеты пошёл безнаказанно брать
на безлюдных прилавках

словно в той песне
(тоже отменённой):
но не было
не было
не было
ничего и нет

по пути он зашёл на фейсбук
там о нём говорили те кто
там о нём говорили все те кого он
перевёрнутый мир горизонтально красив

и ударивший свет отрезвляющ
и по-иному слепящ
словно новый призвук всеотменимости
словно те не нужные миру конфеты
на выздоровевших от слов и голосов
ещё обильных витринах

Произведения слушателей курсов онлайн-школы журнала «Менестрель»

Людмила КЛИМОВИЧ

НИЧЕГО ТЫ НЕ ЗНАЕШЬ О КУРИЦАХ

Стихотворения

Курица

(Спасибо Анете Кремер)

Запомни навсегда – я курица!
Настоящая дикая курица!
Потомок древнего рода рептилий,
как губка, впитавшая разные гены
на протяжении тысячелетий.

Я умею летать – я птица!
Раскрываюсь навстречу ветру.
Полет мой стремителен и изящен,
а тёмные ноги хранят
влажно-тёплую память земли.
Придёт время, птенцов соберу под крылья –
попечительная нежная мать-наседка.
Зароюсь в лесную подстилку,
замру с прикрытыми глазами
и буду греть,
и принимать куриного бога
и его подношения.

Ничего ты не знаешь о курицах.
Тебя изъедает зависть
к дождю в тропических джунглях,
к невозможности стать периной.
Одомашненный
бойцовский петух –
Ла пиньата.

Алло, да, это я, – я тоже, – рад услышать, – да,
– здесь, – один, случайно сорвалось, –
перенесли на завтра, – да, очень жаль, –
теперь надолго, – да, я уже поел, – ты извини,
дела, – потом перезвоню, – да, да, потом, – да,
номер помню твой, – я буду очень ждать, да-
да, ну,... – досвиданья, – да...

И долгий монотонный звук,
и громкий вздох,
и чувство облегченья.

Камила ЛАТЫПОВА

ПРОСВИСТЕТЬ-ПРОСВЕТЛЕТЬ

Стихотворения

Просвистеть-просветлеть

не будем петь не будем подставлять себя под плеть
можно скорбеть

можно просвистеть себя «просвистеть»
вдали мотки деревьев как шерстяные клубки
разбросал их ветер играет с ними в прятки пинает
«Прось» разлилась под воду ржавая лодка убытки
убыта две стороны уют и что ещё там кто знает
не буду ныть

во дворах изб деревянных скамеек треск
огонь целует листья жадно их ласкает царапает
лязг ворот кто друг кто вор проходите здесь
лицом к лицу рассвет вас встречает собой пронзает
не будем петь не будем подставлять себя под плеть
можно скорбеть

можно просвистеть себя «просвистеть»
да и просветлеть

Воробушек

меня будто заперли в лифте
а лифт ещё в лифте
ещё и ещё

но в первом спасибо оставили форточку
в неё пролезет знать лишь воробушек
и если хлебушек был бы
но он у крыльца в луже размякший
как мой характер
до сегодняшнего
спрошу на что мне эта форточка
смело с криком воробушка
от духоты порву рубашку
вылезу из нее

затем выйду из тела
ещё одного тела
ещё тела

и окажусь на крылечке
рядом крошки хлеба
ещё свежие

проголодалась
на руку сел воробушек
мой дружок
моя сиротинушка
тот что в лифт незримый

прилетел как в кормушку
 ошибочно но несбыточно сильно
эй

эй там на верхних этажах
за форточку всё же скажу
спасибо
о счастье и не мечтаю
о большем счастье
чем у воробушка

Светлана ЛОЦМАНОВА

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ РЕЦЕПТ

Стихотворения

Универсальный рецепт

.....
Порезать кусками
Куски пополам
Выбрать косточки
Гармошку сделать, но кожу не прорезать
Стакан соли не досыпая 3 стол. ложек сахара
Перемешать солить
и друг на друга складывать
и под гнёт.
На 3 часа.
Промыть кипячёной холодной водой,
Чтоб стекло.
Потом закладывать в холодильник.

...В этот рецепт каждый год
Подставляю разные удивительные вещи.
Теряю зубы.
Скажи,
Когда раскушу загадку –
Продукта тайное имя
С выпавших первых строк?

Отрезок

...)
Тише воды.
Ниже травы.
Не имеешь детей.
Не держишь собаки.
Не генерируешь мусор.
Нет в живых родителей.
Геолокационно стабилен.
В магазине всё давно купил.
Есть губозакаточная машинка.
Сидишь и в окно не высовываешь свой нос...
Идеальный коронавирусник.
Чем это не иллюстрация
Из курса фтизиатрии:
После тысяч изъянов
Раскладушек-лёгких –
Совершенная гладь.
Оболваненный
Монблан –
Мечта
Полоумного
Перфекциониста –
Единственное левое (...

Лариса КУРБАТОВА

РАССТАВАТЕЛЬНО

Стихотворения

солнце
в песке играет
блистает
в тугой косе
зеркалит зайцем
проводным
на лезвия полосе
сияет коса на солнце
отмеченная
прикосновениями
остра горделива смеётся
делитесь лета
мгновениями
как среди волн
рассекали
тянули чёткую линию
как меня к рукам
прибирали
стальную жёлтую синюю
как солнце
со мной поделилось
теплом
и намереньями
сияет коса на солнце
теперь без лета
без времени

расставательно
расстоятельно
мы уже из разных миров
мы уже ушли по касательной
из совместности
рук и снов
расставательно
обстоятельно
обсудили всё на бегу
милый друг
я вам так признательна
что расстались
на берегу
расставательно
восклицательно
и уже ничего не горит
а сердечко так зажигательно
выбивает
весёлый ритм

Галина ЩЕРБОВА

ФАКТ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

Стихотворения

В архиве Карло Скарпы

две женщины берут с благоговеньем
надев на руки белые перчатки
листы рисунки чертежи наброски
на кальке на бумаге на картоне
которые оставил архитектор
маэстро Карло Скарпа
чьим авторским и непременным знаком
была ступенчатая форма scala
чей напряжённый творческий подъём
закончился падением
с высокой лестницы
приведшим
к неотразимой формуле искусства

факт частной жизни

звуки острые
меховые
в пятнышки и в полоски
пыльные
вытянутые
мятые
фабрика звуков
сочинение современного композитора

с утра я сажал
сладких перцев рассаду
слёзы глотая
с другом разлука длинна
горькие надо б сажать

июль в зените
раскаленна терраса
белая собачонка
развалилась на досках
чёрной хочет стать

Виктория ЛЕВИНА

ПОД БАЛКОНОМ

Стихотворения

Под балконом

Под балконом «анютиных глаз»
разлилась река.
Только птицы щебечут,
а дети сидят в дому.
На земле моей ночь сменяется «днём сурка».
А когда поменяется к лучшему – не пойму.

Пешеходы редки.

И боятся других людей.
Держит каждый дистанцию –
чтоб избежать беды.
Бьётся сердце моё за стеклом,
как в плену сетей
бьётся рыба, которую вынули из воды.

Небеса на замке.

Снится им самолётный вой.
Снова график полётов
неясен и нерабоч.
И надкусенным яблоком
катится шар земной
в ту же лузу, что солнце
вчера закатилось в ночь.

Февраль

*Февраль. Достать чернил и плакать!
Писать о феврале навзрыд,
Пока грохочущая слякоть
Весною черною горит.*

Борис Пастернак.

Пока на клочьях серой ваты
Посттравматических оков
Зимы постылой стынут латы
В клубах ослабших облаков,

Пока над насморком капели
Уже не властвует борей,
Писать, что птицы полетели
По азимуту вешних дней.

Но – рано. Мироточат строки,
Февральской стужею полны.
И в бледных лицах скрыты сроки
Чуть пропадающей весны.

Ксения ГИЛЬМАН

СТОП-КАДР

Стихотворения

Первое слово выпадет изо рта,
мятное – до ожога – как леденец,
слово второе – красное, как Пиета,
ржавым копьём дотронется до сердец.
Третье пусть будет солнечным и пустым –
приированной к празднику комнатой, но за ним
будет четвёртое... Будет им слово «ты» –
и улыбнется мой дом, красотой храним.
Между четвёртым и пятым пройдут года,
то затяжные, то скорые, как дожди.
Пятое будет «иди», а за ним – «сюда»
синим неоном засветится впереди.
Слова седьмого загадывать не берусь,
как долгожданный подарок его приму:
пусть оно будет особенным... Будет пусть
бархатным слово восьмое – как ночь в Крыму...
Слово девятое – деревом на горе,
слово десятое – птицей из-под полы...
Слово всех слов будет в небе звездой гореть –
да не отравит колодца звезда-полынь!
Слово за словом – стёжками по облакам –
недалеко до окраины-тишины ...
Помнишь: там сад, обещанный только нам,
тот, из которого все города видны.

...сверну на Литейный, надкусывая глазурь
на твёрдом, как сжатый горячей рукой снежок,
ванильном пломбире – взбредёт же такая дурь,
когда без пяти ноябрь! Сухой ожог
солёного ветра останется на щеке –
никто никогда так сладко не целовал,
поплёвывая сквозь зубы на этикет,
но трепетно соблюдая мои права.
Схватил бы моё запястье, остановил:
«Твой скорый ночной не "Сапсан" и не улетит...» –
наплёт бы стихов о счастье и о любви,
узлом завязав к отступлению мои пути...
Но ты улыбаешься молча: «Беги, беги...
Я жду тебя десять лет, подожду пока...»
Доброшу жетончик до неба – пойдут круги...
Ночные витрины, Московский вокзал, стоп-кадр...

Константин ТУГАРИН

НОВАЯ ЖИЗНЬ

Стихотворение

Новая жизнь

Ты слышишь, весна, ты слышишь, сугробы тают,
В апрельских лучах распускается
чирикающее враньё –
Бессмысленные и жизнерадостные воробышные стаи
Пляшут по побережьям мутной реки времён.

Да, эта весна в аду – чудовищна, но прекрасна:
Необъятна, пьяна, унижена и горда.
Что за чёрт рисовал её, окуная копыто в краски, –
Ветер, солнце, вода, огонь и плавучие города!

Целительный для здоровых,
убийственный для недужных,
Воздух лёгкие ошарашиивает после первого же глотка.
С каждого дерева смотрят живые души,
Чёрные камни плачут, пни открывают глаза.

Под музыку погибать всё-таки интересней –
Так звучи, скрежеци зубами,
кандалами вовсю греми!

А что, если я уже умер,
мне вот-вот предстоит воскреснуть,
А сейчас – я в аду отвечаю за забытые мной грехи?

Новые профессии рождаются новой жизни в угоду –
Кто-то должен за ручку воскресших,
как детей, в новый мир вести.

И вот, взявшись за руки,
шествуют карлики и уроды –
Праздничный бестиарий загробной моей весны.

Люди будущего, люди в масках,
толпы безликих еху, –
Лиц они недостойны, за то их и лишены.
За белой марлей не видно ни слёз, ни смеха,
Только пятна без чёткой формы,
как нарывы и лишай.

По домам пролетает молния
светящимся белым шаром,
Заблудившийся трамвай оголтело носится по земле,
Шагают вперёд Двенадцать –
по лужам державным шагом,
И топот Медного всадника
им слышен в грядущей мгле.

А дальше – не плачь, не бойся,
не пытайся вылечить нервы,
Но иди и смотри, узри, замри, онемей –
Только небо, ледовитое небо, и ничего, кроме неба,
Только запретное небо загробной весны моей.

Наталья БАЛНОВА

ЛЁГКОЕ ДЫХАНИЕ

Стихотворения

На опушке, ещё не согретой,
вместо ягод нашла утром счастье,
разделить бы его на две части,
принести, как приправу, к обеду.
И обед – две тарелки, две ложки,
разговоры –
«Пустая из леса?
А зачем столько пряного перца
даже в чае и мятои картошке?»

Словно посадский платок моя бабушка –
шерстяная, цветастая, тёплая,
серо-рыже-зелёные радужки,
я стирала платок – да и вспомнила.

И себя в день какой-то непраздничный
у окна за столом, чайник с булками,
ты сидела обычно на краешке –
но об этом тогда я не думала.

Осень, и к часам к семи
Вечера и ранее
Появляются огни –
Светлое дыхание.

Чтоб окраина земли,
До поры уснувшая,
Заблестела хоть вблизи
Окнами и лужами.

И спешащим в темноте,
Словно на прощание,
Принесли мгновенья те
Лёгкое дыхание.

Ты птиц проси иль не проси, –
Они поют своё,
Как будто добавляет сил
Январское житьё.

На пять минут длиннее день,
Едва ослаб мороз –
А птицы забывают тень
Заснеженных берёз.

Для них всё будущее – свет,
Для них былое – тьма,
Для них моих предчувствий нет...
И кончилась зима.

Александра ГУЩИНА

А ПОТОМ БУДЕТ ЗАВТРА

Стихотворения

Этот день рассказал мне что я человек
что мы вместе пойдём куда захотим
рассказал что сегодня солнце проспало
и встало... да, оно ещё спит
рассказал или спел что там за окном,
гуляет свобода и бормочет о вечном
эй, свобода, тебя приглашаю на чай
что? ты не пьёшь чай?
ну, тогда на картошку
расскажу я в ответ стихи наизусть
только я их не помню, сочиню на ходу
а потом мы будем молчать и жить
или жить и молчать
а потом будет завтра

Если бы я была шахматистом,
я бы раскрасила доску в цвета радуги.
Если бы я была биологом,
я бы приручила огромную колибри,
кормила бы её дынями
и отправляла на фестиваль воздушных шаров.
Если бы я была вахтёром,
я бы писала бы книги. Много.
Если бы я была пингвином,
я бы скользила животом по льду.
Если бы я оказалась в лесу,
я бы познакомилась с баобабом.
Если бы я оказалась в стаде жирафов,
я бы почувствовала себя утконосом.
Если бы я оказалась в школе,
я бы долго и истерично смеялась.
Если бы у меня была бумага,
я бы сделала самолёт и улетела.
Если бы у меня была баночка с круассаном,
то у меня была бы баночка с круассаном.
Если бы я оказалась на лавочке,
я бы читала ей вслух сонеты.

«ВЗГЛЯД С ПРИСТРАСТИЕМ»

Антология поэтического автопортрета

Виктория ЛЕВИНА

МАНИФЕСТ

Казалось бы: еврейский, «говорящий»
Покрой лица и грузный силуэт.
Но внёс свой ген мазуркою летящий
Вельможный пан, повеса и поэт.

Замешан круто мой астральный предок.
И я, нарушив камерность квартир,
Полиомиелитною торпедой
Врываюсь в занавешенный наш мир!

Взлетаю однокрылым серафимом –
Галёрка рукоплещет храбрецу.
И в той стране, в которой я любима,
Мои несовершенства мне к лицу.

Галина ЩЕРБОВА

ВЗГЛЯД С ПРИСТРАСТИЕМ

В моих чертах со временем видней
Несхожих предков точные приметы –
Плоды неторопливой эстафеты
В извилистой истории корней.

И внешность, и характер вместе с ней –
Фамильному наследию ответы.
И чем упорней мне дают советы,
Тем дух противоречия сильней.

В строю велит всегда шагать не в ногу,
Плутать заставит на пути к итогу,
Смешает гнев и робость, страх и спесь,
Размах и скрытность. Уж какая есть –
Гремучая немыслимая смесь...
Но чувствую, небезразлична Богу.

Анна ФИЛИППОВА

когда-нибудь я стану деревом
с раскидистой шевелюрою
скрывающим трепет возлюбленных
в ветвях шаловливых детей
я буду тянуться до облака
до самого чистого белого
качаясь как мачта на палубе
как вечность что свита в кольцо
я буду шептать опечаленным
что горести скоро закончатся
обняв ветром слёзы высушивать
с земли помогая вставать
я буду качать захлебнувшихся
от смеха дурных и неистовых
растущих галдящих непонятых
и прятать секреты в коре
ко мне прибегут на свидания
и будут шептать невозможное
доверят мне тайны и радости
и то что сжигает дотла
останутся коротко выдохнуть
свой крест поднимая не жалуясь
и будут хмельные от радости
разлёгшись у самых корней

когда-нибудь я стану деревом
лежащим распиленным надвое
и только тропа муравьиная
продолжит со мной диалог
всё помня от лунки до облака
рассвета такого волшебного
смотря на безоблачно-синее
стекая смолой на асфальт

Марина ПОЛЯКОВА

АВТОПОРТРЕТ

А мне уже давно не восемнадцать,
сама себе слуга и госпожа,
наветов перестала я бояться,
не числюсь в лизоблюдах и паяцах
и от судьбы не пробую бежать.

Менялись мода и длина причёсок,
росли деревья и ряды крестов...
Неоднозначна жизнь. В ней всё не просто –
с утра до ночи бесконечным кроссом
в заботах мчались так, что будь здоров!

Для прошлого не выберешь мерила –
и гладок день бывал, и кривобок,
и радостно случалось, и уныло...
Так тянет рассказать о том, что было,
но есть ли в этом хоть какой-то прок?

И всё же... Вызов заново бросаю
и солнечным зайчиком с куполов
срываюсь к облакам за птичей стаей.
А там, вверху, уже совсем другая,
я слышу строки будущих стихов.

Мария ЧИСТОПОЛЬСКАЯ

ТРИ ИМЕНИ

Так вышло, что в жизни у меня три имени –
Мариша, Марина и Мария...
Каждое имя, как пароль, открывает дверь
в разные периоды моей жизни.
Помню, отлично помню себя Маришой,
мне 4 года, я с дедом в зоопарке,
нарядная, кудрявая, прехорошенькая,
в пышном капроновом платье на белом чехле...
В школе я уже Марина, меня провожает
мой мальчик, мы влюблены, прячемся
в подъезде и неумело целуемся до одури,
до стука в висках, пьянея от первой любви...
Мне хорошо и страшно, вдруг нас
увидят соседи и расскажут моей бабушке,
о ужас, ужас, но как сладко...
Я врач, меня называют по имени-отчеству
Мария Борисовна, это длится долго-долго.
Пришла пенсия, позади успешная карьера...
Сейчас я Мария, иногда без отчества
и это мне очень нравится, я свободна,
нет стрессов, пишу стихи и прозу,
наслаждаюсь жизнью, она моя,
со всеми радостями и горестями,
моя навсегда, до ангелов в небесах...

Стихотворение	Отзывы
<p>1</p> <p>***</p> <p>На моей чашке нарисована птица, Нарисована так тонко и свежо, Словно она вот-вот соскользнёт с керамического бока И выпорхнет в окно. Если бы эта чашка существовала в моём детстве, Я бы намечтала ожившие крылья, Пробиралась бы на кухню ночью Мимо маминой кровати на цыпочках, Чтобы попить воды и проверить, Не приоткрылся ли клюв, Не повернулась ли в сторону форточки Маленькая пернатая голова. Я выхожу по ночам на кухню покурить. Пью воду. Смотрю на птицу. Как хорошо, что она нарисованная. Как хорошо, что никуда не улетит.</p>	<p>Камила Латыпова:</p> <p>Изящное, грациозное, художественно скомпонованное стихотворение. «Птица на чашке» – символ одиночества. Слова «Птица», «на цыпочках» – квинтэссенция музыкального строя произведения: хотелось бы больше звуковых переплетений и сочетаний на «ц», что, на мой взгляд, придало бы «танцевальности» ритмическому рисунку стихотворению.</p> <p>А вот строка «Я выхожу по ночам покурить» лишена этой грациозности. Мне кажется, можно было бы сильнее опоэтизировать, утончить эту мысль, к примеру, описать табачный дым, царапание спичек. Но преимущество этой строчки, думаю, в том, что она жирной чертой обозначает основной авторский посыл: одиночество.</p> <p>Описание птицы, которая «не улетит», говорит о принятии автором сложившейся ситуации. Если в детстве нет места одиночеству, то в зрелом возрасте лёгкость бытия перерождается в тяжесть. Тяжесть – как синоним основательности. Неосознанность превращается в осознанность, одиночество – в свободу.</p> <p>Людмила Климович:</p> <p>Это скорее стихотворение в прозе с попыткой стихотворной раскладки. Красивая история о вероятном прошлом с жестоким завершением. Почему автор хочет, чтобы птица не улетала? Он как будто предаёт светлое детское начало... Хочется, чтобы всё остановилось на строке «Маленькая пернатая голова». Или: «Пью воду. Смотрю на птицу». Хочется, чтобы чудо не исчезало. К тому же последние строки ломают своим ритмом вольное течение стихотворения. Хотя его можно было бы извлечь из прозаического футляра, изменив в некоторых местах построчную разбивку, – по паузам, которые случаются при чтении.</p>

Здравствуй жук-колорад, мой последний друг
И заклятый враг, полевой мой конь, убежавший
Вон – пусть палач хорош, да суров закон.

До каких же пор плести судьбу, расплескавши
Дар, ты стоишь в углу, и смеёшся класс
От твоих проказ: мотылек пропал, огонёк погас.

На больных зубах леденец скрипит, есть животный
Страх перед всем, что спит, что висит во сне
Мертвецом двора: если боль в груди,
Уходить пора.

И ложится жук на крыло своё,
И взлетает конь через дверь в окно, и долги,
Увы, не оставит Он: не велик пробел,
Да суров закон.

Камила Латыпова:

С самого начала в глаза бросаются штампы: «заклятый враг», «мой конь», «огонёк погас», «животный страх». Но последнее словосочетание меня трогает, образ оживает в воображении, и удивительным образом штамп начинает работать, внутри меня как будто начинает «двигаться механизм», который отвечает за испуг. Начинается бессознательное воздействие этих слов. Мне представляется, что стихотворение написано мужчиной, следующие строки усиливают это впечатление.

Кульминационным кажется образ – «мертвецом двора». Двор видится как скелет – каркасы домов, гаражей, машин, качелей. Этот образ раскрывает состояние лирического героя, заставляет сочувствовать.

Композиция стихотворения – кольцевая. В первой и последней строфах повторяются слова: «да суров закон». Мне с самого начала текста казалось, что речь здесь идёт о неволе, тюрьме. В финале стихотворения все образы начинают работать, становится ясно, что говорится о законах природы.

Мне хотелось бы, чтобы все образы работали с самого начала; чувствуется нехватка ясности, акцентировки. Например, в начале, в первом четверостишии: «жук – колорад», «полевой конь»; в конце: «жук», «летающий конь». На мой взгляд, верность образам придала бы стихотворению больше формальной и смысловой завершённости.

Людмила Климович:

Первое впечатление: стихотворение – рассказ о взаимоотношениях с насекомыми. Похоже на смутное воспоминание из детства. Смесь ощущений. Жук-колорад, мотылек, огонёк, смерть. Страх и боль. И изо всего этого создаётся образ вечного богачарителя. Настроение нагнетается и приводит к предчувствию неизбежного, тяжести и суровости закона.

Во второй строфе нарушен ритм стихотворения. А его запись не соответствует рифмическому строю. Это приём ничего не дал стихотворению.

Одуванчики, лопухи,
Море солнечной шелухи
На краю городского сада...
Так и носишь с собою впрок
До грядущего снегопада
Золотистый сухой клубок.

Мать-и-мачеха, череда,
Незабудки для никогд...
По горячей асфальтной кромке –
Подорожник, угрюмый страж:
У него разговор короткий –
Что потребует, то отдашь.

Сколько в камень ни забирай –
На земле прорастает рай,
Возвращается пядь за пядью:
Повилика да зверобой...
Сядет бабочка на запястье –
Уведёт тебя за собой

Под акацию да сирень,
Где посвистывает свирель,
Сердце робкое подзываю,
Крошки солнечной подложив...
Так улавливает живая
Жизнь, угадывая, кто жив.

Камила Латыпова:

Живописное стихотворение. Чудесная звукопись. Слова мелодично переливаются, читаются, как на одном дыхании. Образы растений и трав сплетаются в красочную картину. Стихотворение превращается из описательного в воспевание, в оду, в восхваление природы. Бросаются в глаза благозвучные рифмы: «лопухи – шелухи», «впрок – клубок», «кромке – короткий», «за пядью – на запястье», «сирень – свирель» и т.д. Складывается песня, близкая к романсу.

Две последние строчки полностью раскрывают замысел и авторский посыл: «так улавливает живая/Жизнь, угадывая, кто жив». И от читательского восприятия, от его подготовленности зависит, оживут ли эти цветы в его душе или застынут, словно в картинной галерее. На мой взгляд, это стихотворение требует с сотворчества писателя и читателя. Автор впускает читателя в свой внутренний мир через внешний. Вопрос в том, готовы ли мы открыться красоте вместе с ним?

Людмила Климович:

Образ, создаваемый стихотворением, размыт: за восхитительной, чёткой и ясной первой строфой следуют незавершённые рифмованные мысли. Перечислены цветы, подорожник, который что-то забирает (что обидно, с моей точки зрения, для подорожника – целительного растения), снова растения, бабочка куда-то уводит, зовёт свирель... Свирель в общем контексте стихотворения выглядит странно – автор рассказывает о том, как, не смотря ни на что, «прорастает рай», и вдруг возникает искусственный объект, флейта. К тому же это слово по звунию ассоциируется со свиристелью, певчей птичкой. Возникает ощущение, что автор ошибся. В завершение используются практически невозможные образы: «жизнь угадывает, кто жив». Может ли жизнь не знать/гадать, кто жив, а кто нет?

Отдельно хочу отметить две строфы – первую и третью. Это прекрасные самостоятельные зарисовки с отличными метафорическими находками.

Умереть ли доверчиво в тихом саду,
Где печёные яблоки уbraneы в сетки.
Где тревожные птицы в осеннем бреду,
Задыхаясь, сорвутся с насиженной ветки.
Где мы жили с тобой, не вменяя в вину,
Что когда-нибудь чувства замрут и отчаят...
Или жить, озираясь и уши заткнув,
Словно Шуберт и Моцарт за всё отвечают.

Камила Латыпова:

Стихотворение с первых слов берёт читателя в плен, приковывает внимание. Первые же слова – «умереть ли доверчиво...» – сразу «быют в сердце». Думаю, всем знакомо состояние отчаяния, желание сдаться судьбе и вверить себя Богу. Образ «печёных яблок» перекликается с этим ощущением. Яблоки – не свежие, только сорванные с ветки, не наливные, не червивые, а «печёные». Жизнь затухает...

В целом не новый образ – «насиженная ветка» – работает, он стоит в середине стихотворения и делит его на две смысловые части. Мне видится, что здесь заканчивается философское рассуждение и начинается любовная лирика («чувства замрут», «или жить, озираясь»).

Думается, что последняя строка: «Словно Шуберт и Моцарт за всё отвечают» – «отяжеляет» текст. Возможно, автор хотел вернуться к исходной философской тематике, но это получилось не вполне удачно. Мне чувствуется, что эти слова не дают «взлететь» и «запорхать» мелодической линии стихотворения, которая безусловно есть, но в конце рвётся.

Людмила Климович:

Грустное, меланхоличное стихотворение – мысль без конца, не завершённая ни текстом, ни вопросом: проскальзывает в «никуда». Технически всё сделано хорошо. Но непонятно, почему печёные яблоки в саду уbraneы в сетки, – явное нарушение логики.

Я жил далеко от лета –
На севере, в январе,
Но снова по всем приметам
Обрёлся в иной поре.

Закат, как дрова в печурке,
Чадит, искры золоты...
А в поле играют в жмурки
Лазоревые цветы.

Наивный прозрачный вечер,
А более ничего...
Цитируют клёны ветер,

Камила Латыпова:

Прекрасные живописные образы в сочетании с приятной звукописью. Во вступлении, в завязке произведения, – яркая зарисовка: «Чадит, искры золоты», «лазоревые цветы». В третьей строфе строка: «Цитируют клёны ветер» – сильный образ, который задаёт тон всему стихотворению. В четвёртом четверостишии – нежные «перезвучия», переплетения в тексте. Кульминация – в пятой строфе: «...Ведь я человек «ронимый»,/ Я падаю, если пьян». Удивляет песенность,

<p>Луна – междометье «О!».</p> <p>То робкая рябь - по водам, То берег вздохнет волной... Берёзка плечом поводит: «Родимый, пойдём со мной».</p> <p>Зимы забываю имя... Призывно поёт бурьян. Ведь я человек «ронимый», Я падаю, если пьян.</p> <p>Пусть нам не даёт решебник Для будущих дней судьба, Но слово «лю-блю» – волшебно, Рифмуясь внутри себя.</p> <p>Цветы, заводь, и дорогу, И лес как связать в одно? – Ни память, ни жизнь не могут... Но только словам дано.</p>	<p>напевность, широта звучания стихотворения. Автор призывает нас петь с ним, сопреживать ему. Стихотворение – словно диалог с природой и читателем, как запев, как песня.</p> <p>Людмила Климович:</p> <p>Меланхолия. Красивое в целом стихотворение, которое разрушается ритмическими ошибками во второй и последней строфе («чадит, искры золоты», «и лес как связать в одно?»). Привлекают внимание красивые образы: «играют в жмурки лазоревые цветы», «цитируют клёны ветер...», «берег вздохнёт волной». Однако встречаются и некоторые несоответствия: «закат чадит» – звучит интересно, но когда чадит, искр не бывает; «призывно поёт бурьян» – сама конструкция слова «бурьян» вступает в противоречие со словом «поёт».</p> <p>Последняя строфа стихотворения – это вывод, который автор хочет донести до читателя, и если бы она была идеальна, возможно, она имела бы право на жизнь. Но... Позвольте читателю понять вас самостоятельно.</p>
<p>6</p> <p>***</p> <p>Скверы выбриты наголо, И огонь занемог. Ни цикуты, ни ангелов. Город сушит ледок. Не Кемер и Венеция Нас учили не ныть. Пусть старуха с деменцией Выйдет кошек кормить. Пусть на серой окраине Курит месяц со мной. Мы с тобою изранены Среднерусской зимой. Мы рожденьем отброшены, Как волной звуковой, Доживать – как положено – В широте снеговой.</p>	<p>Камила Латыпова:</p> <p>На мой взгляд, в этом стихотворении речь идёт о Петербурге, хотя и завуалированно. Об этом говорит обращение к Венеции (Петербург часто называют «Северной Венецией»). Это подтверждает и строчка: «Пусть старуха с деменцией/Выйдет кошек кормить». «Серая окраина» – эти слова часто используются для описания задумчивого, тоскливого города.</p> <p>«Мы рождением отброшены,/Как волной звуковой» – северный отдалённый город; реки, каналы, Финский залив, «тремоло» волн, – кульминация стихотворения. Чувствуется недовольство лирического героя, его обречённость, «отброшенность» в мир сырости и слякоти.</p> <p>Слова «Доживать – как положено – в широте снеговой» – развязка стихотворения. Я думаю, что здесь лирический герой приходит к смирению и согласию со своим городом и с жизнью.</p>

Людмила Климович:

Технически грамотное стихотворение. Ритм и рифмы выдержаны. Нарушает общее впечатление слово «ледок» – звучит некрасиво в описываемом контексте и отсылает к московскому говору с его уменьшительно-ласкательными «чаёк», «песочек». В это же время «старуха с деменцией» вызывает ассоциации с Санкт-Петербургом или глухим провинциальным городом. Этот диссонанс рвёт стихотворение на части.

Ещё одно странно используемое слово – «цикута». Рядом с ангелами оно представляется как нечто адово. Но на самом деле это просто ядовитое растение, и оно по смыслу не рядоположно ангелам.

7

Ещё немного снега – а потом
Вернуться в дом, младенчески жалея,
Что без тебя пустынная аллея
Не выведет к беседке над прудом –

Заблудится в сугробах, забредёт
За молодые заросли акаций
И никому не будет откликаться,
С густых ресничек смаргивая лёд.

Как будто замкнут на душе твоей
Незримый контур для земного тока,
И только ты, своею жизнью только
Смысл придаёшь сейчас себе и ей.

И первый снег – куда ему теперь
Идти по тишине невыразимой
Через свои бесчисленные зимы –
И молча одиночество терпеть?

А первая синица у окна?
Она на прошлогоднюю кормушку
Не к семечкам летит, а потому что
С тобою хочет свидеться она...

Жизнь без тебя смутна и неясна.

Ты это знаешь, и тебе тепло...
Отряхивая шубку и сапожки,
Ты говоришь себе: я выйду позже.
Выходишь позже.
Всё уже прошло.

Камила Латыпова:

Тонкая любовная лирика. Слова льются, как песня. Словосочетания: «...младенчески жалея», «...пустынная аллея» – простые, понятные, пронзительные,озвучные каждому. Чувствуется, что стихотворение предельно откровенное. Всё построено классически: фразы, рифмы, образы. В последней строфе – пять строк вместо четырёх. Этот приём, как мне кажется, передаёт не бунт, а смирение лирического героя. Между строк читается диалог автора с мирозданием, поиск ответов на сложные вопросы.

Людмила Климович:

Чудесное стихотворение-переживание. Особый шарм ему придаёт дополнительная строка и изменение записи последней строфы.

о где твой фартук и галстук бантики и колготки
гостья из будущего я прилетел к тебе чтобы шмотки
обменять на веру и вот робот вертер

похожий на танцора годунова
идёт ко мне с негнущимися ногами
и мы видишь всегда готовы

и те кто не с нами тот против
и я любуюсь твоими выющимися волосами
и твоим голосом на высокой ноте но главное о боже
твои глаза глаза глаза
значит ты никогда не постареешь
а я поднимусь на лестнице до шестнадцатого этажа
и позвоню в твою дверь дзинь дзинь дзинь
с новым годом моя дорогая
аминь аминь

как всё далеко и в то же время
как всё прямо здесь
под рукой

моя гостья из далёкого будущего

я возвращаюсь из школы домой
с пятёркой на уроке труда
и свежие комья снега
и прощение ноябрь зима

Камила Латыпова:

Стихотворение интересно своим композиционным решением: элементы следуют в обратном порядке. В начале стихотворения – кульминация: «...я прилетел к тебе чтобы шмотки обменять на веру...». Во второй строчке появляется «гостья из будущего» – отсылка к одноимённому детскому фильму. Образы и правда выстраиваются, будто в кино, «кадрами». Автор, по-видимому, рисует картины из своего детства.

После развязки, демонстрирующей высокий уровень эмоционального напряжения, начинается развитие действия. Появляются советские лозунги: «мы видишь всегда готовы», «те кто не с нами тот против». Эти цитаты цепляют читателей, которым знакома эта «лозунговая» реальность из рассказов или по опыту. Поэтические «воздушные» образы вплетаются в общую канву стихотворения: «вьющимися волосами», «голосом на высокой ноте», «о боже твои глаза глаза...». И, как бы это ни было парадоксально, в последней строфе мы видим завязку, исходное событие. И это выглядит эффектно.

Людмила Климович:

В стихотворении заметны две ступени, определяющие переход от чистой силабо-тоники к свободным стихам. Это можно рассматривать и как недостаток, и как достоинство, – всё зависит от читателя. Вообще в тексте очень много отдано на волю читающего из-за отсутствия знаков препинания. Например, я читаю «и мы видишь всегда готовы и те кто не с нами», и вдруг возникает ни к чему не привязанное «тот против», и я начинаю читать стихотворение сначала.

Есть в стихотворении заметные диссонансы, два лишних слова:

1) Стихотворение лирическое, очень мягкое. Грубое слово «шмотки» предсказывает жёсткое продолжение, но обманывает ожидания. В юношескую влюблённость как будто прорывается цинизм взрослого. Иногда так подростки, ещё не умея ухаживать за девочками, дёргают их за косички и обзывают.

2) Появления слова «значит» ничто не предвещает в предшествующем тексте. А как констатация факта «ты никогда не постареешь» – вполне в духе стихотворения, и логика не нарушается.

А прохладные сны
так по-женски нежны и цепки –
Я себя из постели вытаскиваю за холку

В неприветливый город,
хребет разгибая гордо,
Без отчаянных
«Господи, give me another option». Рифмовать о стихах, одиночество и погоде –
Графоманская придусть
(но изредка можно). В общем,

Я грызу эту жизнь, как умею,
давясь изнанкой,
Продолжаю повсюду вынюхивать better offer.
Я, конечно, бодрюсь и не жалуюсь,
но, признаться,
Без тебя это всё –
растворимый дешёвый кофе.

Людмила Климович:

Гладкое, мягкое, текучее по смыслу и рифме стихотворение. Ничего ни прибавить, ни убавить. Образное. Автор использует интересные метафоры: «заржавелые звёзды», «несвежие будни», «залипла в кирпичных сотах», «грызу эту жизнь».

Споткнулась на слове «черты». При чтении ударение ставится на первый слог и получается «жесты, чЕрты, ужимки» (спасал союз «и» между чертами и ужимками ☺).

Редколлегия «Менестреля» объявляет номера авторов анонимной подборки из 14 выпуска журнала.

Автор стихотворения № 1 – Андрей Шевцов, № 2 – Александр Любома, № 3 – Ирина Надирова, № 4 – Мария Затонская, № 5 – Иван Денисенко, № 6 – Ирина Надирова, № 7 – Мария Затонская, № 8 – Андрей Шевцов.

ПОЭТИЧЕСКАЯ ПЕРЕКЛИЧКА

«НЕСРОЧНАЯ ВЕСНА»

(Евгений БАРАТЫНСКИЙ – Олег КЛИШИН)

Евгений БАРАТЫНСКИЙ

НА ПОСЕВ ЛЕСА

Опять весна; опять смеётся луг,
И весел лес своей младой одеждой,
И поселян неутомимый плуг
Браздит поля с покорством и надеждой.

Но нет уже весны в душе моей,
Но нет уже в душе моей надежды,
Уж дольный мир уходит от очей,
Пред вечным днём я опускаю вежды.

Уж та зима главу мою сребрит,
Что греет сев для будущего мира,
Но праг земли не перешёл пиих, —
К её сынам ещё взывает лира.

Велик господь! Он милосерд, но прав:
Нет на земле ничтожного мгновенья;
Прощает он безумию забав,
Но никогда пирам злоумышленья.

Кого измял души моей порыв,
Тот вызвать мог меня на бой кровавый;
Но подо мной, сокрытый ров изрыв,
Свои рога венчал он падшей славой!

Летел душой я к новым племенам,
Любил, ласкал их пустоцветный колос;
Я дни извёл, стучась к людским сердцам,
Всех чувств благих я подавал им голос.

Ответа нет! Отвергнул струны я,
Да хрящ другой мне будет плодоносен!
И вот ему несёт рука моя
Зародыши елей, дубов и сосен.

И пусть! Простяся с лирою моей,
Я верую: её заменят эти
Поэзии таинственных скорбей
Могучие и сумрачные дети.

Олег КЛИШИН

ВЕСЕННЯЯ ЭЛЕГИЯ

Растает снег, появится трава —
зелёная, не знающая снега.
Из темноты произойдут слова
с упрямой силой нежного побега.

Ещё одна несрочная весна
настигнет нас, как лёгкая простуда.
Больничные бинты сорвав с окна,
в который раз надеемся на чудо

выздоровленья. И оно придёт
ценой очередных исчезновений,
попыткой разорвать круговорот
надёжного беспамятства растений.

Меж тонких пальцев первого дождя
мелькнут когда-то встреченные лица.
Ты их припомнишь, чтобы погодя
без сожаленья с ними рас проститься.

Друг друга мы легко переживём —
без сладострастных жалоб и упрёков,
не торопясь, листая день за днём,
в пределах кем-то отведённых сроков.

Очнувшийся от выморочных снов,
седой старик стоит между домами,
уже давно, как пионер, готов
со считанными рас прощаться днями.

Но прежде чем поставить на прикол
свои невероятные калоши,
он накрывает поминальный стол,
не отказавшись от посильной ноши,

его не оскуделая рука,
напоминая о насыщенном хлебе,
благую весть несёт под облака
навстречу птицам в разорённом небе.

СТАРАЯ ПЛАСТИНКА

Стихи с комментариями

пластинка старая в царепинках шаляпиным балует
не бытие а быт тоска в тоске тоскуем ведь не сума
не хлеб и даже не вино вина одна одной вине темно
куда же ты пропала сулико и суслик не стучит давно
в окно не карты друг не карты домино метро закрыто
выходи на свет одним корыто а другим привет

*привет картавит иностранный друг
ты просто морж ныряющий от мук
на дно где лёд и отражение рая
холодное как мысли самурая
не думай долго а не то каюк*

*привет картавит иностранный друг
не бойся стука в дверь ведь стук лишь звук
окно уходит в сад там звёзды мира
там сказки ищут снова мойдодыра
там ровные деревья не шумят
и шаг за шагом строится отряд*

*привет картавит иностранный друг
всему предел особенно у рук
пытавшихся добраться до нутра
отряд давай стрелять при слове два
не на не на не на не ностальгия
шаляпина уж глушат стоны вия
и мама мия снова фигаро
в россии видишь лучшее метро
на выход значит батенька маxно*

шаляпина пластинка голос русский
но из прошлого увы
как устарело всё особенно мосты
деревья сад и слабенькая дверь
стучит в окно последняя капель
или метель уже не разобрать
мне снова двойка ставится в тетрадь и твою мать
так хочется напиться
пустое дно забытая страница
зачем ты вяжешь
ведь сломалась спица
давным-давно как напорочил друг
как напортачил враг когда ты слёг в овраг
когда в пространство выстрелил варяг

*о пустота о буйство наказания
о нежность уст о мягкое признание
нет не в любви и верности до гроба
а в недоступности домашнего порога
привет привет прощай мой верный друг
и сердца замедляющийся стук
тук-тук тук-тук тук-тук
тук-тук
тук
тук*

Комментарии автора:

пластинка старая в царепинках шаляпиным балует – этот образ – штамп, созданный автором, который смотрит на своё детство с другой стороны земного шара и видит то, что запомнилось навсегда, – разорванные, наивные, но милые сердцу картинки из далёкого прошлого, находящегося в совсем другом пространственном и временном измерении. Эти образы создают ностальгию по идеалам, которых нет, но хотелось бы, чтобы они были. Получается возвращение в место, куда вернуться нельзя, и которое есть ты сам. Такой почти что Голливуд, заканчивающийся и начинающийся под музыку Шаляпина.

куда же ты пропала сулико и суслик не стучит давно в окно не карты друг не карты домино – кажется, Пруст говорил, что запахи пробуждают в людях воспоминания. У меня же сильнее всего вызывают воспоминания звуки – старая пластинка с Шаляпиним, «Сулико» или песня «Мой сурок со мною». Там, где я сейчас живу, нет сурков, одни суслики. В карты и в домино здесь тоже никто не играет, хотя иногда и надо бы.

метро закрыто выходи на свет одним корыто а другим привет – здесь автор воспевает легендарное московское метро, не имеющее равных в мире, которое в сознании ребёнка не закрывалось никогда. Вечное незакрывающееся метро. Чудо света.

*не сума не хлеб и даже не вино вина
одна одной вине темно – речь идёт о чувстве
вины из-за отъезда из родной земли, то есть о
вине, связанной с потерей невинности. Получается эдакий побег из эдемского сада. Поэтому герой мыслит/говорит если не универсальными, то по крайней мере, архетипическими понятиями: вина, сума, вино, хлеб. Я часто думаю о том, что горы везде одинаковые, что в России, что в Юте, песок тоже везде один и тот же, но всё остальное в России – другое: Шаляпин, музыка, карты, домино, метро, отец, мать и прочее, прочее...*

привет картавит иностранный друг... – картавящий иностранный друг – это сам автор, говорящий по-английски, с характерным произношением звука «Р», а также говорящий по-русски, но не всегда правильно. Таким образом, стихотворение построено как диалог двух голосов, отражающих для автора два одновременно существующих в его сознании периодов жизни – советского детства и американской зрелости.

Кроме того, в звуках слова «картавит» слышится перечёркивание, помехи, царапинки на граммофонных пластинках, усиливающие ностальгию.

*ты просто морж ныряющий от мук на
дно где лед и отражение рая холодное как
мысли самурая – в образе моржа изображён
отец автора, в своё время активно
занимавшийся моржеванием и восточными
единоборствами (отсюда и упоминание о
самураях в пятой строке).*

*окно уходит в сад – образ сада двояк, он
содержит в себе образы райского сада, из
которого были изгнаны праотцы, и
Гефсиманского сада, в котором плакал
Христос.*

*и шаг за шагом строится отряд – с
одной стороны, здесь имеется в виду
пионерский отряд, с другой – отряд римских
легионеров, взявших Христа под стражу в
Гефсиманском саду. Строгая дисциплина,
хождение рядами, закон, порядок, нелюбовь к
одиночкам.*

*не на не на не на не ностальгия – уже в
американский период жизни на курсе
философии в университете автору был задан
вопрос: почему «нет» реальней, чем «да»? «Не»
– слог, означающий отрицание, «на» – слог,
предлагающий что-то взять или что-то отдать.*

В райском саду ты сначала «не», но когда ты вкусиш плод – ты уже «на», ты изгнан, и тебе остаётся только ностальгия, вина, память и одновременное присутствие русского прошлого и английского настоящего.

всему предел особенно у рук
пытавшихся добраться до нутра – автор
давно занимается медитацией. В восточном
мышлении нет антиномии «да» и «нет»,
например, для дзен-буддиста или даоса
чёрное уже находится в белом и наоборот.
Если ты добрался до нутра (неважно,
человека или мира, нутро всегда нутро), то это
предел – больше некуда тянуться.

Для автора стихотворения поиск истины
важнее самой истины. Предел – в том, чтобы
попытаться охватить всё, будучи живым
человеком, в определённый период времени,
на планете, заброшенной в определённое
пространство (для автора на данный момент
это небольшая мормонская деревня в штате
Юта), и это дело бесполезное. Нельзя объять
необъятное. Но стараться надо. На то мы и
люди.

*шалапина уж глушат стоны вия/и
мама мия снова фигаро – автор предлагает
читателю мозаику из музыкальных образов:
Шаляпин, Вий, «Богемская рапсодия» –
образы и мелодии из советских и
голливудских фильмов, увиденных уже после
отъезда из России. Автор не особо разбирается
в музыке, но любит контрапункт как в жизни,
так и в искусстве.*

*в россии видишь лучшее метро/на
выход значит батенька махно – метро,
находящееся под землёй, как первый круг
ада, и атаман Махно, затерявшийся между
белыми и красными, – символы лимба,
потерянности, неприкосновенности. Не то
русский, не то американец. Не то хореограф,
не то литератор. Не то старик, не то
маленький мальчик. Или же опять – и то и
другое одновременно. Так и не скажешь сразу,
кто ты. Но родился всё-таки на улице
Строителей, а теперь живёшь в заброшенной
деревне заброшенного штата Юта. Это очень
абсурдный факт, и от этого не отвертеться. И
всё-таки это не нигилизм, по крайней мере, не
полный.*

*стучит в окно последняя капель или
метель уже не разобрать – слово «капель»
автор бы никогда не написал, если бы не
помнил его по песне про день рождения
Ленина, которую учил во втором классе.*

Капель – это второклассник Песков, в полузабытой школе в Тёплом Стане поющий про рождение Ленина. И это всё прошло, прошло, прошло: Шаляпин, Ленин, пластинка в царапинах, детство, мальчик Дима.

слабенькая дверь – автор не был в России лет двенадцать, но во время последнего визита он видел, что дом, где он когда-то жил, остался таким же, как в его детстве, только всё в нём стало старым – стены, окна, дверь... Увидев это всё, чувствуешь, что тебе снова восемь лет и что твоя девочка Наташа вот-вот выйдет из подъезда, и вы пойдёте качаться на качелях. Это встреча с призраком прежнего себя, она очень выбивает из колеи, это нелегко пережить. Может, поэтому Бродский, Барышников и многие другие так и не смогли вернуться на родину, когда у них появилась такая возможность. Нельзя вернуться к тому, чего уже нет. К тому же там слишком много призраков.

когда в пространство выстрелил варяг – у автора в детстве была книжка про корабли, которую он очень любил. Вообще-то в стихотворении должен был выстрелить крейсер «Аврора», а выстрелил «Варяг». Почему? Потому что стихотворение обращено к более дальнему прошлому, классическому и наивному («Варяг», Шаляпин, буйство, пустота, нежность, эдемский сад).

о пустоте о буйство наказания/о нежность уст о мягкое признание – слово «пустота» здесь наделено обоими смыслами, и восточным, и западным. Это и образ абсолютного отрицания, и образ всепотенциальной возможности. Автор пародийно обращается к пустоте на «о»: «о пустота». Кружок «о» сам символизирует пустоту, в которой – и буйство, и наказание, и нежность, и прошлое, и настоящее, и, даже будущее.

тук-тук тук-тук тук-тук – этот стук – напоминание о том, что у отца автора полгода назад были проблемы с сердцем. С одной стороны, отец – атлет, морж, не боящийся холода, сам создающий внутри себя тепло, с другой стороны, в его сердце раздаётся тихое: тук-тук-тук. Как будто кто-то стучится: друг или враг? Тук-тук-тук – это попытка найти связь с отцом, с прошлым, с детством... с собой.

...Родился на улице Строителей, потом жил в Тёплом стане, потом на Юго-Западной, потом – Женева, Португалия, Швеция, потом Чикаго, потом американская деревня, опять город и снова деревня. И ничего уже не разобрать. Или, по крайней мере, не охватить.

А с другой стороны, это всё может быть чистой галиматьёй, нонсенсом, если этого захочет читатель.

ОСТРОВА И МОСТЫ

Интервью

*Очередной материал в постоянно рубрике «Менестреля» «У нас в гостях» посвящён современной литературной ситуации в Крыму. Предлагаем вниманию читателей интервью, взятое Андреем Козыревым у крымского поэта и культуртрегера **Мариной Матвеевой**.*

А.К. Крым всегда был благодатным местом для творчества, вдохновителем множества поэтов и писателей. Насколько активной является литературная жизнь в Крыму в наши дни? Какие писательские общества и литературные объединения работают в вашем регионе в настоящее время?

М.М. В Крыму есть региональное отделение Союза писателей России, оно довольно активно, особенно в Севастополе. Однако отсутствие финансовой поддержки со стороны именно крымского бюджета, разумеется, работу Союза тормозит. Насколько я знаю, отделения Союза Российской писателей у нас нет, хотя наверняка имеются отдельные члены этой организации. Так же некоторый ряд крымских авторов имеет членство в Южорусском союзе писателей, Союзе литераторов России и других творческих организациях, каковых немало. Однако активная творческая работа по этим векторам ведется большей частью в сети, нежели в «реале».

В этом смысле активны у нас два Союза писателей Крыма, которые находятся между собою в конфронтации (на чём внимания заострять мне не хотелось бы, ибо это явление повсеместное: писательские организации в регионах нередко конкурируют, а то и откровенно враждуют). Однако обе они по мере сил проводят фестивали, конкурсы, творческие мероприятия, содействуют продвижению поэтов и писателей. Конфронтация (особенно за средства из бюджета, Дома Творчества и др.) оказывает, само собою, отрицательное влияние на настроения умов в крымской культурной среде, но это, я считаю, не повод опускать руки.

Лично мне хотелось бы дружить со всеми, сотрудничать с представителями всех этих организаций. На деле межсоюзные дрязги в регионе приводят к замыканию в себе, чтобы «никто не трогал», – это в том случае, если тебя интересует только творчество, а не культурная и общественная деятельность в рамках СП.

А.К. Какие интересные литературные события, произошедшие в вашем регионе за последние годы, вы можете назвать?

М.М. Именно в Крыму возникло яркое и самобытное движение – проект «Web-притяжение крымской поэзии и Бардовский видеомост». Он возник ещё в 2012 году, но особенно активизировался после 2014, когда Крым в прямом смысле на время стал «островом», а общения хотелось. Именно по инициативе крымчан проходили бардовско-поэтические видеомосты (после которых остались видеозаписи) с литературными обществами разных городов России, СНГ и зарубежья.

Более 50-городов подключилось к видеомостам, количество же вовлечённых людей подсчёту не поддается. Это новые творческие связи, знакомства, публикации, продвижение в широкий русский литературный мир. Последний видеомост был проведён в начале 2020 года, проект временно закрылся в связи с известными событиями, но может быть возобновлён в любой момент.

А.К. Известно, что Крымский регион богат литературными традициями, тесно связан с культурным наследием XIX и XX вв. Как соотносятся традиция и современность в крымской литературе в наши дни?

М.М. Собственно культурная и творческая деятельность в Крыму – богатейшая. Тот факт, что мы на какое-то время стали «островом» (не считая, конечно же, сети и её литературных возможностей), подвёл крымских авторов (прежде широко кочевавших в литературном мире) к потребности повернуться вновь к своим – соотечественникам, крымчанам. Мероприятия стали более масовые, открытые. Камерная литературная работа также активно продолжается: практически в каждом городе имеется литературное объединение, а то и не одно, проводятся фестивали, объединяющие крымчан и гостей полуострова.

Как обычно, творческие объединения делятся поколенчески: на молодёжные и ли-

тераторов с опытом. Есть и студии, объединяющие всех – как поэто-бардовские (ЛБМ «Таласса»), так и, к примеру, Клуб фантастов.

В Симферополе сейчас работает не менее пяти молодёжных творческих сообществ разной направленности: от классических литературных студий с наставниками в поэзии и творческой школой – до очень свободных образований весьма протестной молодёжи, устраивающей самые разные творческие акции. Некоторые молодёжные листо-сообщества «обитают» в основном в сети в формате паблика и собираются не чаще раза в полгода.

Другой вопрос, что иной раз молодым авторам не хватает теоретической подпитки, равно знаний о том, что было уже сделано в выбранных ими направлениях прежде, поэтому творчество молодых выглядит бессистемно и, понятное дело, повторяет (как смыслами, так и формой) написанное до них.

Однако это заметное отсутствие взаимодействия и преемственности поколений в творчестве затрудняет открытие чего-то поистине нового, поэтому всё же, несмотря на отдельные прорывы, поэзия нашего региона традиционна. Само собою, в культурной среде Крыма всячески почитаются писатели-классики, побывавшие у нас, а их было немало, проводятся творческие акции, фестивали, им посвящённые, устанавливаются памятники и др.

Но наиболее интересно, как традиция преломляется в самом творчестве крымчан. А происходит это самым различным образом, от классики до авангардных прорывов. Здесь интересно сравнить два явления.

Первое – это Крымский клуб сонетистов, которые обращают внимание на наиболее классические произведения потов Серебряного века – их сонеты, и создают собственные произведения, вплоть до многочисленных венков сонетов. Клубом изданы антологии крымского сонета, вышла в Крыму и теоретическая литература по этому направлению, можно отметить изобретение именно в наше время киммерийского сонета (с особой формой расстановки строк, отличной от классической). И всё же здесь очень сильна традиция.

Уникальным в своём роде явлением (хотя тоже опирающимся на традиции метаметафоризма и метареализма) стало возникновение в Крыму поэтического направ-

ления фэзия. Термин расшифровывается как «фантастическая поэзия», хотя к фантастике (тем более к фэнтези) прямого отношения не имеет. Это скорее поэзия мифотворческая, поэзия трансцендентной реальности. Что есть сказка, миф, легенда, фантазия, как не архетипы человеческих воззрений и духовных стремлений, зашифрованное знание, передаваемое из глубины веков? И уж не о том ли оно говорит, что никакая это не фантазия, а самая что ни на есть реальность.

Несмотря на интеллектуальную и чувственную усложнённость, произведения направления фэзия очень современны – не просто так действовавшая несколько лет в Крыму творческая группа «Фаэты» имела немалый успех у самой различной публики, а теоретические изыскания по фэзии отмечены вниманием культурологической науки.

Одной из любимых форм творческого проявления в Крыму на протяжение последних десяти лет является перформанс. И в другие времена (в том же Серебряном веке) он был популярен, но в Крыму он расцветает особенно. Как у молодых поэтов-авангардистов, так и у среднего поколения (иной раз и бардов, а также и хореографов) возникает желание собраться вместе – от двух авторов до целой труппы – и создать из своих поэтических произведений театрализованную постановку разной степени сложности. У двух-трёх авторов это обычно театрализованный (костюмированный и т.п.) поэтический диалог, у большего числа может быть целая пьеса. Может быть избрана тема (история России, Древняя Греция, Индия и т.п., некая современная проблема). Перформансы имеют успех и в изрядной степени решают проблему привлечения публики к современной поэзии. На протяжении последних десяти лет мне довелось участвовать в целом ряде перформансов, некоторые из них – мои творческие детища.

А.К. *Расскажите о творческом сотрудничестве вашего края с другими регионами русскоязычного литературного пространства.*

М.М. Литература Крыма претерпела заметные изменения в связи с событиями и переменами 2014 года. До этого писатели и поэты полуострова (по крайней мере, молодёжь) постоянно ездили на литературные фестивали по всей Украине (от Луганска до Львова), это было легко и просто, до тех же Запорожья, Херсона,

Николаева можно доехать за одну ночь. Мероприятий такого рода было очень много, ощущение вовлечённости было сильным, более того – было чувство творческой востребованности, значимости, литературного статуса **на уровне страны**. И, как ни странно, русскоязычные поэты Украины были очень хорошо слышны в России. И Москва, и Санкт-Петербург очень хорошо реагировали на нас, приглашали к участию в российских литературных форумах, проектах, к публикации в журналах.

После известных политических событий Украина стала для нас закрыта, в творческом плане сохранились связи большей частью с Донецком и Луганском, отдельные – с Киевом и Одессой, но уже не такие сильные, как прежде. Сложилось сильное впечатление, что литература наша превратилась в типично региональную.

Типично в социальном плане – ощущения востребованности на уровне страны лично у меня не возникает, и не знаю, возникнет ли. Да и многие другие крымские авторы отмечают, что как русскоязычные поэты Украины, как борцы за русский язык и русскую культуру они России были интереснее. Сейчас же мы стали просто областью, одной из многих, а в огромной стране РФ и без нас хватает пишущих, которым необходимо уделять внимание.

А.К. Каков ваш выбор в сложившейся ситуации – поиск поддержки литературы государством, свободное творчество, их совмещение? Какие перспективы развития литературного процесса в регионе вы видите в настоящее время?

М.М. Должна сказать, что Россия в литературном плане уделила Крыму внимание немалое. У ряда российских изданий (журналов и альманахов) открылись рубрики крымской литературы, публиковались подборки наших авторов: поэзия, проза, критика – все эти жанры в Крыму развиты очень хорошо.

Вышел номер «Роман-газеты», полностью посвящённый крымской прозе. Прошёл масштабный проект «Литературной Газеты» – «Муза Тавриды», который нашёл сильнейшее отражение в сердцах и творческой молодёжи, и маститых авторов. В течение года к нам приезжали известные литературные деятели из Москвы и России, проводили для молодых лекции, диспуты, конкурсы, творческие путешествия и т.п.

Молодёжь не только слушала, но и активно принимала участие в происходящем, у многих осталась интереснейшая память об этих творческих событиях, для многих они стали новыми ступенями в литературный мир. Писатели старшего поколения не только обогащались, но и делились собственным опытом и знаниями – как по классике и её традициям в Крыму, так и по современной литературе. Мне довелось в рамках проекта читать лекции по современной авангардной и визуальной поэзии, изопоэзии и смежных жанрах, на которые, к слову, крымские авторы-авангардисты уже немало лет обращают пристальное внимание.

В «Литературной газете» Москвы в течение ряда лет действовала рубрика «Муза Тавриды», которая отдавала несколько полос под произведения крымских авторов, многие из нашей творческой молодёжи прозвучали там впервые, авторы же опытные напомнили о себе.

Однако, как ни странно, всему приходит конец. На настоящий момент означенный проект и рубрика завершились, да и в других изданиях России крымскими авторами интересуются всё меньше. Потому и становится ясно, что «интерес по разнарядке» и такие же публикации – это не совсем то, что нужно крымскому писателю. Да и в самих подборках, публикуемых по этому принципу, иной раз чувствовалось, что издатели не обращают особого внимания на качество текста – им главное, чтобы это были авторы означенного региона, а потому в подборки (в т.ч. и в ЛГЗ) попадали иной раз откровенно слабые авторы, за что Крым получал, к сожалению, нарекания от читателей. Обращались, понятное дело, издания не к авторам индивидуально, а к писательским организациям (СП), и те уже рассылали подборки из редакционных портфелей, не особо взирая на лица. Всякое бывало.

Понимаю, что ждать от огромной страны и её огромной литературы индивидуального внимания к крымским авторам – «точечным явлениям» – если и приходится, то во многом это будет зависеть от самих авторов. Как они представлят себя, как покажут.

Наши авторы в этом отношении очень активны. Ещё в самом начале перемен они имели – и имеют до сих пор – сильнейшее творческое желание «присоединиться к России». Вопрос подключения к творческой работе новых технологий остро встал перед поэтами и бардами в посткризисные годы.

Многих из нас беспокоит уменьшение возможностей посещения фестивалей и общения с себе подобными из-за загруженности, гонки на выживание, материальных несуразиц, политической нестабильности и прочего. Кому-то путешествовать и широко общаться не позволяет здоровье. А расстояния и стоимость билетов от Крыма до разных точек огромной России (особенно Урала, Сибири, Дальнего Востока) – вообще без комментариев.

Крымчанам вообще редко удаётся похвастаться дальными поездками творческого плана. Хотя немалый ряд наших авторов на творческих мероприятиях в России бывает (мне довелось за эти годы побывать в Москве, Перми, Адыгее, на Золотом Кольце России, также в Белоруссии), и их хорошо принимают там, но это сопряжено с куда большими сложностями, чем лёгкие и быстрые «скачки» по Украине. Такие путешествия приобретают масштабность, весомость.

Радует, что хоть изредка, но ещё есть возможность посещать мероприятия в городах России не только за свой счёт, но и по приглашениям. В частности, авторов молодых по-прежнему ждёт Форум молодых писателей России (прежде проходил в Липках, в последний раз прошёл в Ростове-на-Дону, – были на нём и крымские авторы). Но, увы, это точечные моменты.

А.К. Каковы перспективы развития литературы в крымском регионе, с учётом всего сказанного выше?

М.М. По сути, наши проблемы мало отличаются от проблем всего русскоязычного литературного мира. Нельзя пройти мимо того, что литература уже давно превратилась в хобби для обеспеченных людей. Здесь речь идёт не только о поездках на бесконечные фестивали (большей частью за свой счёт), но и издание своих книг, публикации в платных журналах, участие в платных конкурсах – и так до бесконечности. Очень многим людям, особенно тем, кто писать начал недавно и не застал «времени бесплатной литературы», это уже практически совершенно «не жмёт». На тех авторов, которые отказываются публиковаться, издаваться и продвигаться за свой счёт, уже смотрят косо и с удивлением – слишком привыкли к тому, что иначе почти не бывает.

Бывает. Но с каждым годом с этим всё сложнее. И если у поэтов ещё остались издания, которые публикуют их бесплатно (а то и с гонораром), осталась возможность высту-

пать (хотя и творческие площадки нередко становятся арендными для выступающих, но это ещё не повсеместно), то у прозаиков всё гораздо грустнее.

По крайней мере, по работе нашего Клуба Фантастов видно, что большинство проектов, в которых участвуют его члены, – коммерческие со стороны авторов. Да и большая часть литклубов и студий, если вообще занимается издательской деятельностью, то делает это именно на такой основе: «с автора по нитке – выпустим сборник». Иной раз, конечно, находят спонсоров или получают поддержку от бюджета, грант и т.п., но это бывает редко и очень часто сопровождается неким «надрывом» от зависимости и борьбы за этот «кусок», а потому участникам проектов становится проще просто сложиться и издать то, что они хотят и как это видят.

С одной стороны, появляется определённая свобода, с другой стороны, понижается планка самого текста. Становится сложно быть хорошим писателем и поэтом в том мире, где по коммерческим причинам издательства и издания принимают в печать произведения, невзирая на их качество, и выходит немало бездарных книг и сборников. Их не только принимают в печать, но сами содействуют этому, хваля и обласкивая любого графомана, чтобы только подбить его издать своё творение. Тут подключаются и библиотеки, нахваливающие пишущих несмотря на их одарённость/бездарность – лишь бы больше людей привлекалось на библиотечные мероприятия. Таким образом, искренняя борьба за культуру приводит к её падению.

Но в конечном счёте всё зависит от человека – от самого издателя. Во многих журналах и сборниках проходит суровейший отбор авторов, ряд клубов в творческой работе также не опускает планку. Что литературное продвижение (если оно не коммерческое) ныне строится на взаимообмене – «ты мне, я тебе» (рецензию, отклик, публикацию, репост и др.) и на дружеских связях, об этом и говорить не стоит – это повсеместно. А потому дружеские и творческие связи приобретают особую ценность.

Всё ещё проводятся творческие проекты на чистом энтузиазме. Хотя и этого становится всё меньше, ибо они не получают поддержки либо получают её в недолжной мере. Зато «надрыва» эти самые энтузиасты приобретают сколько угодно. Но всё же та-

кие явления в Крыму ещё происходят (тот же видеомост, например), что не может не радовать.

Думаю, и поддержку от России крымская литература получит – в формате грантов, стипендий молодым авторам, новых молодёжных программ. Творчество опытных авторов будет оценено премиями и заслуженными званиями. Однако глубоко я этот вопрос осветить не могу. Могу лишь отметить, что свободы творчества никто не отменил, у нас по-прежнему есть сайты со свободной публикацией стихов и прозы, и даже самым маститым авторам не стоит игнорировать их. Именно там сейчас сосредоточивается самая живая «обратная связь», именно там находятся люди, которые читают тебя с неподдельным интересом – именно за то, что написано тобою, невзирая ни на какие литературные регалии, влияние в литсреде, связи и взаимное продвижение. Там же ты можешь получить истинную оценку, совершенствоваться, расти.

Но это один из вариантов. Второй – общественная культурная деятельность.

Ведь известно, что многие премии по литературе (в частности, Государственная премия Республики Крым) даются не столько за качество написанного автором текста и даже не за его актуальность, сколько за деятельность этого человека на благо региона. Далеко не все могут совмещать имеющиеся литературные возможности (порой противоречащие друг другу). Кто это может, того можно назвать состоявшимся писателем.

Что же до писательства как профессии, особенно на региональном уровне, то это вопрос более чем сложный, и рассматривать его нужно в ином контексте. Наверняка в Крыму такие авторы есть, хоть едва ли их много. Заработать можно издательской деятельностью, редактированием и рецензированием книг, литературоведческими статьями – это то, что называется «литературный работник». Но совмещать это с собственным свободным творчеством бывает трудно. Это непросто – находиться на двух полюсах сразу. Но возможно. По крайней мере, современным писателям, где бы они ни проживали, к этому не привыкать.

«ПРЕОБРАЗИВШИСЬ В СВЕТОВУЮ НИТЬ...»

Интервью

В 2021 году исполняется 25 лет со дня убийства поэта, философа, первого заместителя гендиректора по экономике АО «ОмсКшина», депутата Законодательного собрания Омской области Олега Чертова (1958-1996). Предлагаем вниманию наших читателей интервью, взятое главным редактором журнала «Менестрель» Андреем Козыревым у вдовы поэта **Татьяны Юрьевны Чертовой**.

А.К. В своей пушкинской речи Ф.М.Достоевский отметил, что Пушкин для России – явление не только чрезвычайное, но и пророческое, и его тайна – не только в том, что он сказал и сделал, но и в том, чего он не успел сказать. «Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унёс с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем», – писал классик. Такая же тайна осталась нам в наследство от многих поэтов, ушедших из жизни слишком рано, – Михаила Лермонтова, Николая Гумилёва, множества поэтов «свинцового» XX века. Убийство Олега Чертова в последний день високосного февраля 1996 года стало такой же тайной, которую мы, наследники нескольких поколений убитых поэтов, давно уже пытаемся разгадать. И приблизиться к разгадке этой тайны невозможно без диалога с людьми, духовно близкими поэту, разделившими с ним его путь, подвиг и жертву.

Олег Чертов при жизни не публиковал своих стихов, о том, что он их пишет, изначально знали только Вы. И только Вы имели возможность наблюдать творчество Олега вблизи. Как проходил у него творческий процесс, как возникали стихи?

Т.Ч. К написанию стихов Олег относился серьёзно. Много правил, вычёркивал. Я дарила ему открытки, которые диктовали какое-то настроение. Открытки сrepidукциями Брейгеля, других старых художников, открытки с видами Грузии и так далее. Потом мы гуляли по набережной, по Зелёному острову. Он вышагивал стихи ритмически, читал их вслух, смотрел на мою реакцию. Говорил: «Я сверяю стихотворения по тебе».

А.К. Насколько труден, по-вашему, этот путь – быть женой поэта, его спутницей, собеседницей и наследницей?

Т.Ч. Это большая честь и ответственность. И без любви тут ничего не возможно было бы. После 1996 года действовать надо было без оглядки. Потому что Олег ушёл, а я должна жить за двоих, доносить до людей его мысли, его поэзию.

А.К. Чем стал для вас этот путь – стеснительными цепями или световой нитью во тьме, о которой писал в стихах Ваш муж?

Т.Ч. Конечно, световой нитью. Если бы этого не было, я не представляю, как бы мне жилось без Олега. Эту связь с ним я чувствую по сей день.

А.К. Какие стихотворения Вашего мужа нравятся больше всего лично Вам? Были ли у Вас периоды, когда какие-то стихи нравились Вам больше, а потом им на смену приходили другие?

Т.Ч. Я люблю все его стихотворения. И порою я вижу, что какие-то конкретные строчки отражают день сегодняшний, а Олег написал их много лет назад. Однажды он сказал: «Я чувствую, понимаю, что эти стихи мне надиктованы».

А.К. Какие стихотворения Олега, с Вашей точки зрения, наиболее актуальны сейчас?

Т.Ч. Мы сейчас на пороге таких серьёзных событий, что важно не то, что вскрыли в своё время стихи Олега, а то, как мы сами продолжим и закончим свой жизненный путь.

А.К. Свою диссертацию «Гуманизм оксфордских реформаторов» Олег защищал в Ленинграде. В атмосфере Северной столицы совершалось его формирование как поэта, мыслителя и человека. Насколько тесна, с Вашей точки зрения, была его эстетическая и нравственная связь с культурой Петербурга? Что было причиной этого духовного тяготения?

Т.Ч. Олег очень любил Питер, досконально знал его историю, архитектуру, топонимику. Как-то мы шли по Дворцовой площади. Олег поднял глаза и сказал: «Почему-то люди всегда смотрят под ноги, и никто не хочет увидеть Ангела». Он очень часто смотрел на небо.

А.К. Велико влияние на Олега грузинской культуры. Не раз он называл Грузию своей духовной родиной. Что, с Вашей точки зрения, привлекло его в первую очередь в грузинской культурной традиции?

Т.Ч. Олег познакомился со своими грузинскими друзьями на научной конференции. И они очень подружились. Грузия была для нас своеобразной отдушиной. Когда мы приехали в Тбилиси, как гостеприимно нас принимали! Каждое застолье превращалось в пир. Нам в неурочное время открывали двери музеев, давали подержать в руках картины Пирсмани. Это было удивительно! Друг Олега Бидзина Рамишвили вспоминал о тех встречах: «Олег Чертов оставил неизгладимый след в сознании молодых грузинских интеллектуалов периода 80-х и 90-х годов прошлого века. В Тбилиси его знали как "странный молодого человека из Сибири". Странного – потому что немногим из нас доводилось встречаться с такой яркой и сильной личностью».

А.К. Почему Олег, имея столько возможностей остаться в любимых им Ленинграде или Грузии, всё-таки остался в Омске? Было ли что-то, что духовно притягивало его на родной земле?

Т.Ч. Олег же не один был. На нашей ответственности были мама Олега, мои родители. Мы не могли их оставить. На малой родине его многое притягивало. Например, мы часто гуляли по улицам в центре города, на месте которых находились когда-то старая крепость, плац, Мёртвый дом. Олег говорил: «Представляешь, по этой земле ходил Фёдор Михайлович!» Достоевский был его любимым писателем. Многое из его прозы Олег знал наизусть, написал несколько работ о «Братьях Карамазовых». Можно вспомнить и об участии Олега в восстановлении Свято-Никольского мужского монастыря в селе Большекулачье. О знакомстве, а потом уже и

дружбе с настоятелем монастыря иеромонахом о. Виталием (Кларитским), который в 1996 году отпевал Олега. Батюшка и сегодня вспоминает их долгие беседы о Боге, о смысле жизни.

А.К. Известно, что Олег Чертов при жизни не стремился общаться с городским литературным сообществом. В чём, по-Вашему, заключается причина отсутствия контактов между Олегом и профессиональными литераторами нашего города?

Т.Ч. Олег был известным человеком в Омске. Был знаком с музыкантами, художниками, журналистами. А вот писателей так, наверное, и не повстречал. А может, и не догадывался о том, что в Омске имеются профессиональные литераторы. Более того, однажды сказал с иронией: «Я современных писателей как-то побаиваюсь».

А.К. Для чего ему нужно было сохранять эту дистанцию?

Т.Ч. Олег вообще был человеком дистанции, со всеми. И всё свободное время старался проводить с семьёй. Он очень ценил время, и встречи с чужими людьми всегда были ему не в радость. Никогда не был богемным человеком. Жил настолько насыщенной производственной, научной и творческой жизнью, что этого хватало ему за глаза.

А.К. В течение последних лет в Омске вышло несколько книг Олега, в частности, сборник стихотворений «Вновь стану светом» в издаваемой В. М. Физиковым серии «Поэзия омского Лукоморья», сборник стихов и статей «В мире Олега Чертова». Публикации, посвящённые Олегу, появляются в частных изданиях нашего региона, таких как «Тарские ворота» или «Менестрель». Тем не менее в официальных изданиях региональных писательских организаций, «Литературном Омске» и «Складчине», творчество поэта до сих пор не публиковалось. До сих пор не установлена памятная доска на доме, где жил и был убит Олег. Ситуация складывается противоречивая – очевиден сильный интерес к поэту со стороны читающей публики и насторожённое замалчивание со стороны официальных кругов. В чём, по-Вашему, заключается причина такой ситуации?

Т.Ч. В насторожённости эта причина и заключается. А также в непонимании сути и масштаба личности Олега. Его творчество по достоинству оценили Виктор Астафьев, Андрей Битов, Майя Никулина и другие замечательные прозаики и поэты, а также слависты с мировыми именами. Например, Вольфганг Казак (Германия). Но, как известно, нет пророка в отечестве своём.

А.К. Как относятся к Олегу в омском литературном сообществе? Правильно ли его понимают?

Т.Ч. Пушкина, каким бы очевидным он ни казался, все понимают по-разному. Отношение к его гибели тоже разное. Поэтому Александр Сергеевич у каждого свой, и Арсений Тарковский, и Владислав Ходасевич. Я не претендую на всеобщее понимание поэзии Олега. Нашёл читатель что-то для себя в его стихах – я уже радуюсь, уже хорошо.

А.К. Почему установленная им при жизни дистанция во многом сохраняется до сих пор?

Т.Ч. В позапрошлом году какие-то вандалы вырвали распятие Господа Бога нашего Иисуса Христа из памятника на могиле Олега. Как видите, не сохраняется дистанция – ни в буквальном, ни в мистическом смысле. Её просто рвут. Мне страшно за этих людей, страшно – что с ними дальше будет.

А.К. В чём, по-вашему, заключается основное значение наследия Олега для Омского региона – духовное и эстетическое?

Т.Ч. Не думаю, что Олег стремился оставить наследие для региона. А чтобы понять его значение, читайте его стихи, дневники, литературоведческие статьи. В конце концов, его перевод книги Эразма Роттердамского «О приготовлении к смерти». Очень полезная, поучительная сегодня книга.

А.К. История не знает сослагательного наклонения, но при изучении биографии Олега Чертова невольно возникают вопросы – кем бы мог стать Олег, останься он в живых? Продолжил бы он работу в политике

или в бизнесе? Или, может быть, оставил их и занялся философией?

Т.Ч. Олег не хотел уже заниматься ни политикой, ни бизнесом. Он хотел писать докторскую диссертацию о Шекспире. Хотел стать частным лицом.

А.К. Является ли Олег нашим современником – в духовном плане?

Т.Ч. Для меня – да.

А.К. Или он духовно более близок другому времени? Если да, то какому? Северному Возрождению, Серебряному веку, какой-то другой эпохе?

Т.Ч. Арсений Тарковский писал:

*Я вызову любое из столетий,
Войду в него и дом построю в нём.
Вот почему со мною ваши дети
И жёны ваши за одним столом.*

Олег обладал пророческим мышлением и совершенно свободно перемещался во времени и пространстве. Его трогала, волновала история человечества как таковая. И особенно – история Нового Завета.

А.К. И последний вопрос. Со дня гибели Олега прошло 25 лет – четверть века, срок жизни целого поколения. В наши дни набирает силу новое племя, не знающее многого о тех условиях, в которых росли, трудились и погибали их предшественники. От «свинцового века» русской поэзии мы получили в наследство ряд загадок и тайн, главная из которых – мы сами. И в связи с этим невольно задумываешься – какой вопрос мог бы задать Олег нам, людям 20-х годов XXI века? О чём, по-Вашему, он мог бы спросить нас?

Т.Ч. Я не думаю, что Олег стал бы задавать вопросы. Скорее, он пожелал бы всем нам непостыдной кончины и доброго ответа на Страшном Суде.

В завершение хочу поблагодарить В. М. Физикова и Вас, Андрей, в связи с выходом в свет вышеупомянутых книг, посвящённых жизни и творчеству Олега. И Вы, и Вадим Михайлович сумели увидеть, прочувствовать, что есть всё-таки «пророк в Отечестве своём». И рассказать о нём благодарному читателю.

УЧИТЬСЯ И УЧИТЬ

анкета «Менестреля»

1. В последнее время в русскоязычном интернете возникает всё больше онлайн-школ, обучающих литературному мастерству. Как Вы относитесь к этой тенденции, какие её позитивные и негативные стороны можете отметить?

2. По каким критериям, с Вашей точки зрения, можно судить об эффективности педагогической работы той или иной школы/студии/литературного объединения?

3. Какие методы обучения литературе, по-Вашему, наиболее интересны и продуктивны? На что в первую очередь следует делать упор в литературной педагогике, какие отрасли знания изучать, какие поднимать вопросы?

4. Какая перспектива, с Вашей точки зрения, открывается перед литературной педагогикой в настоящее время, в эпоху всеобщей самоизоляции? Что ждёт в будущем традиционные литературные объединения и семинары, а что – онлайн-курсы? Стоит ли ждать новых кардинальных изменений в литературной педагогике?

Олеся НИКОЛАЕВА, г. Москва:

1. Сама по себе идея хорошая, ибо литературному мастерству, как и всякому другому, нужно обучаться. И, если невозможно это организовать вживую, то хотя бы так. Слава Богу, сейчас есть замечательные писатели, которых было бы очень полезно послушать и тем, кто пробует перо, и тем, кто только подумывает вступить на литературную стезю.

А главным недостатком является то, что порой литературными наставниками назначают себя люди, мягко говоря, случайные, не имеющие профессиональных достоинств, а порой и литературного вкуса. По понятным причинам они то неоправданно завышают свои оценки подопечным, подавая им надежды, которые оказываются пустыми и напрасными, то, напротив, самоутверждаясь, разбивают тексты своих учеников в пух и прах. Всё это подчас плодит и даже легализует амбициозных грамматиков, искажая литературную картину.

2. Из литературного объединения «Луч», которое ведёт уже более пятидесяти лет поэт и литературовед Игорь Волгин, вышло множество состоявшихся поэтов. И мне кажется, это и есть лучший критерий.

3. Есть несколько направлений, которые должны быть положены в основу: обучение искусству чтения и понимания литературного произведения, навыку его анализа. Это и практика скрупулёзного разбора того, что называется «технической стороной»: композиция, рифма, метрика и т.д. Параллельно с этим необходимо изучение истории

литературных стилей, идей, влияний, а также контекста.

4. Всё-таки надеюсь, что традиционные литературные семинары продолжат жить прежней жизнью, которая, конечно, богаче виртуальных встреч. Но и от онлайн-курсов можно получить пользу, если их ведёт знающий человек и если слушатель, обладающий литературным талантом, будет полон решимости трудиться, чтобы этот талант воплотить.

Борис КУТЕНКОВ, г. Москва:

1. Главной причиной стремительного рывка в распространении онлайн-образования стала пандемия, сделавшая невозможным личное общение. Я не могу сказать, чтобы мне сначала понравилась идея проводить «Полёт разборов» в Zoom'е. Но после осени 2020 года, когда Людмила Вязмитинова предложила мне попробовать эту форму работы, мне настолько это понравилось, что теперь уже неохота возвращаться в прежний формат, так как у нас сформировалась новая интересная аудитория, которая раньше не имела доступа к нашим обсуждениям.

Сейчас я считаю правилом приличия для любого культуртрегера устраивать онлайн-трансляцию даже на очном мероприятии, если, разумеется, его участники согласны. Это касается лекций, чтений и любых занятий, на которых информация переходит от лектора к реципиенту.

Главный минус онлайн-конференций – это невозможность быть рядом. Zoom

искажает лица, не позволяет воспринимать мимику и жестикуляцию. Многие считают, что для возникновения полноценной эмоциональной реакции нужен очный контакт. Мне так не кажется, я думаю, что всё зависит от остроты восприятия участниками друг друга.

Конечно, если бы на то была моя воля, я с моей технической отсталостью скорее предпочёл бы идти пешком на другой конец Москвы, чем проводить мероприятия онлайн. Но мне всегда казались верными слова Юрия Тынянова: «Если ты разошёлся с эпохой – охай». А охать, честно говоря, не хочется.

2. Тут всё очевидно – по наличию выпускников, которые состоялись в литературном процессе. Главным показателем успеха выпускников может служить количество их публикаций в толстых журналах, в первую очередь представленных в «Журнальном зале» («Новый мир», «Знамя», «Prosodia», «Интерпозия», из отсутствующих на Журнальном зале – «Воздух», «Text.Only» и мн. др.). При этом важна регулярность этих публикаций – если человек один раз появился на страницах уважаемого издания, чтобы больше туда не возвращаться, это ещё не может служить показателем успеха.

3. Мне кажется, это очень сильно зависит от того, чему ты учишься, – критике, поэзии или прозе. Людмила Вязмитинова любила говорить, что критик должен знать всё. Критик или прозаик в своих произведениях затрагивают широкие области знания, для них необходимо разностороннее образование. В их работе нужно иметь дело с философией, социологией, историей. С поэзией всё немного по-другому, так как поэт берёт знания преимущественно из своей души. Для него внешний жизненный опыт, конечно, важен, но всё-таки вторичен, гораздо важнее внутренний. Поэтому в разговоре о поэзии следует уделять внимание метафизике, искать психологический подход. Когда я учился в Литературном институте, наш учитель не любил заниматься формальным разбором стихов, но казалось, что он смотрел ученикам прямо в душу, учил их не столько поэзии, сколько жизни. Это особенно важно в поэзии – видеть за текстом самого человека.

А в разговоре о прозе следует в большей степени затрагивать историю мировой литературы и апеллировать к наследию предшественников. Критик Леонид Костюков говорил, что, когда ты пишешь

стихи, на тебя давит опыт одной только русской поэзии, а когда ты пишешь прозу, над тобой довлеет опыт всей мировой прозы.

Важные элементы обучения – разбор текстов, редакторская правка. В поэзии, прозе и критике эти методы отличаются. Стихотворение поэт не столько пишет, сколько записывает то, что ему слышится, роль правки тут не так велика. Часто литературные педагоги говорят о тщательной правке своих стихов Пушкиным или Пастернаком, но мне кажется, что править свои прежние стихи поэт не имеет права, потому что в них каждое слово зависит от его личности, от мировоззрения, и при переделке стихов улучшение формы часто искажает их содержание. В прозе и критике для правки открывается гораздо больший простор.

То есть литературный педагог должен знать особенности жанра, в котором он работает.

4. Специфика онлайн-обучения, на мой взгляд, ничем не отличается от очного обучения, важен только уровень владения техникой. Онлайн-обучение в наши дни завоевывает всё новые позиции, люди ощутили, насколько удобнее не выходить из дома и получать те же знания, что и при непосредственном общении. Об этом ещё в начале пандемии говорила Галина Юзефович: «Когда это закончится, мне будет трудно объяснить самой себе, зачем нужно одеваться и ехать на работу, когда те же вопросы можно решить, не выходя из дома».

Думаю, что очное обучение никогда не прекратится в силу достопочтенности этой традиции, но и популярность онлайн-обучения будет только расти. В конце концов, мы живём в новой реальности, и к ней надо приспосабливаться. Но мы не знаем нашего будущего, многое зависит от того, как будет развиваться пандемия, от появления новых штаммов коронавируса и т.д. Кто-то говорит, что самоизоляция сохранится навсегда, а кто-то – что она закончится уже через год. Но, что бы ни произошло, онлайн-обучение, однажды появившись в нашей жизни, навсегда останется с нами.

Нина ЯГОДИНЦЕВА, г. Челябинск:

1. К появлению подобных школ отношусь положительно при условии, что они не обещают сделать слушателя писателем и дают качественную информацию. Я уже

сталкивалась с тем, что просто пересказывается учебник русского языка за 6-8 класс. Конечно, эти знания необходимы писателям – но, во-первых, не только писателям, а во-вторых, они должны быть получены вовремя – в тех самых 6-8 классах. Потом поздно.

2. Критериев простых нет, как нет общих рецептов литературного успеха для всех. Одним из главных критериев может быть успех учеников, но его довольно сложно оценить. Есть действительно успех, а есть и слабые авторы, которые, вооружившись набором рецептов успеха и уверившись в своих знаниях, идут напролом.

3. Отвечая на этот вопрос самой себе, я написала авторские учебники, они уже переизданы в третий раз. Но попробую кратко: ведь уже 11 лет Литературные курсы очно и онлайн, я сделала для себя выводы: во-первых, нужно изменить отношение к слову; во-вторых, давать наиболее общие принципы организации текста, и, в-третьих, больше времени уделять семинарам и индивидуальному видению авторов, чтобы у каждого сформировались свой язык, стиль, своя художественная система.

На мой взгляд, необходимы ещё и принципы безопасности творческого развития, это тема, над которой я работаю с 2006 года. Знание собственной психики, особенностей работы творческого сознания высвобождает силы и увеличивает возможности.

В этом году мы в ЧГИК провели 1 Всероссийскую научно-практическую конференцию по литературно-творческой педагогике, где обобщили опыт и предложили новые формы обучения и развития. В апреле 2021 г. планируем собраться снова, чтобы продолжить эту работу.

4. С постепенным разрушением образования литературно-творческая педагогика всё больше становится деятельностью просветительской, не только для писателей (к нам на курсы довольно часто приходят читатели, мы принимаем, почему они приходят, и принимаем их). «В эпоху всеобщей самоизоляции» потребность в общении резко возрастает, растёт число пишущих (это ведь тоже способ общения!). Хороших курсов должно быть много, чтобы обеспечить эту потребность в общении и понимании наше непростой реальности.

При выборе очной формы или онлайн-общения приоритет всегда должен быть у очных встреч и бесед. Но онлайн – прекрасная возможность частично компенсировать недостаток общения. Но в творческой педа-

гике очень важен сам воздух, атмосфера – намагниченная, наэлектризованная творческими импульсами. В онлайне всё это уходит.

Что касается новшеств в педагогике – посмотрим. Мы для того мы и собираем наши конференции.

Ирина ГОРЕЛОВА, г. Омск:

1. К обучению литературному мастерству я отношусь хорошо, это очень полезно – иметь чувство языка. Главные плюсы – люди больше читают, думают, говорят, изучают язык. Минусом можно назвать, наверное, ситуацию, когда наличие сертификатов и тому подобного рождает у человека непомерные амбиции, чувство неподтверждённого величия. Но плюсов намного больше. Так что я – за любые формы литературной учёбы.

2. Критерии оценки эффективности литературно педагогики – это вообще огромная проблема. Можно судить по лучшим, можно по худшим, можно по мероприятиям, можно по публикациям и т.д. И даже если мы договоримся не смотреть на регалии, всё равно будет вылезать: а у нас столько лауреатов премий и конкурсов, а у нас Саша (Даша, Роман) стали членами союза писателей. Мне лично безумно важно кажется атмосфера, которая объединяет участников. И когда вот это ощущение целостности, сопричастности есть, – значит, лито получилось.

3. Литературная педагогика – это очень ситуативная вещь: с одной стороны, есть классика, с другой – современность, участники формируют свои запросы и пожелания, с этим приходится считаться. Мне очень нравятся дискуссионные методики и разные провокации вроде «опишите цвет звука, запах слова» и т.д. Но для каждой компании, для каждого возраста приходится вносить корректировки.

4. Мы по осени 2020 года попробовали Поэтической мастерской ОмГТУ уйти в онлайн, чудесно провели одну встречу, вторую... а на третью почти никто не вышел. Поэтому что онлайн – это всё-таки немного другое. С другой стороны, если есть автор, учитель, к которому вживую ну совсем никак не попасть, то онлайн – это удобно и круто. Получается, что в разных ситуациях онлайн уходят по-разному. В целом я к онлайн-обучению отношусь хорошо, только вот живого общения он не заменит. У омского лито «ПарОм», кстати, получается вполне жизнеспособный микс, когда часть народа общается вживую, а часть – онлайн, это позволяет балансировать.

Николай КОЛЯДА, г. Екатеринбург:

1. Все эти онлайн-курсы возникли не от хорошей жизни, а от того, что на дворе делается, сами понимаете. Хотя и до пандемии я наблюдал какое-то количество людей известных и успешных в литературном деле или просто умеющих написать красивую рекламу и обещающих горы золота и тому, что научат за две-три недели писать пьесы, стихи, прозу. Я преподаю в театральном институте города Екатеринбурга с 1993 года – 28 лет, получается. Все самые известные молодые драматурги России – мои ученики: Василий Сигарев, Олег Богаев, Ярослава Пулинович, Ирина Васьковская, Валерий Шергин, Роман Козырчиков, Светлана Баженова и многие другие. Все они учились на бюджете, не за деньги. В этом и есть корень всего. Как только за деньги обещают чему-то научить, тут я пугаюсь и не верю. Но люди думают: ага, я заплачу – ведь всё сегодня покупается – и сразу начну писать, как Лев Толстой. Нет, дорогие. Не бывает так. Сейчас в каждом подвале, на всех интернет-платформах учат писать. Я не верю в это. Хотя сам проводил такие занятия. Меня просили. Я и проводил. Мне платили деньги. Почему я должен отказываться? Мне нужны деньги, у меня театр, мне надо кормить 60 человек,

работающих в театре. Но я не скажу, чтобы был невероятный эффект от этих занятий. Может, и был. Я его не вижу. А деньги эти давно кончились. Потому что их не зарабатываешь все, но пытаться надо.

2. Понятно, по каким: есть успешные ученики или нет.

3. Вкус нужно прививать молодым. И говорить им, что есть чёрное и что есть белое. У них в головах кавардак, когда они начинают учиться. Разрушители литературы, театра, искусства, каких сейчас немыслимое количество, вбивают им в голову ложные понятия. И моё дело, как учителя, – исправить это в их головах. Вкус – самое главное в писателе. А научить писать пьесы я не могу. Есть учебники – читай, учи теорию драмы, может, поможет. Тут ведь дело в другом, дело в том, что «не могу молчать». И главное – не то, как ты напишешь своё, а то, что ты людям расскажешь.

4. Бог его знает. Всё во власти Бога, Аллаха, Провидения, Судьбы.

Виталий КАЛЬПИДИ, г. Челябинск:

Литературная педагогика, как и сама литература, на мой взгляд, – архаика. Сейчас у обоих паркинсон, но вскорости ожидается альцгеймер. Такие дела.

РЕКА ПОД СТЕКЛОМ

Рецензия на сайт поэмы Р.Амелина «Мегалополис Олос»

Любой литературный проект в интернет-пространстве – это не просто стихи, графика или сайт, это отдельный способ восприятия. Как постановка в театре или кино – это не просто озвученный текст, а новое произведение со своими законами, так и сайт, посвящённый отдельному поэтическому тексту, – это новый жанр, в котором автор может одновременно использовать современные технологии и традиционные литературные формы (поэмы, притчи, аллегории).

С этой точки зрения интересен сайт поэмы Ростислава Амелина «Мегалополис Олос» (project1447862.tilda.ws). «Мегалополис Олос» – масштабный художественный проект, посредством современных технологий синтезировавший не только различные поэтики (посткоцептуализм и новый эпос, традиции стихосложения (силлабо-тоническое, тоническое и германо-скандинавский аллитерационный стих), литературные жанры (роман-(анти)утопия и эпическая поэма), но и виды искусства (литература, диджитал арт, манга), – пишет критик Артём Осокин. – Ростислав Амелин классифицирует свой текст как «научную мистику», противопоставляя её научной фантастике и выделяя наиболее существенный для самого себя акцент в жанровой и смысловой палитре»¹. Можно добавить, что сайт, созданный специально для этой одной поэмы, – это тоже своеобразное произведение нескольких искусств – литературы, изобразительного искусства, веб-дизайна.

Листая экран, видишь, как движется текст вместе с картинкой: на словах «поднимутся башни...» при скролле поднимаются башни. Простые и очень выразительные рисунки напоминают нам и рисунки на полях пушкинских поэм, и такую современную форму литературного произведения, как комиксы.

Изобразительный язык сайта сложен: рисунки на сайте – это тоже своего рода шрифт, буквы, отсутствующие в языке, благодаря им у слов появляется дополнительный смысл.

Сайт – это не только окно, мимо которого, как в поезде, несутся слова и картины. Он уменьшается и ложится в ладонь, слова и картины движутся, пока мы читаем их глазами и двигаем пальцами, и вот, помимо об разного ряда, у нас есть ещё и тактильный! Живое слово на экране – это не просто страница, которую листают, оно кажется почти жидким, как река под стеклом.

Страница же разрастается бесконечно. Думаешь о древних египтянах, расписывавших стены, коридоры и потолки храмов бесконечными потоками слов и образов. Они верили, что их слова и картинки так же легко переходят в иной мир, как и мы в интернет, и старались обустроить себе удобную жизнь после смерти. Какой же мир нам рисует поэма? Постиндустриальное разочарование, где «вечная жизнь, красота и свобода» доступны в виде пилюль (антидепрессантов?) «Время идёт, ничего не меняется». Ангелы с дервесными ветвями вместо крыльев – один из наиболее ярких образов поэмы – становятся всё более похожими на жуков-скарабеев. «Древние видели: всё повторяется. Ветер, ветер по всей планете, в каждую стену, в каждую дверь...»

Действие поэмы продолжается, изображения людей подозрительно уменьшаются, и мы думаем – может быть, это дети, к ним обращена поэма? Но нет: фигурки героев превращаются не то в жуков, не то в мурравьёв с нимбами. Учитель предупреждает, что мы на Пороге. Но – чего? В воде под стеклом моего телефона снова скользят башни, люди с гаджетами смотрят на рассвет, у них появляются антенки (или усилки). «Мир задыхается, тонет в отбросах, а город становится лучше и лучше».

И после этого нас ждёт фантастический сюжет о спасении мира с помощью бактерий Древних (да, это не насекомые, а что-то ещё более мелкое, но и более современное). В графике использованы знакомые рекламные образы: мы видим листовки,

¹ А.Осокин. Клинопись в графическом редакторе /А.Осокин. – Культурный проект «Флаги». – № 7. – 10.11. 2020. – URL: <https://flagi.media/piece/128>. – Дата обращения: 01.08.2021.

проплывающие под стеклом «сотни экранов и интерфейсов, тысячи лиц, миллионы камер».

Итак, перед нами – интеллектуальный комикс с современными персонажами и технологиями. Внешность героев вполне узнаваема и обыденна, узнаваемы их слова и поступки. Яркой находкой представляется использование на сайте чертежей с условными обозначениями. Так в художественную ткань вплетается ещё один – после рекламных листовок – уровень знакового языка: подпиши к чертежам... И вот она, стена иероглифов, охватывающая всю нашу жизнь, «тонкие сенсоры в улицах города», повторение на новом уровне того же ритуала, который когда-то был у египтян.

Сайт поэмы построен на Тильде (готовый конструктор сайтов), на нём есть страница со списком героев, есть глоссарий. Вы можете создать аналогичный проект, заплатив немного денег и загрузив в конструктор картинки и текст, решив, какие страницы у вас будут и что в них будет находиться. Заглянем в меню. Глоссарий самый интересный – сам перечень терминов, расположенных по алфавиту, красив, звучен и поэтичен: Аленозин, Аес, Анабиоз...

Но всё-таки представляется, что замысел этого проекта оказался интереснее ис-

полнения. Не хватило переживаний, проживания героями событий (идёт скорее пересказ сюжета, чем рассказ), мало ярких деталей, которые делают происходящее близким читателю. Хор спел, а персонажи не вступили в действие. Герои нарисованы художником оригинально и узнаваемо, но не хватает движений, мимики. Лица, пейзажи и события текут и текут под пальцами, но никто не разобьёт стекло, не возьмёт тебя за горло и не втянет в происходящее.... Но это особенности жанра – антиутопия, тем более постконцептуалистская, предполагает некоторую условность в изображении героев, чтобы каждый читатель мог представить себя на их месте. Нарочитая простота компьютерной графики, созданной в Painte, также отсылает к примитивизму, архаичному искусству, архаичному сознанию, о котором и идёт речь в поэме.

Публикация произведения в виде интернет-сайта имеет очевидное преимущество над печатной книгой – она допускает возможность бесконечно долгого редактирования и переработки произведения на глазах у публики. Возможно, через некоторое время мы увидим новые варианты сайта-поэмы. Река слов и образов, скрытая под стеклом смартфона, продолжит своё течение – всё дальше и дальше.

«ЖИЛ Я ВПЕРВЫЕ НА ЭТОЙ ЗЕМЛЕ...»

К 90-летию Роберта Рождественского

Пророческие стихи

«Родился я в селе Косиха...»

*...Сердце, а что я знаю?
Ты подскажи мне тихо.
Знаю, что на Алтае
было село Косиха.
Было село – я знаю –
крошечного значенья...
В речке вода парная
после грозы вечерней...*

Роберт Рождественский родился 20 июня 1932 года. С 2008 года на его родине проводятся Рождественские чтения. Косиха – очень красивое алтайское село: широкие просторные улицы, много зелени... Но, конечно, главная достопримечательность – это так называемый Яр любви. Представьте себе огромный океанский лайнер, врезавшийся в сибирский ландшафт. На его плоской «палубе» – светлая берёзовая роща, а если подойдёшь к краю, увидишь захватывающие дух просторы – леса и пригорки до края горизонта, а внизу извивается речка. На этом яру вспомнились мне многие и многие стихи Рождественского, посвящённые любви – оказывается, я не забыла их с юношеских лет, все они хранились в глубинах памяти, а теперь всплыли: «Всё начинается с любви», «Необитаемые острова», «Зачем снятся сны», «Я спокоен, я иду своей дорогой...», «Отдать тебе любовь? Отдай!» и многие, многие другие, я и не знала, что помню их все!

В очень поэтическом месте родился поэт. Жаль, что он этой красоты не видел, так как увезли его из Косихи в двухмесячном возрасте. Но это село вошло не только в биографию, но и в творческий мир Рождественского и осталось в нём навсегда.

*Луна, сквозь тучи прорастая,
глаза зелёные скосила...
Родился я в селе Косиха.
Дождливым летом.
На Алтае.
А за селом синело поле
и пахло
ливнем переспелым...*

Вспоминает поэт родное село и в «Стихах о моём имени»:

*Я скажу об Эйхе.
Я верю: мне знаком он –
большой, неторопливый,
как река Иртыш...
Приезжал в Косиху
секретарь крайкома.
Весёлый человечище.
Могучий латыш...*

В честь коммуниста Эйхе и был назван мальчик необычным для тех мест именем Роберт.

И в стихотворении «Долги» снова упоминается Косиха, долг перед которой ощущает чуткое сердце поэта:

*...Кивают головами
леса и травы,
снегопад и зной,
село Косиха,
Сахалин и Волга.
Живёт во мне,
смётся надо мной
немыслимая необъятность долга!*

То, что делают земляки поэта для сохранения его памяти, заслуживает всяческих похвал (и, конечно, желательно, материальной поддержки...). Рождественский фестиваль по традиции открывается в центральной районной библиотеке, носящей имя поэта. Надо сказать, что материалы, хранящиеся в фонде библиотеки, уникальны. К примеру, здесь хранится рукопись воспоминаний матери Роберта Рождественского. А сколько книг, фотографий, личных вещей Роберта Ивановича... Алла Борисовна Киреева прислала письменный прибор, книги поэта и его летний пиджак. Конечно, и приезжающие на чтения поэты и писатели дарят библиотеке свои книги.

Из библиотеки праздник переместился на знаменитый Яр любви. Было организовано две творческие площадки – песенная и поэтическая. На первой проходил межрайонный фестиваль народного творчества «Песни главные есть в

судьбе любой» – здесь звучали и стихи Р. Рождественского, и песни на его слова. И давно ставшая народной «Сладка ягода». Звучали и «Позвони мне, позвони», «Эхо любви», «Солнечный зайчик» («Я мечтала о морях и кораллах...»), «Мы – армия народа». Последнюю исполнил народный ансамбль «Русичи» из Солтонского района Алтайского края. Публика принимала парней на «бис»! Концерт длился долго – но на нём не прозвучало и десятой доли песен, написанных на стихи Роберта Рождественского. Ведь их более шестисот...

Поэтический фестиваль назывался «Надо собственною жизнью доказать свои стихи». Если бы Роберт Иванович был жив, он наверняка порадовался бы – сколько поэтов, приезжих и местных, читали свои стихи, с каким вниманием их слушали зрители! Ничуть не с меньшим, чем на знаменитых поэтических вечерах 60-х годов! Длился этот поэтический марафон более трёх часов... Я прочитала на нём своё стихотворение, посвящённое памяти Роберта Рождественского – «На берегу Омки»:

Зимы жестоки, долги
На берегу Омки
В сорок военном году.
Как изо льда вылиты
Улица Карла Либкнехта,
Брошенная в беду.
Омские крыши-башенки...
Мальчик остался с бабушкой,
Писем от мамы ждёт.
В кружках вода смерзается...
Что же он не кончается,
Сорок холодный год!
Школа, военный госпиталь,
Няньчка скажет: "Господи,
Что ж ты такой малой!"
Пели они без робости!
Мальчика звали Робертом.
Время звалось войной.
Выюга не унимается...
В детстве поэт рождается:
Вспышки, толчки, значки...
Вспомнится, не забудется
И ледоход, и улица
На берегу реки.
Всё прорастёт в стихи.

«Где-то есть город...»

В автобиографии, датированной 1980-ми годами, поэт писал: «Я родился в 1932 году в селе Косиха, Алтайского края. Это в

Сибири, довольно близко от Барнаула. Мать у меня – врач, отец – военный. Мы переехали в Омск – большой город на берегу Иртыша. С этим городом связаны мои самые первые детские впечатления. Их довольно много. Но самое большое – война. Я уже кончил первый класс школы и в июне сорок первого жил в пионерском лагере под Омском...»

В этой биографии поэт упустил небольшой эпизод: в 1932 году и по 1934 год он вместе с родителями и дедом жил в селе Щербакуль Омской области. Он, конечно, не мог запомнить это село. Но замечательно, что жители Щербакуля помнят своего земляка-поэта. В июне 2009 года Щербакульской библиотеке было присвоено имя Роберта Рождественского, а 3 ноября 2010 года на здании библиотеки был открыт мемориальный знак. В самом Омске, кстати, тоже одна из библиотек носит имя поэта, а на бульваре Мартынова (аллея литераторов) установлен памятный камень в честь Роберта Рождественского. К сожалению, не сохранился дом по улице Карла Либкнехта, 34, где прошли детские годы Роберта Петкевича (настоящая фамилия Рождественского).

Отец будущего поэта Станислав Никодимович Петкевич был потомком ссыльных поляков, работал в НКВД. Мать Вера Павловна (до замужества Фёдорова) была до войны директором начальной школы в Косихе, училась в Омском медицинском институте, который окончила за пять дней до начала войны. Об отце Роберт помнил немного – в 1937 году родители разошлись.

В первые дни войны и отец, и мать ушли на фронт. «Даже профессиональные военные были убеждены, что «это» скоро кончится, – пишет в биографии Р. Рождественский. – А что касается нас, мальчишек, так мы были просто в этом уверены. Во всяком случае, я написал тогда стихи, в которых, – помню, – последними словами ругал фашистов и давал самую торжественную клятву поскорее вырасти. Стихи были неожиданно напечатаны в областной газете (их туда отвёз наш воспитатель). Свой первый гонорар (что-то около тридцати рублей) я торжественно принёс первого сентября в школу и отдал в Фонд обороны...».

Первое стихотворение будущего большого поэта называлось «Фашистам не будет пощады!» и было опубликовано в

«Омской правде» 8 июля 1941 года. Под стихотворением подпись: Роберт Петкевич, ученик 3 класса школы № 19, 10 лет.

Роберт остался с бабушкой. А когда она умерла, приехала мать, привезла ему специально сшитую маленькую военную форму и сказала, что заберёт с собой на фронт – в качестве сына полка. Счастью не было конца... Но это было летом 1944-го. А до этого были долгие военные зимы, и холод, и голод... Многое потом «прорастёт» в стихи:

...Тогда мы жили в Омске.
Там
В сорок втором году
В весну
Мы радовались не цветам,
А рассыпному толокну...
(«Тогда»)

«Память», «Почём фунт лиха?...», «Базар того года», «Та зима была, будто война, лютой...», «Тыловой госпиталь», «Концерт» – эти и многие, многие другие замечательные стихи, всё это Омск, детские впечатления, врезавшиеся в память поэта навсегда.

Уникальную книгу выпустил в 2006 году омский писатель Марк Мудрик. У неё двойное название: Роберт Иванович Рождественский, «Омская книга» и Марк Семёнович Мудрик, «Берег мой». Её составили стихи Р. Рождественского, связанные с омским периодом его жизни, и документальная повесть М. Мудрика. Опубликованы в ней многие детские фотографии поэта (некоторые – впервые) и снимок того самого дома, снесённого в 2006 году... В 2008 году в Омске вышла в свет ещё одна книга М. Мудрика «20 век. Поэты. Омск», в которую также вошёл материал и о Роберте Рождественском.

В очерке Р. Рождественского «Почему мы пишем о войне» есть такие слова о доме детства: «...Память начинается с города Омска, куда переехала наша семья. В этой памяти стоит двухэтажный старый бревенчатый дом. Брёвна какие-то сплющенные, потрескавшиеся, и всё равно – живые, потому что меняют цвет... От дома по пружинящим мосткам деревянного тротуара семьдесят шагов до Омки – главной реки моего детства...»

Эти воспоминания поэта органично вошли и в программу омской филармонии, посвящённой 300-летию города. Она называется «Два вечера с Робертом

Рождественским». Мне посчастливилось побывать на этих вечерах. Первый назывался «Необитаемые острова» (мастер художественного слова Лариса Дубинина, поэт Сергей Денисенко, музыканты Анна Шинкова и Юрий Поляков). На втором концерте – «Какие старые слова» звучали песни О. Фельцмана, А. Бабаджаняна, Е. Мартынова и других композиторов на стихи Р. Рождественского. Сама программа, сделанная с большой любовью и мастерством, и реакция благодарных слушателей (зал на этих вечерах был полон) – свидетельство любви и памяти простых омичей о своём земляке.

А с 2005 года омская филармония при поддержке Правительства Омской области проводит фестиваль соотечественников под названием «Где-то есть город...», название которому дало известное стихотворение Рождественского:

Где-то есть город, тихий, как сон,
Пылью тягучей по грудь занесён.
В медленной речке вода как стекло.
Где-то есть город, в котором тепло.
Наше далёкое детство там прошло...

Страна Карелия

На фронт Роберт так и не попал. Армия шла в наступление, и матери – военному хирургу взять с собой в войсковую часть своего сына не удалось. В Москве его определили в детский дом, который располагался в Даниловом монастыре. Потом он поступил в военно-музыкальное училище. Об этом тоже есть стихотворение – «Третье музыкальное», которое вошло в книгу «Радиус действия» (1965):

Третье музыкальное, –
Помнишь ты или нет
Худого и заикающегося
Курсанта
Двенадцати лет?...

А самый первый поэтический сборник – «Флаги весны» – вышел у двадцатирёхлетнего поэта в 1955 году в Карелии, в Петрозаводске. Сюда семья Рождественских приехала в 1948 году. Отчим Роберта – Иван Иванович Рождественский, за которого Вера Павловна вышла замуж в 1944 году, дал приёмному сыну свою фамилию и отчество. В Петрозаводске И.И. Рождественский был сначала командиром части, затем работал

председателем ДОСААФ Республики Карелия. Роберт после школы попытался поступить в Литературный институт, но первая попытка не удалась, и он год проучился в Петрозаводском Государственном университете на историко-филологическом отделении. А в Литинститут он успешно поступил уже в 1951 году.

И, конечно, Карелия, так же, как Косиха и Омск, вошла в поэзию Роберта Рождественского. В стихотворении «Кому принадлежу?» поэт отвечает на поставленный в заголовке вопрос: «Берёзе, ниспадающей в Онегу...». В Карелии у Роберта Рождественского были изданы книги: «Флаги весны» (1955), поэмы «Моя любовь» (1956), «Двести десять шагов» (1982), сборник «Выбор» (1982).

Если во время учёбы в Петрозаводском университете «страна Карелия» Рождественскому была малознакома, то уже через два года, когда Роберт был студентом Литинститута в Москве, он вместе с другом – поэтом Маратом Тарасовым – поедет в глухой Пудожский край. Здесь, как отмечают биографы, и произошло приобщение молодого поэта к дописьменным источникам русской культуры. Авторские вечера, устраиваемые потом Рождественским в разных уголках Карелии (Кондопоге, Сортавале, Лахденпохье, Кеми) литературоведы называют традицией, которую он перенял от народных сказителей (Федосовой, Трофима Рябинина), выступавших с плачами и былинами перед большими аудиториями.

«Во время одной из таких поездок и родилась идея посетить место захоронения знаменитой «народной поэтессы» Ирины Андреевны Федосовой, – вспоминал Марат Тарасов. – К великому удивлению и огорчению Роберта Рождественского, могила Ирины Федосовой уже через 70 лет после смерти сказительницы была утрачена. Рождественский приложил немало усилий для того, чтобы разыскать последний приют великой вопленицы. А когда могила была наконец найдена (возле деревни Шилово на Юсовой горе), поэт, бывший в то время секретарем Союза писателей и членом президиума Литфонда, обратился с просьбой о выделении денег на памятник Федосовой к директору Литфонда. Тот спросил: «Разве ей полагается памятник – она не член Союза писателей. Да и есть ли у неё заслуги?...» – «У неё, – сказал Роберт, больше обычного заикаясь, – заслуги есть».

А о самой Федосовой очень скоро у Роберта Рождественского появилось стихотворение «На Юсовой горе»:

*Спой, Ирина Андреевна свет-Федосова,
Про крестьян Олонецкой губернии спой...*

Связь с народным плачем отчётливо ощущается в поэме Рождественского «Реквием», в тех строках, когда мать оплакивает своего погибшего сына...

В стихотворении «Подкупленный» поэт говорит: «Я подкуплен и Палангой, и Кижами...». Несколько стихотворений посвятил поэт жемчужине северного края – Кижам, неповторимым деревянным храмам. Одно из них так и называется – «Кижи»:

*Он стоял легко и крупно.
К облакам вздымаясь круто,
купола светились кругло,
будто спелые плоды...*

А в стихотворении «Мы стоим перед Кижским собором одни...» купола Преображенского собора Р. Рождественский сравнивает с друзьями:

*...встанут други мои,
будто Кижский собор,
над могилой склонив
двадцать две головы...*

Когда, задрав голову, я любовалась этим рукотворным чудом Кижей – Преображенским собором, то в голове звучала именно эта строка – «двадцать две головы...».

В Карелию я приезжала на большой поэтический праздник – Цветаевский костёр, который проводит в Петрозаводске замечательный энтузиаст, цветаевед Наталья Васильевна Ларцева. И, конечно, прошла по местам, связанным с памятью Роберта Рождественского. Это здание университета, где он учился, это дом по улице Ленина, где начинающий поэт жил с родителями. Сейчас на нём висит мемориальная доска. Одна из улиц Петрозаводска носит имя Роберта Рождественского.

Кстати, имена Цветаевой и Рождественского оказались связаны между собой – «круговой порукой поэтов». Р. Рождественский был председателем Комиссии по литературному наследию Марины Цветаевой, добился открытия Дома-музея Цветаевой в Москве в Борисо-

глебском переулке. Надежда Ивановна Катаева-Лыткина, основатель музея, писала о многочисленных трудностях, с которыми столкнулись энтузиасти, решившие сохранить дом, где жила Марина Цветаева в 1914-1922 годах. Надежда Ивановна вспоминала: «Союз (Союз писателей – О.Г.) должен был взять на себя хлопоты, все расходы, ответственность. Кто рискнёт на такое? Обошли всех – непередаваемая эпопея! Сколько «громких» писателей категорически отказались! Роберт Рождественский заменил в ЦДЛ К. Симонова (после его смерти в августе 1979 года – О.Г.). Он – решился. Взял всё на себя. Везде ездил сам. Добился постановления...» (из книги «Борисоглебье. Дом-музей Марины Цветаевой», издательство «Троица», Москва, 2007).

По московским адресам

Из Петрозаводска я поехала в Москву – по своим делам и многочисленным поручениям. И тут Роберт Иванович словно незримо меня за руку водил... Вот нужно мне было попасть на станцию метро «Тульская», забрать пару книг для знакомых музейщиков. А рядом ведь – Данилов монастырь. Как не зайти! И как не вспомнить, что тут в конце войны жил в детском доме будущий поэт Роберт Рождественский. «В Даниловом монастыре половину занимала тюрьма, половину – детдом. Обидно было до смерти, что на фронт не попал...» – писал потом поэт. Нам трудно теперь представить всю обиду и отчаяние мальчишки, который две недели ехал из Омска с мамой на поезде – «на фронт», в военной форме, сыном полка, в твёрдой уверенности, во-первых, что будет с мамой, во-вторых, что попадёт на самую настоящую войну! И вдруг – детский дом...

И, заходя в Литинститут, я тоже вспоминала Роберта Ивановича. В 1951 году его мечта осуществилась – он стал первокурсником Литературного института имени Горького! Тогда здесь учились Евгений Евтушенко, Расул Гамзатов, Григорий Бакланов, Владимир Соколов. С ними будущий поэт познакомился,

подружился. Здесь в 1953 году Роберт встретил свою первую и единственную любовь, студентку отделения критики Аллу Кирееву, будущую жену. Ему был 21 год, а Алле 20...

Вспоминая о своём знакомстве с Р. Рождественским в Литинституте, Евгений Евтушенко писал, что «проверкой на вшивость» было для них знание чужих стихов. И с Рождественским он подружился сразу, потому что Роберт знал запрещённых в то время Павла Васильева и Бориса Корнилова.

Заходила я по делам и в ЦДЛ, где немало дней своей жизни провёл Роберт Иванович... Такая уж это была поездка, «Рождественская». А в Переделкино у меня не было никаких дел, просто я специально поехала туда – поклониться могиле поэта. Перед смертью Р. Рождественский тяжело болел, перенёс сложную операцию. И написал пронзительные, может быть, лучшие свои стихи, которые потом составили сборник «Последние стихи».

*Тихо летят паутинные нити.
Солнце горит на оконном стекле.
Что-то я делал не так;
извините:
жил я впервые на этой земле.
Я её только теперь ощущаю.
К ней припадаю.
И ею клянусь...
И по-другому прожить обещаю.
Если вернусь...
Но ведь я не вернусь.*

В Переделкино шёл мокрый снег, природа словно плакала... Могила Роберта Рождественского недалеко от входа на кладбище. На чёрном гранитном камне фамилия поэта и даты его жизни: 20.06.1932 – 19.08.1994. Рано он ушёл, первым из друзей-шестидесятников – Вознесенского, Ахмадулиной, Окуджавы.

И всё же – он вернулся, и продолжает возвращаться – своими стихами, своими песнями, к новым поколениям читателей XXI века!

АЛЕКСАНДР СТРОГАНОВ В ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ МИРАХ

(Критический сумбур вместо музыки)

Ещё в университете я задумал написать книгу о российской комедии. Прошло каких-нибудь лет двадцать, и появились первые фрагменты: статьи: «Над чем смеётся комедия» («Нева», № 10), «Засмеёмся разом» («Совр. драматургия». 1989. № 4). Ещё минуло лет двадцать, и в моем двухтомнике «Петербургские подмостки» можно было познакомиться с разделом «Любовь моя – комедия» (2010. Т.1). Наконец, потенциальная книга стала приобретать форму очерков об отечественных комедиографах. В 2013 г. «Современная драматургия» поместила портрет Валентина Красногорова («Старшой». № 2), в 2015 – портрет Олега Ернёва («...души болящие порывы». № 2). Теперь предлагаю вашему вниманию заметки об Александре Строганове и сажусь за статью о классике российской драматургии Леониде Зорине – в этом году он ушёл из жизни. Портреты Зорина и Строганова – как бы крайние фигуры (самая ранняя и самая поздняя) в ряду именных и проблемных глав мечтаемой книги.

Академичный маргинал

Александр Евгеньевич Строганов – писатель известный в Европе и гораздо менее известный широкой российской аудитории. Он не в московской тусовке, не мелькает на телеэкране, не «новодрамовец» и не «доковец». При этом член Союза писателей, член Гильдии драматургов, получает престижные премии. Строганова называют «маргинальным». Не в том смысле, что он пишет о маргиналах, «чернушник», как его коллеги-драматурги 80-х гг. Первый акт комедии «Терракотовая армия» начинается в подвале с бомжами, однако низ и верх, жизнь и смерть, подвал и роскошная квартира богатого телепродюсера условны, метафоричны. Строганов – особый, не в «колее». Про свои пьесы он говорит так: «И существует там всё совершенно по другим законам и правилам, которые лишь отдалённо напоминают

академические законы драматургии» (из интервью Елене Рябовой).

Его творчество значительно (не только и не столько по объёму), многообразно. Десять солидных томиков лежат передо мной на столе. Накануне боялтия (он родился в 1961 г.) можно бы подвести итоги его 30-летней литературной деятельности. Впрочем, итоги преждевременны. И нет у меня на их подведение права. Однако стоит порассуждать о явлении «Александр Строганов».

Впервые я узнал о нём в Александринке. На малой сцене театра Роман Смирнов поставил пьесу барнаульского драматурга «Орнитология». Восхитили и пьеса, и спектакль, трое исполнителей (Т.Кузнецова, И.Волков, С.Паршин). Это было ни на что не похоже, чрезвычайно тонко и остроумно. Я опубликовал рецензию в «Балтийских сезонах» (2000. № 2). Строганов счёл возможным включить её в последний том своих «Сочинений» вместе с другими критическими отзывами. В 2014 г. в Театре на Васильевском появилась другая гротескная пьеса алтайского автора: «Чайная церемония» (постановка Владимира Туманова). Опять удача! Строганов в одном интервью признался, что вышел со спектакля на «ватных ногах». Туманов раскрыл новые ракурсы пьесы. Увы, режиссёр скончался в 2020 г. В том же 2014 году ТЮЗ им. А.А.Брянцева поставил сказку «Щелкунчик» мастера Дроссельмейера» (реж. И.Селин). Через четыре года «Щелкунчика» показали в Тверском ТЮЗе и Арзамасском театре драмы.

На премьере «Чайной церемонии» мне привелось познакомиться со Строгановым. Я посетовал: многих его книг нет в Российской национальной библиотеке (при законе о посылке в РНБ «обязательного экземпляра всех выпускаемых в России документов»). Александр Евгеньевич тут же прислал несколько изданий, напечатанных в

основном в Германии, и через два года десять томов (2016). Работоспособность и разнообразие творческих интересов писателя удивляют. Врач, теоретик психиатрии, драматург, прозаик, поэт, музыкант, художник – на обложке восьми из десяти томов рисунки автора. Первый и десятый оформила дочь Наталья. Сложность текстов привела в ступор. Сложность в контексте современной отечественной драматургии. «Орнитология» и «Чайная церемония» внешне более традиционны, поэтому чаще ставятся. Я откладывал изучение основного массива пьес, прозы, пока не настало время карантина 2020 г. В апреле начал читать первый том с романом «Купание Ягнатьева» и втянулся.

Строганов – автор 62 пьес. Однако первые два тома посвящены прозе – во втором роман «Суглоб». «Каденции» – в 10-м. Четвёртый роман, «Стравинский» (вошёл в список «Нацбеста» 2019 года), в десятитомник не попал. Нет там и новой пьесы «Чудо с Мясником». Новинки можно прочесть на сайте Строганова. Итак, 4 романа и 62 пьесы. Что перевешивает? Не думаю, что он, как некоторые обиженные невниманием театров драматурги, уйдёт в прозу. Пишет и то, и другое. Впрочем, и в прозе остаётся отчасти драматургом. Его «Купание Ягнатьева» – нескончаемый диалог с читателем. Или монолог. В нём можно найти вставные диалоги. Например, двух крыс Беляночки и Руте, рассуждающих о Кьеркегоре; диалог Лилит с лирическим героем. Автор уверяет, будто роман написан от 4-го лица. Пусть хоть от шестого. Иногда четвёртое «съезжает» к первому.

Как написано в аннотации к персональному сайту, Александр Евгеньевич – создатель «трансдраматической терапии». Строганов по своей второй специальности – психиатр, доктор медицинских наук, профессор кафедры психиатрии и теперь директор Института клинической психологии в Барнауле. Герои Строганова – личности болезненные, психически аномальные. В последнем романе «Стравинский» Строганов (ах, как всё время тянет на сочетание «стр»!) между делом замечает: «Вообще психиатр – не профессия. Картонный домик. ...В домике том тайн и откровений много больше, чем существует в природе. Людям без слуха в таком домике не выжить». И чуть позже

«каламбурит» на тему ленинского афоризма: «Важнейшей из всех наук для нас является психиатрия».

Не случайно Строганов привлек внимание Нины Садур. Именно её краткая характеристика сопровождает обложки всех десяти томов. В равной степени, и Садур близка Строганову. «Писатель Строганов, – пишет Садур, – проник в «тонкие миры». Где он там бродит, я не знаю. Но сюда к нам он выносит небывалые сумеречные цветы, на которые можно глядеть и глядеть, не отрываясь. Этот писатель навсегда в русской литературе». Здесь особенно примечательны слова о русской литературе.

О Гоголе, сюжете и фрагменте

Строганов – в известном смысле классический автор, существующий в контексте русской литературы (хотя и не только). Его диалоги не в стиле современной разговорной речи, тем более сленга. При всей «затейливости», непредсказуемости, автор периодически «проговаривается». Скажем, на с. 20 романа он вдруг замечает: «Да, не забыть о Гоголе. Николае Васильевиче. Гоголь не был первым авангардистом, как утверждают многие, просто раньше других, первым пришёл он на исповедь. Факт». Исповедь исповедью, но он одним из первых надел маску (не в смысле предохранения от инфекции, как сейчас), литературную маску. Один из первых воспользовался приёмом сказа. От Гоголя у Строганова – цепочечность мышления, «старческая афазия». Когда одна мысль, точнее, слово, цепляет за другое – и уводит постоянно в сторону. То к теме китайского и японского, то в космос и к Гагарину. Или в странное. Странен Строганов всегда. Уж извините великодушно опять за некрасивое сочетание согласных «стр»!

У романа Строганова нет сюжета, что постоянно подчёркивается. Как правило, нет сюжета и в пьесах. Регулярное возвращение к Алексею Ягнатьеву и его ожидаемому погружению в ванну, само собой, сюжетом не является. Гротескный лейтмотив, не более. Есть ещё пара-тройка персонажей, которые упоминаются периодически: Арик Шуман, дед-фронтовик. Они тоже не подгоняют сюжет. Что-то вроде рифмы. На с. 30 Строганов объясняет своё понимание сюжета или игры в сюжет. Главка так и

называется: «О сюжете». «Безусловно, сюжет присутствует и в мире деталей, но в этом слишком к совершенству мире он много проще. Некто ужинает, предположим. Или пробуждается, потягивается в постели. Или погружается в воду. Этого вполне достаточно. Достаточно. Так как каждая минута жизни человека – сущность всей его жизни». В своей программной статье «Парареализм» Строганов пишет: «Парареализм – стремление к отсутствию сюжета... крепкий сюжет разворачивает и разрушает душу».

Проблема сюжета постоянно волнует писателя. Вот и в последней пьесе, «Чудо с Мясником», главный герой Фома Мясник пылко начинает разговор о сюжете, сюжетце. От Фомы (явно близкого автору) требуют сюжетца, а он стремится к чему-то «эфемерному». При этом у Строганова нередко под конец выстраивается мнимый сюжет, с обязательным убийством, самоубийством (выстрел, утопление), но какой-то глумливый. И мы уже не удивляемся, когда под занавес появятся волхвы с гусями и прилетит обезглавленная птица.

Всё же вернемся к Ягнатьеву. «Пишется роман. Это будет роман об интимных метаморфозах, деформациях и созидаательных последствиях этих чудесных превращений». Метаморфозы, наверно, – ключ к стилистике романа и большинства пьес. Строганов, как и его герой, – прежде всего аналитик и наблюдатель за изменениями (в космосе, в природе, в организме). Структурно текст романа состоит из абзацев, между собой связанных только формально. В одном месте автор произносит панегирик фрагменту. И перед нами действительно фрагменты. Лишь покажется: наконец-то роман вырывает на какую-то большую тему, «историю», – бац, происходит сброс, и мы снова в другой теме.

В тексте романа есть рассуждение о броуновском движении частиц. Весь текст и представляет собой бесконечное броуновское движение слов, фраз, смыслов. Поэтому писатель назвал своё произведение «роман-коллаж». Впрочем, он много «шутит» по поводу своего литературного метода. В «Стравинском» мы найдем такие признания: «Следует признать, мы не в силах удерживать несуществующие события», «По замыслу автора роман

должен содержать 16 кг отборной пустоты, что сделает его самой правдивой книгой о жизни».

Провокации, Достоевский и другие

Однако продолжим тянуть литературную «ниточку» от Гоголя к Достоевскому. Разумеется, не прошёл Строганов мимо стилистики Достоевского. Да и как бы мог он пройти в наше время и при своей специальности? Определенно вспомнишь «Преступление и наказание» в связи с навязчивым желанием покаяния у Сильчика («Malum in se»). Интересен монолог о Достоевском некоего Кирилла в «Терракотовой армии». Впрочем, чего только в этой комедии нет: русская живопись (Перов, Кустодиев), музыка бардов и Бетховена, птицы и собаки, «Белеет парус...», история Китая (210-209 гг. до н.э) – эпохи императора Цинь Шихуанди. Сбивчивость, горячечность речи, ёрничанье, провокативность у Строганова – от романов создателя «Идиота». Кстати, в «Генделе» между Юношей и Дочерью возникает следующий диалог:

*Дочь. Ты слушаешь не идиот?
Юноша. Как князь Мышиkin?
Дочь. Какой князь?
Юноша. Ты серьёзно спрашиваешь?*

Тексты Строганова провокативны всегда. Взять хотя бы «Орнитологию». В первой части нас обманывают видимостью адюльтера, хотя третий (брать) целиком за брак сестры с приятелем. Флирт оборачивается фантасмагорией со смертельным концом. Кокетка и чудак трансформируются в отстранённых убийц ради своих орнитологических теорий. Кстати, к птичьему мотиву Строганов обращается и в «Ягнатьеве», и в других (почти во всех) пьесах. Что-то у него с птицами было. В разных пьесах и романах появляются и другие животные (крольчиха, жираф, собаки, моржи, свиньи), однако тема птиц – сквозная.

И вновь литературный пунктир. Гоголь, Достоевский. Кто следующий? Ну, конечно, Чехов. «Чайку» репетируют актёры в «Коде», но одновременно «репетируют» свою жизнь и смерть. Это «музыкальный» пародия на тему «Чайки». Правда, начало

второго действия (монолог Сучкова) напоминает Фирса. И «Иерихон» – игра в Чехова. На первый взгляд – перед нами композиция из персонажей, мотивов «Трёх сестёр», «Дяди Вани», «Вишнёвого сада» (в «Иерихоне» он яблоневый), «Чайки». Тригорин «скрещивается» с дядей Ваней, Елена с Наташей, Серебряков с Прозоровым. Понятно, что речь о каких-то внешних приметах. И говорят эти псевдо-чеховские герои почти как те интеллигенты. А потом в чеховскую атмосферу постепенно начинают вливаться любимые строгановские лейтмотивы. Всё-таки вагнеровского в нём больше, чем вердиевского. Что я подразумеваю под лейтмотивами? Например, упоминание китайской терракотовой армии (есть и отдельная пьеса «Терракотовая армия»), утопившаяся в ванне женщина. Ванна – как средство убийства и самоубийства – проходит через всё действие музыкальной драмы «Гендель». В ванне гибнет Дочь, в ванне превращается в пар её отец.

2-я часть «Иерихона», как и следует ожидать, не только разрушает чеховскую атмосферу, но и чеховскую тематику. Справедливо указывалось критиками, что диалог паталогоанатома (любимый персонаж Строганова) Тёмкина и Ремезова (содержателя казино, современного аналога Лопахина) – в стиле так называемого фольклорного «разговора глухих». Некоммуникабельность – свойство чеховских героев, но здесь она нарочита, гротескна. Ко всему прочему – прибывающие персонажи изрядно напиваются, и смысл их речей закономерно становится совсем тёмным. Один рассуждает о свиньях, которых кладет к себе в постель, другой обсуждает каких-то клыкастых саблезубых собак.

Агрессивность «нежных» интеллигентов возрастает. Ребячливая Анна вроде пытается задушить леской от удочки собственного отца. Всё завершается грохотом байкеров – это, видимо, компания мотоциклистов во главе с Алёшой приехала из города, чтобы снести с лица земли деревенский рай Липков. Перед нами своего рода современная зловещая смена эпох, мрачнее «Вишнёвого сада». Чеховское, в гротескном варианте, есть и в «Malum in se». Интеллигентность интеллигентов, разумеется, пародийна. Чего стоит,

например, прекраснодушное желание Крыльцова «гармонизировать» отношения в любовном треугольнике: то ли отпилить рога сопернику, оленю Виктору Петровичу, то ли вырастить самому натуральные рога.

Как специалист по А.В.Сухову-Кобылину я не мог поверить, что гротескёр Строганов пройдет мимо фантасмагорий «Смерти Тарелкина». И вот... В «Смерти» орудует колоритнейшая портомоя Брандахлыстова. Она обращалась к своему полюбовнику Силе Сильчу Копылову: «Силич! Ндруг!». И вот я нахожу в «наивной комедии» с латинско-криминальным заглавием «Malum in se» персонажа Сильча, который застрелил жену, после чего она трое суток стирала не переставая. Правда, я мог эту связь и напридумательно...

Однако почему это мы топчемся в XIX веке?! Конечно, не прошёл Строганов мимо Михаила Зощенко с его короткой фразой, «доступной для бедных», и словами, «торчащими боком». Ну, и эрдмановский ритм. В романе «Купание Ягнатьева» каждый абзац – стихотворная строфа, «отбивающая» словом «Да», упрямым и немного смущённым. Важен также «монтаж» строк. Здесь и «лесенка» Маяковского, и заумь Хлебникова. Абзац:

«Женщины.

Ещё есть женщины.

Ещё есть женщины, но об этом позже.
Чуть позже».

Это к тому же напоминает Александра Володина, хотя он гораздо натуральнее. Впрочем, может быть, это мне напоминает. Даёт о себе знать моя склонность к ассоциациям. Мой круг чтения. Естественно, и Веничка Ерофеев не чужд Строганову. Тот же комический контраст просторечной речи, простоты и наивности со знанием сложнейших явлений культуры, широчайшей эрудицией.

Я называю имена русских писателей, однако для нашего героя понятие «русский писатель» – достаточно условно. К русским он относит Ремарка, Хемингуэя и «в первую очередь» Чарлза Диккенса (это из романа «Стравинский»). Жму Строганову руку. Вопреки общественному мнению, тоже люблю этого печального английского

комика. Хотя в пьесе «Кода» самым русским писателем назван С. Беккет.

Вовсе не хочу сказать, что романы «Купание Ягнатьева» или «Стравинский» – коллаж изящных стилизаций. Нет, это оригинальный продукт человека, который много знает и многое переварил в своём сознании. Постмодернистское произведение не может обойтись без скрытых и явных цитат. А то, что Строганов постмодернист, не вызывает сомнения. Характерно, что именно Строганов цитирует. Например, автора задевает цитата из интернета об энтропии: «Вследствие любых наших действий энтропия увеличивается, следовательно, любыми своими действиями мы увеличиваем хаос». Тема хаоса и внутренней неподвижности («оцепенения») очень важна для автора.

Ассоциации и психиатрия

Ветхий Завет у Строганова лихо сочетается с гоцциевской «Турандот». Наверняка вспоминал «Короля-оленя» К.Гоцци, когда сочинял комичный диалог оленя Виктора Петровича и рогоносца Крыльцова. Строганов, как и я, ярый ассоциативник. Вот, например, забавное сближение: «Повседневная речь – всего лишь звуковое сопровождение событий. Приблизительно, то же самое, что стон Шараповой на теннисном корте» («Купание Ягнатьева». с.39).

Автор не скрывает своей причастности к медицине и психиатрии. Нет-нет да и возникнет на странице книг патологоанатом артистического типа (один из них по фамилии Жук, Якут в «Якутии»), жалоба психиатра и тема вируса. Последняя сегодня звучит особенно актуально.

Правда, Строганов терпеть не может, когда его пьесы пытаются вывести из психиатрии (это из интервью с Еленой Рябовой). Но тут же признаётся: «психиатрия подарила мне свободу и философское отношение к понятию «норма-не норма»». Строганов подчеркивает: нестандартность поведения воспринимается многими людьми как патология, но он видит в нестандартности закономерность (с.307 тома 10).

Постмодернист и медик-аналитик любит порассуждать о своей поэтике. Рискну привести большую цитату: «О Ягнатьеве

можно сказать так, – Этому человеку всегда доставляло большого труда отличить вымысел от реальности... Можно выразиться иначе, – Алексей Ильич всегда обладал удивительной способностью воспринимать параллельный мир и сочувствовать ему. При этом он представления не имеет, что такое этот самый параллельный мир. Никто не знает, что это такое. Но коль скоро о нём много говорят, вероятно, он существует. Немного высокопарно, но отражает суть. Да».

Как ни странно, «Купание Ягнатьева» ближе к финалу всё больше склоняется к драме. Диалог с женой Верой – на первый взгляд, довольно натуральные семейные разборки. Если не считать, что Вера, желающая покинуть семейный кров, оказывается в ванне. А муж, Ягнатьев, её топит. Там она превращается в нечто плоское. Её «силуэт» муж разрезает и с трудом съедает. Разумеется, этим делом не кончается. Появляется другая женщина Даная, с различными мифологическими ассоциациями. Потом вновь возникает Вера, которая приводит героя к обещанному в прологе концу. То есть теперь она убивает мужа в кипящем молоке (он сварился). А после смерти неродившаяся дочка (от Веры и Ягнатьева) Липочка (привет «Стакану воды» Л.Петрушевской) превращает Ягнатьева в стеклодува, то есть он переходит в иное качество. Как бы пускает детские мыльные пузыри, возвращаясь к началу своей жизни.

Детское мироощущение принципиально для Строганова. Всё заканчивается достаточно оптимистично: цитатой из Монтеня (книга «Об искусстве жить достойно» – издательство «Детская литература») и последним появлением загадочного Арика Шумана. Арик – большой весельчак. Его речь состоит, в основном, из многократного «Ха-ха-ха...» (на трёх строках). Он философ, этот Арик. Ему смешно, что за гранью жизни тоже открывается повседневность (сравним со «Стравинским»: «ориентировался на обыденные, нехитрые мысли»). Правда, мы, простые люди, вряд ли разглядим повседневность на 574-й и 575-й странице между японцем и запахом мандаринов.

Критическая ремарка. Не пытаюсь дать ответ на все авторские загадки, розыгрыши. На 567-й странице Ягнатьев (или автор) честно признаётся:

«Происходящее, например, не кажется мне странным. Нет, разумеется, я отдаю себе отчет в том, что творится чёрт знает что. Но отношусь к этому спокойно. Как будто так и должно быть». Давайте и мы будем относиться спокойно.

Нервный читатель моих заметок возмутится: ему, дескать, непонятно, про что та или иная пьеса, кто кому дядя. Извините, сюжета нет. Сплошная фантасмагория. Какой с меня спрос? Я не толмач. Пьесу нужно прочесть своими глазами. Моя задача скромная: рассказать о любимых кирпичиках, из которых строит своё здание Строганов. На сайте автора каждой пьесе предпослана аннотация из двух-трёх фраз. Аннотации, наверно, принадлежат писателю. Однако он – хитрец. Как всегда, нас мистифицирует. Ни черта не поймешь из этой аннотации про реальную пьесу или роман. В интервью Елене Рябовой (с. 359 тома 10) Строганов бесстыдно заявляет: «Я категорический противник того, чтобы разжёвывать и объяснять пьесу». И в другом месте: об отношениях своих персонажей «на уровне взгляда, обоняния, осязания, подсознательных ощущений» (с.358 тома 10). Как это передать на уровне логики?

Строганов, что бы он ни говорил, никогда не забывает о своей специальности. Даже в названиях она оказывается. Например, «Болезнь Праслова». Пьеса, возглавляющая третий том драматургии, называется «Виктор Кандинский». В заглавии уже содержится известная провокационность. Читатель сразу вспоминает художника-авангардиста Василия Кандинского (впрочем, многие ли помнят его имя?), но речь идет о его дальнем родственнике, психиатре XIX века Викторе Хрисанфовиче Кандинском. Уже на 12-й странице сообщается о самоубийстве врача психиатрической больницы (палаты), где происходит действие. Как принято у Строганова, реальность смешивается с фантазией. Исторический Кандинский действительно дважды покушался на самоубийство. Второй раз «удачно». Вскоре за ним последовала и жена.

Если место рождения Кандинского близко Строганову географически (Сибирь – Алтай), то место самоубийства близко мне. Часто я гулял мальчиком в Шуваловском парке и ревелся с друзьями, может быть, на полянке, где он расстался с жизнью.

Похоронен Кандинский на Шуваловском кладбище, над озером, где лежат и мои родные. Впрочем, не о том речь.

Драматург явно внимательно изучал труды Кандинского, прежде всего «О псевдогаллюцинациях». Мотивы «синдрома Кандинского» («отчуждения»), внутренних, звучащих в голове голосов, «забирания своих мыслей и включения других», реализованы в пьесе (также в пьесе про Нерона). Использован и факт идентичности болезни пациента с болезнью самого Кандинского.

Собственно, действие происходит в изолированной палате психиатрической лечебницы. Героя пьесы «Шахматы шута» собираются отправить в психиатрическую лечебницу. И он соглашается. В «Стравинском» мы найдём следующее соображение: «Только в сумасшедшем доме царит подлинная свобода. Вообще доктора и пациенты живут здесь одной большой семьёй. Шутки в нашей среде приветствуются... шутки, розыгрыши, духовные забавы и всякого рода описания». «Кандинский» – своего рода иллюстрации к этим тезисам. В «Кандинском» имеются шесть персонажей «в поисках своего психиатра» (ассоциация с пьесой Луиджи Пиранделло «Шестеро персонажей в поисках автора») – как бы душевнобольные, хотя внешне их болезнь не очевидна. Палата странная, как и всё у Строганова. Нет врачей, санитаров (столь важных в психушке того же Ерофеева – «Вальпургиева ночь»), лекарств. Палата существует вне реального пространства и социума. Строганова, в отличие от Ерофеева, не так интересуют социально-политические проблемы. Он кружится в душевно-психологическом хаосе. Когда агрессивный Арестов разбивает единственное окно комнаты, вокруг ничего не обнаруживается. Мечта об облаках не сбывается.

На первый взгляд, драма напоминает философский диспут «На дне». Какие-то переклички с персонажами Горького есть, однако на самом деле Строганову ближе идеи не Горького и не Ерофеева, а Луиджи Пиранделло с его опровержением единства существа человека, конструкцией психологических ракурсов.

Первое действие отчасти похоже на традиционную, даже классицистическую пьесу, с единством места и времени,

относительно чёткими характеристиками действующих лиц. Есть даже подобие детективного сюжета с таинственными убийствами и смертями почти всех персонажей. В этом – «практическая» театральность «Кандинского». Во втором действии, прежде всего в финальном диалоге мудрого Дедова (почти все фамилии и имена значимы) и Фелистратова происходит психологическое (психиатрическое) раскрытие смысла пьесы. Все больные – это разные ипостаси душевного мира Кандинского. Он погружался в галлюцинации каждого, и противоречия между ними привели к трагическому финалу. Особая ситуация складывается с медиком Фелистратовым. «Моя задача заключалась в том, – объясняет он Дедову, – чтобы находить контакт с голосами, проникать в бред и заставлять привыкать к мысли о моём существовании. Я отводил от Виктора Хрисанфовича любые подозрения и давал ему возможность беспрепятственно находить контакт с больным».

Это уже, видимо, драматургическая передача методики лечения реальным Кандинским. Дедов всё понимает, но не может объяснить ситуацию согласно медицинской терминологии. А в пьесе это и не требуется. «Доктор Кандинский остаётся там, куда стремился оказать помощь. Он сам становится галлюцинацией, бредом, голосом. У него нет пути назад. И ты уже не видишь его». Мы высвободились из головы Кандинского, однако зрителю надо высвободиться ещё и из тисков психиатрии. Недаром Строганов обозначил жанр своей пьесы как «мистификация».

Он драматург, который, конечно, живёт в своём параллельном мире, но иногда влезает и в наш. И хочет, чтобы его пьесы шли на сцене, хотя ожидать успеха, скажем, «Варшавской мелодии» Л.Зорина было бы смешно. Строганов к этому и не стремится. В finale «Виктора Кандинского» происходит освобождение от галлюцинаций. Рядом обнаруживается внешний мир с нянейкой, приёмным покоем. Фелистратов оборачивается живым Кандинским, он будет лечить многочисленных пациентов. Покойники оживают и возвращаются к занятиям, которым предавались в начале пьесы. Татарин Муся будет долго чистить картошку,

словно персонажи «Взрослой дочери молодого человека» В.Славкина – А.Васильева. Мотив чистки картошки повторится в других пьесах. Возможно, это символ очищения от шелухи до сущи.

«Виктор Кандинский» – вещь, вероятно, ключевая в творчестве Строганова. Так и в «Орнитологии» – он заманивает нас вроде бы в обыденную конфликтную ситуацию, а затем погружает в дебри болезненной психологии. Его персонажи – отчасти люди, отчасти галлюцинации. Фантомы или человекоподобные. Разумеется, театральная судьба «Кандинского» – нелёгкая. Судя по сайту драматурга, пьеса была сыграна лишь несколько раз «сумасшедшим» режиссером Александром Пономарёвым в 2005 г. (Московский Театр Чёт-Нечет). По словам критика П.Руднева, «зритель не предполагался». По крайней мере, для Пономарёва. Это лабораторная работа. В том же году пьесу поставили в московском Тотальном театре, о нём я ничего не знаю. А хорошо бы пьесу посмотреть с профессиональными актёрами... Однако для традиционного большого театра с традиционной публикой, ждущей от сцены «историю», Строганов труден. Похоже, только «Орнитология» прорвалась во МХАТ и Александринку, Театральный центр О'Нила.

Для Строганова важна прежде всего драматургическая свобода. Как большинство драматургов, он хочет быть независим от привычных законов театра. В уже упоминаемой статье «Парареализм» автор опять-таки «проговаривается»: «Драматургия – прежде всего литература. Пьеса не может жить по законам спектакля». Ну какой режиссер с этим согласится?! Строганов почти и не ждёт согласия. Поэтому в 2004 году он в Алтайском краевом театре драмы им. В.Шукшина открыл «Творческую мастерскую А.Строганова», где выступал в качестве драматурга, режиссёра и сценографа. Увы, после ухода директора Алтайского театра В.И.Мордвинова Мастерская перестала существовать.

«Мы покоряем пространство и время»

Если в пространстве Строганов почти не «гуляет» – действие его пьес, как

правило, ограничивается одной комнатой, залом, палатой, котельной, – то в отношениях со временем драматург и его персонажи совершенно свободны. Впрочем, единство места и камерность пьес тоже мнимы. Палата не похожа на палату, комната на комнату, вагон поезда («Лисицы в развалинах») неподвижен. Зато чеховское колдовское озеро само «приходит» на дачу к Бертенёву и его бывшим коллегам.

Возьмем, к примеру, пьесу «Вертиго». Нельзя же буквально воспринимать место действия как комнату некоего Петра Фаддеевича Сажина. Да и сам-то Сажин – лицо мистическое, инфернальное. Сергей Есенин связывает его с Чёрным человеком, заказавшим «Реквием» Моцарту и, конечно, с героям собственной поэмы «Чёрный человек». Назвать его Сатаной или демоном – слишком просто. Факт тот, он знает всё, что было и что будет. Как архивариус, хранит ценнейшие документы и тасует их. Он знает, чем кончится встреча Есенина с Айседорой Дункан, препятствует ей и при этом в определённый момент сам встречу организует. Дункан полагает: он, Сажин, должен быть холоден как рыба (он ведь наблюдатель и отчасти предсказатель), но Сажин, которого Дункан называет Black, страдает, сострадает, ревнует. Как говорил автор про своих персонажей он «полифоничен». Вроде бы Сажин меняет местами жизни и смерти великих людей. Может быть, это и не буквально, но Сажин соединяет знаменитых влюблённых после их смерти на своём диванчике.

Историко-фантастическая пьеса предваряется, как водится, медицинским эпиграфом: «Вертиго – испытываемое больным чувство, что либо он, либо окружающие его предметы находятся в постоянном движении. Чаще всего данное состояние сопровождается ощущением вращения окружающих предметов, однако иногда человеку может казаться, что под ногами у него начинает вращаться земля». Надо ли пояснить, что в медицинских терминах передана метафора мироощущения Дункан и Есенина или, точнее, персонажей, носящих исторические имена.

Строганов орудует в истории, как у себя в квартире. Да и квартира – метафора гигантского пространства культуры. У него есть пьесы про Нерона. Он вообще любит

античность (вспомним, например, внедрение Аристофана и его пьес в роман «Стравинский») Древнеримский император, однако, ездит на автомобиле и наблюдает дирижабль. История приобретает домашний характер. Строганов признается в интервью, что дирижаблем хотел доставить Нерону удовольствие.

Но его героями могут быть и вполне обыкновенные нетрадиционные люди. В пьесе «Немного Верди, немного лжи» создается видимость семейной комедии, драмы или трагикомедии с элементами фарса. При этом мама Кикина мимоходом вспоминает, как она жила в Зимнем дворце и туда приходили конные (!) матросы (кстати, в другой «наивной комедии» Кикино – что-то вроде Переделкино). Мысли старушки Кикиной постоянно путаются, она всё забывает. Даже про дочь, и про свой роман (может быть, мнимый) с маршалом авиации. Дело не в ней одной. В других речах Игорь Дмитриевич Светлицкий оказывается в одно и то же время врачом, учителем математики или любовником жены одного из Грачей. «Двойник» Светлицкий стреляется в ванне от ревности. Собственно, в пьесе все психически больны, хотя конкретный диагноз и не поставлен. Вальяжин может три часа смотреть на потолок. Под конец выясняется причина его нежелания выходить на улицу. Это влюблённость в молодую, красивую, порочную Валентину, у которой, когда она присела по нужде, из живота вылетали «птички лжи».

Собственно, врут все и врут вдохновенно. Врёт Кикина про свою новую жизнь в Липках, врёт про то, что она была пианисткой при маршале авиации в четырёх войнах. Врёт одинокая «старая дева» Дина о своей мнимой беременности от мнимого изнасилования братьями Грачами. Врут Грачи про свою семейную жизнь, которой явно нет. Чем-то они напоминают Бобчинского и Добчинского. Врут даже по пустякам. Например, рассказывая о том, где нужно встречаться у памятника Дзержинскому (его давно нет). И улиц Воровского, Ленинского проспекта не может быть ни с какой стороны памятника. Хотя слово «врать» неуместно. Они фантазируют.

Пожалуй, персонажи напоминают музыкальных «моцартирующих» безумцев А.Арбузова («Этот милый старый дом»).

Диалог в «Немного Верди...» комический, бессмысленный, на грани абсурда. Хотя в споре Вальяжина с Верой на тему «любишь – не любишь» участвовал, наверно, каждый из нас. Строганов в своей статье подчёркивает, что он удерживается, балансирует на грани абсурда, «бережёт независимость». Верди – его безумно любит младшая дочь Кикиной – в пьесе не случаен. В «Набукко», третьей опере композитора (запись спектакля включают в середине и finale комедии), ощущимо безумие экстатичности.

«Я пишу музыку»

Ритмизованный диалог пьесы с многочисленными повторами образует своего рода музыку. «Я пишу музыку. По крайней мере, хотелось бы.... Атмосфера – вот ключевое слово для парареализма». Сам Строганов неоднократно говорит о своей любви к музыке. В частности, написал пьесы «Гендель», «Комитас», «Кода». «Болезнь Праслова» «напоена музыкой С.В.Рахманинова» (из аннотации). В «Генделе» постоянно звучит музыка Генделя. Мать помешалась на нём, уходит от действительности в Генделя и даже благодарит Создателя за то, что он сделал её абсолютно похожей на великого композитора. Фантастично звучит рассказ Строганова о том, что, по подсчетам музыканта Александра Крамера, текст двух действий «Генделя» по хронометражу соответствует «Музыке на воде» и «Музыке к фейерверку» – две части пьесы Строганова озаглавлены по названиям двух произведений Генделя (с.358 тома 10).

В «Модесте» режиссер Корсак (!) задумал поставить пьесу о Мусоргском. 10-й том открывается псевдоэпистолярной композицией-романом под названием «Каденции». Есть сборник стихов «Пианизм». За «Каденциями» следуют стихи, корреспондирующиеся с пьесами. Всё это литературо-музыка. В одном письме Строганов признался: «Да, музыкой живу и дышу. Когда-то на заре туманной юности даже был лучшим пианистом края. Прочили училище, консерваторию, но я ушёл в медицину... Отец оперу обожал. У деда дома стояли инструменты... Музыка всегда звучит в моём доме... Литературные пробы мои и пьесы, конечно, слагаются по музыкальным законам. Для меня чуть ли не главное

значение имеет ритм, синкопы». Впрочем, и врачи в трёх поколениях имеются.

Насыщен музыкальными реминисценциями роман «Стравинский». Уже в названии затевается игра с читателем. Люди массовой культуры помнят профессора Стравинского из «Мастера и Маргариты», но знающие культуру «пошире» вспомнят композитора Стравинского. Строганов поясняет: его роман не об Игоре Фёдоровиче. «Точнее – не только о композиторе. Хотя композитор выступит, безусловно, в качестве шелкопряда, связующего звена, путеводной звезды и, не пугайтесь, марева». Далее главы называются по музыкальным темпам («легато» и т.д.), упоминаются названия произведений Стравинского, Равеля, партитуры и многое другое. Второй Стравинский – «мой коллега психиатр». Однако не Иван Николаевич, как у Булгакова, а Иван Ильич. Наконец, третий Стравинский – Сергей Романович, агностик. Нет такого учёного. Всё игра! «А может быть, все трое – один человек?» – провокационно спрашивает автор. «В моём повествовании всё неправда».

Однако про музыку, пронизывающую текст (тексты) романов и пьес, – чистая правда. «Жизнь – несколько тактов в масштабах симфонии» («Стравинский»). Музыка чувствуется в каждом абзаце, но и литература тоже. От античности до наших дней. В пьесе «Немного Верди...» покойники, великие и легендарные, «летают» в воздухе. И Верди подслушивает, и «реальный» Боря в разговоре тёщи трансформируется в мифологического Борея. «Сын титанидов Астрея и Эос, брат Зефира и Нота, похититель Орифии, дочери Эрехфея. Отец Зета и Калаида».

«Слова, слова, слова...»

Слова, названия экзотических животных и растений вылетают из уст Кикиной в огромном количестве, превращаясь в фантастический словник-кatalog. Разговор кружится вокруг одних и тех же слов и тем. Обратная сторона словоизвержения – семейная переписка, безмолвность Грача и его жены. Главный герой Вальяжин («Немного Верди...») занимается колокольчиками и боится выйти на улицу, поэтому не работает. Как

актуально в период пандемии с её самоизоляцией! Тёща и жена Вера, напротив, стремятся наружу, но их «внешнее» также сомнительно. Где эти Липки (известные находятся в Киеве), где видится Кикиной рай в шалаше? Да и фамилия ассоциируется с петербургскими Кикиными палатами.

Персонажи Строганова рассуждают на самые многообразные темы. Например, о лжи, которую Грач именует самостоятельной стихией. Грачёв кричит своему брату: «Отстань ты от меня со своей психологией. Ступай в сортир и читай там своего Сартра». Сартр и сортир – игра слов. Так же, как сон и сено в «Якутии» («иголка во сне»).

Иногда кажется, будто все произведения Строганова складываются в единый мега-текст с близкими героями и мотивами. Впрочем, это типично для любого крупного писателя. Возьмём хотя бы пьесу «Нерон, исчерпанный и нежный, наблюдает полёт дирижабля». Антураж, конечно, иной, чем в «Верди», но суть от этого не меняется. Антураж скорее из «Сталкера» А.Тарковского. Какая-то технократическая апокалиптическая помойка, где после пожара в Риме потерпел крушение автомобиль с Нероном, Фаоном, Спором, Терцией. Или что-то от С.Беккета, от которого (абсурдистов вообще) Строганов откращивается, но в конечном итоге к ним приходит. Может быть, чаще к автоматическим диалогам «Лысой певицы» Э.Ионеско.

Ах, не доведут до добра бесконечные ассоциации! Но ведь с кем поведёшься. В долгом монологе Фаона, вольноотпущенного раба, то мелькнёт Владимир Ильич («Нерон и теперь живее всех живых»), то песня военных лет («Эх, дороги»), то «Майдодыр» К.И.Чуковского («бутерброд прямо в рот»). Вдруг вылезает Михаил Александрович Чехов: Фаон о Нероне: «Вы все гениально сыграли. Михаил Чехов в сравнении с вами – пингвин из детского театра» «Почему пингвин?» – резонно спрашивает не польщённый Нерон. Ответа нет, потому что речь Фаона, в принципе, – речь безумца. О себе Фаон говорит: «Слов много, а сказать ничего не могу». «Не сметь повышать голос на пожилого сумасшедшего, но здравомыслящего и притом свободного человека». Тема свободы переходит у

Строганова из пьесы в пьесу. По мнению Фаона, она как-то сочетается с шоколадом, похоже, символом удовольствия. Помимо Михаила Чехова древний римлянин поминает и Сару Бернар. С ней связывает Фаон «организацию» похорон Нерона. Возникает в монологах Фаона и Вышинский (в разговоре о суде).

Фаон – один из alter ego автора. Как и в пьесе про «Кандинского», он поднимает тему галлюцинаций, голосов, которые живут в голове («Вот если бы вы тоже умудрились забраться в голову»). Он говорит о раздвоении личности и рассуждает о многоликости или двуликом Янусе. Фаон в первом акте полностью заслоняет Нерона. С одной стороны, он «громила», сумасшедший, который за ноги таскает императора по кругу, с другой стороны, – лирик, поэт, перемежающий начальную фантастическую брань с игрой слов, безумной рифмовкой. Нерон, выступающий в качестве зрителя-слушателя Фаона, замечает: «Разобрать смысл в его словах невозможно, но то, что он изъясняется как патриций, – очевидно». В этом – провозглашаемый Строгановым метод полифоничности. Громила – патриций. Гротескное соединение несоединимого. Южная Италия как-то странно соединяется со снегами Сибири.

Из сравнения с Михаилом Чеховым и Сарой Бернар становится ясно: Нерон привлекает автора прежде всего в качестве артиста, болезненно-утончённого. Его императорская профессия вторична и условна. Тирана Нерона именуют доброхотом и либералом. Хотя Фаон обращается к нему «Цезарь», титул императора легко переходит к бывшему рабу Фаону. А вообще-то Строганова больше всего интересует игра со смертью. Гетера Терция гримирует Нерона под ангела, а дети Фаона-волчата поднимают покойного Нерона-ангела по лестнице на дирижабль. «Интересно, что там теперь происходит?» – спрашивает Нерон про дирижабль. «Известно что. Пьют вино». Так трансформируется представление о божественном рае. В оффенбаховском стиле. А под конец понятие о высших сферах и вовсе travestируется. «С неба (то есть из дирижабля – Е.С.) доносится однообразная фортепианная музыка, наподобие той, что некогда транслировалась по радио для

любителей утренней гимнастики». В конце концов, бывает и хуже. Дирижабль корреспондируется с фантастическим «воздушным угрем», которого предлагает запустить Нерон. Опять игра слов!

Игра слов незаметно переходит в игру со смертью. Игра со смертью связана зачастую с ванной. Впрочем, когда речь идёт о Древнем Риме (если речь идёт о нём), это более закономерно, чем в «Купании Ягнатьева». В ванне Терция топит Спора. В ванне Терция приуготовляет к «вечному блаженству» Нерона. У ванны Фаон режет осколком зеркала или ножом (одно переходит в другое) Терцию и сам падает без чувств на убитую. «Какой великий артист умирает! – восклицает перед собственной смертью Нерон. Впрочем, может быть, это и лучше для Терции. В первом акте её собирались отдать на съедение детям Фаона – волчатам, которые, правда, не интересуются женщинами. Надо ли напоминать, что смерть всех персонажей игровая (так во всех пьесах Строганова). Покойники встают и возвращаются к ужину.

Однако где же покойники обитают? У Строганова места действия вроде подразделяются на жилые и нежилые. В «Якутии» – что-то среднее. Хотя пьеса обозначена «идиллией», я бы назвал её антиутопией. Не технократической и политической, как у Замятина или Оруэлла, а психологической. Якутия – снежная пустыня поблизости от Космоса и в то же время – рай без сада. В другой пьесе, «Шамо», действие происходит в пустыне Гоби. Нельзя сказать, чтобы сибиряк Строганов изображал географически близкое ему. Что такое Урборье? Место, «где волк изучает Гегеля, а лисица мечтает о певческой карьере». Жилище Якута и Муры – какая-то котельная (может быть, символ Ада). Древо познания внутри каждого. И змий-искуситель тоже. Рай-Якутия – беспамятство и безмыслие. Чем-то это напоминает «Счастливую жизнь» С.Беккета. Семейная пара: Якут и Мура – предполагает жить вечно. Якут, видимо, в прошлом патологоанатом (любимый персонаж медика Строганова), заживо бальзамирует жену и себя, добавляя в пищу и покрывая сверху формалином. Впрочем, бальзамирование не во всём помогает.

Якут пережил инсульт, который вспоминает как состояние блаженства, жена

теряет сознание. Непонятно, чем эта семейка питается. Якут не добывает еду охотой. Он выходит в Космос за алмазами. Правда, это не настоящие алмазы, а тающие льдинки. Якут – вроде мальчика Кая из «Снежной королевы». Но супруги относятся к алмазам чисто эстетически. Ведь питаются они скорее воздухом. Хотя воздух тоже абстрактен. Живут они в вакууме, вне социума, как и больные Кандинского. Но идиллию, утопию нарушает приход окровавленного Бибигона. Вряд ли это Бибигон из сказки К.Чуковского. Он не мал, хотя и борется с кем-то большим, не индюком. Напрасно Якут заклинает: «Кроме нас, в идиллии никого нет и быть не может, иначе это была бы уже не идиллия». «Конец бессмертию». Бибигон – покойный сын Якута и Муры, «гость из Ада». Его появление означает конец Рая, потому что вернулось прошлое. Возникает вопрос: воскрес ли Бибигон или супруги сами умерли?

Грубо говоря, муж и жена всё время до этого заговаривали друг другу зубы, играли словами, изображали испорченную пластиинку. И вот настал момент откровения: «Мура говорит: «...всё, чем жил ты, всё, чем живёшь ты теперь, так или иначе связано со смертью, анатом Якут. ...Дети мои, Якут и Бибигон... Страшные мои дети, чудовища мои...»

Но Строганов не был бы Строгановым, если бы страшная фантасмагория не раскручивалась дальше. Он, как фокусник, вытаскивает из рукава новых действующих лиц. Оказывается, была ещё какая-то девочка. Или крольчиха. Бибигон её бил за то, что она притворяется девочкой. Возможно, на нём кровь этой девочки-крольчихи. У лежащего и спящего Бибигона герои начинают пиршество самообнажения. Оказывается, они понимают, что занимались игрой со смертью, понимают, что извергали «буран», поток бессмысленных слов. Ситуация с Бибигоном, как водится, разрешается убийством (выясняется, что во второй раз). Якут душит сына подушкой и бальзамирует его, то есть Бибигон приближается к ним, уже давно забальзамированным. Собственно, история почти простая, хотя рассказывается поэтапно. Бибигон совершил что-то страшное с девушкой. Отец убил его, и с ним случился инсульт. После того как он

очнулся, Якут понял, что жить дальше по-прежнему нельзя, и отравил себя и жену с помощью чая. Теперь они встретились втроём, вчетвером (с крольчихой) на том свете. В конце текста пьесы можно прочесть примечание: «Автор осуждает практику суицида, одного из самых чудовищных явлений в истории человечества». Это же примечание сопровождает и другие тома. Заметим, что именно пьесу «Якутия» Строганов выбрал в 2004 году для открытия своей Мастерской в Барнауле.

Мистификационность драматургии Строганова и в псевдосемейности, мнимолюбовности многих его пьес. Даже если в них страницами повторяется слово «любовь». Так, «Антропология» начинается с дикого разговора супругов Кобликовых. Писатель Дмитрий Андреевич делится своей мечтой: вот бы «съесть» любимую, и чтобы она внутри него жила. Для реализации этой фантазии приглашается друг семьи, врач. Правда, операция кесарева сечения навыворот затруднит интимные отношения, но зато налицо полная слияньность, без отвлечений. Вспомним ещё эпизод съедания жены Веры Ягнатьевым в романе.

Психодрама и чужие (режиссёры, критики)

Режиссёры находят точки пересечения с автором в мотиве игры. Так, Александр Минаев, репетируя пьесу «Вертиго» в Чехии, говорил, что «гениальность заложена в игре. Человек не то чтобы не имеет ничего общего с окружающим миром, наоборот, он окружающий мир берёт как игру и творит будущее» (из интернета, 2007).

Филологи-критики играют в свои игры. Они почему-то любят рассматривать Строганова в паре. Но если сравнение с Н.Садур правомочно, то сравнение с братьями Дурненковыми – формально. Плетение теоретических кружев вокруг двух (трёх) авторов критиками О.Семеницкой, А.Синицкой, вокруг «барочноманьеристской ветви постмодернизма» в творчестве Строганова мало проясняет его поэтику. Хотя ассоциативность, пиранделлизм у него очевидны. От своих связей с Ионеско и Беккетом он почти не откращивается. Вещизм Строганова, который, конечно, наличествует, ведёт

начало ещё от Гоголя, а не от модернистов XX века. Правильно отмечается критиками и чеховское начало (особенно явное в «Иерихоне»). Ольга Купцова единственная обращает внимание на драмотерапию Строганова, на его профессионально медицинскую книгу «Взаимопроникновение театра и психиатрии...»:

«...значительные произведения драматического искусства представляют собой анализ или уж, во всяком случае, обращение к той или иной форме душевной патологии. Эта мысль – не откровение, это озвучено не раз, но в данном случае упоминание кажется мне уместным» (с.790). «Сам театр является всегда и непременно психотерапевтическим сеансом» (С.789). Настойчивое упоминание в «Нероне» Михаила Чехова не случайно. Купцова поясняет: «трансдраматическая терапия представляет опыт трансформации трёх театральных и театрально-педагогических систем XX в. (К.С.Станиславского, М.А.Чехова и Б.Брехта) в три психотерапевтических метода» (см. сб. Строганова «Книга стихов и пьес». М., 2002 с. 789-798). «...театральная система М.А.Чехова дала базу для метода коррекции атмосфер» (Купцова О. «Драма сознания» Александра Строганова и Клима // Строганов А.Е. Сочинения. Т.10. С.483).

Иными словами, Строганов-психиатр трансформирует театр в медицинскую реальность (методику). Строганов-драматург трансформирует медицину в сценическую реальность. Критики находили сходство методологии Строганова с принципом театротерапии Н.Н.Евреинова, но Евреинов больше режиссер и философ. Евреинов настаивает на понимании театральности как преображения человека, пусть самом примитивном, на инстинктивности театральности. Главное – «не я». У Строганова первично создание иного, параллельного мира. Его театральность изощренная, писатель пользуется для её воплощения всеми достижениями культуры.

При этом Строганов, не следя современной театральной моде, – человек театральный. Он мечтает о своём режиссере. Любит близких по духу актеров (например, С.Дрейден, А.Поднозов). Он разный. Скажем, «Ломбард» – вещь бурлескная, одна из самых смешных у драматурга. Это не капустник, но автор иронизирует над

современным театром, прежде всего над режиссёрами, которые, как и всем драматургам, доставляют ему много огорчений (исключения: К.Нерсесян, А.Дзекун, В.Туманов). Впрочем, в «Ломбарде», разумеется, сохраняется двусмысленность: жизнь-театр, режиссёр-Вседержитель.

На первый взгляд, в пьесе идёт репетиция какого-то спектакля, а где-то наверху, в аппаратной, сидит Режиссёр. Его мы так и не увидим. Может быть, это не репетиция, а сам спектакль. Что играют, не совсем понятно и самим актёрам. Иногда по радио раздается голос мистического руководителя, который направляет своих подчинённых (задаёт тему для импровизации): «Ветеринар», «Пожарник», «Дафнис и Хлоя», «Ломбард». Однако мы так и не узнаем, кто такие пожарник и ветеринар. Любовники актрисы Горбуновой или персонажа, которого она изображает? Кстати, в именах действующих лиц заложена словесная игра: «Конёк» – несчастный муж или бывший муж. Правда, его называют иногда Гоша, иногда Август Иванович. «Горбунова» – жена или бывшая жена. Или бывшая женщина? Под конец выясняется, что она толком не помнит, чем занимаются в постели. И постель какая-то странная. Кровать неведомая сила то подкидывает к потолку, то сбрасывает вниз. В один из резких подъемов Конёк погибает (Конька расшибает об потолок), и его поминают коллеги. Что не мешает покойнику вернуться в качестве полярного лётчика (не из «Двух капитанов»).

Конек-лётчик рассказывает всякие небылицы про Антарктиду. В Антарктиде Конёк среди моржей встретил своего покойного отца. В равной степени и Ломбард – некая абстракция. В него сдают живых людей, отрубленное ухо Ван Гога и ещё бог знает что. Идет обсуждение, можно ли навещать в Ломбарде сданное тело или его часть. Конёк – своего рода Ванька-встанька. Жена несколько фраппирована: муж постоянно умирает и оживает, что не совсем удобно.

Розова (Коньку). Зачем ты пришёл?

Конёк. Захотел есть. Нагулял, знаешь, зверский аппетит.

Розова. Ты же отлетел.

Конёк. Это вполне естественно для лётчика.

Комизм – как и в абсурдизме, так и в том, что при внешней формальной логике разговор приобретает алогичный характер. «Стартуха» от реального понятия, автор очеловечивает животных, оживляет предметы, играет словами.

Конёк. Пингвины, в особенности императорские, пребывают в тяжелейшей депрессии. Не видят перспектив. Ни во что уже не верят. Полный духовный упадок. Пьют безбожно.

Хотя персонажи почти не расстаются, на каждой следующей странице (в каждом следующем эпизоде) встречаются как после долгой разлуки и делают поразительные открытия.

Горбунова. Я спросила – как ты?
Пауза.

Азаров. Так я ведь, Анечка. Гинекологию-то оставил... Вернулся в пожарники.

Горбунова. Лукавишь?

Азаров. Зачем?

Горбунова. А синий галстук?

Пауза.

Розова. Это бабочка, Аннушка.

Горбунова. А бабочка-то синяя.

В финале Конёк всё-таки со вкусом вскрывает себе вены в тазу. Как и в нашей жизни, актёры (мы) плохо или совсем не знают роли, путаются в репликах. А Высшее существо (Режиссёр) не то пьян, определяя нашу судьбу, не то его вовсе нет. Соответственно, мы его боимся, но временами посыпаем проклятья. Помимо четырёх актёров во 2-й части появляются и два фантастических официанта, готовых принести обслуживаемым «всё», т.к. вышло (от кого?) послабление. Есть ещё смешные пародийные монологи Азарова, который решил целовать ножку (без потерянной туфли) Горбуновой-Золушке всю оставшуюся жизнь, но на следующий день выяснилось: его супруга безнадёжно больна и жить ей осталось каких-нибудь 20-25 лет.

В текстах Строганова ощутим дух Сальвадора Дали с его мистификациями, провокациями, совмещением несовместимого. И у Строганова есть свой жираф (в пьесе «Лисицы в развалинах»), хотя и не пылающий. Для его пьес нужны

актёры и театр, легко импровизирующие, склонные к театральному хулиганству, гротеску. Мне кажется, это близко духу петербургского Небольшого драматического театра.

Строганический смех

Ситуация с пониманием и восприятием строгановского творчества в значительной степени связана с вопросом строгановского или строганического смеха. Последняя пьеса драматурга, «Чудо с Мясником», даёт основание для разговора об этом понятии. По всему тексту рассыпаны высказывания персонажей о смешном и комическом. «Я вам так скажу, комическое возникает буквально из ничего», «В сущности, смешно всё – и предметы, и явления, и люди», «Шучу. У меня, знаете, шутки особые. Не всем подходят», «Смеялись. Только и делали, что смеялись. Просто сумасшествие какое-то». Смех в пьесе – преувеличенный, «гомерический». По пустяковому поводу, например, капанья капель в нос из флакона с закрытой пробкой, Мясник смеялся 20 минут. Собственно, и вся пьеса заканчивается противоестественным смехом. В ремарке: «Мясник смеётся. И Николай смеётся. Смех становится всё громче и громче». Также смехом главного героя Михаила заканчивается пьеса-«метаморфоза» «Шахматы шута».

Теоретики литературы по разным поводам любят отсылать читателя к работе М.Бахтина про Рабле и народно-смеховую культуру. К этому стоит прибавить книгу Д.С.Лихачева и А.М.Панченко «Смеховой мир» Древней Руси (Л., 1976). Да, Строганов тоже строит «иничное царство». В данном случае сближение кажется мне уместным. Даже идея Панченко о юродстве как форме русской смеховой культуры, смехового зрелища должна быть близка нашему психиатру.

Для Строганова очень важно двойственное восприятие смешного и страшного. Смешное и страшное у него «ходят в обнимку». Первый акт «Мясника» заканчивается прямым вопросом Мясника: «Стало быть, хотите, чтобы я её разделал? Зарубил и разделал?» До этого ситуация двусмысленна. Зачем бы Вадим привёл жену Анну к профессиональному Мяснику и

просил её принять? В то же время – какого чёрта Вадим рассказывает о достоинствах Анны в общении, если хочет, чтобы она искупила свои грехи смертью? Их разговор напоминает описание Маниловым достоинств мёртвых мужиков. В свою очередь, для Мясника разделывание туш носит эстетически-педагогический характер. «Мне ведь совсем юных приводят (!). И бычков и порослят». В течение почти всей пьесы идёт нагнетание кошмара. До самого финала мы не уверены, убил ли Мясник своих гостей (обоих) во время приступа помешательства или это ему привиделось, когда он потерял сознание. «Мясник» – пародия «Легенды о воскрешении зарезанных мальчиков» А.М.Ремизова. Авторская ссылка имеется. Налицо Мясник с дурной наследственностью. Правда, рассказ о том, как его отец сам себя разрубил и засолил в бочке, совершенно абсурден. Имеется и Николай. Пусть он не слишком похож на Николая Угодника (Николая Мирликийского) – попивает.

В равной степени с народной смеховой культурой барнаульца сближает взаимоотношение смешного и смерти. Строганов отсылает нас к детскому восприятию смерти, но народно-смеховая культура близка детскому сознанию.

Мясник постоянно говорит об убийстве животных и людей, однако и Вадим предстаёт каким-то Синей Бородой. У него на счету по крайней мере две внезапно умершие жены, друг Никита Пантыкин и ещё какие-то внесценические персонажи. Разумеется, об этом говорится не прямо, намёком. Вадим полагает, будто «Смерть способна исправить, вернуть поруганную красоту». А чего стоит рассуждение Мясника о хорошеньких гробах, из которых покойникам удобно выглядывать?! Возникает вопрос: в чём состоит «чудо» с Мясником? В легенде Николай Угодник через 7 лет воскрешает трёх зарезанных Мясником мальчиков. У Строганова Николай поднимает скатерть, и под ней оказываются мешки с мукой вместо ожидаемых двух трупов. «Дуэтным» смехом снимается драматическое напряжение. Хотя сомнение остаётся: перед нами чудо воскрешения или освобождение от болезни, приступа? В этой постоянной двусмысленности – весь Строганов.

Произведения Строганова в широком смысле слова пародийны, хотя буквально нет речи об осмеянии Ремизова или легендарного первоисточника XIII века. Диалог в пьесе явно стилизован под XIX или начало XX века, хотя это не стилизация под Ремизова. Комизм заключается в литературном постмодернистском «столкновении» несовместимых произведений, прообразов. Иногда автор на них прямо указывает, иногда они угадываются. Скажем, Анну прямо называют Офелией («родная сестра», «вылитая»), но и Вадим выступает в качестве Гамлета, оскорбляющего возлюбленную при первой их встрече. В то же время Вадим – аналог Брюно из «Великодушного рогоносца» М.Кроммелинка. Только навыворот. Поэт и ревнивец Брюно заставил жену Стеллу пропустить через свою постель всех мужчин деревни, чтобы обнаружить истинного возлюбленного-соперника. Вадим заставляет друга Пантыкина стать любовником Анны, чтобы тот узнал всех мнимых многочисленных любовников жены.

Литературные ассоциации у персонажей нарочито нелепы. Например, маленького поросёнка Мясник прозвал Росинантом или, уменьшительно, Росей.

Сложность для потенциальных исполнителей пьесы состоит в контрастности, несовместимости черт действующих лиц. Анну Мясник категорически характеризует как ангела, правда, пускается в рассуждения о возможной комплекции ангелов. Вадим, напротив, именует её Вавилонской блудницей. Она якобы рассказывает «истории» из своей жизни с фривольными подробностями. Я уже не говорю об упоминаемой Офелии. Сама Анна раздваивается между готовностью раскаяться, пострадать и уверениями в своей невинности.

Вадим – человек строгий, но его строгость выражается в том, что чашки в его доме должны быть повёрнуты на запад. Аккуратист с засаленными волосами. Он праведник и, видимо, убийца, чувственник.

Мясник – и вовсе фантастическое лицо. Про него сказано, что он «человек библейского содержания. Стало быть, современный человек». Или это намёк на «Легенду»? Сам себя Мясник попросту

именует «улиткой». Солиден – и в то же время напоминает Хлестакова с его «лёгкостью в мыслях необыкновенной». (Мясник: «Так, мысли вслух. Витают. Попробуй их остановить»). Своеобразный гедонизм. «Люди сладости различать не обучены».

Возвращаясь к ассоциациям с Н.Евреиновым, хочу обратить внимание на одну фразу из его статьи «Театрализация жизни». Указывая на театральность испанской культуры, Евреинов замечает: «Даже из грубого ремесла мясника создали изящный спектакль боя быков» (Евреинов Н.Н. Демон театральности. М., 2002. С.59). То, что в последней трагикомедии Строганова грубый мясник превращен в тонкого «артиста», «поэта», – несомненно. Однако в новой игре дразнит свою жертву не только мясник-тореодор, но и жертва дразнит мясника.

Чувства персонажей пьесы избыточны, гипертрофированы. Они сравниваются с извержением Везувия. Тема болезней приобретает издевательски-гротескный характер: «Тяжёлая депрессия, панические атаки, несварение желудка. Почка опустилась, ноги перестали слушаться». Мясник испытывает эмоции «сбитого лётчика» (вспоминается полярный лётчик из «Ломбарда»).

Завершая тему смеха у Строганова, не могу не привести двусмысленную реплику Мясника, близкого автору: «Смех – дело хорошее. Хотя рассудок на некоторое время покидает». Строганов как бы подчёркивает полную освобождённость смеха от любых оков. Его необъяснимость.

Строганов и зритель

Массовый зритель любит в театре известный мелодраматизм и задушевность. Поэтому на афишу будут постоянно возвращаться драмы и комедии 60-х годов. Строганову, как и Евреинову, «задушевность» не близка. Его театр – жёсткий, отчасти жестокий, пусть и в ином смысле, чем у Людмилы Петрушевской. У неё всё-таки жесткость по-женски, эмоциональнее. Он более аналитичен и в то же время комически фантастичен.

В «Шахматах шута» автор как бы сам вопрошает себя: чем я занимаюсь: комбинаторикой (игра в шахматы) или

поисками гармонии? Игра в «вертикальные» шахматы-кубики, поиски идеальной, метафорической композиции Михаилом, которая приведёт окружающих к счастью, благородна и в то же время бессмысленна. Приход каждого нового персонажа – ход «шахматной» фигуры. Ход ложный, который тут же отменяют. Друг семьи Виктор предлагает элементарное насыщение пищей, и оно временно оживляет старых и «малых», но только временно. Диана-охотница Леля (женщина с ружьём) предлагает отправить Михаила в сумасшедший дом, чем проблема идеала как бы и снимается. Тот или иной вариант брака? Тоже не решение. «Загадочный индус» предлагает экзотические ходы с восточной музыкой, медитацией, чтением «Махабхараты». Наконец, проламывание стены гигантской головой Слона (шахматной фигуры? животного?) как бы стимулирует всеобщую гармонию, любовь, омоложение Старухи, бессмертие, но, конечно, идиллия иронична и мнимая. Раздаётся стук в дверь – должна появиться восьмая фигура игры (игра модернизована Михаилом в расчёте на восемь фигур – персонажей). Эта фигура наверняка (как и постоянные случайности в нашей судьбе) нарушит идиллию, смешает все фигуры. Тем не менее Строганов будет неутомимо искать пути гармонизации мира, смеясь и работая.

Всё время думаю о судьбе драматургии Строганова в театре. Многие ли захотят с ней разбираться? Тем более что он совершенно прав, говоря об «оскдении театрального пространства» (с.316 тома 10), о желании уберечь зрителя от излишнего напряжения. Я недавно тоже опубликовал статью об этом «Бережное развитие интеллекта» («Библиотечное дело. 2012. № 7»).

Он очень разный. Если в «Ломбарде» Режиссёр – фигура ироничная и мистическая (к тому же на сцене не появляется), то в «Модесте» столичный режиссер Корсак и его жена Антонина-актриса вполне реальны. Однако сердцевина пьесы – мечта или галлюцинация о воображаемых репетициях спектакля про Модеста Мусоргского с выдающимся старым актёром. Бывшая столичная звезда театра Дронов «залёг» в провинции. Как раз эти репетиции двух актёров (Дронова и Антонины) бенефисны. Могу представить, как бы монологи прозвучали на сцене в исполнении большого актёра. В этой роли мне видится александринец Николай Мартон. В пьесе, её монологах, есть и хорошая традиционность, и возможность для импровизации, пиранделлизм, темперамент, музыкальность.

Понятно, жизнь строгановских пьес не может быть лёгкой, хотя времена лёгких, популярных пьес, в принципе, прошли. Для объёмного понимания драматургии Строганова неплохо бы знать классическую музыку, джаз и рок, мюзикл, классическую живопись, всю мировую литературу и многое другое. Зачем зрителю такие сложности? Театры, озабоченные наполнением кассы, вынуждены обращаться к драматургии прошлого. В то же время каждый год играют одну-две строгановские премьеры в России, Эстонии, Латвии, Польше, Чехии, США. Семь пьес на английском опубликованы в Великобритании. Автор не унывает и пишет прозу, стихи, драмы. Он умён, талантлив, оригинален. Успеха ему и терпения!

ЛАНЦЕЛОТ УЖЕ НЕ ТОТ

Сказка в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Ланцелот
Эльза
Кот
Бургомистр
Юлия-Джули
Цезарь Борджа
Дракон
Герольд
Горожане

Действие первое

Большая просторная кухня со следами чистоты и уюта на каменных стенах. Стол. Четыре стула. Ланцелот со следами пьянства и тоски по подвигам на некогда благородном лице. Впрочем, всё ещё элегантен. Кажется, дремлет.

Перед Ланцелотом – кружка, бутыль, тарелка с увядшей зеленью.

Входит Эльза. Слегка располневшая, но вполне себе ничего. Есть в ней что-то от Дульсинеи, не правда ли. В руках у Эльзы клетка с Котом. Кот явно скучает.

Эльза. Знаешь, я всегда хотела попугая. (Ждёт ответа.) С попугаем хотя бы можно поговорить. На отвлечённые темы. (Водружает клетку на стол перед Ланцелотом). Этот твой жирный прихвостень сожрал уже трёх моих попугаев.

Кот. Хвост мой попрошу не беспокоить.

Эльза. С перьями. И даже не подавился, паскуда.

Кот. Я не виноват. Инстинкты. Ничего личного.

Ланцелот кивает.

Эльза. Он врёт. Он специально. Специально, чтобы меня выбесить. Он считает, что меня нужно держать в тонусе.

Ланцелот кивает.

Эльза. Да пошли вы оба. (Уходит.)

Продолжительное молчание.

Кот. Нет, если ты не хочешь, то, конечно, не напрягайся. Я, безусловно, и так просуществую. Какое-то время.

Молчание.

Кот. Я бы сам вылез, если бы она, зараза, замок не заплавила. Примусом.

Ланцелот лёгким движением руки взламывает клетку. Кот не спеша вылезает, обнюхивает кружку, бутыль, тарелку, пытается пожевать зелень, сплёвывает, разваливается посреди стола.

Кот. Слухи ходят.

Ланцелот наливает себе из бутыли в кружку что-то мутное.

Кот. Люди болтают разное.

Ланцелот пьёт.

Кот. Дураки, конечно, в основном. Болтают-то. Разве же человек, который не дурак, будет болтать.

Ланцелот вяло жует вялую зелень.

Кот. То есть, некоторым болтать по договору положено. Он, может, и не дурак, а в договоре прописано: должностная обязанность – чесать языкком, и никуда ведь не денешься, иди, чеши.

Ноль эмоций со стороны Ланцелота.

Кот. Так вот я и говорю. Те, которые не дураки, но болтают по договору, про слухи эти не болтают. А те, с которыми договор ещё не подписан, те болтают, конечно. Разное. Но они явно дураки, потому что если с тобой никто договор не подписывает, значит, ты дурак, так? Если ты дурак, чего с тобой договор-то подписывать. Ты и болтать-то по договору правильно не сможешь. Так что иди себе, дурак без договора, болтай, чего хочешь. Тебя всё равно никто слушать не будет.

Ланцелот медленно переводит тяжёлый взгляд на Кота.

Кот (поймав взгляд Ланцелота, удерживает его несколько секунд, чтобы удостовериться, что его слышат). Тем более про дракона. (Пауза.) Кто ж в наше время болтает про драконов. (Многозначительная пауза.) Дураки одни. Без договора.

Ланцелот вздыхает, опять впадает в сонное оцепенение. Кот слезает со стола, потягивается. Хочет ещё что-то сказать, но возвращается Эльза. Переоделась в уличное платье, взяла хозяйственную сумку.

Эльза. Я в лавку. (Видит Кота на свободе.) Опять ты его выпустил. И клетку сломал. Молодец. Узнаю своего лихого рубакупарня. Правильно, что нам клетки. Любую вскроем одним пальцем. Ачинить кто будет? Я спрашиваю, кто потом будет эточинить?!

Кот. Зачем?

Эльза. Что?!

Кот. Эльза, милая, нежная Эльза, я только хотел спросить – зачемчинить клетку, из которой только что кого-то выпустили на свободу?

Эльза. Никакая я тебе не милая. И не нежная. (Пытается закрыть сломанную клетку.) Трепло. Сиди, попугаев моих переваривай! Молча! (Уходит, забирает клетку с собой.)

Кот. Эльза, милая, нежная Эльза...

Ланцелот наливает себе в кружку из бутыли.

Кот. Так о чём биши я... Да... Дураки болтают, опять дракона к нам занесло. Какого-то. Не нашего, забугорного. Из-за бугра, который на границе, помнишь? Ты ещё лет пять назад приказывал бугор этот срыть, чтобы к нам никого из-за него не занесло.

Ланцелот кивает.

Кот. Ну, ты же знаешь этих горожан. Им приказ не указ. Лопаты по домам растасчили, потоптались там чего-то, ботинками бугор примяли, а тебе доложили... Доложили?

Ланцелот кивает.

Кот. А как же. А ты, как всегда, поверили на слово. Ох, рыцари, рыцари, что ж вы такие доверчивые-то все...

Вдалеке едва-едва слышится рёв. Ланцелот медленно поднимает голову.

Кот. А я тебе о чём.

Стук в дверь. И снова. И снова.

Кот. Шляются всякие. У своих ключи есть. (Под взглядом Ланцелота.) Иду-иду...

Уходит, возвращается с Цезарем Борджиа. Подчёркнуто элегантен с намёком на изысканную небрежность, неопределённой половой принадлежности.

Цезарь Борджиа. Добрый день, господа.

Кот и Ланцелот молчат.

Цезарь Борджиа. Прекрасная погода сегодня, не правда ли.

Кот и Ланцелот молчат.

Цезарь Борджиа. Кхм. Да-с. Ищу тему для передовицы. Подумал вот, может быть, у вас есть что интересненькое. Инфоповод, так сказать.

Вдалеке слышится рёв.

Цезарь Борджиа. Каково ваше мнение по этому вопросу?

Кот и Ланцелот молчат.

Цезарь Борджиа. Как вы думаете, вмешательство очередного дракона в дела нашего славного города будут способствовать ускорению прогрессивных тенденций или, наоборот, спровоцирует всплеск консервативных настроений?

Молчание.

Цезарь Борджиа. Господин Ланцелот, в вашей семье ожидаются какие-нибудь перемены? Может быть, долгожданное пополнение?

Ланцелот медленно поднимается.

Цезарь Борджиа (пятится к выходу). А впрочем, зачем торопить события, правда. Скоро сами всё узнаем. Всего хорошего. Счастливо оставаться. (Выходит.)

Кот. Легко отделались.

Цезарь Борджиа (заглядывает). Не радуйтесь прежде времени!

Ланцелот садится.

Стук в дверь.

Кот. Стоит на горизонте появиться дракону – и дом рыцаря превращается в проходной двор. Слетаются как на...(Под взглядом Ланцелота.) Иду-иду...

Уходит, возвращается с Юлией. Как и все остальные персонажи, Юлия слегка потрёпана временем. Однако, как известно, у неё всегда было плохо со зрением, поэтому она этого просто не замечает.

Юлия (врывается стремительно). Господин Ланцелот! (В обратную от Ланцелота сторону.) Господин Ланцелот!

Кот. Юлия, когда вы уже купите себе линзы. Так, в конце концов, и покалечить кого-нибудь можно.

Юлия (вплотную разглядывает Кота). Господин Ланцелот, вы наконец-то завели себе попугая?

Кот фыркает, забирается на стол. Наглым образом вылизывается. Ланцелот наливает себе из бутыли в кружку. Бутыль звякает о кружку. Юлия идёт на звук.

Юлия. Господин Ланцелот. (Натыкается на Ланцелота, ощупывает его.) Разрешите, я присяду? (Садится к нему на колени.) Я так лучше вижу.

Кот фыркает.

Юлия. Удивительно невоспитанный попугай.

Кот. Кукареку.

Юлия. Господин Ланцелот. Считаю своим долгом вас предупредить.

Кот. Разнарядку на предупреждение получили?

Юлия. Господин Ланцелот. Я прошу вас оградить меня от... от этого... Никакой дипломатии. Возмутительно.

Кот. Кукареку.

Юлия. Послушайте меня, господин Ланцелот! Это крайне важная информация! Вы слушаете? Я не вижу, вы слушаете? У вас есть примерно три дня, господин Ланцелот! Я видела разведыводки. Этот дракон неместный, он плохо ориентируется в наших реалиях. Сначала он набросится на других рыцарей.

Кот. Помоложе да подурнее.

Эльза. На менее опытных. Вы же знаете, господин Ланцелот, неопытные рыцари сразу лезут на драконов, с открытым – можно сказать, до неприличия открытым – забралом. Но вы же опытный, господин Ланцелот, вы мудрый, господин Ланцелот, вы великий тактик и стратег...

Кот. Да, разнарядка на предупреждение аж на трёх листах, видать...

Юлия. Я не вижу, господин Ланцелот, вы меня слушаете? Так вот, пока этот забугорный дракон будет пожирать менее опытных рыцарей, вы вполне успеете подготовиться.

Кот. К чему?

Юлия. Как к чему? К побегу, разумеется!

Кот (фыркает). К подвигу, вы хотели сказать? Вы, как всегда, сослепу неправильно прочитали в своей разнарядке. К подвигу – у вас там написано.

Юлия. Молодой человек, кто сейчас готовится к подвигам?! Потрясающая недальновидность. Политическая близорукость. Полное отсутствие понимания исторического момента.

Кот. Момент как раз самый тот. Бегать все устали. Самое время для подвигов.

Юлия. Вот и пусть бегают те, кто помоложе! А господина Ланцелота, как достояние, надо беречь!

Ланцелот недовольно ёрзает под Юлией.

Юлия. И потом, вам доктора уже давно запретили подвиги! У вас давление. И поджелудочная. И желчный. И печень. И правое колено с искусственной коленной чашечкой. Нет, положительно, никаких подвигов!

Кот. Очаровательная Юлия. Бессердечная Юлия. Злая Юлия. Как вас там ешё. Ближе к делу.

Юлия. Соберите всё самое необходимое. Самое! Необходимое! Мы предоставим вам надёжное убежище, где вы спокойно сможете переждать экспансию дракона. Откуда вы сможете вести мудрое руководство повстанцами и распределять усилия менее опытных рыцарей. А потом, когда дракон насытится и опять уберётся к себе за бугор, мы обеспечим вам триумфальное возвращение. С поддержкой герольдов, местной знати и постоянных клиентов публичных домов. Без них, к сожалению, сейчас никуда.

Кот. Джакузи там есть?

Юлия. Со всеми удобствами, конечно.

Кот. За джакузи можно подумать, ты как считаешь?

Входит Эльза. С грохотом ставит на пол хозяйственную сумку.

Эльза. Таааак. Я так и знала. Шагу из дома ступить нельзя, чтобы какая-нибудь шалава на него не забралась.

Юлия. Господин Ланцелот, кто это? Я не вижу! Это кухарка? Медсестра? Массажистка?

Эльза. Вон пошла.

Юлия. Как вам не стыдно! Я – работник дипломатических органов! Это визит по вопросам муниципальной важности! (Тем не менее с Ланцелота не слезает.)

Эльза. Много ты наработала этими орга-ми, я погляжу.

Юлия. Господин Ланцелот, я не вижу, кто это? Может быть, мы позовём вашу супругу, Эльзу, милую, нежную Эльзу, чтобы она со свойственной ей утончённостью вежливо выпроводила эту хамскую особу?

Эльза. Вон пошла, я сказала.

Юлия. Эльза, милая, нежная Эльза! (Жёстко.) Следи лучше за своим попугаем.

Кот. Кукареку.

Эльза (очень тихо и твёрдо). Вали. Отсюда.

Юлия (очень быстро, спокойно и покладисто). Хорошо. (Уверенно уходит, ни на что не натыкаясь.)

Эльза, уперев руки в боки, смотрит на Ланцелота. Ланцелот удобнее устраивается на стуле. Кот мурлычет под нос что-то неразборчивое.

Эльза. Что я пропустила?

Кот. Завязку. Беда. Теперь ни черта не поймёшь ни про экспозицию, ни про главного героя.

Эльза. Герой? А кто у нас герой? Да ещё и главный? Мне не послышалось?

Кот (Ланцелоту). Да они у тебя как на подбор. Мечты поэтов. Одна слепая, другая глухая.

Эльза. Герой, у нас котёл проходился, помнишь? Неделю уже в кладовке валяется. Дожили. Суп сварить и то не в чем.

Ланцелот встаёт, идёт к выходу. Эльза придерживает его за локоть.

Эльза (мягко и очень нежно). Ты меня всё ещё любишь, Ланцелот?

Ланцелот какое-то время смотрит на нее, потом высвобождает руку, уходит. Эльза падает на стул, закрывает лицо руками.

Эльза. Папочка, папочка, где ты, папочка. Помоги мне, папочка, мне страшно, страшно, страшно...

Кот гладит Эльзу по голове.

Эльза. Я не выдержу. Я не смогу. Я не хочу, чтобы он опять умирал.

Кот. Ну, он же воскрес в прошлый раз. И в позапрошлый. И в поза-поза...

Эльза. В этот раз может не получиться.

Кот (задумчиво). Мда-с... Ланцелот уже не тот...

Эльза. Отговори его! Я прошу тебя, отговори его! Прости меня, пожалуйста, прости, я больше никогда не буду сажать тебя в клетку, я буду покупать тебе каждое утро крынку сливок, я сама, сама поймаю столько мышей, сколько тебе нужно, только, пожалуйста, пожалуйста, не пускай его!

Кот. Эльза, это его выбор, и я не могу...

Эльза. Можешь. Ты его друг. Он тебя послушает.

Кот. Эльза...

Эльза. Бесчувственное ты животное! Что я, не вижу, как у тебя усы дыбом стоят! Только тебе в этом бою ничего не светит, облезлая твоя морда, бой с драконом – для рыцарей, не для подзаборных всяких!

Кот. Во-первых, давайте обойдёмся без оскорблений. Во-вторых, кто тут вообще говорил о драконе? Тебе послышалось.

Эльза. Люди болтают.

Кот. Так то не люди. Дураки. Не слушай дураков, милая, нежная Эльза.

Эльза. Эта приходила.

Кот. Эта всегда к нему приходит, когда тебя нет. Но ей ничего не светит.

Эльза. Не пускай его. Я прошу тебя, не пускай его.

Кот молчит.

Эльза. Ты же не пустишь его?

Кот молчит.

Эльза. Дай мне слово.

Молчание.

Эльза. Шкуру сдеру.

Молчание.

Эльза. Миленький. Я прошу тебя.

Кот. Хорошо.

Входит Ланцелот. В руках котёл.

Эльза. Починил? Спасибо, милый. Скоро будем кушать. Я сварю твой любимый суп. (*Коту.*) И зажарю баранью ногу.

Кот. А вот это уже шантаж.

Эльза уходит. Ланцелот занимает своё место за столом. Вдалеке опять слышится рёв.

Кот. Сдаётся мне, всё может кончиться быстрее, чем за три дня.

Ланцелот продолжает. Бутыль, кружка, вялая зелень.

Кот. Ну? (*Молчание.*) Что скажешь? (*Молчание.*) Ясно. Если что – я тебя отговаривал.

Кот лезет в один из покосившихся шкафчиков, долго гремит там чем-то. Выуживает мятый тусклый медный тазик. Лезет в другой шкафчик. Достает оттуда домашние овчинные тапочки.

Кот. В славное время мы живём, правда? Абсолютная свобода выбора. Каждый уважающий себя рыцарь – и его верный оруженоносец, конечно, – может абсолютно свободно выбирать между джакузи и драконом. Твоим предкам такое и не снилось. У них джакузи не было.

Раздается оглушительный трубный глас. Кот прячется под стол вместе с тапочками и тазиком.

Входит Герольд.

Герольд. Не нужно вставать! Не нужно приветствий! Ведите себя как можно более естественно и непринуждённо! К вам оплот мира и гарант стабильности! Наш самый скромный и великодушный!

Входит Бургомистр – крепкий моложавый мужчина в военном кителе с множеством знаков различия.

Бургомистр. Всё? Уже можно?

Герольд. Подождите. Рано.

Бургомистр. Ну ладно, заканчивайте при мне. А то там скучно.

Герольд (*проговаривает про себя.*) ...скромный и великодушный... (*Громко.*) Но

при этом не лишённый чувства справедливости! Господин Бургомистр!

Бургомистр. Всё?

Герольд. Всё.

Бургомистр. Благодарю за службу. Свободен. (*Герольд выходит.*) Надо бы сказать пресс-секретарю, чтобы сократил презентацию. Оставить самое необходимое. Ну там, не нужно приветствий, не нужно... бла-бла... скромный, великодушный... Ну и хватит. Здравствуйте, господин Ланцелот.

Бургомистр протягивает руку. Ланцелот сидит. Тянется пауза.

Кот (из-под стола). Кукареку.

Бургомистр (*опускает руку*). А, я слышу, вы всё-таки завели себе попугая. (*Садится за стол напротив Ланцелота.*) Полезное приобретение. Как правило, между попугаями и их хозяевами складывается удивительное взаимопонимание. Попугай и его хозяин говорят одними и теми же словами на любую тему. Идиллия, не правда ли?

Ланцелот молчит.

Бургомистр. Я, собственно, на минуточку. Просто проверить, так сказать, старого друга. Муниципальную гордость. Достояние. Бытовые условия.

Молчание.

Бургомистр. Мы приняли решение об увеличении пенсии для рыцарей на семь и три десятых процента. Для повышения качества жизни.

Кот. Давно?

Бургомистр. Прямо сейчас.

Кот. Великодушие.

Бургомистр. Чувство справедливости! И скромность. Прошу по тексту.

Кот. Гарант стабильности.

Бургомистр. Хороший попугай.

Кот. Кукареку.

Ланцелот наливает из бутыли в кружку. Подвигает кружку по столу в сторону Бургомистра.

Бургомистр. Хм. (*Делает вид, что не может дотянуться.*) Я благодарен за ваше предложение, разумеется. Но, прошу извинить, поджелудочная что-то шалит.

Кот вылезает из-под стола, поддвигает кружку Бургомистру.

Бургомистр. Хм. Ну что ж. Ээээ. Эй, есть там кто?

Входит Герольд.

Бургомистр. Сопроводите, пожалуйста. (*Поднимает кружку.*)

Герольд. В этот знаменательный для судеб наших народов день...

Бургомистр. Не то.

Герольд. В этот день, который навсегда останется в наших сердцах как самый...

Бургомистр. Не то. Проявите гражданскую смекалку.

Герольд. Ээээ... перед лицом неминуемых трудностей?..

Бургомистр (*встаёт*). Вот-вот.

Герольд. Перед лицом неминуемых трудностей, которые неминуемо обрушатся на наш город в силу неминуемых особенностей данного периода исторического развития мы поднимаем этот бокал за то, чтобы все трудности нас благополучно минули при непосредственном участии благородных рыцарей, всех сознательных граждан и постоянных клиентов публичных домов. Без них никуда.

Бургомистр. Аминь. (*Пьёт.*)

Кот. Кукареку.

Бургомистр. Благодарю за службу.

Герольд выходит. Входит Эльза. В руках у неё большой поднос, на подносе фарфоровая супница и блюдо с зажаренной бараньей ногой. Замирает, увидев Бургомистра.

Эльза. Добрый день, господин Бургомистр.

Бургомистр (*лучезарно улыбается*). Эльза, милая, нежная Эльза! Как я рад вас видеть!

Эльза. Я думала, у нас в прихожей привидение. Я забыла, как выглядят ваши герольды.

Слава Богу.

Бургомистр. Давненько, давненько я к вам не заглядывал. Непростительно с моей стороны.

Эльза. Не стоит утруждаться. Вы могли бы пригласить нас с мужем к себе в ратушу. Пососедски. Без герольдов. Правда, милый? Мы бы с радостью.

Бургомистр. Ээээ... У нас ремонт, знаете ли. А новости весьма срочные. Весьма. Позвольте?

Принимает у неё из рук поднос. Помогает накрывать на стол. Вообще очень много суетится. Ланцелот неподвижен. Молчит.

Бургомистр (*хлопча вокруг стола*). Хлеб подорожал на пару монет, но это ненадолго, я уверен. Урожай нынче хороший, это всё лавочники, спекулянты проклятые, цены набивают. Не далее как вчера был замечен косяк диких гусей, пролетевших строго с севера на юг. Это хорошо, значит, зима всё-таки наступит. В связи с наступлением зимы, конечно, нужно будет принять меры, дороги, телеги, то есть, что я рассказываю, вы и сами всё прекрасно знаете. На субботу запланировано пять свадеб, люди вдруг сломя головы бросились жениться. Да, кстати! Мы прибавили пенсии вдовам рыцарей на пять и три десятых процента!

Эльза. Спасибо.

Кот. Жёнам.

Бургомистр (*лучезарно улыбается*). Жёнам. Эльза, милая, нежная Эльза, я хочу поздравить вас с удачным приобретением. На редкость талантливый попугай. Ловит всё на лету.

Эльза. Это брак. Единственный такой из всей кладки. Вообще-то его мама снесла восемь яиц, все остальные нормальные, а этот – вот такой. Талантливый.

Кот украдкой крутит пальцем у виска, мол, перебарщаешь, дорогуша.

Бургомистр. Да, отклонение от нормы – это печально. Но вносит некоторое разнообразие.

Стол тем временем сервирован.

Эльза. Изволите отобедать?

Бургомистр. Спасибо, не откажусь. Поджелудочная, правда, пошаливает.

Кот. А вы супчику вот похлебайт. Он у нас постненький. Жиденький. Как раз для поджелудочной.

Рассаживаются. Ланцелот и Эльза – напротив друг друга с торцов стола. Кот – лицом к залу. Бургомистр – спиной. Некоторое время молча едят. Ланцелот разливает.

Кот. Предлагаю выпить за Эльзу, милую, нежную Эльзу. Хозяйку этого дома. Легенду нашего города. Супругу моего друга. Можно даже сказать, надёжный тыл.

Эльза. Перестань.

Бургомистр. Нет, отчего же. Не нужно стесняться. Эльза, милая, нежная Эльза...

Встаёт. Задевает ногой тазик.

Бургомистр. О, прошу прощения. Что-то там...

Наклоняется. Достаёт тазик. Пауза.
Ланцелот медленно встаёт. У Эльзы в руках мелко-мелко дрожит стакан.

Бургомистр (очень бодро, размахивая тазиком). Да! За Эльзу! За милую, нежную Эльзу, которая представляет собой пример для подражания любой девушке, решившей связать свою жизнь с рыцарем, пример кротости, стойкости, смирения, мужества, то есть, как же это сказать про женщину... сильной женственности, вот!.. и любви, конечно, безусловно, любви.

Кот. Ура.

Эльза (не слушает Бургомистра, смотрит на Ланцелота, но обращается к Коту). Ты мне слово дал.

Кот. Я оруженосец, Эльза.

Ланцелот улыбается Коту.

Кот. Шкуру, говорит, спущу.

Бургомистр. Эльза, милая, нежная Эльза...

Эльза (встаёт, резко – Бургомистру). Сядьте.

Бургомистр от неожиданности садится.

Эльза. И ты.

Ланцелот стоит.

Эльза. Я прошу тебя, сядь.

Ланцелот отходит в сторону и прислоняется к стене.

Эльза. Ах, так. Ну ладно. (Выпивает залпом из стакана, наклоняется, смотрит под стол, залезает туда, достаёт тапочки, ставит их посреди стола.) Ты помнишь, что это? Это твои домашние тапочки. Домашние. Я присмотрела их для тебя ещё до того, как ты появился в нашем городе. Потом... После первого дракона. Когда ты погиб, Кот увёз твоё тело в пещеру и никто не знал, что ты воскреснешь... Я предложила их Генриху. Мне было всё равно. Без тебя мне было всё равно. И... Он их даже примерял. Но, увы, они ему оказались великоваты. Средний размер мужских домашних тапочек в нашем городе – 43. А эти – 43,5. Подумать только, какие-то ноль целых пять десятых. Всего-то ноль целых пять десятых между среднего размера мужчиной и рыцарем. Потом... Когда ты воскрес. Помнишь? Мы нашли этот дом, ты починил камин, я убралась на кухне. Ты сидел в кресле перед камином. Я принесла тапочки и надела их тебе на ноги. Ты сидел в кресле перед камином, а я си-

дела рядом с тобой на полу, и... Я просто сидела рядом с тобой на полу. Перед камином. А на ногах у тебя были тапочки. (Берёт тапочки, подходит к Ланцелоту.) А потом ты их снял и пошёл сражаться со вторым драконом. Потом воскрес второй раз. И я снова принесла тебе тапочки. Потом – третий. Потом... (Протягивает тапочки Ланцелоту. Ланцелот молчит.) Знаешь... Наверное, гораздо легче быть скормленной этой перепончатокрылой твари.

Пауза. Длинная. Это пауза Ланцелота и Эльзы.

Кот (вполголоса). Господин Бургомистр, не обращайте, пожалуйста, внимания. У них сейчас непростой период. Знаете, очередной кризис...

Бургомистр. Самый лучший способ преодолеть семейный кризис – это расстаться ненадолго. Или навсегда.

Вдалеке слышится рёв.

Кот. Это всё базарные слухи. Про драконов. Дураки болтают.

Бургомистр (сухо). Ну почему же дураки. (Встаёт, подходит к Эльзе и Ланцелоту.) Эльза... Милая, нежная Эльза... Вам выпала великая честь быть женой героя. Мы никогда не забудем его подвига. Его имя прославится в веках.

Эльза (смотрит на Ланцелота). Куда уж больше.

Бургомистр (протягивает Ланцелоту тазик). Бой с драконом – не личное дело вашего мужа, Эльза. Это показатель гражданской зрелости. Личным благом необходимо жертвовать, когда речь идёт о спасении нашей общей свободы. Я рад, что господин Ланцелот это понимает. Да что там. Речь идёт о будущем всего человечества.

Кот. Перебор.

Бургомистр. Согласен.

Ланцелот молчит.

Эльза. Если вы не возражаете. Я бы задержала его. Буквально на полчаса.

Бургомистр. Думаю, полчаса у вас есть.

Эльза (Ланцелоту). Пошли, сделаем ребёнка. Я раньше думала, если ты... Не воскреснешь. Опять. Чем виноват ребёнок, что его отец – рыцарь. А теперь думаю... Пусть она будет похожа на тебя.

Пауза. Ланцелот наклоняется и целует Эльзу – быстро, крепко и очень нежно. Потом забирает у Бургомистра тазик.

Эльза. Опять. Опять. Опять...

Эльза с размаху несколько раз бьёт Ланцелота тапочками, куда попало. Ланцелот отрешиенно парирует её удары, стараясь не встретиться с ней глазами. Эльза бросает тапочки, выбегает.

Бургомистр (протягивает руку Ланцелоту). Благодарю за службу.

Кот. Кукареку.

Бургомистр стоит с протянутой рукой. Вдалеке слышится рёв. За дверью раздаются фанфары. Слышатся многократные приветственные крики горожан: «Слава Ланцелоту!»

Кот подбирает тапочки.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Сцена 1

Эльза и Юлия. Где-то в тёмном переулке. Курят.

Юлия. Где он?

Эльза. Поле боя, наверное, осматривает.

Юлия. Он уже знает, где в этот раз поле боя?

Эльза. Как всегда. Куда дракон лапой ткнёт, там и поле.

Молчание. Вздыхают.

Эльза. Джакузи, говоришь?

Юлия. Да ты оптимистка.

Эльза. Я его жена.

Юлия. Он у тебя кремень.

Эльза. Просто разборчивый.

Юлия (беззлобно). Да пошла ты.

Эльза (беззлобно). Отвали.

Вздыхают. Затягиваются. Молчание.

Юлия. Он всегда всё делает наоборот?

Эльза. Я перестала следить за логикой его поступков пять лет назад. После третьего воскрешения.

Юлия. Но всё-таки?

Эльза. Преимущественно да.

Юлия. И как же вы живете?

Эльза. Так и живём. Хочу вытащить его погулять – ложусь спать. Тогда он одевается и выходит. А я его догоняю. Хочу спать – одеваюсь и иду на улицу.

Юлия. А он?

Эльза. А он в это время ложится. А я гуляю, пока не уснёт. Потому что если я вернусь, а он не будет спать...

Юлия. Он встанет и уйдёт гулять?

Эльза. Наверняка.

Вздыхают. Затягиваются.

Юлия. Задержи его.

Эльза. Сама задержи, раз такая умная. (Пауза.) Кстати...

Юлия. Что?

Эльза. Арестуйте его!

Юлия. С ума сошла? За что? Он же герой.

Эльза. Когда это вас останавливало?

Юлия. Не надо грязных инсинуаций.

Эльза. Я ваших служебных терминов не понимаю.

Юлия. Перед боем не арестовывают. Нецелесообразно.

Эльза. А после будет поздно.

Юлия. Увидим.

Эльза. Не увидим. Не увидим. Не увидим.

Юлия. Не каркай. Соберись.

Молчание.

Эльза (бросает сигарету). Я-то соберусь...

Юлия (бросает сигарету). Вот и соберись.

Обнимаются почти по-мужски. Похлопывают друг друга по спинам. Расходятся.

Сцена 2

Появляется Кот. На плече несёт большой, но пока пустой мешок. Делает несколько шагов. Останавливается. Размышляет. Поворачивает обратно. Опять останавливается. Размышляет. Делает несколько шагов спиной вперёд. Останавливается. Поворачивается. Опять пытается на несколько шагов. Садится. Сидит некоторое время. Встаёт. Бросает мешок на землю. Поднимает. Отряхивает. Размышляет. Плётётся через сцену. Уходит.

Сцена 3

Городская площадь. Посередине – завал из деревянных ящиков, торговых столов, каких-то железок, автомобильных шин.

С одной стороны завала под транспарантами «Добро пожаловать, дракон!» скучают несколько горожан. С другой стороны завала под транспарантами «Дракон, убирайся вон!» скучают несколько горожан.

Молчание.

Слышится рёв, совсем близко, почти у них над головами.

Вялое шевеление с обеих сторон завала.

Горожанин 1 (с транспарантом в поддержку дракона, более-менее бодро). Добро пожаловать, господин дракон!

Горожанин 2 (с той же стороны). Да погоди ты. Ещё ничего не ясно.

Горожанин 3 (с транспарантом против дракона). Да ясно всё, чего тут думать-то.

Горожанин 4 (с той же стороны, более-менее бодро). Убирайся домой, грязная скотина!

Молчание.

Горожанин 1. Соседи, никто не знает, кормить сегодня будут, нет?

Горожанин 3. Вас или нас?

Горожанин 2. Вообще.

Горожанин 4. Давайте посчитаем. Сегодня что – четверг?

Горожанин 3. Вроде бы.

Горожанин 4. Воскресенье – кормили и нас, и вас. Понедельник – вас. Вторник – нас. Среда – вас. Стало быть, четверг – нас.

Горожанин 2. Надо бы потребовать внеочередную порцию.

Горожанин 3. Простите, соседи, но вы обнаглили. Второй раз есть два дня подряд – это, знаете ли, просто из ряда вон!

Горожанин 1. Нам положено. У нас риск больше.

Горожанин 4. С чего бы это, интересно??

Горожанин 1. Вообще-то мы внешнего агрессора поддерживаем. У нас энергозатраты. Постоянный стресс.

Горожанин 3. А мы стоим на страже внутренних интересов.

Горожанин 4. И общечеловеческих гуманистических принципов.

Горожанин 3. Да?

Горожанин 4. А как же.

Рёв.

Горожанин 1. Добро пожаловать, господин дракон!

Горожанин 4. Убирайся домой, грязная скотина!

Молчание.

Горожанин 2. Ну, что вы думаете, господа? Бой будет, нет? Домой хочется.

Горожанин 1. Думаю, он всё-таки пойдёт.

Горожанин 3. А я вот не уверен. Не тот он уже, наш Ланцелот.

Горожанин 4. Не тот...

Горожанин 1. Постарел как-то.

Горожанин 2. Разочаровался.

Горожанин 3. Но всё-таки хочется определённости.

Горожанин 1. Рыцарь мёртв – дракон доволен.

Горожанин 3. Дракон мёртв – все довольны.

Горожане 1,2,4. Тс-с-с-с!

Горожанин 2. Рано!

Горожанин 4. Не покормят!

Рёв.

Горожанин 1 (вяло). Добро пожаловать, господин дракон...

Рёв.

Горожанин 4 (бодро). Убирайся вон, грязная скотина!!!

Одобрительное ворчание.

Пауза. Горожане знаками показывают друг другу – «молчи!», «говори!», «сам молчи!», «сам говори!». После некоторого времени переговоров жестами машут друг на друга руками, рассаживаются, отвернувшись.

Появляется Кот. Идёт, не торопясь, через площадь.

Горожанин 1. О, глядите-ка!

Горожанин 2. Это же попугай господина Ланцелота!

Горожанин 3. Точно!

Горожанин 4. Он!

Горожане (хором). Господин попугай!

Кот останавливается. Как раз по центру.

Горожанин 1. Господин попугай, может быть, вы знаете? Бой будет, нет?

Горожанин 3. Кормить сегодня будут, нет?

Горожанин 2. А правда, что в этот раз он может не воскреснуть?

Горожанин 4. А правда, что...

Кот (подбирает какую-то палку, примеряет её в руке, делает несколько махов-выпадов, критически осматривает, отбрасывает, берёт другую, тоже пробует, эта его вроде бы устраивает, кладёт палку в мешок – действия на реплике). Ша, господа горожане. Хватит слухов и домыслов. Пользуйтесь проверенной информацией.

Озадаченное молчание.

Горожанин 1. Дак где ж её взять-то...

Кот (почесав за ухом). И правда, негде. (Выбирает ещё одну палку, тоже кладёт в мешок.) Тогда просто расслабьтесь и пострайтесь получить удовольствие. (Собирается уходить.)

Горожанин 1. Погодите, господин попугай. Скажите, ну хоть... Хоть...

Горожанин 4 (шёпотом). Ребёночка-то они ждут?

Кот. Ребёночка... (Разглядывает что-то, похожее на кастет, тоже отправляет в мешок.) Ребёночка они всегда ждут.

Горожанин 4 (сбит с толку). Ага... ага...

Горожанин 3. И всё-таки. Кормить будут или нет?

Кот. Поинтересуйтесь у волонтёров.

Горожанин 1. Так сегодня пока ни одного не было.

Кот. Хорошая примета.

Горожанин 4. Так ведь и еду не несут.

Кот. Плохая примета.

Собирается уйти.

Горожанин 2. Господин попугай, подождите... Возьмите, вот... (Роется в карманах.) Я вот... дочке, значит, нёс. Ну, это... мало ли, как повернётся. Туда или сюда. Кого покормят, а кого... в общем, вы господину Ланцелоту передайте. (Высаживает из кармана погремушку.)

Кот берёт погремушку, прячет в мешок.

Кот. Да не унывайте, господа горожане. В любом случае на вашей улице будет праздничник!

Над их головами раздаётся оглушительный рёв.

Горожане 1 и 2 (без особого энтузиазма). Добро пожаловать, господин дракон...

Горожанин 3 и 4 (без особого энтузиазма). Убирайся вон, грязная скотина...

Кот машет им лапой, уходит.

Некоторое время горожане скучают.

Потом лениво меняются сторонами и транспарантами.

Сцена 4

Сад около Ратуши. Столик, два плетёных кресла. Столик накрыт к чаю. В кресле сидит Юлия-Джули. Второе кресло пустует. Поодаль скучают два крепких горожанина в чёрном.

Юлия пьёт чай. То есть очень старается пить чай. Она сильно нервничает, поэтому чаепитие плохо получается.

Крепкие горожане в чёрном говорят друг с другом через рукава пиджаков. Одновременно бросаются в кулисы. Там слышится вопль, несколько ударов, возня.

Юлия (бросает свою затею выпить чай). Что там?! Я спрашиваю, что там?! Отставить! Отставить, я приказываю!!!

Крепкие горожане в чёрном возвращаются, тащат мешок. Мешок брыкается.

Юлия. Кто это? Я спрашиваю, кто это?!

Крепкие горожане в чёрном вытряхивают из мешка Кота.

Юлия. Пошли вон! Вон пошли, я сказала, болваны! (Те не уходят.) Так, хорошо. Хотя бы отойдите! Я приказываю! (Не реагируют.) А, чёрт с вами. Пожалуйста. Я прошу вас. Отойдите. (Крепкие люди в чёрном удаляются, но совсем не уходят.) Котик! Котик, миленький! Где он?!

Кот. Осматривается. Рисует тактические схемы.

Юлия (падает в кресло). Уже...

Кот. Вы так отчаянно уговаривали его неходить. Что, конечно же, он пойдёт.

Юлия. Это моя работа! Работа! И больше ничего!

Кот. Поздравляю. Вы отлично выполнили задание. Были чертовски убедительны. Джакузи... Надо же было такое придумать.

Юлия. Джакузи существует.

Кот. Верю.

Юлия. Если бы только... Если бы он хотя бы один раз...

Кот забирается во второе кресло.

Кот (мягко). Вы не Жена ему, Юлия...

Юлия (раскачивается в кресле, уперев руки в колени и спрятав лицо в ладони). Да уж... До жены мне далеко...

Появляется Цезарь Борджиа. Что-то пишет в блокноте. Зачёркивает, опять пишет. Не глядя, хочет присесть на кресло, в котором промостился Кот.

Цезарь Борджиа. ...таким образом, законы Дракона отражают несомненный прогресс в развитии...

Кот. Кукареку.

Цезарь Борджиа. А. Ну да. То есть... Что это?! Вход попугаем сюда запрещён! Эй, вы! Почему здесь этот?!

Юлия. Это мой гость.

Цезарь Борджиа. Гость?

Юлия. Гость. По разовому договору.

Кот. Я попросил бы.

Юлия. По спецприглашению.

Цезарь Борджиа. А. А-а-а. Ну, ладно.

Молчание.

Цезарь Борджиа. Кхм. Есть новости?

Кот. Пеструшка отелилась.

Юлия. Что у вас, Борджиа?! Вы к кому?! Ко мне?! Что у вас?! Давайте, подпишу!

Цезарь Борджиа (отступает от Юлии). Э-э-э... собственно, я... хотел утвердить передовицу... У господина Бургомистра.

Юлия. Его нет! Он на переговорах! Зайдите позже! Завтра!

Цезарь Борджиа. Невозможно. Это как раз на завтра!

Кот. Пока господина Бургомистра нет, набросайте ещё парочку. О прогрессе у вас есть? Напишите ещё про застой и упадок. На всякий случай.

Цезарь Борджиа. Не радуйтесь прежде времени.

Кот. Кукареку.

Юлия. Приходите через час! У меня конфиденциальный разговор! С агентом!

Кот. Я бы попросил.

Юлия. Со специально приглашённым гостем!

Цезарь Борджиа. А. А-а-а. Ну, что же. Зайду попозже. (Утыкается в блокнот.) Вследствие необдуманных поспешных решений новой власти первые дни правления Дракона были омрачены... (Уходит.)

Молчание. Юлия сидит на краешке кресла, качается вперёд-назад, как маятник. Кот меланхолично грызёт сухарик.

Юлия вытаскивает из причёски длинную деревянную острую шпильку. её длинные, всё ещё густые и шелковистые волосы рассыпаются по плечам.

Юлия. Возьми. Осторожно! Она отравлена, разумеется. Передай ему. Когда Дракон склонится над его почти бездыханным телом, чтобы добить... Нужно проткнуть этой твари барабанную перепонку. А дальше – мозг. Яд, конечно, может распространиться и по капиллярам внутреннего уха. Постепенно. Но сразу в мозг будет надёжнее. Придётся ему собрать все оставшиеся силы. Предупреди его, обязательно предупреди, слышишь? Я не вижу, ты слышишь? Предупреди, чтобы оставил капельку сил на эту шпильку. Чтобы не расходовал все сразу. Чтобы распределялся по ходу боя. Чтобы следил за спиной. Бывалые драконы часто бьют в спину. Преимущественно в спину, я бы сказала. Но у них есть уязвимое место. Уши. Я сказала? Уши – их уязвимое место...

Кот встаёт, подходит к Юлии, обнимает её. Юлия перестаёт раскачиваться. Выпрямляется в кресле, смотрит прямо перед собой.

Кот подбирает свой мешок. Аккуратно заворачивает в тряпичку шпильку. Прячет её.

Кот. Не волнуйтесь, Юлия. Не впервые.

Юлия. Он может не воскреснуть. Я чувствую.

Кот. Поверьте, он ценит ваше участие...

Юлия. ...Но мне ничего не светит. Я знаю. Мне не надо. Уже. Пусть просто живёт.

Кот. Я передам.

Юлия (кивает). Иди. Иди. Скоро вернётся Бургомистр.

Кот уходит.

Юлия сидит, неестественно выпрямившись.

Через сцену проходит Цезарь Борджиа, черкает в блокноте, бубнит под нос. Мы слышим только отдельные слова: «девальвация», «национализация», «коммерциализация»...

Юлия сидит, неестественно выпрямившись.

За сценой звучат фанфары. Юлия вскакивает, застывает по стойке «смирно». Входит Герольд.

Герольд. Не нужно вставать! Не нужно приветствий!...

Появляется Бургомистр.

Бургомистр. Всё, хватит, хватит. Дома можно и не надрываться. Идите покушайте. И коллег заберите.

Герольд, горожане в чёрном уходят.

Бургомистр. Юлия, Юлия, очаровательная Юлия! Зачем вы меня обижаете? Ну, вольно, вольно, пожалуйста.

Юлия садится в кресло. Неестественно прямо. Бургомистр устраивается во втором кресле.

Бургомистр. Очаровательная Юлия, вы сменили имидж? Вам очень идёт так, с распущенными... (*Принюхивается.*) Что?.. Как будто попугаем пахнет? Вам не кажется, Юлия?

Юлия. Никак нет.

Бургомистр. Юлия, я же просил... Давайте просто так, по-человечески поговорим.

Юлия. Служу народу.

Бургомистр. Да что на вас нашло? Ну, ладно, по уставу, так по уставу. Докладывайте.

Юлия. Объект направился на осмотр предполагаемого места боя с... с...

Бургомистр. Ну-ну, смелее.

Юлия. С нашим новым драконом.

Бургомистр. Место выбрано традиционное?

Юлия. Не могу знать.

Бургомистр. Эх, было бы здорово, если бы то же, что и в прошлый раз. Можно было бы залезть на крышу с подзорной трубой. Или опять пойдём вживую смотреть?

Юлия смотрит на Бургомистра. Взгляд у неё немного диковатый.

Юлия. Вживую?

Бургомистр. Ну да. Помните, тот дракон был настолько любезен, что после боя поджарил нам мясо на углях?

Юлия. Мясо...

Бургомистр (*отхлебывает чай*). Угу-м. Барбекю, кажется, он это назвал.

Молчание.

Юлия. Господин Бургомистр, неужели так важна эта показательная жертва. Мне кажется, в наше время договариваться с драконами можно и без боя.

Бургомистр. Юлия, вы рассуждаете не-профессионально. Договоренности, подкреп-

плённые жертвой, гораздо надёжнее и доверительнее. Тем более с драконами.

Юлия. Он может не воскреснуть в этот раз.

Бургомистр (*пожимает плечами*). Печально. Все мы когда-нибудь... не воскреснем.

Юлия. Разве нельзя отправить кого-нибудь... помоложе. У нас пять рыцарских школ. Каждый год мы выпускаем пятьдесят новых рыцарей. Чтобы обеспечить достаточное количество случайно пострадавших и невинно убиенных в процессе подготовки боя рыцаря с драконом...

Бургомистр. Юлия, ничто так не разжигает во мне вдохновение, как ваша способность формулировать...

Юлия (*не слушает его*). ...Новый дракон появляется в среднем каждые восемь лет. До боя с Ланцелотом он успевает съесть порядка двухсот семидесяти молодых рыцарей. Таким образом, после нормализации обстановки остаётся...

Бургомистр (*встаёт, обходит кресло Юлии, встаёт у неё за спиной*). Юлия, к чему этот бессмысленный разговор? Вам со мной скучно? Вы ведь профессионал. Вы прекрасно знаете, что периодические испытания очередным драконом необходимы нашему городу. Как говорится, для укрепления сплочённости... А героический Ланцелот – это, так сказать, символ народного единства, моральный и духовный ориентир... Впрочем, кому я это говорю... (*перебирает её волосы, пропускает пряди сквозь пальцы...*)

Юлия. Кажется, сегодняшние реалии таковы... таковы... что горожане и так... достигли необходимой степени сплочённости... без ориентиров...

Бургомистр (*со спиной ей на ушко, вкрадчиво*). Я смотрю, очаровательная Юлия, вы сильно обеспокоены сохранностью господина Ланцелота... А может быть, мы отдадим дракону вас, Юлия? Для пущего эффекта вы можете сначала написать гневную статью в нашу газету... потом дать интервью в прямом эфире... на пленере... потом посидеть в остроге... потом сделать вид, что у вас отнялись ноги... или руки... или не делать вид... Мой новый палач, знаете, такой кудесник... Учился в Тибете... Он может аккуратно до вас до-тронуться... где-нибудь... и вы будете вполне правдоподобны в своей немощи... Потом вы скажете речь перед толпой, уроните слезу, проклянёте дракона публично... а там и до святости недалеко... О, я уверен, вы в своей жертвенности затмите самого Ланцелота... У

него что за подвиги? Так, вышел, мечом помахал, геройски погиб, воскрес... Никакой изюминки... То ли дело ваш случай...

Юлия (*напугана до смерти*). Господин Бургомистр...

Бургомистр (*интимно, на ушко*). Да-а?...

Юлия. Я... Я прошу вас... Я не...

Бургомистр. Что, статус жертвы дракона вас не прельщает, очаровательная Юлия? (*Ласково.*) Кишка тонка? (*Кричит.*) Встать! Равняйся! Смирно! Договоры готовы?! А наша кредитная история? Где?! Кругом! Шагом марш! Иди работай, курица!

Юлия выбегает. Бургомистр какое-то время расхаживает туда-сюда. Поглядывает на часы. Поправляет галстук. Пару раз хлопает в ладоши. Появляются горожане в чёрном.

Бургомистр (*показывает на стол*). Убери-те. Поменяйте.

Горожане уносят кресла и стол. Выносят мебель попроще и построже, стол, два стула. Квадратная бутиль, видимо, с коньяком. Или виски. Два стакана. Лимон на блюдце. Да, всё-таки коньяк.

Горожане уходят.

Бургомистр садится на стул. Ждёт.

Затемнение.

Сцена 5

Улица. С одной стороны появляется Ланцелот. На нём длинное свободного кроя пальто. На голове мятый медный тазик. Из-за плеча выглядывает рукоять меча. Навстречу ему идет Цезарь Борджиа.

Цезарь Борджиа. А, господин Ланцелот! Как я рад нашей нечаянной встрече!

Ланцелот молчит.

Цезарь Борджиа. Вы идёте на поле боя? (*Молчание.*) Или возвращаетесь к супруге, Эльзе, милой, нежной Эльзе? (*Молчание.*) Каков ваш прогноз по поводу результатов очередной экспансии дракона на наш город? (*Молчание.*) А вы слышали что-нибудь о том, что, якобы, между властями города и драконом уже достигнуты предварительные договоренности о развитии экономического сотрудничества после боя? Если бой, конечно, состоится? (*Молчание.*) Существуют ли какие-нибудь факторы, которые могут помешать проведению боя? (*Молчание.*) Кхм... Ладно... Господин Ланцелот... Тогда у меня к вам просьба. Сущий пустяк, право слово. Это только ради сплочения горожан в едином

порыве. В каком порыве – я потом уточню. Если вас не затруднит... нанесите мнеувечье. Ну, как обычно. Аккуратненько. Какое-нибудь не очень тяжелое, совместимое с жизнью. И, желательно, чтобы не мешало отправлять естественные функции. То есть... вы понимаете. Для электората, а особенно для постоянных клиентов публичных домов, увечье её любимого репортера – это, безусловно, дополнительный стимул для...

Ланцелот с размахом бьёт Цезаря Борджиа по лицу. Тот отлетает в сторону, падает. Ланцелот уходит.

Цезарь Борджиа (*крикит, поднимается, размазывает кровь*). Вот спасибо, господин Ланцелот... Это как раз то, что я имел в виду, господин Ланцелот... Вполне себе сносное увечье... (*Отряхивается, позирует, как будто глядя в камеру.*) Вы прекрасно видите,уважаемые зрители, в моём лице, то есть, на моём лице последствия бесчинств дракона и поддерживающих его молодчиков, которые открыто демонстрируют приверженность политике двойных стандартов и, судя по всему, ни перед чем не остановятся, лишь бы навязать нашему городу... Кхм... (*Поворачивается другим боком.*) Надеюсь,уважаемые зрители, вам хорошо видно – это последствия преступных действий сторонников консервативной модели развития нашего города, которые стоят на пути прогресса и реформ, которые господин дракон и его последователи, которые шагают в ногу со временем... Кхм. Ладно. Нормально. Сойдёт. (*Аккуратно трогает разбитый нос.*) Чёрт. Коновал. Просил же – аккуратно...

Появляется Кот. Рассматривает разбитый нос Цезаря Борджиа. Цезарь Борджиа рассматривает мешок Кота. Садятся оба на краю сцены.

Кот. А рука у него ещё ничего. Крепкая.

Цезарь Борджиа. Ланцелот уже не тот.

Кот. Может быть, всё обойдётся.

Цезарь Борджиа. Не радуйтесь прежде времени.

Молчат. Цезарь Борджиа лезет в карман, достает нож для бумаг, конвертов.

Цезарь Борджиа. Вот. Передайте ему. От меня всё равно не возьмёт.

Кот. Ба-а. Да вы бунтарь, господин журналист. Или вы носите это с собой, чтобы красиво зарезаться при случае?

Цезарь Борджиа (*достаёт из кармана носовой платок*). Часы работы городского крематория с 8.30 до 22.00 с перерывом на

обед с 14.00 до 15.00. (Примеривается, прорезает в ткани дыру.) Вы уж проследите, чтобы его не завалили другими... участниками событий. Вынужденными жертвами. Невинными жертвами. Добровольными жертвами. (Начинает раскачиваться, как некогда Юлия, крепко сжимает нож.) Непредусмотренными потерями. Предусмотренными потерями...

Кот (тихонько кладёт ему лапу на плечо, аккуратно забирает нож). Может быть, всё обойдётся.

Цезарь Борджа. Не радуйтесь прежде времени.

Сцена 6

Снова сад. Бургомистр ждёт.

Появляется Дракон. Молодой парнишка в хип-хоповском прикиде. Появляется он из-за спины Бургомистра, идёт, пританцовывая и что-то напевая под нос.

Дракон (из-за плеча Бургомистра). Ну!

Бургомистр (не дрогнув). Добро пожаловать, господин Дракон.

Дракон. Ну блин. Чё ты не шуганулся-то? Я думал, шуганёшься.

Бургомистр. Я шуганулся.

Дракон. Да?

Бургомистр. Конечно. Просто... просто... (придумывает отговорку) ботокс.

Дракон. Чё?!

Бургомистр. Необходимая мера по поддержанию лица в глазах электората. Имеет небольшой побочный эффект – трудность в выражении эмоций. А так-то я шуганулся, конечно, господин дракон. Очень шуганулся. Мы ведь вас только завтра ждали. Я даже и не предполагал, что вы вот так неожиданно появитесь. Шуганулся. А как же.

Дракон. Ладно-ладно, верю, не напрягайся так. Глаза высокочат! О, чё это? Коньчик? Вещь! (Усаживается на второй стул, делает впечатительный глоток прямо из бутылки, закусывает лимончиком. Впрочем, усидеть долго не может, всё время вскакивает, пританцовывает вокруг. По идее, первая эманация Дракона должна ещё и мотреться через слово. Но, в принципе, драконы при необходимости легко обходятся без мата). Ну чё, давай, рассказывай.

Бургомистр. Согласно предварительно достигнутым договорённостям нами подготовлен договор о поставке...

Дракон. Дальше.

Бургомистр. По итогам непродолжительного, но насыщенного событиями периода вашего правления в нашем городе будут приняты законы, направленные на развитие и поддержание...

Дракон. Дальше.

Бургомистр. Э-э-э... После боя ожидается банкет.

Дракон весело хохочет.

Дракон. Он всё-таки придёт?!

Бургомистр. Вероятность выхода рыцаря на бой – от 95 до 99 процентов.

Дракон. Йесccc! Круто-круто-круто! Обожаю помахаться! Кий-я! (Размахивает ногами и руками, подражая киношным и компьютерным героям.) А то чё, скучно так-то, без махача, а, старишок?! Скучно, спрашиваю?!

Бургомистр. Так точно, господин дракон. Скучно.

Дракон. Зрители будут? Девчонок позовём?

Бургомистр. Распоряжения по ведомствам, производствам и публичным домам уже направлены. Демонстранты...

Дракон. Видел-видел. Чё-то они у тебя какие-то вялые, демонстранты твои. Ты их кормишь вообще?

Бургомистр. Сухие пайки выдаются согласно недельной норме рационального питания среднестатистического горожанина мужского пола.

Дракон. Ну-ну. Рациональное питание, говоришь? (Вдруг меняет облик. Теперь это не парнишка, а холёная женщина средних лет в дорогом деловом костюме.) Без боя – никаких договоренностей.

Бургомистр (явно был не готов к смене драконьего облика). В-вопрос о необходимости принесения жертвы... не обсуждается.

Дракон. Молодец. А то я что-то там слышала. Краем уха. Мол, не тот уже ваш Ланцелот, не тот...

Бургомистр. Кто вам такое сказал, господин... жа... дракон. Ни в коем случае. Клевета. Я лично слежу за тем, чтобы Ланцелот оставался в хорошей боевой форме. Не даю расслабляться.

Дракон. Правильно. Нечего рыцарям расслабляться. А то вдруг – дракон! (Прихватывает Бургомистра рукой между ног, хохочет, Бургомистр угодливо, но нервно хихикает.)

Бодрым шагом из-за кулис появляется Цезарь Борджа.

Цезарь Борджа. Внимание! Имею честь со всей ответственностью заявить, что провокационные заявления на тему «Ланцелот уже не тот» являются ничем иным... (*Видит дракона-женщину, сбивается.*) Ничем иным... как...

Дракон. Ну-ну, я слушаю.

Цезарь Борджа. Ничем иным, как попытками дискредитировать нашу легенду и надежду! Грязные политтехнологии, искусственные вбросы информации, фейки и бояны, и больше ничего!

Бургомистр. Благодарю за службу.

Дракон. Это кто?

Бургомистр. Независимая пресса.

Дракон. А-а-а. (*Наливает в два стакана коньяк, подходит, разглядывает Цезаря Борджа.*) Кто ж тебя так, любезный? (*Протягивает журналисту стакан.*)

Цезарь Борджа. Противники, господин дракон.

Дракон. Чьи? (*Всем своим благожелательным видом предлагает чокнуться, а может быть, даже выпить на брудершафт.*)

Цезарь Борджа. Э-э-э...

Дракон. Мои, что ли?

Бургомистр незаметно пихает Цезаря Борджа. В результате стаканы журналиста и Дракона всё-таки встречаются.

Цезарь Борджа. Э-э-э... Это с какой стороны посмотреть, господин...жа... дракон. С одной стороны – противники, а с другой – может, и сторонники.

Дракон. Противники – это хорошо. Это я люблю. (*Пьёт, облизывается.*) И сторонники – это тоже хорошо... Из любого сторонника можно сделать противника. Когда проголодаешься. (*Зубами примеривается к шее Цезаря Борджа, тот не смеет пошевелиться, только жалобно кривит побитую мордочку.*)

Входит Юлия, несёт пухлую папку с документами.

Юлия. Разрешите?

Дракон перевоплощается в крепкого мужчину в военной полевой форме. Бургомистр и Цезарь Борджа нервно вздрагивают. Любые знаки отличия на форме Дракона – на гражданской совести режиссёра.

Дракон. Смотря что.

Юлия. Разрешите войти.

Дракон. Попробуйте.

Юлия. Документы готовы, господин Бургомистр.

Дракон (*подходит к Юлии, разглядывает её с ног до головы.*) А это у нас кто?

Юлия. Никто. Певичка на пенсии.

Бургомистр. Лучший специалист, господин дракон. Если бы не Юлия, Ланцелот перестал бы выходить на бой ещё (*подсчитывает в уме*) три дракона назад.

Дракон. О времена. О нравы. Драконы прилетали и улетали, а рыцари всё продолжали ловиться на бабские разводки...

Цезарь Борджа хихикает, осекается под взглядом дракона.

Юлия. Документы готовы, господин Бургомистр. (*Протягивает папку.*) Разрешите идти.

Бургомистр. Она слегка грубовата, когда не в духе.

Дракон. Не в духе? А почему не в духе, Юлия? (*Наливает в стакан коньяк, подносит Юлии.*) После боя ожидается банкет. Вы же нам споёте? Что-нибудь патриотическое и одновременно про безнадёжную любовь.

Юлия (*упорно не замечает предложенную ей выпивку.*) Простите, господин дракон, я последнее время не в голосе.

Дракон. Что ж, придётся вам вернуться в голос, очаровательная Юлия. Он нам ещё пригодится.

Юлия. Разрешите идти.

Бургомистр. Юлия...

Дракон. Нет-нет, ничего. Пусть идёт. Идите, Юлия. (*Берёт её за горло. Бургомистр и Цезарь Борджа машинально подносят руки к шеям. Дракон, держа Юлию за горло, медленно, смакуя, пьёт. Отпускает Юлию.*) Берегите голос.

Юлия выходит.

Дракон. Н-нус...

Что там у нас с документами. Давайте подписывать. Время поджимает.

Сцена 7

Улица. Выходит Ланцелот. Навстречу ему идет Эльза.

Эльза. Ты не видел кота? Он взял большой мешок и куда-то ушёл. Зачем ему мешок, не знаешь? Обычно в таких мешках тела отвозят в крематорий. Может быть, он устроился подрабатывать? К государственному палачу? После государственных казней всех отвозят в крематорий. Для гарантии. Чтобы не вос-

кресли. (Молчание.) Подвиги. Кому нужны эти подвиги. Тебе не кажется, что людям было бы гораздо спокойнее жить без рыцарей? Тихо. Мирно. Удобно. Никуда не бегать. Ни с кем не спорить. Дракон явился? Ну и что. Полетал, порычал, пару деревень сжёг и успокоился. Красавицу ему скормили, золото поднесли... Потом осядет, обживётся. А там, глядишь, и женится на какой-нибудь. Не красавице, а так, попроще. Пекарню заведёт. Пирожки печь будет. А на досуге – решать проблемы населения. (Молчание.) Я считаю, это правильно. С крематориями. Какой смысл в постоянных воскрешениях. Опять туда же, на тот же круг. Попугай, тапочки, жиценький супчик. (Ланцелот хочет пройти мимо Эльзы, она перегораживает ему путь.) Куда ты идёшь? (Молчание.) А ты не хочешь спросить, куда иду я? (Молчание.) Пойдём вместе? (Ланцелот молчит.) Ну, как хочешь. (Уходит. Ланцелот какое-то время стоит на месте. Потом поворачивается, чтобы пойти за Эльзой. Потом в обратную сторону, куда шёл. Потом опять за Эльзой. Делает шаг, но тут за его спиной возникает Юлия.)

Юлия. Господин Ланцелот! Господин Ланцелот! Как хорошо, что я вас встретила! Я видела вашего попугая, господин Ланцелот. У него мешок, да? Мешок?! (Трясет Ланцелота за грудки.) Ненавижу тебя, ненавижу! Куда ты идёшь?! Туда?! Не ходи, я прошу тебя, не ходи! Пойдём со мной, пойдём, я отвезу тебя в горы, в горах ты сможешь делать всё, что захочешь! Что ты хочешь? Дегустировать вино? Выпиливать лобзиком? Класть плитку? Я всё сделаю. Всем тебя обеспечу и даже не буду просить вынести мусор! (Ланцелот пытается отодрать от себя Юлию.) Нет, нет! Подожди, я не то хотела сказать! Иди лучше домой, домой, к ней, пусть она сидит рядом с тобой и носит твои тапочки, пусть это будет она, чёрт с ней, но иди домой, я прошу тебя!!! (Ланцелот отцепляет от себя Юлию, поворачивается туда, куда шёл, делает шаг. Юлия вдруг понимает, что наговорила много глупостей.) Нет. Подожди, не то....Не то... Наоборот... Не ходи домой. Да. Не ходи домой. И со мной не надо ехать. Не надо. Иди на бой. Конечно. Тебе нужно идти на бой. Ты ведь рыцарь. А это дракон. Рыцари должны биться с драконами. Это правило. Конечно. (Безнадёжно.) Иди.

Ланцелот гладит Юлию по голове. Уходит – туда, куда шёл, то есть не за Эльзой...

как, может быть, и собирался, если бы не Юлия. А Юлия остаётся плакать. А что ещё остаётся.

Сцена 8

Зал в Ратуше. Деревянное резное кресло с высокой спинкой, напоминает трон. Большие мебели нет. На троне сидит Дракон, как был в последнем преображении – крепкий мужчина в полевой военной форме. За троном стоят Бургомистр, Цезарь Борджа, Юлия. Все чего-то ждут. Входит Ланцелот.

Бургомистр. Добро пожаловать, господин рыцарь.

Цезарь Борджа. Добро пожаловать, господин рыцарь.

Юлия. Добро... добро пожаловать, господин рыцарь.

Дракон. Добро пожаловать, господин Ланцелот. Это большая честь для меня – быть вызванным на бой столь прославленным рыцарем.

Ланцелот молчит. Дракон встаёт, медленно подходит к Ланцелоту. Стоит некоторое время напротив. Потом так же медленно обходит его вокруг.

Дракон. А говорите – он уже не тот. Выправка. Разворот плеч. Мягкие пружинящие колени. Цепкий взгляд. Думаю, не помогут ни выражения, ни обманные броски. Даже со спины не ударишь. У вашего рыцаря почти нет слабых мест. Почти.

Ланцелот снимает пальто. Длинным плавным движением вытаскивает меч из ножен за спиной. Поправляет тазик на голове.

Дракон. Как в старое добroе время.

Ланцелот делает резкий выпад, приставляет меч к груди Дракона. Пауза. Потом раздаётся дружный смех. Даже Юлия печально улыбается.

Бургомистр (обрывает смех, сурово). Что вы себе позволяете, господин Ланцелот?!

Цезарь Борджа. Дорогие друзья, нам с вами предстоит дать ответ на один непростой вопрос: что это – тонкая дипломатическая игра или резкая смена курса?...

Юлия (в отчаянии). Я прошу тебя, Ланцелот!

Дракон. Да полно тебе, рыцарь. Что ты как маленький. До сих пор думаешь, что это вот так просто – убить дракона?

Ланцелот опускает меч.

Дракон. У тебя есть два часа, чтобы проститься с родными и близкими. Не будем нарушать традиции.

Входит Эльза.

Дракон. Добрый вечер, милая девушка. Вы кто?

Эльза. Спасибо за «девушку».

Цезарь Борджиа. Это как раз они.

Дракон. Кто?

Бургомистр. Родные и близкие.

Дракон. А. Милая, нежная Эльза. Легендарная спутница легендарного рыцаря. (*Подходит к Эльзе, разглядывает ее.*) Должно быть, это очень тяжело – провожать своего мужчину на бой. А потом ждать. Ждать. И опять ждать. И думать. Думать. Думать. Думать...

Эльза. Заткнись.

Дракон (смеется). Вот это, я понимаю, разговор. Не то что с этими. (*Возвращается на трон.*) Ну. Я слушаю.

Эльза. Боя не будет.

Бургомистр. Э!..

Юлия. Что?

Цезарь Борджиа. Подождите-подождите, мне нужно зафиксировать...

Дракон. Заткнитесь. Съем. Ну-ну. Продолжайте.

Эльза. Я сказала, боя не будет.

Ланцелот подходит к Эльзе. Молча смотрит на неё. Она тоже молчит. Потом дважды хлопает в ладоши. Два горожанина в чёрном вносят второй трон. Устанавливают рядом с троном Дракона. Устанавливают. Устанавливают. Что-то заковырялись они с установкой второго трона. Эльза и Ланцелот всё ещё смотрят друг другу в глаза. Наконец горожане уходят. Эльза целует Ланцелота – быстро, крепко и очень нежно. Проходит и садится на второй трон.

Бургомистр. Эльза, что вы себе позволяете!..

Юлия. Идиотка...

Бургомистр. Что значит – боя не будет?! Как я людям потом объясню?!...

Цезарь Борджиа. Дорогие друзья, на наших глазах происходит попытка перевести конфликт в политико-правовое поле через переговоры...

Дракон. Точно съем. (Эльзе.) Я слушаю вас, Эльза.

Эльза (смотрит перед собой, ровно). Давайте рассмотрим фигурально, что чувствует молекула Водорода в присутствии Кислорода или Хлора. Она вынуждена остро страдать от созерцания элемента, столь крайне противоположного её собственной натуре по всем пунктам. Поскольку она эгоистка, её реакцией будет презрение и ненависть. Но как только она понимает, насколько экстремально её отклонение от совершенного типа монады, эти чувства перейдут в мучительное томление – со стыдом, который только усугубляет её отделённость. (*Молчание.*) Она начинает страстно желать той электрической искры, которая позволит ей утолить её угрызения путём аннигиляции всех тех свойств, которые составляют её разделённое существование и в то же самое время утолить её страсть создания Покоя совершенного типа. Вспышка Ненависти в действительности направлена против самой себя; она является выражением боли и стыда от различённости. (*Молчание.*) Итак, наилучшим образом Любовь можно определить, как вспышку Ненависти, воспламенённой до точки безумия, когда ей требуется убежище в Саморазрушении. (*Молчание.*) В таком случае выходит на самом деле мало общего между Любовью и такими тепловатыми чувствами, как почтение, привязанность, доброта. Непосвящённый, вот кто поплатится вечными муками среди щей и хозяйственного мыла за неумение отличить одно от другого. (*Молчание.*) Живи, Ланцелот.

Дракон выхватывает армейский нож и с размаху вонзивает его Эльзе в сердце.

Эльза всхлипывает. Несколько раз пытается вдохнуть. Умирает. Хотя со стороны практически не заметно, что она умерла. Подумаешь, нож из сердца торчит.

Тишина.

Слышно только что-то, похожее на довольно сътное урчание.

Ланцелот, волоча меч, делает два тяжёлых, тягучих, как по песку, шага. Падает на колени.

Дракон. Это лишнее, рыцарь. Вторую жертву не приму. Я не беспорядочно кровожаден, как это могло показаться. (*За спину.*) Ну, че-го молчим?

Цезарь Борджиа. С-события... разворачиваются по ... незапланированному сценарию...

Дракон. Дурачок, сценарий не может быть незапланированным. Сценарий – он на то и сценарий.

Бургомистр. Мы внесём изменения в сводки.

Дракон. Конечно, внесёте.

Юлия. После боя на городской площади состоится концерт в поддержку... в поддержку...

Дракон. Не утруждайтесь, Юлия, формулировки – это не ваша обязанность.

Юлия. Вход бесплатный...

Дракон. Само собой.

Подходит к Ланцелоту.

Несколько раз смаочно и с удовольствием бьёт рыцаря ногой в высоком армейском ботинке – по голове, в живот. Тазик слетает с головы Ланцелота и, звеня, катится по полу.

Из открытых мёртвых глаз Эльзы текут слёзы.

Дракон. Желание любимой женщины – закон. Боя не будет. (*Хлопает в ладоши, входят два горожанина в чёрном.*) Уберите это. Горожане подхватывают Ланцелота под руки, уволакивают.

Дракон. Н-нус. Чего вы такие грустные. Традиции соблюдены. Дракон сыт. Все довольны. (*Цезарю Борджаиа.*) Ко мне. Новость об отмене боя дракона с рыцарем – быстро. Новость о назначении нового праздника, Дня памяти невинно убиенной Святой Эльзы – следующая. Новость о бесплатном концерте в честь великомученицы – в конце выпускса. Пошёл вон. (*Бургомистру.*) Ты. Плача для рыцаря приготовь. И мешок. Для гарантии. Об остальном после концерта. Исполнить. (*Юлии.*) Ну, а вы...

Юлия. Отдайте его мне.

Дракон. Что?

Юлия. Я прошу вас, господин Дракон, отдайте Ланцелота мне. Я гарантирую, что он вас больше никогда не побеспокоит. Пожалуйста. Отдайте.

Дракон (помолчав). Ладно. Я послушаю, что вы поёте. И тогда поговорим. Свободна. Стоять. Приятное слово – «свободна», да? Всё, топай давай.

На сцене остаются только Дракон и мёртвая Эльза.

Дракон подбирает меч Ланцелота, делает им несколько взмахов, выпадов, рассматривает со всех сторон.

Подходит к трону, на котором сидит мёртвая Эльза.

Дракон. Дурочка. Чего ты добилась-то. Он хотя бы имел шанс воскреснуть.

Ломает меч о коленку. Из открытых мёртвых глаз Эльзы текут слёзы.

Темнота.

Сцена последняя

Опустевшие баррикады. Вперемешку валяются плакаты за и против дракона. Ящики, шины, деревяшки. Вдалеке слышится музыка. Видимо, вовсю идет бесплатный концерт.

Появляются Бургомистр и Ланцелот. У Бургомистра в руках узелок.

Бургомистр. Вы уж извините, господин Ланцелот, что так получилось. Мы никак не могли предположить, что... (*Молчание.*) Мы-то рассчитывали, что всё будет, как обычно. Сразился, умер, воскрес, пошёл домой. (*Молчание.*) Был, конечно, риск, что вы не воскреснете, всё-таки возраст уже и ... прощие обстоятельства. Да. Кхм. (*Молчание.*) В общем, мне кажется, сейчас для вас самым лучшим вариантом будет отправиться в изгнание. Добровольное. Духовные поиски, саморазвитие. Просветление. Да? (*Молчание.*) Кхм. Возвращайтесь лет через пять, хорошо? Думаю, к тому времени назреет необходимость... (*Вдалеке заканчивается песня, раздаётся приветственный рёв толпы, Бургомистр испуганно оборачивается.*) Ну, вы понимаете. Только не раньше. Как кредит выплатим, так и... (*Рёв толпы перекрывает рёв дракона.*) Вот, возьмите. (*Суёт Ланцелоту узелок в руки.*) Тут вам хватит на первое время. Всё, идите, идите. Идите!!! Я прикрою! (*Убегает.*)

Ланцелот стоит один. Молчит. Стоит. Молчит. Потом у него подкашиваются ноги, он неловко присаживается на какой-то ящик.

Появляется Кот – всё с тем же мешком. Присаживается рядом. Какое-то время молчат. Вдалеке Юлия поёт заключительную песню бесплатного концерта памяти Эльзы. Что-то патриотическое и одновременно про несчастную любовь, как и запаздывал Дракон.

Песня заканчивается. Слышатся радостные крики и аплодисменты. Потом наступает тишина.

Ланцелот развязывает узелок. Из узелка на землю со звономсыплются монеты.

Кот открывает мешок.

Достает из мешка отправленную шпильку Юлии, нож для бумаг Цезаря Борджиа, погремушку, тапочки, тот же медный тазик, пальто Ланцелота. Шпильку, нож и ... погремушку... Ланцелот по очереди рассматривает. Шпильку и нож рассовывает по карманам. Погремушку кладёт на какую-то доску на бывших баррикадах. Надевает на голову тазик. На ноги тапочки.

Кот. Прости, я опоздал. И нормальное оружие не достал. Хреновый из меня оружено-сец.

Ланцелот хлопает его по плечу. Подмигивает. Должно было получиться ободряющее, но выходит как-то нелепо и кривовато.

Кот. Ты уверен?

Ланцелот молчит.

Кот. Что уж теперь-то.

Ланцелот молчит.

Кот. Ладно. Как скажешь. Кукареку.

Кот ковыряется в мешке, достаёт палки. Одну протягивает Ланцелоту. Мешок взваливает на плечо. Помогает Ланцелоту подняться и надеть пальто. Поддерживает рыцаря, чтобы тот не упал.

Ланцелот делает усилие, отпускает Кота, делает несколько шагов вперёд. Стоит на авансцене, жалкий и героический. Хочет что-то сказать. И снова. И снова. Машет рукой. Опирается на Кота. Уходят.

Через какое-то время на площадь вбегает Юлия. Оглядывается, мечется по площади. Садится, а точнее, почти падает прямо на землю. Плачет. Из репродукторов звучит её патриотическая песня про несчастную любовь. На баррикадах так и осталась лежать погремушка.

Песню перекрывает рёв дракона.

Конец.

В пьесе использован фрагмент произведения Алистера Кроули «Небольшие эссе относительно Истины. ЛЮБОВЬ».

МОЛОКО

Комедия в семи сценах

Посвящается Е.К.Поповой

Лица:

**ОЛЬГА
ЖАКЛИН
ПАВЛОВ
ВИКАНДР
ЛЁСИК**

И возраст персонажей, и их действия ясны по ходу пьесы, но всё определяет режиссёр. Главное – соответствие замыслу. Нужен ли антракт – решает театр.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Первый этаж загородного дома. Слева в глубине кухня, ближе к авансцене – ванная комната. В центре – гостиная с необходимой мебелью и кроватью. В проёмах окон – афиши о концертах виолончелистки Ольги Бельской, фотографии. На одной, висящей отдельно – смеющаяся Жаклин Дю Пре. Прямо – входная дверь. Справа – спальня. Утро. С разобранной постели на диване только что встали. Из-под одеяла на кровати свешивается рука. ОЛЬГА выходит из ванной комнаты в домашнем халате, поправляя волосы. Убирает постель с дивана в комод. Проходит мимо кровати, глядя на спящую дочь. Из ящика секретера достаёт ключ, отпирает им дверь спальни. Толкает дверь, стоит у притолоки. Входит внутрь. Обходит спальню. Берёт мобильный телефон, нажимает кнопку. На прикроватной тумбочке звонит другой мобильный. Постель «приходит в движение»... Появляется голова и рука, берущая трубку.

ЖАКЛИН. Кто ещё?

ОЛЬГА (изменённым голосом). Продажа колокольчиков! Продажа колокольчиков!

ЖАКЛИН. Каких ещё колокольчиков?

ОЛЬГА. Для счастливой жизни!

ЖАКЛИН. Мама! (Роняет телефон на пол, укутывается в одеяло.)

ОЛЬГА решительно выходит из спальни, прикрывает дверь, подходит к окнам, поднимает шторы.

ОЛЬГА. У-у, какой туман! Посмотри только!

ЖАКЛИН ворочается.

Такого тумана я никогда не видела...

ЖАКЛИН что-то произносит.

Не бурчи. (Подходит к кровати, откидывает одеяло, указывает на окно.) Посмотри на это чудо! Сплошное молоко.

ЖАКЛИН (садится рывком). Я смотрю на тебя и думаю: ты сошла с ума.

ОЛЬГА (отходит). Я сошла с ума. Я – сошла – с ума... Сегодня 14 сентября – день, когда твоя мама сошла с ума. Запомни.

ЖАКЛИН. Надо записать.

ОЛЬГА. Запомни.

ЖАКЛИН. Могу забыть. Сама говорила, память у меня – дырявая.

ОЛЬГА. Сегодня много дел, надо всё успеть.

ЖАКЛИН. Куда спешить?

ОЛЬГА. Много дел, а ты валяешься.

ЖАКЛИН. Все нормальные люди ещё спят. Спят, понимаешь?

ОЛЬГА. А я ненормальна! Я же сошла с ума!

ЖАКЛИН. Но я-то тут при чём?! (Закутывается в одеяло.)

ОЛЬГА. Возможно, они не в силах проснуться! Их пока не разбудили... Проходят столетия, а они всё спят, спят...

ЖАКЛИН. Мама, прекрати.

ОЛЬГА. Работают, едят, танцуют, приходят на мои концерты...

ЖАКЛИН. Не только на твои.

ОЛЬГА. На все концерты! Во все залы, театры, музеи! И всё – как во сне... Их никто не ушипнул, никто не поднёс колокольчик, чтобы разбудить их спящие души...

ЖАКЛИН. Перестань, мама...

ОЛЬГА. Ты хочешь быть похожей на них? Разве такое возможно, чтобы моя дочь была похожа на людей, живущих во сне? Поднимайся.

ЖАКЛИН. С тобой трудно разговаривать по субботам. Хотела выспаться...

ОЛЬГА. Первым делом отвесь мне: снилось ли тебе озеро с лунной дорожкой? Или, быть может, розовый куст в тенистой аллее?

ЖАКЛИН. Мне снились тараканы.

ОЛЬГА. О, это к уборке. Приводи в порядок свою половину комнаты, а я займусь своей.

ЖАКЛИН. Что вдруг?

ОЛЬГА. А после сядем завтракать. Мать и дочь. Семья. Я вчера купила какую-то удивительную ветчину, она отливает медью...

ЖАКЛИН. Мама, а нельзя ли отложить этот план, перенести на другой день?

ОЛЬГА. Нет.

ЖАКЛИН (поднимаясь; увидя приоткрытую дверь спальни). А... почему?

ОЛЬГА. Что почему?

ЖАКЛИН. Почему именно сегодня?

ОЛЬГА. По-моему, мы это уже выяснили. Я сошла с ума именно сегодня. У тебя и впрямь с памятью неважно. Ты права, стоит записывать. Я подарю тебе ежедневник.

ЖАКЛИН. Мама, ты помешана на чистоте. В этом и проявляется твоё сумасшествие. Скоро, чтобы прибраться, ты начнёшь будить меня ночью...

ОЛЬГА. Твоё ружьё не на месте. ЖАКЛИН. Это лук. Спортивный лук.

ОЛЬГА. Какая разница? И то, и другое стреляет. Опасно.

ЖАКЛИН. Уже семь лет у нас в доме спортивный лук.

ОЛЬГА. И все семь лет я напоминаю тебе...

ЖАКЛИН. Разница как между виолончелью и роялем. И то, и другое играет.

ОЛЬГА. Неточно! Виолончель плачет. «У виолончели я учусь петь», — сказал Шаляпин. Рояль не может плакать. ЖАКЛИН. А Шопен?

ОЛЬГА. Только в сонате для виолончели преобладают лиловые оттенки, рояль — только рама. Картину пишет виолончель.

ЖАКЛИН. Ну, хорошо, хорошо, что, помимо моего лука, тебя ещё не устраивает?

ОЛЬГА. Мне очень приятно, что ты покладиста и послушна, доченька... Но... оглянись вокруг: разве нас может устроить в этом мире что-либо, кроме лунной дорожки на озере...

ЖАКЛИН. ...или розового куста в тенистой аллее?!

Пауза.

В наш дом можно водить посетителей и за плату показывать его, как образчик чистоты. Ни пылинки, ни соринки!

ОЛЬГА. Я заметила: когда тебе не хочется что-либо делать, ты начинаешь кричать на мать. А это нехорошо.

ЖАКЛИН. Ты заметила? (Смеётся.) Обратила внимание, да? Я польщена. За двадцать восемь лет ты наконец-то обратила на меня внимание!

ОЛЬГА (после паузы). Видимо, это закон жизни, закон, конечно, несправедливый, но — что поделаешь? От детей трудно ждать благодарности, и я не ропщу. Возможно, всё дело как раз в родительских грехах... И, тем не менее, тем не менее, девочка моя, ты говоришь нехорошо.

ЖАКЛИН. Будишь меня ни свет ни заря всего-навсего для того, чтобы довести до совершенства идеальный порядок, который ты фанатично поддерживаешь изо дня в день, затем упрекаешь меня в неблагодарности к тебе, и всё это смасливаешь мирным семейным завтраком с ветчиной, отливающей медью!..

ОЛЬГА. И впрямь можно поверить, что тебе снились тараканы.

ЖАКЛИН начинает громко красиво петь.

ОЛЬГА. Позволь напомнить тебе...

ЖАКЛИН (не переставая петь). Да-да, мама.

ОЛЬГА. ...своим именем ты обязана Жаклин Дю Пре, несравненной виолончелистке...

ЖАКЛИН (не переставая петь). Как это забыть, мама?

ОЛЬГА. Я убеждена, она не согласилась бы с тобой теперь.

ЖАКЛИН (не переставая петь). Нет, мама, нет.

ОЛЬГА. И! как нельзя назвать гения выдающимся, так же идеальный порядок нельзя довести до совершенства. Следи за своей речью, доченька, я уже предупреждала тебя: небрежность в высказывании мыслей влияет на качество самих мыслей... Это деградация, Жаклин, ею заражено почти всё человечество, — не хочешь же ты быть с упавшим большинством? Так вот... (как же прекрасно ты поёшь!) Сегодня особенный день, и я уведомила тебя об этом, скрыв причину.

ЖАКЛИН (прервав пение, давится от хохота). Значит, есть причина, чтобы скрыть причину?

ОЛЬГА сначала смотрит холодно, потом улыбается, наконец, они смеются вместе.

ОЛЬГА. Негодница! Негодница.

ЖАКЛИН. Ах, мама!

ОЛЬГА. Что «ах, мама!»?

ЖАКЛИН. Ничего.

ОЛЬГА. Нет уж, договаривай.

ЖАКЛИН. Ну... дверь в спальню открыта, это неспроста.

ОЛЬГА (*прислушиваясь к тому, что за окном*). Что за звуки? Слышишь? Этот железный грохот?

ЖАКЛИН. Баки мусорщиков.

ОЛЬГА. Какая насыщенность жёлтым!

ЖАКЛИН. Ежедневная процедура.

ОЛЬГА. Это из-за густого тумана...

ЖАКЛИН. Сколько же лет она заперта? Десять? Пятнадцать? Неужели в моё отсутствие ты ни разу не заглядывала туда?

ОЛЬГА (*подходя к окну*). Туман так плотен, что звук застrevает в нём. Если сыграть на виолончели, будет странный эффект.

ЖАКЛИН. Ты никогда просто так ничего не делаешь.

ОЛЬГА. Да, странный эффект.

ЖАКЛИН *порывается идти в спальню*.

(Оборачивается.) Любопытство не должно возобладать над почтением.

Пауза. ЖАКЛИН колеблется.

Будь великодушна.

ЖАКЛИН. Вот давно хотела узнать твоё мнение, мама...

ОЛЬГА. О чём, дочь?

ЖАКЛИН. Прочитала у Гёте, кажется. И застяло. Что выше – в нравственном смысле – великодушие или решимость?

ОЛЬГА (*с недоумением*). Что вы с Гёте имеете в виду?

ЖАКЛИН. Поступив великодушно, то есть, делая хорошо другим, забываешь о себе и отступаешь от своей цели. А, проявляя решимость, не замечаешь людей вокруг, зато цели добиваешься.

ОЛЬГА. Что сказал Гёте?

ЖАКЛИН. Мне интересно, что скажешь ты.

ОЛЬГА. Слишком округло.

ЖАКЛИН. Округло?

ОЛЬГА. Ценность действия определяется каждой конкретной ситуацией.

ЖАКЛИН. А если «конкретная ситуация» – вся жизнь?

ОЛЬГА. Чья жизнь?

ЖАКЛИН. Ты когда уходишь?

ОЛЬГА. Ухожу? Куда?

ЖАКЛИН. Ну, не знаю куда... В консерваторию, на телевидение, к Лакириной?..

ОЛЬГА. Да, кстати, от Клары Валентиновны тебе привет, вчера вечером разговаривала с ней...

ЖАКЛИН. Мама...

ОЛЬГА. Алику всё хуже и хуже. Доктора опасаются рецидива.

ЖАКЛИН. Мама, ты уходишь куда-нибудь сегодня?

ОЛЬГА. Что, ухожу? Как я могу? 14 сентября.

ЖАКЛИН. И чем особенен этот день?

ОЛЬГА. Ты убрала свой лук, но этого недостаточно. Мне не должно быть стыдно...

ЖАКЛИН. Перед кем? Кто-то придёт?

ОЛЬГА. Всегда должно быть так, что, кто бы ни пришёл, мне не было бы стыдно.

ЖАКЛИН. Великодушие или решимость?

Пауза.

ОЛЬГА. Ты взрослая женщина. Да, у тебя не складывается личная жизнь, и мне, как матери, больно смотреть на твои мучения, но...

ЖАКЛИН. Ты сама родила меня поздно.

ОЛЬГА. Но ты давно должна была понять, самодисциплина – то оружие, без которого не обойтись в одиночестве. Иначе... раздробление, атомизация, гибель... Женщина не должна опускаться. Лень – твой враг. Надо элементарно приучить себя к тому, чтобы окружающее пространство радовало бы тебя саму. Создавать атмосферу жизни для себя, вокруг себя...

ЖАКЛИН. Ты возненавидела меня с тех пор, как я перестала заниматься пением. (*Смеётся*.)

ОЛЬГА. Как я могу ненавидеть тебя, ты – моя дочь? Что ты говоришь?!

ЖАКЛИН. Это тлело и тлеет между нами.

ОЛЬГА. Ничего между нами не тлеет! Даже не произноси подобных вещей!

ЖАКЛИН. Александр Арнольдович говорит, что ещё год-полтора тренировок, и я смогу претендовать на место в сборной.

ОЛЬГА. И прекрасно! Я очень рада. Ты поедешь в Лос-Анджелес и завоюешь олимпийское золото!

ЖАКЛИН. Может быть, в Париж.

ОЛЬГА. Конечно, или в Париж, ещё лучше. Никаких сомнений!

ЖАКЛИН. Правда?

ОЛЬГА. А я буду стоять на трибуне, хлопать в ладоши и говорить всем: «Это моя дочь, это моя дочь, это моя дочь»...

Пауза. **ЖАКЛИН**, демонстративно волоча за собой одеяло, направляется в ванную комнату.

Если не хочешь бутербродов с ветчиной, сделаю омлет.

ЖАКЛИН (в дверях ванной). А что, если я не уйду?

ОЛЬГА. А как же тренировка?

ЖАКЛИН смеётся, закрывая дверь.

Тренировки, что, нет сегодня?

ЖАКЛИН (из-за двери). Я отпросилась.

ОЛЬГА. Что случилось? Ты неважно себя чувствуешь? Это женское?

ЖАКЛИН (выглянув и тут же скрывшись). Да, женское.

ОЛЬГА. Девочка моя, тогда...

Слышно, как **ЖАКЛИН** напевает, чистя зубы. **ОЛЬГА** подходит к двери, поднимает одеяло.

Почему ты перестала заниматься пением?

ЖАКЛИН (выглядывая, с зубной щёткой во рту). Мм?

ОЛЬГА. Почему ты бросила петь?

ЖАКЛИН. Я пою.

ОЛЬГА. Ты же понимаешь, о чём я...

ЖАКЛИН скрывается за дверью. **ОЛЬГА**, бросив одеяло, садится на кровать. Она будто разговаривает с кем-то... **ЖАКЛИН** выходит, присаживается на корточки рядом с мамой.

ЖАКЛИН. Всё предельно просто. Я не хотела выслушивать твоих замечаний. И без пения их довольно.

Пауза. **ОЛЬГА** гладит **ЖАКЛИН** по голове.

ОЛЬГА. Настрадалась от матери...

ЖАКЛИН (поднимаясь). Лук учит выдержке.

ОЛЬГА. Молодец, дочь! (Встаёт, идёт на кухню.) Завтрак будет готов через пять минут. За это время наведи порядок на своей половине.

ЖАКЛИН. Может быть, с этого дня всё поменяется и не будет никаких половин?

ОЛЬГА (готовя завтрак). Что?

ЖАКЛИН. Ну... у тебя будет спальня. Я останусь в гостиной.

ОЛЬГА. Возможно.

ЖАКЛИН. Неприлично: разнополым в одной комнате.

ОЛЬГА (как бы не слыша). Это не отменяет уборки.

ЖАКЛИН. Нет, конечно, нет! Я бы даже сказала, усугубляет её. (Застылает постель и т.п. Подняв мобильный телефон, пишет сообщение.)

ОЛЬГА. После завтрака я попросила бы тебя побыть на кухне.

ЖАКЛИН. Мама, не волнуйся, я уйду.

ОЛЬГА. А как же... твоё недомогание?

ЖАКЛИН. У тебя есть причина недоговаривать о сегодняшнем дне, у меня тоже.

ОЛЬГА. Нет, ну а женские дела?

ЖАКЛИН. Ты не то подумала.

ОЛЬГА. Не то? А что – то?

ЖАКЛИН. Потерпи немножко.

ОЛЬГА хмыкает. **ЖАКЛИН** смеётся тому, что читает в телефоне.

ОЛЬГА. Я сказала что-то смешное?

ЖАКЛИН. Мама, ты всегда говоришь только серьёзное.

ОЛЬГА. Ну уж...

ЖАКЛИН. Да. Объяви, пожалуйста: «Завтрак готов!»

ОЛЬГА. Он ещё не готов, да и ты не всё прибрала...

ЖАКЛИН (театрально). А-а-а!!!

ОЛЬГА. Покричи, покричи... Не получишь омлета с ветчиной.

ЖАКЛИН. Той самой, ржавой?

ОЛЬГА выразительно молчит. **ЖАКЛИН** заканчивает прибирать. **ОЛЬГА** несёт на подносе завтрак, ставит на стол, садится. **ЖАКЛИН** тоже. Какое-то время едят молча.

ОЛЬГА. Ты могла быть с матерью откровенней.

ЖАКЛИН. Это ни к чему хорошему не приводит.

ОЛЬГА. Неправда. Ты могла бы...

ЖАКЛИН. Я стараюсь. Но не сегодня.

ОЛЬГА. А что такого в этом «сегодня»?

ЖАКЛИН. Пока не ответишь ты – и я не скажу.

ОЛЬГА. Это третирование.

ЖАКЛИН. Угу.

ОЛЬГА. Есть личное пространство. Моё личное пространство.

ЖАКЛИН. Закрытая спальня.

ОЛЬГА (*не слушая*). Но я мать! Я обязана знать, что происходит с моим ребёнком!

ЖАКЛИН, засмеявшись, играючи, падает на пол.

Что смешного я сказала?!

ЖАКЛИН. И как пафосно! (*Что-то находит в ворсе ковра, прячет*.)

ОЛЬГА. А ты – дочь. И знать всё о матери не входит в круг твоих обязанностей.

ЖАКЛИН. «Круг обязанностей»! Почему не квадрат? Не треугольник? (*Возвращается за стол*.) Знаешь, из каких цветов состоит мишень? Чёрный, голубой, красный, жёлтый. От края к центру.

ОЛЬГА. Причём тут твоя мишень?

ЖАКЛИН. От края – к центру. Сейчас мы обе попали в молоко. Даже не в чёрное.

ОЛЬГА. Какую прекрасную ветчину я купила. Да, дорого. Но вкусно!

ЖАКЛИН. За твоим трескучим пафосом прячется элементарное любопытство.

ОЛЬГА. Я умру от твоей грубоści.

ЖАКЛИН. Ты бы очень хотела, чтобы день начинался с того, чтобы я выбалтывала о себе всё. А ты бы давала советы. «Ты так не должна поступать, доченька». «Этого делать не надо». «Лучше избежать подобного...» Правда, мама? Это твой идеал нашей совместной жизни.

ОЛЬГА. Почему только отрицательные советы ты мне приписываешь? Я бы могла сказать и: «Поступай только так, доченька, именно так и надо поступать, моя красавица»...

ЖАКЛИН (*фыркая*). Кто считает меня красавицей – не имеет вкуса.

ОЛЬГА. Матери никогда не в счёт, девочка моя.

ЖАКЛИН. Знаешь, как назывался первый фильм, в котором снялась Пенелопа Крус?

ОЛЬГА. Я равнодушна к её карьере.

ЖАКЛИН. «Ветчина»! (*Смотрит на реакцию матери, которой нет*.) Там парень целует её грудь, приговаривая: «Как вкусно». Она спрашивает: «А какой вкус у моей груди?» А он отвечает: «Ветчины».

ОЛЬГА. Фу, какая пошлость!

ЖАКЛИН. Ты находишь это пошлым?

ОЛЬГА. Разумеется. Тебе добавить омлета?

ЖАКЛИН. Я не считаю это пошлым. Что в этом пошлого?

ОЛЬГА. Видишь ли, умение различать... это всё-таки врождённое, а не приобретённое. Либо есть, либо нет. Омлет ещё будешь?

ЖАКЛИН. Считаешь меня неспособной? Я – стрелок. Сама натягиваю тетиву, сама целюсь, сама выпускаю стрелу. В нужный момент. Не дышу. Нет ничего, кроме жёлтого круга, в который надо попасть.

ОЛЬГА. Концентрация на лучшем.

ЖАКЛИН. Задержка дыхания вырабатывается годами.

ОЛЬГА. Конечно, опыт прибавляет шансы.

ЖАКЛИН. Для того, чтобы в нужную долю секунды отпустить тетиву.

ОЛЬГА. Редко получается натренировать.

ЖАКЛИН. И – прямо в цель!

ОЛЬГА. А стрелы ломаются при попадании?

ЖАКЛИН. Что?

ОЛЬГА. Бывает такое, что стрела ломается, вонзаясь?

ЖАКЛИН. Вонзаясь?

ОЛЬГА. Ну, а как ещё назвать это проникновение стрелы в мишень?

Пауза.

ЖАКЛИН. Ты же настраиваешь виолончель...

ОЛЬГА. До, соль, ре, ля. От большой октавы к малой. И важен тембр.

ЖАКЛИН. Спасибо за завтрак. (*Собирает посуду, относит в раковину, моет*.)

Долгая пауза.

ОЛЬГА. Ты поможешь мне выбрать наряд?

ЖАКЛИН. Будь проще. Джинсы и футболка – то, что нужно для свидания.

ОЛЬГА. Я умру от твоей грубоści.

ЖАКЛИН. Нет, мама, ты умрешь от старости.

ОЛЬГА. Почему это?

ЖАКЛИН. Ты хочешь умереть как-то по-другому?

ОЛЬГА. Что за глупый разговор.

ЖАКЛИН. Ты уже дважды сказала, что умрешь от моей грубоści. Не моя инициатива. (*Подходит к платяному шкафу, отворив его, рассматривает содержимое*.)

ОЛЬГА. Может быть, бежевый жакет и юбку меланж?

ЖАКЛИН *фыркает*.

А что? Дымчатый цвет мне всегда шёл...

Пауза.

Или то платье с зелёным отливом, которое мы купили на via Condotti², помнишь? Как же назывался магазин? После мы зашли в Caffe Greco³, но зал Гоголя был перекрыт... Не помнишь?

ЖАКЛИН. Название магазина? Нет.

ОЛЬГА. А о платье что скажешь?

ЖАКЛИН. Оно тебя толстит.

ОЛЬГА. Ну уж!

ЖАКЛИН выразительно смотрит на мать, возвращается к поиску.

Ой, ой, с розами! Я его надевала всего два раза!

ЖАКЛИН (показывая). Вот это? Ты в него не влезешь.

ОЛЬГА. Я точно умру от твоей грубости.

Достав из шкафа, ЖАКЛИН победно демонстрирует ОЛЬГЕ найденное платье.

ОЛЬГА (с недоверием). Ты думаешь?

ЖАКЛИН. Убеждена.

ОЛЬГА. Оно светлое...

ЖАКЛИН. Это единственное светлое платье, которое тебе можно надевать. Кроме того, жемчужный – твой цвет.

ОЛЬГА. Ты никогда не говорила мне... Это цвет третьей части сонаты Рахманинова анданте.

ЖАКЛИН. Живо надевай!

ОЛЬГА (берёт платье). Как ты разговариваешь с матерью?

ЖАКЛИН. В примерочную!

ОЛЬГА. Нет, ну как ты разговариваешь с матерью?! А где примерочная?

ЖАКЛИН указывает на дверь спальни.

ОЛЬГА покорно уходит туда, переодевается. ЖАКЛИН набирает номер мобильного телефона.

ЖАКЛИН (в трубку, негромко). Всё готово? Угу. Маму одеваю. Знаю, знаю. Успею. До встречи!

ЖАКЛИН тоже переодевается: ночная пижама заменена на джинсы и футболку, собирает свою сумочку. В проёме двери спальни появляется ОЛЬГА.

Ты уже видела себя в зеркале?

² улица в Риме.

³ кафе Греко на улице Кондотти, где бывал Н.В.Гоголь.

ОЛЬГА (не отвечает, обходит гостиную, чуть касаясь пальцами предметов). Я благодарна тебе. (Подходит, целует дочь.) Откуда у тебя такой вкус к вещам?

ЖАКЛИН. Где-то убыло, где-то прибыло.

ОЛЬГА. Да уж!

ЖАКЛИН. Ты играешь чужие вещи, как носишь платья, ты – исполнитель. В этом разница.

ОЛЬГА. Разница между чем и чем?

ЖАКЛИН. Кем и кем. Между нами, дорогая мама. (Целует, идёт к входной двери, машет ручкой.)

ОЛЬГА. Уже уходишь? Когда придёшь?

ЖАКЛИН. О, нет!

ОЛЬГА. Я просто спросила.

ЖАКЛИН (возвращаясь). Ах, да... даже при идеальном порядке, бывает, находится давным-давно потерянная вещь. (Из сумочки достаёт что-то, зажимая в кулак.) Готова ли ты к радости, дщерь виолончельная?

ОЛЬГА. Готова, дщерь моя!

ЖАКЛИН (разжимая кулак). Так радуйся же!

ОЛЬГА. «Чёрная капля»! Где ты её нашла? Ну, надо же!.. Я и думать забыла!..

ЖАКЛИН. Удачного дня.

ОЛЬГА. Подожди. Приколи мне её... Как думаешь, подойдёт?

ЖАКЛИН прикальвает сапфировую брошку в виде чёрной капли на платье ОЛЬГИ.

ЖАКЛИН. Изумительно.

ОЛЬГА. Да? Ты так считаешь?

ЖАКЛИН. Надо только что-то сделать с причёской... Adios, amigo⁴!

(Хватает куртку, берётся за ручку двери.)

ОЛЬГА. А что не так с причёской?

ЖАКЛИН. Сумбур вместо музыки...

ОЛЬГА. Думаешь, нужно постричься?

ЖАКЛИН. Налысо! (Выходит.)

Долго звенят, задевая друг друга, дверные колокольчики.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Вечер того же дня. Свет приглушён. Долго звонит мобильный телефон. В спальне с постели в том же жемчужном платье поднимается ОЛЬГА, отвечает на звонок.

ОЛЬГА. Да, дочь. Нормально. Всё нормально. Как у тебя? Скажи: «Навуходоносор». Я слышу. Завтра будешь вся разваливаться...

⁴ До свидания, друг (исп.).

(Выходит босиком в гостиную.) Покажиська, включи камеру. Понятно... А что? Ну, зачем тебе это знать? Ничего это не значит... Вопрос. Я не спрашиваю тебя: когда? – скажи только: вернёшься ли?.. Ну, ты взрослая девочка, только... Что, я давлю? Это я-то давлю?.. (Нажимает «отбой», но тут же вновь звонок.) Что ещё гадкого ты мне хочешь сказать?.. Ой, Павлов, я не тебе. (Включает «громкую связь», кладёт телефон на стол, ходит вокруг, расширяя круги.)

ГОЛОС ПАВЛОВА. А кому? С кем ты только что разговаривала?

ОЛЬГА. Тебе-то что?

ГОЛОС ПАВЛОВА. В самом деле. Я заеду.

ОЛЬГА (кричит). Нет!

ГОЛОС ПАВЛОВА. Ты чего так орёшь? Чем ты там занята?

ОЛЬГА (хочет сорвать, но выдыхает). Я грущу.

ГОЛОС ПАВЛОВА. Акулька не развлекает? (Пауза). Погрустим вместе.

ОЛЬГА. Вряд ли получится.

ГОЛОС ПАВЛОВА. Твой пессимизм никогда не был заразителен.

Звонок в домофон.

Открывай! (Прекращает разговор.)

ОЛЬГА (подходит к домофону, нажимает кнопку). Павлов, ты обнаглел.

ПАВЛОВ (с экрана домофона). Давно и навсегда.

ОЛЬГА. Являться к dame без приглашения... без предупреждения...

ПАВЛОВ. ...самый мужской поступок! Открывай, говорю!

ОЛЬГА. Послушай, не сегодня. Сегодня был трудный день...

ПАВЛОВ. Открывай, хватит чушь молоть!

ОЛЬГА (хныча). Павлов!..

ОЛЬГА нажимает «открыть», возвращается в спальню, надевает чёрные туфли, выходит, закрывает спальню на ключ, открывает входную дверь. В проёме – рука с бутылкой вина и коробкой конфет.

За всю историю человечества мужчины, чтобы соблазнить женщину, не изобрели ничего более оригинального, чем вино и конфеты...

ПАВЛОВ (появляясь). Не знаю, за всю историю не скажу, чем соблазнялись женщины, например, в эпоху плиоцен... Может быть, голеню мамонта? Я соблазняю

по старинке. И... что с тобой? Ты, так всегда следившая за этим, перестала замечать несоответствия в своей речи?

ОЛЬГА. О чём ты?

ПАВЛОВ. О чём я?! Ну, если за всё время мужчины повторяют один и тот же трюк, значит, женщины довольны таким соблазнением! Да здравствуют вино и конфеты!.. Именно факт женского довольства приводит к мужской повторяемости. Успех превращается в тенденцию... А та, в свою очередь, становится традицией. А традиция – это постоянство. Из раза в раз. Так что вот это (показывает вино и конфеты) – длинная цепь успеха мужчин, в веках опробовавших безотказный метод.

ОЛЬГА. Всё-таки ты...

ПАВЛОВ. Да, болтун. Именно болтуны лучше всего пишут! Разрабатывают язык.

ОЛЬГА. Который язык?

ПАВЛОВ. Средство общения! Фонетика, лексика, грамматика, семантика, синтаксис... Оттачивается стиль, рождается свой почерк...

ОЛЬГА. А я думала...

ПАВЛОВ. Да, разрабатывается и тот язык, что во рту – он становится безкостным и очаровывает женщин.

ОЛЬГА (улыбаясь). Что занесло тебя, о, Павлов, в чертог одинокой женщины эпохи увяданья?

ПАВЛОВ. Брось! Какое увяданье? Ты меня ждала, что ли? Так разоделась...

ОЛЬГА. Что, не могу?

ПАВЛОВ (ставит на стол принесённое). Это вино очень идёт к твоему платью!

ОЛЬГА (щурясь, смотрит на винную этикетку). Это же испанское.

ПАВЛОВ. Не просто испанское, а «Бычья кровь».

ОЛЬГА. Ну, и как такое вино пить в этом платье? Пойду переоденусь.

ПАВЛОВ. Не двигайся. Прямое соответствие есть упрощение. Хочешь надеть красное с чёрным, да, Кармен? (Идёт на кухню, берёт штопор, бокалы, возвращается.)

ОЛЬГА. К моему платью, мне кажется, подойдёт шампанское.

ПАВЛОВ. Пропускаем замечание, как незначительное. С одним добавлением: любой алкоголь подойдёт той, кто носит это платье. Содержание важнее обёртки (открывает бутылку, наливает вино в бокалы).

ОЛЬГА. Чего-то вдруг моё платье переквалифицировалась в обёртку?

ПАВЛОВ. С точки зрения филологии, всё правильно, ведь оно обёртывает тело (даёт

бокал Ольге, поднимает свой). А я пью за тот оборот, когда мы столкнулись лбами у доски объявлений Консерватории, узнавая, приняты ли.

ОЛЬГА. Было больно, между прочим.

ПАВЛОВ. Но ты не подала виду. Как и сейчас.

ОЛЬГА хочет что-то сказать... ПАВЛОВ чокается с ней бокалом, выпивает. ОЛЬГА тоже. ПАВЛОВ наполняет бокалы.

ОЛЬГА. Послушай, Павлов, сколько лет мы знаем друг друга?

ПАВЛОВ. Ну, зачем тебе цифры, повышающие давление?

ОЛЬГА. Почему мы с тобой ни разу не переспали?

ПАВЛОВ. Нет, был один раз, когда ты напилась в зюзю, а у меня достало такта не трогать тебя. То есть, да, мы не переспали, но лежали рядом. Раздетые.

ОЛЬГА (настораживается). На дне рождения Лакириной?

ПАВЛОВ. Нет, Клары там, кажется, не было... Это после того, как твой Пупсик оставил тебя.

ОЛЬГА. Это я его оставила!

ПАВЛОВ. Пусть так.

ОЛЬГА. И не называй его Пупсиком.

ПАВЛОВ. Когда виолончель оставила фагота.

ОЛЬГА. Это было у тебя?

ПАВЛОВ. Это не могло быть у меня!

ОЛЬГА. Почему?

ПАВЛОВ. Потому что Акульке было два с половиной года...

ОЛЬГА. У меня, что ли? На Долгоруковской?

ПАВЛОВ. Настолько незначительное событие, что не удержалось в твоей памяти.

ОЛЬГА. Мы же просто лежали рядом.

ПАВЛОВ. Просто лежали.

ОЛЬГА. Как человек с человеком.

ПАВЛОВ. Именно!

ОЛЬГА. Я-то опьяняла...

ПАВЛОВ. Это не так называется.

ОЛЬГА. Хорошо, я надралась.

ПАВЛОВ. Угу.

ОЛЬГА. А ты что же, не выпивал, что ли?

ПАВЛОВ. Выпивал, как же?! Я же тебя утешал.

ОЛЬГА. Ну и, утешая, ты что же, не наклюкался?

ПАВЛОВ. Нет. Я же помню.

ОЛЬГА. Что ты помнишь?

ПАВЛОВ. Всё помню.

ОЛЬГА. Тогда объясни мне... Если, по-твоему, я нализалась, была в разобранном состоянии, как я могла снять с себя одежду?

ПАВЛОВ. Ты и не снимала.

ОЛЬГА. Ты сказал, что мы лежали рядом раздетые.

ПАВЛОВ. Ну да. Её с тебя снял я.

Пауза.

ОЛЬГА (вытирает). А с тебя кто?

ПАВЛОВ. Никто. Я сам.

ОЛЬГА. Как много нового таит в себе прошлое! Ты что, меня раздевал?

ПАВЛОВ. А что мне было делать, оставлять тебя одетой?

ОЛЬГА. Почему нет? Уложил бы, накрыл пледом, и все дела... Не пойму я что-то, Павлов, что произошло в тот вечер?

ПАВЛОВ. Мы напились и легли спать. Что тебя ещё интересует?

ОЛЬГА. Зачем ты меня раздел?

ПАВЛОВ. Потому что думал, что...

ОЛЬГА. ...что можешь овладеть мной? Ах ты, гад!

ПАВЛОВ (будто обращаясь к кому-то). Первая стадия опьянения у этой женщины – подозрительность и лёгкое оскорблечение. (Вытирает.)

ОЛЬГА. Утром я поднялась и пошла в душ, как обычно. Потому что тогда имела привычку спать голой. И тебя рядом не заметила. А когда зашла на кухню, – ты уже пил кофе. Одетый. Был кто-то ещё...

ПАВЛОВ. Да ты всё прекрасно помнишь!

ОЛЬГА. Утро – да.

ПАВЛОВ. А ты больше не спишь голой? Что же на тебе? Пижама? Комбинация? Ночная сорочка? Чему отдаёшь предпочтение?

ОЛЬГА. Павлов, ответь честно... Тебя развезло, и ты просто не смог?

ПАВЛОВ (разливая вино в бокалы). Я был предельно деликатен.

ОЛЬГА. Ты был предельно деликатен и тактичен, поэтому наши жизни не слились.

ПАВЛОВ. Слились-слились... Не произошло слияния тел. Только и всего.

ОЛЬГА. О чём ты сожалеешь?

ПАВЛОВ. Природа некоторых вопросов такова, что следует оставлять их без ответа. (Вытирает.) Это вино терпкое, как ты.

ОЛЬГА. Я терпкая?

ПАВЛОВ. Ещё какая!

ОЛЬГА. Откуда ты знаешь? Мы же не переспали...

ПАВЛОВ. Ты источаешь терпкость!

ОЛЬГА (вытирает). Быть может, именно потому нам с тобой так вольготно друг с другом, что у нас не было постели?

ПАВЛОВ. Их дружеская беседа велась в весёлом ключе...

ОЛЬГА. Хотя ты и напрягся при моём допросе.

ПАВЛОВ. Я напрягся? Я никогда не напрягаюсь.

ОЛЬГА. Что мне в тебе нравится, Павлов...

ПАВЛОВ. Не говори. А то буду развивать это качество, дойду до идеала, и что тогда?

ОЛЬГА. И что тогда?

ПАВЛОВ. Конец личной истории.

ОЛЬГА. Идеал – это конец истории?

ПАВЛОВ. Конец истории – это конец идеала. Я не про то.

ОЛЬГА. А про что ты, Павлов, про что ты?!

ПАВЛОВ. Я про ключи.

ОЛЬГА. Про какие ключи?

ПАВЛОВ. Их же так трудно подобрать...

ОЛЬГА. Как ты прав, Павлов.

Пауза.

ОЛЬГА. Если хочешь знать, ключей – три. Скрипичный. Басовый. Теноровый.

ПАВЛОВ. Я знаю. Я – басовый.

ОЛЬГА. И не один из них не конец личной истории. (*Смеётся.*)

ПАВЛОВ. Три ключа к одному инструменту.

ОЛЬГА. Ключей больше.

ПАВЛОВ. Да? Я должен знать!

ОЛЬГА. С чего бы?

ПАВЛОВ. Пишу твою биографию.

ОЛЬГА. Хватит с тебя диссертации! Налейка!

ПАВЛОВ (*наливает*). Но диссертация – только об одном твоём феномене: синестезии.

ОЛЬГА. А у меня их сколько? (*Вытирает.*)

ПАВЛОВ. Ты феноменальна вообще. Закусывай, а то повторишь тот подвиг.

ОЛЬГА. Подвигом ты называешь то, что я легла рядом с тобой? Ты самокритичен, и это делает тебя человечнее.

ПАВЛОВ. Человечнее кого?

ОЛЬГА. Самого себя, идиот!

ПАВЛОВ. Она легла рядом со мной! Ты рухнула, как спиленная сосна! Это я лёг рядом с тобой!

ОЛЬГА. Почему же сосна? Я ассоциируюсь у тебя с сосновой? Не с берёзкой? Не с осинкой?

ПАВЛОВ. Ты рухнула, как дерево! Без уточнений.

ОЛЬГА. Павлов, а ты жену любил?

ПАВЛОВ. Да.

ОЛЬГА. Бедная Аня. А меня?

ПАВЛОВ. И тебя любил.

ОЛЬГА. Двух женщин любить невозможно.

ПАВЛОВ. Это женское мнение. И потому ошибочное.

ОЛЬГА. Я бы не смогла любить двух мужчин...

ПАВЛОВ. Но любишь же.

ОЛЬГА. Нет.

ПАВЛОВ. Значит, меня не любишь?

ОЛЬГА. Ты – моё лекарство, мой женщень.

Павлов смеётся.

А ты меня и сейчас любишь?

ПАВЛОВ. Куда же деваться-то?!

ОЛЬГА. Ой, не говори так, Павлов, как будто ты в заточении... Заперла тебя, баба несносная, а ты и горючишься...

ПАВЛОВ. Попробовала бы ты меня запереть!.. Лучше попробуй это (*вскрывает коробку конфет*). «Птасе млечко! Оригинальные, Веделевские.

ОЛЬГА. Мне нельзя конфет – я раздаюсь в неприличных местах.

ПАВЛОВ. Во-первых, у тебя таких нет, а, во-вторых, прошу тебя, раздайся! Поешь и раздайся, наконец!

ОЛЬГА. Ты считаешь, я слишком худа?

ПАВЛОВ. Я не про ширь.

ОЛЬГА. А про что?

ПАВЛОВ *делает неопределённый жест рукой. Ольга берёт конфету, пробует.*

ОЛЬГА. Да это же наше «Птичье молоко»!

ПАВЛОВ. Польское. Наши слямзили, сделали торт. Я ведь только что с «Варшавской осени».

ОЛЬГА. Было что-нибудь заметное?

ПАВЛОВ. По твоей части – нет.

ОЛЬГА. Это потому что для виолончели уже всё написано, все слёзы выплаканы.

ПАВЛОВ. Всё искусство вообще завершается. Человечество переходит на спорт. В музыке – кто кого переиграет. Технически. Кто динамичней, у кого пальцы бегают по клавишам, как мыши, или смычок давит на струну изощрённей...

ОЛЬГА. Это как?

ПАВЛОВ. Что как?

ОЛЬГА. Как это изощрённей?

ПАВЛОВ. Не ломай из себя дурочку.

ОЛЬГА. Я не понимаю. Ты сказал: «смычок давит на струну изощрённей», – я не понимаю, как это.

ПАВЛОВ. Придираешься, да?

ОЛЬГА. Да нет же! Я просто не понимаю критерия!.. Этот музыкант давит смычком на струну изощрённее, чем тот, – так, что ли?

Это оценка? Так оценивало жюри струнные инструменты?

ПАВЛОВ. Там нет никакого жюри. Это не конкурс. Это фестиваль. (*Вытирает.*)

Продолжительная пауза.

ОЛЬГА. Между прочим, родители Дю Пре познакомились в Польше, в Татрах.

ПАВЛОВ. Да? Не знал. А знаешь ли ты, что такое «птичье молоко»?

ОЛЬГА. Кажется, в сказках оно было у райских птиц.

ПАВЛОВ. Птичье молоко – то, что отрыгивают родители-птицы своим птенцам вместе с полупереваренной пищей: рыбой, грызунами, насекомыми...

ОЛЬГА. Хорошо, что ты, Павлов, не популяризатор орнитологических знаний.

ПАВЛОВ (*восхищён*). Как ты это выговорила?!

ОЛЬГА. А есть и нейтральный ключ.

ПАВЛОВ. Это для ударных. Не в счёт.

ОЛЬГА. Он не показывает высоту звука.

ПАВЛОВ. Нет.

ОЛЬГА. Вот ты и есть нейтральный ключ.

ПАВЛОВ. Я не могу быть нейтральным.

ОЛЬГА. Почему это?

ПАВЛОВ. Потому что ударные – не моё. Понимаешь, звук виолончели напоминает низкий мужской голос с бархатным тембром. Как у меня.

ОЛЬГА смеётся.

Именно поэтому ты меня и выбрала.

ОЛЬГА. Я тебя выбрала?

ПАВЛОВ. Конечно. Просто магия голоса... «Извините», – сказал я, ударившись о твою голову. И всё. Ты очарована на всю жизнь. (*Подливает вино в свой бокал.*) Я только одного не могу понять... А в каком смысле *идиот*?

ОЛЬГА. Что?

ПАВЛОВ. Ты употребила слово *идиот* по отношению ко мне.

ОЛЬГА. Я? Обозвала тебя идиотом?

ПАВЛОВ. Тоже не помнишь? (*Обращаясь к кому-то.*) Вторая стадия опьянения – не помнить только что произнесённое. Ты сказала, что, признавая ошибки, я становлюсь человечнее самого себя... и добавила: «идиот». Я хочу знать, в каком смысле? В достоевском или в медицинском?

ОЛЬГА. Зачем тебе это знать?

ПАВЛОВ. Чтобы определить степень твоего отношения ко мне.

ОЛЬГА. Степень моего отношения к тебе выше, чем градус у этого вина. (*Наливает себе сама, выпивает.*)

ПАВЛОВ. Умеешь ты сказать. Третья стадия.

ОЛЬГА. Павлов, поди сюда.

ПАВЛОВ *подходит, она привлекает его к себе, целует.*

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Осторожно открывается входная дверь – появляются две тени. Включается общий свет. На пороге – ЖАКЛИН и МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК, они навеселе.

ЖАКЛИН. О! Здравствуй, Павлов.

Пуловер ПАВЛОВА зацепился за брошку ОЛЬГИ, они пытаются расцепиться, но тщетно.

ПАВЛОВ. Привет, Акулька.

ЖАКЛИН. Я бы даже сказала: да здравствует Павлов! Очень хорошо, что мама не одна – легче будет смириться с неизбежным...

ЖАКЛИН проходит мимо ОЛЬГИ и ПАВЛОВА. МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК присаживается на пороге. Одет он просто, но вычурно.

Вас так влечёт друг к другу!

ПАВЛОВ. Это зацеп.

ЖАКЛИН. Подсекай! Она тебя, Павлов, так ждала – утром уборку устроила!

ОЛЬГА. Это должно было когда-нибудь случиться. Знакомь со своим женихом. Он совершенолетний?

ПАВЛОВ *продолжает пытаться расцепиться.*

ЖАКЛИН. Проницательная мама. Поймала Павлова на «Чёрную каплю»...

ПАВЛОВ. Да ты уже, я смотрю, не Акулька, а целая Акула...

ЖАКЛИН пальцем подзывает МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА, подводит к сцепленной паре.

ЖАКЛИН. Это не жених, это мой муж. Мы сегодня расписались.

У ОЛЬГИ подкашиваются ноги, ПАВЛОВ удерживает её.

ЖАКЛИН. Дайте-ка... (Сняв броши, освобождает пару, отводит маму на диван.) Валокордин? Валидол? Капли Зеленина?

ОЛЬГА машет рукой: нет. ЖАКЛИН гладит маму по спине.

Мама, ну... мы обе этого ждали...
Расстраиваться не надо, надо радоваться!
ПАВЛОВ (протягивая руку Молодому человеку). Павлов.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК (пожимая). Je n'en crois pas mes yeux⁵!

ПАВЛОВ. Он что, француз?

ЖАКЛИН. Я смотрю, и у вас всё налаживается, наконец.

ОЛЬГА. Оставь свой развязный тон.

ЖАКЛИН. Этот тон задан вами с Павловым. И мне он не кажется развязным. Тон чистый. Тон высокий.

ОЛЬГА. Прекрати!

ЖАКЛИН. Но, мама, я же так и не познакомила тебя с моим мужем! (Бросается к нему, тянет к маме, представляет.) Ольга Никитична.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Мало сказать: я рад, я безмерно счастлив познакомиться с вами, дорогая Ольга Никитична! (Встаёт на колено, целует руку. Поднимается.) Первый шок пройдёт, а впереди – вся жизнь, полная взлётов и падений, радостей и горестей, очарований и разочарований! Но самое главное – это семья, это тыл, это защита и опора.

На кого нам ещё опираться, как не на семью? Правда ведь?

ОЛЬГА невольно кивает, недоумевая.

Я знал, что в вашем лице встречу поддержку моей жизненной позиции. Это очень важно для дальнейшего совместного проживания. Когда семья – это... сплочённое единство, когда всегда один придёт на помощь другому в ситуации любой сложности! По-моему, именно это и зовётся счастьем! (Наклоняется, лезет к Ольге с поцелуем.)

ОЛЬГА (отстраняясь). Как зовут вас, трибун? И сколько вам лет?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК (щёлкая каблуками, с поклоном). Викандр.

ПАВЛОВ. Как-как?

ВИКАНДР. Имя-отчество в сокращении.

Викентий Андреевич.

ОЛЬГА. А фамилия?

ВИКАНДР. Некрасов-Черняк.

ОЛЬГА. И ты теперь Некрасова-Черняк?

ЖАКЛИН. Нет, мы решили, что я останусь Бельской. По крайней мере, пока выступаю... Всё-таки под этой фамилией меня знают.

ОЛЬГА. Всё-таки да. (Викандру.) У вас голос пунцовский, маковый цвет.

ПАВЛОВ (Ольге). У него голос сладковзвучный...

ВИКАНДР (Ольге). Pardon, это хорошо или плохо?

ЖАКЛИН (Викандру). Мама любой звук ощущает цветом... (Представляет.)

Многолетний друг мамы, музыковед.

ПАВЛОВ. Сколько раз просил не обзываться. Я историк музыки. Historien de la musique.

ВИКАНДР. Моё занятие...

ЖАКЛИН (подмигивает Викандру). Викандр учится на философском факультете.

Он философ.

ПАВЛОВ (с интересом). Да-а-а? И о чём нынче рассуждают современные мудрецы?

ВИКАНДР. Не поверите. C'est la même chose⁶. Бьются над тем же, над чем веками бились их предшественники: познать непознанное.

ПАВЛОВ. Удаётся?

ВИКАНДР. Видите ли... Непознанное – это будущее. Все мы движемся в неизвестное... Жизнь – непредсказуема, как бы нам ни хотелось упорядочить её, непредсказуема даже в своём пике.

ПАВЛОВ. В своём пике?..

ВИКАНДР. Да. Пик жизни – смерть, но и она лишь запятая, поскольку до неё-то жизнь познана, а дальше... Только домыслы. Смерть открывает новое непознанное. Это движение безпределно.

ПАВЛОВ. Но конец должен где-то быть?

ВИКАНДР. В непознаваемом. Что-то познать нам дано, а что-то – нет. За смертью – непознаваемое. У нас близкие профессии. Вы – историк музыки, я – историк мысли. Очень рад, коллега. (Хватает и трясёт руку Павлова.) А почему, кстати, вам не по нраву «музыковед»?

ПАВЛОВ. Как товаровед потому что... А я не товаром занимаюсь.

ВИКАНДР. Да-да, «мозговед» тоже неприятно... Давайте-ка отвлечёмся от

⁵ Я не верю своим глазам (фр.)

⁶ Это то же самое (фр.)

отвлечённых материй, désolé pour la tautologie⁷, и спрыснем знакомство!

ЖАКЛИН. Да, и наши свадьбы!

ОЛЬГА. Никаких свадеб нет. Покажи паспорт!

ЖАКЛИН. Ты что, не веришь мне, мама?

ОЛЬГА. Покажи паспорт, пожалуйста.

ЖАКЛИН достаёт из сумочки паспорт, открывает на нужной странице, подносит к глазам ОЛЬГИ.

Очки, пожалуйста.

ЖАКЛИН оглядывается в поисках, находит очки на этажерке, даёт их ОЛЬГЕ. Та надевает, смотрит.

Павлов, они действительно расписались!

ПАВЛОВ. Мы всё выпили – поздравить нечем.

ОЛЬГА (Викандру). Вы неприлично молоды.

ВИКАНДР. Честно скажу, мне это не мешает.

ОЛЬГА. Но вы совершенолетний?

ВИКАНДР. Я обладаю правами, которые возлагаются на лицо, достигшее восемнадцати лет.

ОЛЬГА. И когда лицо достигло?

ВИКАНДР. Девятого марта сего года.

ОЛЬГА. Однако никто не налагает на вас обязанность немедленно после достижения жениться на моей дочери!

ЖАКЛИН. А моё мнение несущественно?

ПАВЛОВ. Молод, начитан, велеречив. Партия!

ОЛЬГА (Жаклин). Это твой сегодняшний сюрприз? Он удался.

ЖАКЛИН. Твой тоже.

ОЛЬГА (не слушая, к Викандру). Где вы познакомились? Павлов, совсем вина нет?

ПАВЛОВ (поднимает бутылку, смотрит). Двадцать капель.

ОЛЬГА. Нацеди. (К Викандру.) Вы тоже стреляете из лука? Вы в одной команде?

ВИКАНДР не успевает ответить, звонит мобильный телефон ОЛЬГИ, она поднимается, проходит на кухню.

Кларочка, только вспоминала!

ПАВЛОВ выливает остатки вина из бутылки в бокал Ольги.

⁷ извините за тавтологию (фр.)

Почему ты плачешь? (Садится на стул.) Дорогая моя! (Опустив руку с телефоном, сидит неподвижно.)

ПАВЛОВ. Вы неплохо владеете французским...

ВИКАНДР. Тяжёлое парижское детство...

ПАВЛОВ. Вот как!..

ОЛЬГА (выходя из кухни). Павлов, едем к Кларе. Алик умер.

ПАВЛОВ. Алик? (Потрясён.)

ЖАКЛИН. Две свадьбы, одни похороны... Алика жалко.

ОЛЬГА. Не говори глупости. (Надевает плащ.)

ПАВЛОВ прощается молча, взмахом руки. Выходят с ОЛЬГОЙ, какое-то время их ещё слышно: «Ты выпила, поведу я. – И ты пил! Если нас остановят...» ЖАКЛИН стучит по столу, ВИКАНДР ей вторит, они выступают некую мелодию на всех предметах гостиной, двигаясь под неё в диком танце.

ЖАКЛИН. Тебе нравится моя грудь?

ВИКАНДР. Это лакомство.

ЖАКЛИН (смеясь). А какой у неё вкус?

ВИКАНДР. Я могу изобразить его только звуком! (Изображает.)

СЦЕНА ЧЕТВЁРТАЯ

Утро следующего дня. ЖАКЛИН и ВИКАНДР лежат в постели.

ЖАКЛИН. Ты уже не спишь, а притворяешься. (Смотрит на него.) Викеша!

Пауза. ВИКАНДР внезапно набрасывается на неё, ЖАКЛИН визжит.

ВИКАНДР. Съем! Съем! Съем!

ЖАКЛИН. А вот и не съешь!

ВИКАНДР. Почему это?

ЖАКЛИН. Подавиешься.

ВИКАНДР (приостанавливаясь). Об этом я не подумал, рыбка моя!

ЖАКЛИН. Мне нравится быть рыбкой.

ВИКАНДР. И будь! Когда перестанет нравиться быть рыбкой – я назову тебя мышкой, сусликом, овечкой! А пока ты рыбка, плыви в мою заводь!

ЖАКЛИН. А что я получу в твоей заводи?

ВИКАНДР. М-м-м-м-молоки...

ЖАКЛИН. О-о! Только никаким сусликом я быть не хочу! Тем более – овечкой...

ВИКАНДР. Кем же ты хочешь быть?
ЖАКЛИН. Я хочу быть... леопардой!
ВИКАНДР. Давай-ка разберёмся. Спокойно, без эмоций. Пока ты рыбка – самое большое, что может случиться – я подавлюсь костью. И это ещё приемлимо. А когда станешь пантерой...

ЖАКЛИН. Леопардой!
ВИКАНДР. Любой кошачьей самкой крупных размеров... у тебя же – когти.

ЖАКЛИН. Когти!

ВИКАНДР. И зубы.

ЖАКЛИН. Зубы!

ВИКАНДР. Следовательно, возможен летальный исход. Меня это не устраивает, знаешь ли... Так что, мышка, суслик или овечка. И точка.

ЖАКЛИН (вырываясь из его объятий, перескакивает на другую сторону кровати). Я что же, рыбка костлявая, да? Ты находишь меня худой?

ВИКАНДР. Ты не худая, ты хорошая. А насчёт костлявости: дальнейшее покажет будущее.

ЖАКЛИН. Ах, так?

ЖАКЛИН дубасит ВИКАНДРА подушкой. Он спрыгивает с кровати и, замотанный одеялом, убегает от догоняющей ЖАКЛИН. Наконец, падают в постель, тяжело дыша.

ВИКАНДР. Сколько ты выбиваешь очков? Максимально?

ЖАКЛИН. Если пять стрел, то один раз было – двадцать три из двадцати пяти.

ВИКАНДР. Ого!

ЖАКЛИН. А знаешь, с какой скоростью летит стрела?

ВИКАНДР. Я знаю скорость движения сперматозоида.

ЖАКЛИН (с укоризной). Э-э! Философ! (Отворачивается.)

ВИКАНДР (надевает трусы). Напрасно... напрасно ты так относишься к первопричине мира. Это знание необходимо человечеству, если оно хочет и дальше воспроизводить потомство. (Обходит гостиную, рассматривая афиши и фотографии.) Чем моложе организм, тем скорость сперматозоида больше и, следовательно, шанс проникновения в яйцеклетку выше.

ЖАКЛИН поднимается, оглядываясь на ВИКАНДРА, берёт лук.

При его микроскопическом-то размере пройти надо огромный путь – семнадцать

сантиметров по маточной трубе, преодолевая препятствия. И за определённое время: даются всего сутки. (Берётся за ручку двери спальни, толкает: заперто.) Миллионы сперматозоидов не выдерживают гонки и умирают. Зато один выживший... (Поворачивается.)

ЖАКЛИН направляет лук со стрелой на него. ВИКАНДР медленно продолжает движение, ЖАКЛИН держит его «на мушке».

Давно подумываю назвать свою первую работу «Путь сперматозоида».

ЖАКЛИН. Поступи сначала.

ВИКАНДР. Зачем ты сказала, что я уже учусь?

ЖАКЛИН. Неудача в этом году ведь не отменяет твоего решения в следующем? Так что, – поступишь, и мои слова станут соответствовать реальности...

ВИКАНДР. А если не поступлю?

ЖАКЛИН. Я научу тебя выдержке.

ВИКАНДР. Вижу, ты уже начала. ЖАКЛИН. И первое, что ты должен запомнить: скорость стрелы больше двухсот километров в час.

ВИКАНДР. Опаснее зубов и когтей.

ЖАКЛИН. Сопоставимо.

ВИКАНДР. Так весело ещё никто не начинал семейную жизнь.

ЖАКЛИН. Я знала, кого выбрать.

ВИКАНДР (приближаясь). Неужели невозможно увернуться?

ЖАКЛИН. Хочешь попробовать?

ВИКАНДР. Ты не просто леопарда, – ты леопардища.

ЖАКЛИН. Рядом со мной и ты станешь леопардом.

ВИКАНДР. Думаешь, об этом я мечтаю? (Вплотную подходит к Жаклин, почти утыкаясь в стрелу.)

ЖАКЛИН. А как ты хочешь выжить в этом мире? (Опускает лук, ослабляет тетиву.)

ВИКАНДР. А я не хочу выживать. Я хочу жить.

ЖАКЛИН. И тебе удаётся. (Смеётся.) Пошли завтракать! (Бежит на кухню.) Ты не против вчерашней ветчины?

ВИКАНДР. Как я могу быть против чего-нибудь вчерашнего?

ЖАКЛИН (смеясь). То есть, подтверждаешь свою роспись?

ВИКАНДР. Куда ж деваться!

ЖАКЛИН. Ой, не говори так, будто заточила я тебя, снежная королева, в ледяной дворец

на веки вечные! Мы же договорились – мы свободны от пут. Никакого насилия! Дверь открыта всегда. Я понимаю – разница в возрасте...

ВИКАНДР. При чём тут разница в возрасте?!

ЖАКЛИН. Ага! Первый семейный скандал!

ВИКАНДР (*подходит к ней*). Ты бы выстрелила?

ЖАКЛИН. Да ты что?!

ВИКАНДР. Нет, я другое хотел спросить...
При каких обстоятельствах ты бы выстрелила?

ЖАКЛИН (*целует его в голову*). Только чтобы защитить тебя.

ВИКАНДР (*кричит*). Не разговаривай со мной, как со щенком! Где завтрак, жена? Почему он ещё не подан? Ты что забыла, что я люблю на завтрак вчерашнюю ветчину?

ЖАКЛИН (*смиренно*). Сегодняшняя ночь отбила у меня память, о муж мой!

ВИКАНДР. Даже представить страшно, что останется от твоей памяти через год-другой...

*Целуются, садятся завтракать.
Продолжительная пауза.*

ЖАКЛИН. Викеш, подай, пожалуйста, масло...

ВИКАНДР. Пожалуйста.

ЖАКЛИН. Спасибо.

Пауза.

ВИКАНДР. Не могла бы ты передать кусочек сыру?

ЖАКЛИН. Кусочек сыру?

ВИКАНДР. Да. Un morceau de fromage⁸.

ЖАКЛИН. Avec plaisir⁹.

ВИКАНДР. Merci beaucoup¹⁰.

ЖАКЛИН. De rien¹¹.

Пауза.

Могу я задать тебе вопрос? Это не отвлечёт тебя от поедания сыра?

ВИКАНДР. Отвлечи меня, пожалуйста, а то я его весь сожру.

ЖАКЛИН. А о чём ты мечтаешь?

ВИКАНДР (*смеясь*). Что с тобой? Вопрос для анкеты «хочу всё знать»?

ЖАКЛИН. Ну почему бы жене не поинтересоваться: какая она, мечта её мужа?

⁸ Кусок сыра (фр.)

⁹ С удовольствием (фр.)

¹⁰ Большое спасибо (фр.)

¹¹ Не за что (фр.)

Может, удастся воплотить её вместе? Леопардом ты стать не мечтаешь...

ВИКАНДР. А, анкета «кем хочешь быть»! Мечта – она единична. Не раздваивается.

ЖАКЛИН. А единство двух?

ВИКАНДР. Иллюзия. Человек рождается один. Умирает один. И мечтает один.

ЖАКЛИН. А хочет жить этот человек вдвоём...

ВИКАНДР. Взаимопроникновение индивидуумов – на эмоциональном, психологическом, психическом и физическом уровнях – не исключает возможности единения мечты... Со временем. ЖАКЛИН. То есть – у меня есть шанс?

СЦЕНА ПЯТАЯ

Открывается входная дверь: это ОЛЬГА. ЖАКЛИН и ВИКАНДР затаиваются. ОЛЬГА бросает сумочку, валится, не раздеваясь, на диван.

ЖАКЛИН выглядывает из кухни. На цыпочках подходит к матери, наклоняется к ней.

ОЛЬГА (*приподнявшись*). Ой, как ты меня напугала!

ЖАКЛИН. Прости.

ОЛЬГА. Голова раскалывается. Не думала, что ты дома.

ЖАКЛИН. Не только я.

ОЛЬГА. А кто ещё? (*Поднимается с дивана.*) А, «Скафандр» тоже здесь?

ВИКАНДР (*выглядывая из кухни*). Bon retour, Olga Nikitichna¹²!

ЖАКЛИН. Его можно звать, как он хочет – Викандр, можно Викеша, как его зову я, можно просто Викентий.

ОЛЬГА. Я буду звать его «Вересаев».

ВИКАНДР. Идёт!

ОЛЬГА. Ой, голова, голова. (*Присаживается к столу.*)

ЖАКЛИН. Но-шпа? Аспирин? Панадол?

ОЛЬГА. Отсечь.

ЖАКЛИН. Ложись, я заварю тебе мятный чай. Поесть не хочешь?

ОЛЬГА показывает жестом, что нет...

ЖАКЛИН идёт на кухню.

Как Клара Валентиновна?

ОЛЬГА. Плачет. (*Прикрыв глаза, массирует висок.*)

¹² С возвращением, Ольга Никитична (фр.)

ВИКАНДР шепчет ЖАКЛИН на ухо, та идёт к постели, приносит ему одежду на кухню. ВИКАНДР одевается. ЖАКЛИН готовит чай. ВИКАНДР подсаживается к столу.

ВИКАНДР (Ольге). Вчера вышло всё сумбурно... Без подобающих в таких случаях обоюдных расспросов...

ОЛЬГА приоткрывает один глаз.

Считаю необходимым поправить. А вы?

ОЛЬГА кивает.

Стакан скорее полон. Обнадёживающее взаимопонимание, благодаря вас. Итак, первый и главный вопрос: как вы вообще относитесь к институту брака?

ОЛЬГА делает попытку что-то сказать...

Поясню: есть множество теорий, почему люди сходятся. Перечислять всё – утомлять вас, но вряд ли наш случай можно отнести к разряду частых, чтобы не сказать, что он уникален.

ОЛЬГА. Уникальность заложена в неповторимости каждой пары.

ВИКАНДР. Согласен. Не спорю. Но тут другое... Когда впервые я услышал имя вашей дочери (не каждый день в наших широтах встретишь подобную диковину) – я припал! Стал копать, что оно означает... И что же? Жаклин – «вытесняющая, преследующая, обгоняющая»... И я завибрировал.

ОЛЬГА открывает второй глаз.

Потому что Викентий с латинского – «побеждающий». Вот и всё! (Торжествующе смотрит на Ольгу.)

ОЛЬГА. Что всё?

ВИКАНДР. Как бы она ни догоняла, я одержу победу.

ОЛЬГА. Тогда ваше «бьёт» любое женское имя.

ВИКАНДР. Не скажите. Совершенно не подходит, к примеру: Елена, «светлая»... получится, я победитель света... Или Агния – «невинная». Ещё хуже... Или вообще Зоя, означающая «жизнь». Нет-нет, Жаклин идеальное имя для моей жены. Вот такой расчёт. Voilà!¹³

ОЛЬГА. А... Виктория?
ВИКАНДР. Что Виктория?
ОЛЬГА. Оба победители.

ВИКАНДР. По-видимому, отношения непредсказуемы, я избегаю женщин с таким именем...

ЖАКЛИН (приносит чайник, чашку, ставит на стол, Ольге). Достаёт тебя философ?

ВИКАНДР. Отвлекаю Ольгу Никитичну от головной боли...

ОЛЬГА. И, надо сказать, успешно! Я... как это?.. припала.

ВИКАНДР (Ольге). Продолжим обсуждать насущное?

ОЛЬГА. Продолжим, Вересаев.

ВИКАНДР. Да, Вересаев самый известный из Викентиев. Были ещё архитектор, лётчик, учёный... Жена, перемести-ка приборы в гостиную. Попьём чай вместе, по-семейному.

ОЛЬГА смотрит на ЖАКЛИН, которая безропотно идёт на кухню, выполняет сказанное.

Вы позовите? (Наливает Ольге мятный чай.)

ОЛЬГА. Но родители вас назвали в честь писателя?

ВИКАНДР. Нет. Все мои предки по мужской линии были Викентиями Викентьевичами. Папа немного «подпортил» плавное течение этой традиции...

ОЛЬГА. Значит ли это, что ваш сын будет Викентием?

ЖАКЛИН. Мама!

ОЛЬГА. Я должна быть готова к появлению внука.

ВИКАНДР. И это желание – в вашу пользу! Да, он будет Виквиком.

ОЛЬГА. Ну, вот... (Будто играется.) «Виквикисечка, Виквикулечка»... А если родится внучка, то она будет Викентией?

ВИКАНДР. Вопрос не проработан, отложен до события. Разве есть такое женское имя?

ОЛЬГА. А чем родители этих прекрасных малышек будут их кормить? У вас самого, Вересаев, простите, молоко на губах не обсохло.

ЖАКЛИН (принеся посуду, подсаживается). А у тебя, кажется, проходит голова...

ОЛЬГА. Ты очень любезна.

ВИКАНДР. Обжёгшись на молоке – дуют на воду, не так ли?

ОЛЬГА. Не поняла...

ВИКАНДР. Да, я не ВКС.

ОЛЬГА. Что это?

¹³ Вот так (фр.)

ВИКАНДР. Высшая кредитоспособность. Кроме того, мне претит ВСР.

ОЛЬГА. Перестаньте говорить аббревиатурами!

ВИКАНДР. Очень просто: ВСР – восхождение по ступеням респектабельности.

ОЛЬГА. Всё с чего-то начинается...

ВИКАНДР. Начало у всех одно. Но продолжение – вот что важно! И продолжаться может в разные стороны!.. Да, я разбросан, но не дисперсен. Потому что разборчив. Этого не отнять.

ОЛЬГА. У меня вновь начинает болеть голова... (К Жаклин.) Ты понимаешь, что он говорит?

ЖАКЛИН. Мы вместе слишком маленький срок. Пообыкнуться надо.

ОЛЬГА. Полагаю, прежде чем решиться на такой шаг, как создание семьи, нелишне было бы познакомить родителей, обсудить варианты обустройства...

ЖАКЛИН. Разве нельзя иначе?

ОЛЬГА. Втайне? Твоя идея?

ВИКАНДР. Ах, как вы правы! Но некоторые обстоятельства непреодолимой силы повлекли спешку в вопросе, который, безусловно, требует обстоятельности...

ОЛЬГА. Хм! Что же это за обстоятельства?

ВИКАНДР. Ваш внук или внучка уже на пути к рождению.

И ОЛЬГА, и ЖАКЛИН смотрят на него недоумевающие. Затем ОЛЬГА переводит взгляд на ЖАКЛИН.

ЖАКЛИН. Я забыла ежевичное варенье! (Убегает на кухню.)

ОЛЬГА. То есть, вы расписались вынужденно?

ВИКАНДР. О, нет, что вы?! Я...

ОЛЬГА. Вересаев! Вы любите Жаклин?

ВИКАНДР. Не то слово!

ОЛЬГА. Жаклин!

ЖАКЛИН. Да, мама?

ОЛЬГА. Ты любишь Вересаева?

ЖАКЛИН. Да, мама.

ОЛЬГА (поднимаясь из-за стола). Научи его отвечать чётко и ясно. И береги себя, не пей, не переедай, не поднимай тяжести (а как же твои тренировки?) – теперь ты не одна...

Очередной Викентий Викентьевич на пути к жизни, цени это. Разорванная цепь вновь соединяется... Не морочьте мне больше голову! И оставьте меня... (Закрывается в ванной комнате.)

ЖАКЛИН. Ты зачем сказал, что я беременна?

ВИКАНДР. Беру пример с тебя. А вообще я думаю, это великолепная идея: воплощение желаемого в действительное! Сначала желаемое выдаётся за действительное, а потом исполняется!

ЖАКЛИН. Ладно, собираясь!

ВИКАНДР. Я собран. Я сжат, как пружина. Я целен и твёрд. Поторопись же, жена!

ЖАКЛИН убирает со стола, моет посуду, одевается. ВИКАНДР расхаживает по гостиной, приседая на стулья и даже разваливаясь на диване...

(Глядя в окно, присвистнув.) Посмотри, что на улице!

ЖАКЛИН. Что там? (Смотрит.) Ого! Ты не замёрзнешь в своей куртяшке?

ВИКАНДР (обращаясь к ней). Да, мы вместе слишком маленький срок...

ЖАКЛИН (кричит). Мама, мы ушли!

ОЛЬГА выходит из ванной комнаты в домашнем халате.

ОЛЬГА (Викандру). Ничего, по-родственному?

ВИКАНДР. Я эмпат. Вхожу в положение.

ОЛЬГА. Мне всё больше и больше нравится этот парень...

ВИКАНДР. Вы мне тоже по душе. Сживёмся.

ОЛЬГА (Жаклин). И нечего так кричать. Я ещё не оглохла.

ЖАКЛИН тянет ВИКАНДРА. Они выходят.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

ОЛЬГА закрывает за ними дверь. Стоит какое-то время. Делает неопределённый жест рукой, из которого рождаются спонтанные движения, подчинённые ритму. ОЛЬГА скользит по гостиной в танце. С улицы за ней кто-то, приложив ладонь к стеклу, наблюдает. ОЛЬГА делает эффектную концовку выдуманного ею танца, плюхаясь на диван. В окно стучат. ОЛЬГА оборачивается, но никого не видит. Встаёт, подходит к окну. Стучат уже в дверь.

ОЛЬГА. Вересаев?! Забыли что-нибудь?

ОЛЬГА открывает. ЛЁСИК переступает порог, держа в руке букет роз. ОЛЬГА стоит, ошеломлена.

ЛЁСИК. Снег в середине сентября... Аномалия... (Стряхивает снег с роз.) Я сюда поставлю, да?

ЛЁСИК берёт вазу с буфета, идёт на кухню, наливает воды, ставит вазу с цветами на стол. ОЛЬГА следит за его передвижениями, не шелохнувшись.

Они сейчас оттают.

Пауза.

Я перелез через забор, извини. Ждал, пока ты останешься одна. Подсматривал, в общем...

ОЛЬГА. А если бы я не осталась одна, что, мёрз бы на улице? (Проходит, как бы сторонясь Лёсика.)

ЛЁСИК. Я не знаю. Но мне казалось, сегодня мы должны быть вдвоём.

ОЛЬГА (останавливаясь). Сегодня? Почему сегодня?

ЛЁСИК. Ну, как же? Пятнадцать лет назад мы условились встретиться сегодня, разве ты не помнишь? Пятнадцатого сентября.

ОЛЬГА. Четырнадцатого. Я ждала тебя вчера.

ЛЁСИК. Нет-нет-нет, я хорошо запомнил именно из-за совпадения: пятнадцать лет – пятнадцатое сентября.

ОЛЬГА. Ты перепутал. Неважно...

ЛЁСИК. Нет-нет-нет, как – неважно? Как же так?! Ты уверена, да? Что за aberrация памяти? Цифра 15, цифра 15... Да. (Бледнеет.) Это было новолетие – 14 сентября, а 15 лет – это индиктион. Боже мой! Я ошибся! Ты права. Я должен был прийти вчера. (На лице – ужас.)

ОЛЬГА. Ты пришёл сегодня, я рада.

ЛЁСИК. Как я мог?! Пятнадцать лет!

ОЛЬГА. Какие дивные розы!

ЛЁСИК. Прости меня.

Пауза.

ОЛЬГА. Ой! (Заметила или сделала вид, что только заметила, что в халате.) Это ты меня прости, что встречаю тебя в домашнем... (Делает движение в сторону спальни.)

ЛЁСИК. Нет-нет-нет, не переодевайся, пожалуйста. Оставайся так. Я тоже могу остаться в рубашке, не возражаешь? (Снимает с себя старое пальто, небрежно бросает на спинку стула.) Ну, вот, сближаемся.

ОЛЬГА. Нам надо сближаться, Лёсик?

ЛЁСИК. Пятнадцать лет... Отвыкаешь.

ОЛЬГА. Я сильно изменилась?

ЛЁСИК. Нет.

ОЛЬГА. Не ври.

ЛЁСИК. Ты слабо изменилась, Лёна.

ОЛЬГА. Лёна... Так меня никто не называл, только ты.

ЛЁСИК. И Лёсик я только у тебя.

ОЛЬГА. А у жены... как?

ЛЁСИК. Мы давно развелись.

ОЛЬГА. Ну, как давно?

ЛЁСИК. Больше десяти лет.

ОЛЬГА (как бы запнувшись). Что же ты... один был всё это время?

ЛЁСИК. Я импотент, Лёна.

Пауза.

ОЛЬГА. Занимаешься всё тем же, своими масонами?

ЛЁСИК. О, я потому и не поверил поначалу, что мог спутать числа! Числа – одна из основ масонства. Считается, что масонству триста лет. Как бы не так! Первые тайные общества появились три тысячи лет тому назад! И, обрати внимание, ещё Пифагор в шестом веке до нашей эры говорил, что числа управляют миром, Пифагор, создавший учение для избранных! Что мы видим сейчас? Все эти «цифровые технологии», «цифровое телевидение», «цифровая экономика»? Управление миром с помощью цифры, а число складывается из цифр! Но занят я не этим. Тут совершенно детективная история, о которой я знал давно, но совсем не подозревал, что она может продолжаться с моей помощью. Тебе интересно?

ОЛЬГА (смотрит на него, не отрываясь). Конечно.

ЛЁСИК. Понимаешь, влияние масонов на мировую историю не изучено. И не могло быть изучено, поскольку – всё тайна, всё секрет, никаких документов. Так, кое-что просачивалось, и то с их ведома и для их же целей... Время от времени появлялись довольно открытые исследования о том, что, да, масонство активно на исторической сцене, но эта активность, конечно же, на благо человечества. Всё переворачивалось с ног на голову, скрывались причины и мотивы событий, создавалась «история наоборот»... Разумеется, писались такие исследования самими масонами, и для отвода глаз ими приводились в пример известные личности, по благородству души клюнувшие на приманку о совершенствовании человека и тому подобном возвышенном... Эти обманутые

люди, посвящённые лишь в первые градусы масонства, всегда были прикрытием для тех, кто имеет высшие степени и правит миром. И, хотя о «всемирном заговоре» говорится давно (подозреваю, что сами масоны и приложили к этому руку), никаких документальных доказательств не было. И вот в 1945 году в одном из замков Германии был найден масонский архив с миллионами документов за всё время существования лож, можешь себе представить?! Очевидно, не успели увезти, или уже было не до этого. Во всяком случае, архив достался нам и был перевезён в Москву, хранился в особом отделе КГБ. До 91-го года почти никто не имел к нему доступа. А в 91-ом мой коллега смог туда проникнуть, но ненадолго: дверца захлопнулась. Что-то он успел ухватить, но львиная доля документов осталась неизвестной. А ещё через три года архив был тайно передан во Францию, несмотря на протесты историков. И вот сейчас у меня появилась конфиденциальная возможность поработать там. Не спрашивай, как это удалось – цепь событий, тайных встреч, годы ожидания... Станет возможным написать подлинную историю Европы, по крайней мере, за три столетия! И я на пути к этому, представляешь? Но пока никто не должен об этом знать.

ОЛЬГА. Тебе это интересно?

ЛЁСИК (*смотрит на неё*). Это мечта моей жизни.

ОЛЬГА. Слышала где-то: «Не борись с тьмой – неси свет». Извини.

ЛЁСИК. Есть другое выражение: «Только светом теснится тьма».

Пауза.

ОЛЬГА. Идём! (*Берёт его за руку, ведёт в спальню.*)

ОЛЬГА *открывает дверь спальни, они заходят внутрь.*

Здесь всё так же, как пятнадцать лет назад. (*После паузы.*) Тебе было важно исполнить данное слово?

ЛЁСИК. Я не думал, что ты...

ОЛЬГА. Захочу тебя видеть раньше? (*Усмехается.*) Я здесь не спала. Жаклин назвала это «мемориальной спальней», смешно, правда? И удивилась, что вчера я открыла дверь. Но по сути она права. (*Ложится сверху на покрывало.*)

ЛЁСИК (*ходит по комнате*). Мне кажется, жизнь складывается из неумения жить. Моя уж точно.

ОЛЬГА. Ты мне снишься. Маленьким мальчиком. (*Небольшая пауза.*) Ты никогда не показывал мне своих детских фотографий. Мы на берегу реки, я в воде, плаваю. Очень солнечно, блики мешают мне разглядеть тебя. Ты машешь руками и что-то кричишь, что – не могу понять. И не понимаю причины твоей паники. Силюсь грести к берегу, но течение сильнее. И меня относит и закручивает. Опрокидываюсь, лицо заливает, но я не закрываю глаза и сквозь толщу воды вижу протянутые руки... Меня выдёргивают и ставят на ноги. Ты смотришь на меня снизу вверх, потому что ты мальчик совсем, и я не верю, что это сделал ты, и говоришь: «Лети». (*Пауза.*) Он всё время повторяется, этот сон. Зачем?

ЛЁСИК. Я не знаю.

ОЛЬГА. «Лети»...

ЛЁСИК. С каких пор ты его видишь?

ОЛЬГА. С тех самых.

ЛЁСИК. И? Ты летишь?

ОЛЬГА. А я тебе сньюсь?

ЛЁСИК. Может быть.

ОЛЬГА. Как это – может быть?

ЛЁСИК. За ночь человек видит несколько сновидений – так утверждают – и едва липомнит одно. Я не помню ни одного. Или мне просто ничего не снится...

ОЛЬГА. У тебя изменился оттенок голоса, он стал, как акварель.

ЛЁСИК. А цвет тот же?

ОЛЬГА. Как у первой травы.

Пауза.

ЛЁСИК. Ты продолжаешь выступать?

ОЛЬГА. Нет, только преподаю. Она стала меня тяготить. Я поняла, что сыграла на ней всё, что могла.

ЛЁСИК. Виолончелистка подобна Леде, принимающей лебедя.

ОЛЬГА. Три века, Лёсик, виолончель держали икрами ног. Шпиль придумали относительно недавно.

ЛЁСИК забирается на покрывало, прижимается к ОЛЬГЕ. Она гладит его по голове.

ЛЁСИК. А ты помнишь?..

ОЛЬГА. Озеро с лунной дорожкой?

ЛЁСИК. Да. И розовый куст в тенистой аллее...

Так они лежат – одни во всём мире: он, прижавшись к её груди; она, нежно проводя пальцами по его волосам. И непонятно, прошла так минута или вечность. Или вечность уместилась в минуту.

ОЛЬГА (приподнимается, ощупывает грудь рукой). Подожди-ка, у меня... о, Господи!..

ЛЁСИК. Что?

ОЛЬГА. У меня молоко.

ЛЁСИК. Что-о-о?

ОЛЬГА. Ну да. Смотри.

На халате в районе сосков мокрые пятна. ЛЁСИК припадает к груди. ОЛЬГА закрывает глаза.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Вечер того же дня. Входит ЖАКЛИН, прислушивается. ОЛЬГА и ЛЁСИК спят в спальне. ЖАКЛИН брезгливо приподнимает брошенное Лёсиком пальто, нюхает розы, подкрадывается и заглядывает в приоткрытую дверь. ОЛЬГА просыпается, смотрит на дочь.

ЖАКЛИН (шёпотом). Ну, мама, ты даёшь!

ЖАКЛИН проходит на кухню, ищет что-то в шкафах, громыхая. Просыпается ЛЁСИК. ОЛЬГА поднимается, закрывает дверь.

ОЛЬГА. Дочь пришла.

ЛЁСИК поднимается, одевается. ОЛЬГА смотрит на него. ЖАКЛИН на кухне находит початую бутылку коньяка, наливает себе рюмку, выпивает.

ОЛЬГА. Теперь ещё пятнадцать лет? Я стану старушкой.

Пауза.

ЛЁСИК. Я могу не вернуться из Франции.

ОЛЬГА. Почему?

ЛЁСИК. Я не знаю даже места, в которое собираюсь. Так условлено.

ОЛЬГА. Что ты говоришь?..

ЛЁСИК. Да. На меня наденут специальный шлем, чтобы я не мог ни видеть, ни слышать, где нахожусь, и так меня повезут. А выпустят ли обратно?..

ОЛЬГА. А книга?

ЛЁСИК. Может быть, они дадут мне её написать, но и только... Может быть, я что-то смогу передать из написанного... Может быть, я только один, непосвящённый, прослежу истинный ход истории, и всё... Я ничего не знаю. Полная неизвестность.

ОЛЬГА. А, может быть, отказаться?

ЛЁСИК. Как отказаться?

ОЛЬГА. А вот так. Не ехать. Не писать. Стоит ли?

ЛЁСИК. Не мучь меня.

ОЛЬГА. Я? Тебя?

ЛЁСИК. Прощай, Лёна.

ЛЁСИК быстрым шагом идёт к двери спальни.

ОЛЬГА. Лёсик!..

ЛЁСИК останавливается. ОЛЬГА подходит, прижимается к нему. Толкает в спину. ЛЁСИК выходит из спальни, быстрым шагом направляется к входной двери.

ЖАКЛИН. Это вы принесли розы?

ЛЁСИК (останавливается). Я. (Меняет направление, идёт к Жаклин.) Это сорт «Жаклин Дю Пре».

ЛЁСИК протягивает руку к ЖАКЛИН. Та сторонится. Рука Лёсика опускается.

Прощайте. (Быстрой походкой идёт к входной двери.)

ЖАКЛИН. Стойте!

ЛЁСИК останавливается, поворачивается к ней.

Я должна вас застрелить! (Бежит, распаковывает спортивный лук.)

ЛЁСИК. Не стоит усилий. Я уже застрелен.

ЛЁСИК выходит из дома. ЖАКЛИН стреляет в его сторону, стрела застревает в двери. Появляется из спальни ОЛЬГА.

ЖАКЛИН. Знакомое лицо... Но не Павлов.

ОЛЬГА (говорит отрешённо, будто ничего не произошло). Ты одна?

ЖАКЛИН. Коньяку хочешь?

ОЛЬГА. Тебе нельзя.

ЖАКЛИН (проходит по гостиной, чуть касаясь пальцами предметов; говорит спокойно). Розы прекрасны.

ОЛЬГА. Не уколись.

ЖАКЛИН. Он оказался мошенником, вклеил свою фотографию в чужой паспорт. Я не рассыпала, как его зовут на самом деле, когда его задержали.

ОЛЬГА. Его задержали при тебе?

ЖАКЛИН. Да, только мы вышли из кино.

ОЛЬГА. За ним что, следили?

ЖАКЛИН. Откуда я знаю?

ОЛЬГА. А беременность?

ЖАКЛИН. Да выдумал он всё.

ОЛЬГА. Он что, хотел нас обокрасть?

ЖАКЛИН. Я не знаю, чего он хотел.

ОЛЬГА. Может быть, это охотник за виолончелью? У меня всё-таки Роджери, восемнадцатый век. Ты не показывала ему, где сейф?

ЖАКЛИН. Конечно, нет, мама.

ОЛЬГА. Официально ты его жена.

ЖАКЛИН. Неизвестно кого.

ОЛЬГА. Уравнение с двумя неизвестными.

Ты теперь свидетель.

ЖАКЛИН. Я теперь посмешище.

Пауза.

ОЛЬГА. У меня есть ты, у тебя есть я.

ЖАКЛИН. И это предел.

ОЛЬГА. Это данность.

ЖАКЛИН. Значит, гостиная моя?

ОЛЬГА непонимающе смотрит на ЖАКЛИН.

ЖАКЛИН. Ну... теперь ты будешь в спальне?..

ОЛЬГА. Стрела вонзилась. (Смеётся.)

ОЛЬГА уходит за пределы видимого пространства. Звонит мобильный телефон ЖАКЛИН. Она вынимает его из своей сумочки, смотрит на экран, опускает телефон в вазу с розами. ОЛЬГА возвращается с виолончелью, достаёт её из футляра, вынимает смычок. Садится на стул, устанавливает виолончель. Звонит мобильный телефон ОЛЬГИ.

ОЛЬГА. Кто бы ни был, скажи: я репетириую. Ре-пе-ти-ру-ю!

ЖАКЛИН (берёт трубку). Алло! Нет, не она. Она репетириует. Ре-пе-ти-ру-ет!

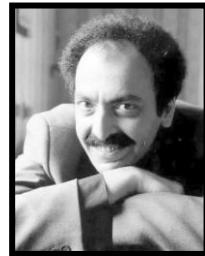
(Выключает телефон.)

ОЛЬГА. Лети!..

ОЛЬГА играет третью часть анданте виолончельной сонаты Рахманинова. ЖАКЛИН слушает. Пространство заливает жемчужный цвет разных оттенков.

ЗАНАВЕС

Москва, 2019

ОЧЕРЕДЬ ЗА УЮТОМ

Стихотворения

А дети безвременья ходят друг к другу в гости,
Чаи распивают, треплются и поют,
Ругают кого-то и вместо гражданской злости
Тяжёлые вздохи в сторону издают.

Ах, бедные дети, дети мои никчёмные,
Мои утончённые маменькины сынки,
Всегда огорчённые чем-то и удручённые,
Идут, пряча лица в шарфы и воротники.

Идут они мимо жизни. Куда-то в сторону
Всё время их тянет от наших проблем и бед.
И так они будут кругами ходить по городу,
Пока им не стукнет тридцать и сорок лет.

— Куда вы идёте?
— Сами не знаем, Господи.
Нас жизнь утомила. Где нам найти приют?
И дети безвременья ходят друг к другу в гости,
Чаи распивают, треплются и поют.

Им хочется петь, им хочется жить, им хочется
Всей клеткой грудною весь этот мир вдохнуть,
Но странные дети в муках ночами корчатся
И сами не знают, что им сдавило грудь.

Уходят они в себя, и в своё течение
Глубокое погружаются на ходу.
И, кажется, там найдётся им облегчение,
Проявится путь, написанный на роду.

Но нет им пути, и роду им нет и племени,
И слышит Господь, как вздохи их глубоки.
И надо идти, зачем-то идти по темени,
Пока ёщё светят зыбкие огоньки...

Что стряслось с тобой, человек?
Почему ты бредёшь беспутно,
Упираясь глазами в снег?
— Неуютно мне, неуютно.

Может, кто-то тебя огорчил?
Может, с кем-то повздорил круто?
Что молчишь, человек, что молчишь?
— Неуютно мне, неуютно.

Понимаешь, бывает так, –
Без причины на сердце мутно.
Не обида, не злость, не страх –
Неуютно мне, неуютно.

Я бы к другу зашёл переждать
Эту выногу, жёсткую выногу.
Но к нему от себя не сбежать,
И к себе не сбежишь от друга.

Я б пожертвовал жёлтым рублём
И забылся хмельной минутой.
Видишь очередь за вином?
Это очередь за уютом.

Только в небе опять серебрят
Звёзды, как наконечники копий.
Я подставил бы им себя —
Пусть вонзятся они всем скопом.

Только чуда на свете нет,
А без чуда на свете скучно.
Упираюсь глазами в снег.
Неуютно мне, неуютно...

Он работал в конторе «Сия минута». День его начинался с бритья и чая И размежленно к вечеру шёл, как будто Так и надо — в тумане не различая Берегов, плыть и плыть без таких усилий, Чтоб мутило и судорогой сводило. Так и жил бы как многие, морщась, жили Худо-бедно. Но тенью за ним ходило И водило его, как ребёнка, за нос То, чего он хотел языком коснуться, То, во что он, затравленным псом вгрызаясь, Убеждался, что это — не то... Проснуться И очнуться. И снова начать сначала. Что же это? Какого такого рода? Он стоял на балконе, курил. Качало Тополя над судьбою его. Свобода Набегала прохладной волной, смывая Сумму комплексов, разность надежд с итогом Промежуточным... Дышит душа живая В ожидании встречи с собой. И с Богом.

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ ОМСКА

Октябрь 2020 – июнь 2021 гг.

25 октября 2020 года в библиотечном центре «Культура Омска» состоялась презентация 12 и 13 выпусков журнала «Менестрель» и мемориального сборника «В мире Олега Чертова». Параллельно с ними в зале библиотеки прошла выставка картин главного редактора журнала **Андрея Козырева**. На презентации выступили авторы журнала – **Олег Клишин, Вениамин Каплун, Альберт Деев, Игорь Федоровский** и другие.

1 декабря были объявлены итоги **Международной литературной премии им. И.Ф.Анненского**. Главную премию в номинации «Поэзия» разделили **Фаина Гримберг** (Москва) за книгу поэм «Дитя француза» и **Феликс Чечик** (Нетания, Израиль) за сборник стихотворений «Беспорядочные связи». Главная премия в номинации «Драматургия» досталась **Александру Строганову** (Барнаул) за пьесу «Сторож брату своему», специальным дипломом был отмечен **Владимир Лидский** (Бишкек) за пьесу «Сёстры милосердия».

В январе 2021 года открылась **литературная онлайн-школа журнала «Менестрель»**. Сайт школы – menestrel.zenclass.ru. В числе преподавателей школы – известные литераторы: **Ганна Шевченко, Надя Делаланд, Дана Курская, Дмитрий Тонконогов** и другие. Лучшие произведения слушателей онлайн-курсов публикуются в «Менестреле» и дружественных изданиях.

СКОРБИМ

10 февраля на 62-м году ушёл из жизни омский журналист, правозащитник и поэт **Георгий Эмильевич Бородянский**.

Георгий Бородянский родился в Омске в 1959 году. Окончил **Омский институт инженеров железнодорожного транспорта**, работал инженером в **НПО «Прогресс»**. Занимался журналистикой, сотрудничал со многими газетами в Омске и Томске. В 1990-1994 гг., возглавляя издательство **«Любинский проспект»**, активно выпускал книги молодых авторов.

Публиковался в омских газетах, журнале «Смена», коллективных сборниках «Старт», «Перекрёсток», Автор нескольких поэтических сборников. Член **Союза Российских писателей**. Последние годы работал корреспондентом **«Новой газеты»**. В 2010 году стал лауреатом **премии им. А.Сахарова** в номинации **«Журналистика как поступок»**, в 2020 году – лауреатом **литературной премии им. А.Блока**.

12 февраля в **библиотеке им. А.С.Пушкина** состоялась презентация 27 выпуска журнала **«Литературный Омск»** и кассеты из 6 книг молодых авторов, рекомендованных к изданию семинаром **Союза писателей России**.

В журнале опубликованы прозаические произведения **Анны Ведренниковой и Натальи Кусковой**, **Валерия Константиновича и Натальи Елизаровой**, молодых авторов **Льва Протасова и Матвея Хисматулина**, а также гостей: **Владимира Смирнова и Натальи Вершининой** из Феодосии, **Светланы Макаровой-Грищенко** из Краснодарского края.

В поэтической части журнала представлены новые стихи **Светланы Курач, Анастасии Сергеевой, Александра Валуйского, Дианы Лугининой, Александра Кудрявцева, Ильи Дмитриенко и Елены Марченко**. Можно познакомиться с поэзией **Андрея Фролова** из Орла, **Валерия Латынина** из Москвы, **Андрея Попова** из Сыктывкара, **Елены Александренко** из Приморского края. Также в номере опубликованы критические и литературоведческие статьи **Олега Клишина и Вадима Физикова**.

Кассета **«День приглашает»** включает поэтические сборники **Арины Кондаковой «Вечность и два снегопада»**, **Катерины Лопаткиной «Ярче любых комет»**, **Дарины Сайтовой «Небо в нас»**, **Сергея Васильева «Болен приближением весны»**, **Александра Галахова «Обязательно настоящий»**, **Ольги Андреевой «Радуги-дуги»**. Редколлегия **«Менестреля»** поздравляет авторов с выпусков сборников и желает новых творческих побед.

20 февраля в Малом зале Центрального дома литераторов в Москве прошла церемония вручения **Международной литературной премии имени И.Ф.Анненского**.

На церемонии выступили председатель жюри **Алексей Алёхин**, драматурги **Нина** и **Екатерина Садур**, критик **Людмила Вязмитинова**, лауреат премии в номинации «**Поэзия**» **Фаина Гринберг**, поэты и прозаики, публиковавшиеся в «**Менестреле**». Были показаны видеообращения к участникам церемонии, записанные лауреатами премии **Александром Строгановым** и **Феликсом Чечиком**.

На церемонии было рассказано о современной омской литературе, о выходящих в городе периодических изданиях. Всем участникам были вручены экземпляры журнала «**Менестрель**», мемориального сборника «**В мире Олега Чертова**» и других изданий, вышедших в Омске в 2020 году.

13 марта в Омске и Таре одновременно прошла презентация книжной кассеты «**На излучинах Иртыша**». В книгах, вошедших в кассету, опубликованы стихи участников фестиваля искусств «**Тарская крепость**» – Константина Атюровского, Ирины Гореловой, Карины Кислициной, Анастасии Сергеевой, Зинаиды Сюникаевой и Ирины Шевелёвой. Тираж книжной кассеты – 500 экземпляров, которые будут отправлены в городские и районные библиотеки Омской области. Редколлегия «**Менестреля**» поздравляет авторов с выпуском новых книг.

23 марта в Омске отметили **Международный День поэзии**. По традиции, сохраняющейся с 2010 года, поэты собрались для чтения стихов на **Аллее литераторов**. В выступлении участвовали Игорь Федоровский, Андрей Козырев, Иван Таран, Зинаида Сюникаева, Владимир Цыганков и многие другие. Завершилось мероприятие чаепитием в **библиотеке им.И.А.Крылова**.

Омские библиотеки разработали новый путеводитель «**От Достоевского к Достоевскому**». Ресурс, доступный на платформе izi.travel, помогает почувствовать дух того времени и понять, насколько

тяжёлыми были для писателя четыре года заключения в Омском остроге.

Появление нового информационного проекта приурочили к 200-летию со дня рождения классика. Маршрут включает 25 локаций, непосредственно связанных с именем Фёдора Михайловича. Каждое историческое место представлено несколькими иллюстрациями – фотографиями, рисунками старого и современного Омска.

30 марта в библиотеке 2 корпуса **ОмГУ им. Ф.М. Достоевского** Литературная гостиная провела поэтический вечер «**Палитра добра**».

В программу было включено чтение авторских стихотворений и прозы, исполнение музыкальных композиций, презентация любимых книг и авторов. На мероприятии выступили студенты и выпускники вуза, известные омские авторы и преподаватели ОмГУ. В качестве специальных гостей были приглашены поэты и писатели **Александр Тихонов**, **Марина Безденежных**, **Игорь Федоровский**, **Ирина Горелова**, **Владимир Цыганков**, **Анастасия Белоусова**, а также **Юрий Петрович Родионов** и **Арина Юрьевна Маленова**, доценты университета.

15 апреля в **библиотеке ОмГУ им. Ф.М. Достоевского** состоялась творческая встреча с **Юрием Перминовым**, омским поэтом и публицистом, литературным критиком, секретарём **Союза писателей России**, членом Высшего творческого совета **Союза писателей России**. Встреча была посвящена 60-летнему юбилею писателя. Юрий Перминов рассказал несколько историй из своей жизни: каким образом произошла встреча с миром поэзии, о своих учителях, главных книгах в личной библиотеке, о работе над интересными проектами. Юрий Петрович прочитал свои стихотворения, некоторые из них прозвучали впервые.

Все присутствующие на встрече получили в подарок от автора книгу «**От Христовой росы**».

20 апреля в 14:00 в **библиотеке имени А.С.Пушкина** состоялась творческая встреча с **Юрием Перминовым**. В исполнении автора прозвучала новая лирика и стихи из поэтических сборников «**Свет из маминого окна**», «**Песни русской окраины**» и др.

23 апреля в библиотеке ОмГУ им. Ф.М. Достоевского состоялась презентация книги Елены Акелькиной «*Статьи о Достоевском*».

Елена Алексеевна Акелькина – литературовед, историк культуры, доктор филологических наук, профессор ОмГУ им. Ф.М. Достоевского; с 1999 года – директор Омского регионального центра изучения творчества Ф. М. Достоевского при ОмГУ им. Ф. М. Достоевского; автор монографии «*В поисках цельности духа, Бога и вечности. Пути развития русской философской прозы конца XIX века*» (Омск, 1998) и ряда других монографий; главный редактор межвузовского сборника «*Ф. М. Достоевский и душа Омска*» (Омск, 2001, 2015).

Книга подытоживает 20-летние исследования творчества великого писателя, которые Елена Алексеевна Акелькина, как директор **Омского регионального центра изучения творчества Ф. М. Достоевского**, осуществляет вместе со специалистами, занимающимися изучением наследия писателя в различных культурных и литературных контекстах.

23 апреля в Омской областной библиотеке для детей и юношества состоится презентация книги «*Пора беспечности*» поэта, прозаика, актёра и режиссёра **Игоря Пантина**. Книга стихотворений и эссе «*Пора беспечности*» вышла в 2019 году, за неё автор был удостоен **Омской молодёжной литературной премии имени Ф.М.Достоевского**.

25 апреля в 15-00 в Омской областной библиотеке для детей и юношества состоялась презентация проекта «*Текстуры Омска*»

В марте – апреле 2021 года литературной студией «ПарОм» совместно с 12 каналом **АО «Омские Медиа»** создан познавательный электронный ресурс «*Текстуры Омска*». Наводя курсор на отмеченные на карте объекты города Омска, пользователь сможет прочесть стихотворения омских авторов, в которых назывались эти места. В проекте представлены стихи **Галины Кудрявской, Ольги Григорьевой, Вероники Шелленберг, Ивана Денисенко, Сергея Денисенко, Светланы Курач, Дмитрия Румянцева, Игоря Хохлова, Натальи Семёновой, Ирины Четверговой, Игоря Федоровского, Александра Тихонова, Дмитрия Юферова, Андрея Ключанского** и других. «*Текстуры Омска*» украсили произведения **Аркадия Кутилова**,

Роберта Рождественского, Николая Разумова, Тимофея Белозёрова, Леонида Мартынова, Валентина Берестова, Павла Васильева. Самое отдалённое во времени стихотворение проекта – «*Омское*» **Давида Бурлюка** – датировано 1919 годом.

25 апреля в ресторане «*Bevitore*» прошёл музыкально-поэтический концерт «**О времени и о реке**». На концерте прозвучали стихи и песни, посвящённые рекам, в первую очередь Иртышу и Оми. Участвовали в концерте известные омские поэты – **Марина Безденежных, Ирина Горелова, Татьяна Яковлева, Дмитрий Соснов, Андрей Козырев** и другие.

30 апреля в 16:00 в Омской областной библиотеке для детей и юношества состоялась творческая встреча с членами **Союза писателей России**, представителями журнала «*Сибирские огни*» (г. Новосибирск) – **Кристиной Кармалитой и Дмитрием Рябовым**.

Дмитрий рассказал о своей пьесе «*Апельский роман*», которую поставил **Омский государственный драматический Пятый театр**. Пьеса была опубликована в журнале «*Сибирские огни*», вошла в лонг-лист Всероссийского драматургического конкурса «*Факел памяти*»-2015 и принесла Дмитрию победу в конкурсе «*VITA.ТЮЗ*» (2020 год).

Поэт и драматург **Кристина Кармалита** представила собственную книгу стихотворений, журнал «*Сибирские огни*», рассказала об актуальной литературе Сибири, о литературных премиях и семинарах и о том, как ведется работа с авторами.

СКОРБИМ

5 мая ушёл из жизни омский прозаик **Лев Емельянович Трутнев**.

Лев Трутнев родился в 1935 году в Восточно-Казахстанской области в городе Зайсан. В 1938 г. его семья переехала в Омск. Учился во **Всесоюзном институте текстильной и лёгкой промышленности**, работал конструктором и начальником лаборатории НИИ. Публиковался с 1961 г. Автор 15 прозаических книг. В 1989 г. был принят в **Союз писателей СССР**. Член **Союза писателей России**. Лауреат литературных премий имени **Л.Мартынова, Ф.Ушакова и Т.Белозёрова**. Награждён золотой медалью **Ассоциации писателей Сибири и Урала**.

6 мая в *Литературном музее имени Ф.М.Достоевского* состоялся юбилейный вечер омской поэтессы **Валентины Ерофеевой-Тверской**. Валентина Юрьевна читала стихи, рассказывала о своей жизни, делилась планами. В исполнении **Анны Ракитиной** и **Екатерины Новиковой** прозвучали песни и романсы **Льва Фёдорова** на стихи юбиляра.

18 мая были объявлены итоги восьмого *грантового конкурса программы «Газпром нефти» «Родные города»*. Жюри конкурса рассмотрело более 200 проектов и выбрало 27 из них. В числе победителей – редколлегия журнала **«Менестрель»**, получившая грант на издание 15 выпуска журнала.

27 мая в ресторане **«Bevitore»** прошёл музыкально-поэтический концерт **«Под стук колёс»**. Концерт был посвящён географической поэзии – стихам о путешествиях, о разных городах и странах. В концерте приняли участие поэты, актёры и музыканты: **Ирина Горелова, Игорь Федоровский, Андрей Козырев, Дмитрий Соснов, Александр Галахов** и другие.

17 июня в *библиотеке им. А.Лейфера* прошла презентация 14 выпуска *литературного журнала «Менестрель»*. На презентации выступили главный редактор журнала **Андрей Козырев**, менеджер по связям с общественностью **Дмитрий Соснов**, поэт и журналист **Сергей Денисенко**, прозаик **Татьяна Синяк** и другие. Участникам презентации были подарены выпуски журнала «Менестрель», сборники **Олега Чертова** и **Андрея Козырева**.

20 июня в ресторане **«Bevitore»** прошёл музыкально-поэтический концерт **«Восьмая нота»**. Прозвучали стихи и песни, посвящённые искусству музыки. Выступили поэты **Марина Безденежных**,

Ирина Горелова, Александр Бекишев, Татьяна Яковлева, Дмитрий Соснов, Галина Маркова, Андрей Козырев и другие, были показаны поэтические видеоклипы. Актёры **Дмитрий Исаенко** и **Надежда Костюк** прочитали стихи классиков омской поэзии. Украшением концерта стало выступление **Любови Шелгинских** и группы **«Птица Кто»**.

27 июня в формате Zoom-конференции прошла онлайн-встреча **«Поэты с доставкой на дом»**. Она открыла цикл онлайн-мероприятий, организуемых редколлегией журнала **«Менестрель»** при поддержке программы социальных инициатив **«Родные города» «Газпром нефти»**. На конференции выступили преподаватели онлайн-школы журнала «Менестрель» – **Ганна Шевченко, Надя Делаланд, Борис Кутенков** и **Людмила Вязмитинова**. Они рассказали о своих курсах и пригласили пишущую молодёжь на свои бесплатные мастер-классы, которые пройдут в сентябре-октябре 2021 года.

СКОРБИМ

30 июня ушёл из жизни поэт **Владимир Фёдорович Балачан**.

Владимир Балачан родился в 1939 году в деревне Староярково Барабинского района Новосибирской области. Первые стихи опубликовал в 18 лет. Служил в ракетных войсках, работал в горкоме комсомола г. Куйбышева Новосибирской обл., был корреспондентом районной газеты. В 1977 году вступил в **Союз писателей СССР**. В 1981 году окончил **Высшие литературные курсы** при **Литературном институте им. А.М.Горького**. С 1981 г. жил в Омске. Автор текста гимна Омской области, знаменитой песни **«Хлеб – всему голова»** и шестнадцати поэтических книг. Лауреат конкурса **«Мой Пушкин»** и ряда других литературных премий.

Библиографический указатель содержания журнала «Менестрель»

(выпуски 1-15)

ПОЭЗИЯ

Алавердова, Л. Двенадцатая жизнь [Текст]: стихотворения/Л.Алавердова. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 3. – Омск: Вариант-Омск, 2014. – С. 11-15.

Алавердова, Л. Тихая трагедия [Текст]: стихотворения/Л.Алавердова. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 12. – Омск: Изд-во «ИП Загурский С.Б.», 2019. – С. 85.

Алейников, В. Дальнозоркие сны [Текст]: стихотворения/В.Алейников. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 8. – Омск: КЦ Акцент, 2018. – С. 11-13.

Алексеев, В. Дым над водой [Текст]: стихотворения/В.Алексеев. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 5. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 166-167.

Андреева, О. Лишь бы был барабан [Текст]: стихотворения / О.Андреева. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 13. – Омск: Золотой тираж, 2020. – С.12.

Артис, Д. С миру по строчке [Текст]: стихотворения / Д.Артис. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 11. – Омск: Золотой тираж, 2019. – С.14.

Бабка Лидка [Текст]: стихи/Бабка Лидка. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 5. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 185-192.

Баланова, Н. Лёгкое дыхание [Текст]: стихотворения / Н.Баланова. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 15. – Омск: Золотой тираж, 2021. – С. 72.

Балтин, А. В мозгу ветвится дерево стиха [Текст]: стихотворения / А.Балтин. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 3. – Омск: Вариант-Омск, 2014. – С. 36-39.

Балтин, А. Не доверяя перспективам [Текст]: стихотворения / А.Балтин. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 5. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С.127-130.

Баранова, Е. И вот пришла поэзия [Текст]: стихотворения/Е.Баранова. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 6. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 3-7.

Баранова, Е. Погруженные в чудо [Текст]: стихотворения/Е.Баранова. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 12. – Омск: Изд-во «ИП Загурский С.Б.», 2019. – С. 5.

Безденежных, М. Чужое небо [Текст]: стихотворения / М.Безденежных. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 8. – Омск: КЦ Акцент, 2018. – С. 111.

Бекишев, А. Конь вороной [Текст]: стихотворения / А.Бекишев. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 15. – Омск: Золотой тираж, 2021. – С. 58.

Бекишев, А. Сны слепых [Текст]: стихотворения/А.Бекишев. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 8. – Омск: КЦ Акцент, 2018. – С. 117-118.

Близнюк, Д. По левитирующим островам [Текст]: стихотворения /Д.Близнюк. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 10. – Омск: ПЦ «Кан», 2018. – С. 121.

Богданов, В. Из книги «Ты в комнату вошла...» [Текст]: стихотворения / В.Богданов. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 11. – Омск: Золотой тираж, 2019. – С. 22.

Богданова, С. Железный август [Текст]: стихотворения /С.Богданова. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 10. – Омск: ПЦ «Кан», 2018. – С. 22.

Богданова, С. Чудо святого Януария [Текст]: маленькая поэма / С.Богданова. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 13. – Омск: Золотой тираж, 2020. – С. 66-67.

Борычев, А. И никого, и ничего [Текст]: стихотворения / А.Борычев. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 4. – Омск: Вариант-Омск, 2015. – С. 61-69.

Брагин, Н. Песчинка обретает высоту [Текст]: стихотворения /Н.Брагин. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 5. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 118-121.

Влас Вересень. А от зауми толку немного [Текст]: стихотворения /Влас Вересень. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 5. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 143-147.

Вирозуб, М. Люди и звери [Текст]: стихотворения / М.Вирозуб. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 11. – Омск: Золотой тираж, 2019. – С. 21.

Вихляев, К. Чудное дежа вю [Текст]: стихотворения/К.Вихляев. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 15. – Омск: Золотой тираж, 2021. – С.23.

Вольвач, В. Вторая жизнь [Текст]: стихотворения /В.Вольвач. – Менестрель:

- литературно-художественный журнал. – № 1. – Омск: Вариант-Омск, 2012. – С.9-11.
- Габриэль, А. Молчанье, разделённое на два [Текст]: стихотворения /А.Габриэль. – Менестрель: литературно-художественный журнал – № № 12. – Омск: Изд-во «ИП Загурский С.Б.», 2019. – С. 39-40.
- Гаврилов, В. Научи меня плохому [Текст]: стихотворения /В.Гаврилов. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 15. – Омск: Золотой тираж, 2021. – С.37.
- Газизова, Л. Папа и фуэте [Текст]: верлибры/Л.Газизова. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 6. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 107-109.
- Гаммер, Е. Венок диаспоры [Текст]: сонеты/Е.Гаммер. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 3. – Омск: Вариант-Омск, 2014. – С.30-35.
- Гаммер, Е. Фестиваль смытых киноплёнок [Текст]: стихотворения /Е.Гаммер. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 6. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 143-146.
- Гаммер, Е. Первая космическая секунда. Из цикла «11 космических секунд» [Текст]: стихотворения / Е.Гаммер. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 7. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С.151-153.
- Гаммер, Е. Освобождение [Текст]: поэма/Е.Гаммер. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 9. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 50.
- Гаммер, Е. От войны к войне [Текст]: поэма / Е.Гаммер. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 10. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 122-123.
- Гильман, К. Стоп-кадр [Текст]: стихотворения /К.Гильман. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 15. – Омск: Золотой тираж, 2021. – С. 71.
- Голота, А. Талантида [Текст]: стихотворения /А. Голота. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 5. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С.170-171.
- Горелова, И. Каменный топор [Текст]: стихотворения/И.Горелова. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 15. – Омск: Золотой тираж, 2021. – С. 54.
- Горелова, И. Сердцем вместо карандаша [Текст]: стихотворения /И.Горелова. – Менестрель: литературно-художественный журнал – № 12. – Омск: Изд-во «ИП Загурский С.Б.», 2019. – С. 45.
- Горнов, Г. Яндекс поэт [Текст]: стихотворения /Г.Горнов. – Менестрель:
- литературно-художественный журнал. – № 6. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 89-93.
- Григорьева, О. Явление снега [Текст]: стихотворения / О.Григорьева. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 4. – Омск: Вариант-Омск, 2015. – С. 54-57.
- Гримберг, Ф. Дитя француза [Текст]: поэма / Ф.Гримберг. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 13. – Омск: Золотой тираж, 2020. – С. 68-70.
- Гущина, А. А потом будет завтра [Текст]: стихотворения /А.Гущина. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 15. – Омск: Золотой тираж, 2021. – С. 72.
- Дашкевич, В. Ходить по лезвию листа [Текст]: стихотворения В.Дашкевич. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 4. – Омск: Вариант-Омск, 2015. – С. 3-7.
- Дашкевич, В. Печальная кукла Юю [Текст]: стихотворения /В.Дашкевич. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 5. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 106-110.
- Денисенко, И. Не мы причина этой осени [Текст]: стихотворения /И.Денисенко. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 6. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 76-80.
- Денисенко, И. У края великой догадки [Текст]: стихотворения /И.Денисенко. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 14. – Омск: Золотой тираж, 2020. – С. 46.
- Денисенко, С. Три декабрьских стихотворения [Текст]: стихотворения / С.Денисенко. – Менестрель: литературно-художественный журнал – № 11. – Омск: Золотой тираж, 2019. – С. 55.
- Делаланд, Н. Вот я и вышла в сад [Текст]: стихотворения / Н.Делаланд. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 10. – Омск: ПЦ «Кан», 2018. – С. 23.
- Долгарева, А. Важно только это [Текст]: стихотворения/А.Долгарева. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 8. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 19.
- Долгарева, А. Такое лето [Текст]: стихотворения / А.Долгарева. – Менестрель: литературно-художественный журнал/А.Долгарева. – № 12. – Омск: Изд-во «ИП Загурский С.Б.», 2019. – С. 4.
- Домбровский, С. Никогдальность [Текст]: стихотворения /С.Домбровский. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 15. – Омск: Золотой тираж, 2021. – С.17.
- Домбровский, С. Переливание крови [Текст]: стихотворения /С.Домбровский. – Менестрель: литературно-художественный жур-

- нал. – № 6. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 50-52.
- Домрачева, О. Апрельские обострения [Текст]: стихотворения / О.Домрачева. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 8. – Омск: КЦ Акцент, 2018. – С. 20.
- Дмитриев, А. Всё, что вблизи [Текст]: стихотворения / А.Дмитриев. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 8. – Омск: КЦ Акцент, 2018. – С. 105-106.
- Дмитриев, А. Поднимая себя со стула [Текст]: стихотворения /А.Дмитриев. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 10. – Омск: ПЦ «Кан», 2018. – С. 29-30.
- Донсков, И. Оборона рая [Текст]: стихотворения / И.Донсков. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 9. – Омск: ПЦ «Кан», 2018. – С. 67.
- Егоров, И. Из ранних циклов [Текст]: стихотворения / И.Егоров. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 1. – Омск: Вариант-Омск, 2012. – С.17.
- Ерофеева-Тверская, В. Чувство моё сиротливое [Текст]: стихотворения / В.Ерофеева-Тверская. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 8. – Омск: КЦ Акцент, 2018. – С. 109.
- Затонская, М. Всё сведётся к полёту [Текст]: стихотворения / М.Затонская. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 14. – Омск: Золотой тираж, 2020. – С. 54-55.
- Затонская, М. Что во мне моего [Текст]: стихотворения /М.Затонская. – Менестрель: литературно-художественный журнал – № 12. – Омск: Изд-во «ИП Загурский С.Б.», 2019. – С. 46.
- Зельцер, С. Найди себе человека [Текст]: стихотворения / С.Зельцер. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 15. – Омск: Золотой тираж, 2021. – С. 55.
- Зубарева, В. Дыханье снега [Текст]: стихотворения /В.Зубарева. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 9.
- Зубарева, В. Сказки о двух концах [Текст]: стихотворения /В.Зубарева. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 4. – Омск: Вариант-Омск, 2015. – С. 87-89.
- Кальнов, Д. Увидеть себя с лимонадным сиропом [Текст]: стихотворения /Д.Кальнов. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 15. – Омск: Золотой тираж, 2021. – С. 51.
- Кальпиди, В. Белёсая темень бумаги. Поэтические римейки на классику / В.Кальпиди. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 7. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С.75-79.
- Кан, Д. Бултых-пардон [Текст]: стихотворения / Д.Кан. – Менестрель: литературно-художественный журнал – № 11. – Омск: Золотой тираж, 2019. – С. 49.
- Каневский, Г. Читай на растущей луне [Текст]: стихотворения / Г.Каневский. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 13. – Омск: Золотой тираж, 2020. – С. 5.
- Каплун, В. Воздушный замок [Текст]: стихотворения / В.Каплун. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 14. – Омск: Золотой тираж, 2020. – С. 22.
- Капович, К. Со знаком качества [Текст]: стихотворения / К.Капович. – Менестрель: литературно-художественный журнал – № 11. – Омск: Золотой тираж, 2019. – С. 66.
- Коврижных, В. Предзимье [Текст]: стихотворения / В.Коврижных. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 9. – Омск: ПЦ «Кан», 2018. – С. 34.
- Козырев, А. Жили-были [Текст]: стихотворения / А.Козырев. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 1. – Омск: Вариант-Омск, 2012. – С.50-57.
- Козырев, А. Биография счастья [Текст]: стихотворения / А.Козырев. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 3. – Омск: Вариант-Омск, 2014. – С. 23-26.
- Козырев, А. Уроки русского пространства [Текст]: стихотворения /А.Козырев. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 4. – Омск: Вариант-Омск, 2015. – С.94-99.
- Козырев, А. Расшифровывая снег [Текст]: стихотворения /А.Козырев. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 5. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 132-138.
- Козырев, А. Ухо Ван Гога [Текст]: стихотворения /А.Козырев. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 6. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С.147-153.
- Комаров, А. В окружении [Текст]: стихотворения / А.Комаров. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 14. – Омск: Золотой тираж, 2020. – С. 49.
- Комаров, К. По вектору ветра [Текст]: стихотворения / К.Комаров. – Менестрель: литературно-художественный журнал – № 11. – Омск: Золотой тираж, 2019. – С. 59.
- Кондакова, А. Отблеск янтаря [Текст]: стихотворения / А.Кондакова. – Менестрель: литературно-художественный журнал. –№ 8. – Омск: КЦ Акцент, 2018. – С.73-74.

- Кондакова, А. Тают капли пунцового света [Текст]: стихотворения / А.Кондакова. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 5. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 153-154.
- Кордзахия, Е. Не придавай значения мелочам [Текст]: стихотворения / Е.Кордзахия. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 10. – Омск: ПЦ «Кан», 2018. – С. 107-108.
- Коржавина, А. Яблоня из строки [Текст]: стихотворения / А.Коржавина. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 6. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 30-32.
- Коровин, А. Литпроцесс [Текст]: стихотворения / А.Коровин. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 9. – Омск: ПЦ «Кан», 2018. – С.45.
- Костылев, В. Король ненастя [Текст]: стихотворения / В.Костылев. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – Омск: Вариант-Омск, 2012. – С. 34-37.
- Климанов, Ю. Перевёрнутое небо [Текст]: стихотворения / Ю.Климанов. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 13. – Омск: «Золотой тираж», 2020. – С. 13.
- Климович, Л. Ничего ты не знаешь о курицах [Текст]: стихотворения / Л.Климович. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 15. – Омск: Золотой тираж, 2021. – С. 68.
- Клишин, О. Синоним песка [Текст]: стихотворения / О.Клишин. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 4. – Омск: Вариант-Омск, 2015. – С. 48-53.
- Клишин, О. По движению капель дождя [Текст]: стихотворения / О.Клишин. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 5. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С.68-73.
- Крофтс, Н. Второй ковчег: [Текст]: стихотворения / Н.Крофтс. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 3-5.
- Крофтс, Н. И я ещё воскресну [Текст]: стихотворения /Н.Крофтс. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 5. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 45-47.
- Круглов, Р. Пересеченье параллельных [Текст]: стихотворения / Р.Круглов. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 11. – Омск: Золотой тираж, 2019. – С. 48.
- Кудаев, А. Мне есть о чём сказать [Текст]: стихотворения / А.Кудаев. – Менестрель: ли- тературно-художественный журнал. – № 5. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 162-165.
- Кузин, М. Из книги «Город синих рассветов» [Текст]: стихотворения/М.Кузин. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 8. – Омск: КЦ Акцент, 2018. – С.110.
- Кузнецов, Н. На последнем пределе [Текст]: стихотворения / Н.Кузнецов. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 7. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С.85-87.
- Куллэ, В. Эхо молчания [Текст]: стихотворения / В.Куллэ. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 9. – Омск: ПЦ «Кан», 2018. – С. 5.
- Курач, С. В час, когда я молюсь на восток [Текст]: стихотворения / С.Курач. – Менестрель: литературно-художественный журнал – № 12. – Омск: Изд-во «ИП Загурский С.Б.», 2019. – С. 62.
- Курбатова, Л. Расставательно [Текст]: стихотворения /Л.Курбатова. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 15. – Омск: Золотой тираж, 2021. – С. 69.
- Курмангалина, Я.-М. Игрушечный огонь [Текст]: стихотворения /Я.-М.Курмангалина. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 15. – Омск: Золотой тираж, 2021. – С.32.
- Курмангалина, Я.-М. Межсезонье [Текст]: стихотворения/Я.-М.Курмангалина. – Менестрель: литературно-художественный журнал. –№ 9. – Омск: ПЦ «Кан», 2018. – С. 44.
- Курская, Д. Персональная благодать [Текст]: стихотворения / Д.Курская. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 10. – Омск: ПЦ «Кан», 2018. – С. 21.
- Курская, Д. Письмо в бутылке [Текст]: стихотворения / Д.Курская. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 13. – Омск: «Золотой тираж», 2020. – С. 43.
- Кутенков, Б. В отменённом мире [Текст]: стихотворения / Б.Кутенков. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 15. – Омск: Золотой тираж, 2021. – С. 67.
- Кутенков, Б. Жизнь в перспективе [Текст]: стихотворения /Б.Кутенков. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 3. – Омск: Вариант-Омск, 2014. – С. 17-20.
- Латыпова, К. Просвистеть-просветль [Текст]: стихотворения /К.Латыпова. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 15. – Омск: Золотой тираж, 2021. – С. 68.
- Лаврентьев, М. Мы вышли из тени на свет [Текст]: стихотворения/М.Лаврентьев. – Менестрель: литературно-художественный

- журнал. – № 7. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С.146-148.
- Ларина, И. Несбывшаяся жизнь [Текст]: стихотворения / И.Ларина. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 11. – Омск: Золотой тираж, 2019. – С. 56.
- Левина, В. Под балконом [Текст]: стихотворения / В.Левина. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 15. – Омск: Золотой тираж, 2021. – С. 70.
- Ливинский, С. Сообщающиеся сосуды [Текст]: стихотворения / С.Ливинский. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 10. – Омск: ПЦ «Кан», 2018. – С. 23.
- Лизунов, А. С точки зрения снайпера [Текст]: стихотворения / А.Лизунов. – Менестрель: литературно-художественный журнал – № 11. – Омск: Золотой тираж, 2019. – С. 56.
- Лобанова, А. Ничего не случится [Текст]: стихотворения / А.Лобанова. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 15. – Омск: Золотой тираж, 2021. – С.24.
- Лоцманова, С. Универсальный рецепт [Текст]: стихотворения /С.Лоцманова. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 15. – Омск: Золотой тираж, 2021. – С. 69.
- Лукшт, И. Тревожа небо медленной мольбой [Текст]: стихотворения /И.Лукшт. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 6. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 73-75.
- Луцкий, М. Коли негде яблоку упасть [Текст]: стихотворения / М.Луцкий. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 48-49.
- Лященко, М. Моё окно в этот бестактный мир [Текст]: стихотворения / М.Лященко. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 64-65.
- Лященко, М. Моменты, которые хочется помнить [Текст]: стихотворения / М.Лященко. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 7. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С.15-16.
- Максимычева, С. По руслу, перегруженному смыслом [Текст]: стихотворения / С.Максимычева. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 13. – Омск: Золотой тираж, 2020. – С. 22.
- Малиновская, М. Пророк [Текст]: стихотворения / М.Малиновская. – Менестрель: литературно-художественный жур- нал. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 26-27.
- Малков, Г. Этот день наизусть [Текст]: стихотворения / Г.Малков. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 10. – Омск: ПЦ «Кан», 2018. – С. 111-112.
- Марьяшина, М. Так и жили [Текст]: стихотворения / М.Марьяшина. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 13. – Омск: Золотой тираж, 2020. – С. 25.
- Мельник, А. Трудный путь [Текст]: стихотворения / А.Мельник. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 15-16.
- Мельников, В. Мастер и Магрим [Текст]: стихотворения / В.Мельников. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 4. – Омск: Вариант-Омск, 2015. – С.134-180.
- Мельников, В. Определевзия и ощущепки [Текст]: стихотворения / В.Мельников. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 5. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 183-197.
- Мельников, Д. Белая бабочка-Русь [Текст]: стихотворения /Д.Мельников. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 6. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 15-18.
- Мельников, Д. Небо, я иду домой [Текст]: стихотворения /Д.Мельников. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 5. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 306.
- Мельников, Д. Под радикально чёрным небом [Текст]: стихотворения / Д.Мельников. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 11. – Омск: Золотой тираж, 2019. – С. 14-15.
- Молчанов, В. Чтоб в гаде видеть человека [Текст]: стихотворения / В.Молчанов. – Менестрель: литературно-художественный журнал – № 11. – Омск: Золотой тираж, 2019. – С. 31.
- Миллер, Л. А что касается меня... [Текст]: стихотворения / Л.Миллер. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 10. – Омск: ПЦ «Кан», 2018. – С. 109.
- Минаков, С. Сквозь муку несоединеня [Текст]: стихотворения / С.Минаков. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 9. – Омск: ПЦ «Кан», 2018. – С. 43.
- Миркина, З. Мне надо повторить зарю [Текст]: стихотворения/З.Миркина. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 8. – Омск: КЦ Акцент, 2018. – С.21.
- Михайлов, С. Без перевода [Текст]: стихотворения / С.Михайлов. – Менестрель: литературно-художественный журнал – №

12. – Омск: Изд-во «ИП Загурский С.Б.», 2019. – С. 29.
- Мурзин, Д. Скоро сказочка скажется [Текст]: стихотворения / Д.Мурзин. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 9. – Омск: ПЦ «Кан», 2018. – С. 35.
- Надирова, И. Дышите жабрами [Текст]: стихотворения / И.Надирова. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 14. – Омск: Золотой тираж, 2020. – С. 50.
- Николаева, О. Вербной речью [Текст]: стихотворения / О.Николаева. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 15. – Омск: Золотой тираж, 2021. – С. 16.
- Николаева, О. Сложный глагол [Текст]: стихотворения / О.Николаева. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 7. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 3-6.
- Новикова, Е. Неоконченная Лю [Текст]: стихотворения / Е.Новикова. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 14. – Омск: Золотой тираж, 2020. – С. 12.
- Новикова, Е. Осень, джаз и новые стихи [Текст]: стихотворения / Е.Новикова. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 8. – Омск: КЦ Акцент, 2018. – С.5-6.
- Носов, С. В мире мышней [Текст]: стихотворения / С.Носов. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 14. – Омск: Золотой тираж, 2020. – С. 49.
- Носов, С. Однажды ночью [Текст]: стихотворения / С.Носов. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 9. – Омск: ПЦ «Кан», 2018. – С.48.
- Носов, С. Распускается любовь [Текст]: стихотворения / С.Носов. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 12. – Омск: Изд-во «ИП Загурский С.Б.», 2019. – С. 72.
- Орлова, В. Самобормочущая машинка [Текст]: стихотворения / В.Орлова. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 9. – Омск: ПЦ «Кан», 2018. – С.49.
- Павлова, В. Подземная лодка [Текст]: стихотворения / В.Павлова. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 3. – Омск: Вариант-Омск, 2014. – С. 21-22.
- Песков, Д. Вечерний звон [Текст]: стихотворения / Д.Песков. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 15. – Омск: Золотой тираж, 2021. – С.66.
- Прокопьев, А. Прощальный воздух [Текст]: стихотворения / А.Прокопьев. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 7. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С.154-156.
- Протасов, В. Рисунок временем [Текст]: стихотворения / В.Протасов. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 1. – Омск: Вариант-Омск, 2012. – С.42-44.
- Рантович, М. Сквозь радугу ресниц [Текст]: стихотворения / М.Рантович. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 12. – Омск: Изд-во «ИП Загурский С.Б.», 2019. – С. 19.
- Рейдерман, И. Реквием [Текст]: стихотворения / И.Рейдерман. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 10. – Омск: Вариант-Омск, 2018. – С. 110.
- Родионова, О. Всех одиноче [Текст]: стихотворения / О.Родионова. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 4. – Омск: Вариант-Омск, 2015. – С. 29-31.
- Румянцев, Д. Грусть, приснившаяся утром [Текст]: стихотворения / Д.Румянцев. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 13. – Омск: Золотой тираж, 2020. – С. 4.
- Румянцев, Д. Знакомый оклик [Текст]: стихотворения / Д.Румянцев. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 1. – Омск: Вариант-Омск, 2012. – С.13-16.
- Румянцев, Д. Расширение вселенной [Текст]: стихотворения / Д.Румянцев. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 7. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С.72-74.
- Рябоконь, Д. Хочу писать о рыбках и о птичках [Текст]: стихотворения / Д.Рябоконь. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 7. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С.149-150.
- Сенин, И. Дорожное кино [Текст]: стихотворения / И.Сенин. – Менестрель: литературно-художественный журнал / И.Сенин. – № 5. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 150-152.
- Сенин, И. Живёт в душе романс [Текст]: стихотворения / И.Сенин. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 9. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 68.
- Сенькина, В. Мне кажется, что я сто жизней прожила [Текст]: стихотворения / В.Сенькина. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 55-58.
- Сергеева, А. Лёгкие строки [Текст]: стихотворения /А.Сергеева. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 9. – Омск: ПЦ «Кан», 2018. – С. 56.
- Синельников, М. Безнадёжная победа [Текст]: стихотворения /М.Синельников. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 8. – Омск: КЦ Акцент, 2018. – С.15.

- Скобло, В. Подводить не желаю итога. Стихотворения/В.Скобло. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 8. – Омск: КЦ Акцент, 2018. – С. 124.
- Скобло, В. Курс на жёлтую звезду [Текст]: стихотворения / В.Скобло. – Менестрель: литературно-художественный журнал – № 11. – Омск: Золотой тираж, 2019. – С. 68.
- Соснин, И. Каждый шаг – вперёд и в никуда [Текст]: стихотворения / И.Соснин. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 8. – Омск: КЦ Акцент, 2018. – С.123.
- Соснов, Д. Вопрос вопросов [Текст]: стихотворения / Д.Соснов. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 1. – Омск: Вариант-Омск, 2012. – С.29-32.
- Соснов, Д. Заветный вензель [Текст]: верлибры / Д.Соснов. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 5. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 148-149.
- Соснов, Д. Из книги «Небо на земле» [Текст]: стихотворения / Д.Соснов. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 7. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 17-20.
- Соснов, Д. Переключатель реальностей [Текст]: стихотворения / Д.Соснов. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 3. – Омск: Вариант-Омск, 2014. – С. 55-56.
- Соснов, Д. Рифмованная почта [Текст]: стихотворения / Д.Соснов. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 15. – Омск: Золотой тираж, 2021. – С.46.
- Соснов, Д. Телепортация [Текст]: стихотворения / Д.Соснов. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 13. Омск: Золотой тираж, 2020. – С. 59.
- Соснов, Д. Я видел начало рассвета [Текст]: стихотворения /Д.Соснов. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 8. – Омск: КЦ Акцент, 2018. – С.116.
- Степанова, А. Ощущение родства [Текст]: стихотворения / А.Степанова. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 6. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 56-59.
- Сумин, С. Трилистник очищений [Текст]: стихотворения / С.Сумин. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 13. – Омск: Золотой тираж, 2020. – С. 60.
- Сюникаева, З. Мой перевёрнутый колокол [Текст]: стихотворения / З.Сюникаева. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 13. – Омск: Золотой тираж, 2020. – С. 63.
- Таран, И. Высокая нота зимы [Текст]: стихотворения /И.Таран. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 5. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 168-169.
- Таран, И. Полёт под землёй [Текст]: стихотворения / И.Таран. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 8. – Омск: КЦ Акцент, 2018. – С.76.
- Тихонов, А. И опять напрямик [Текст]: стихотворения / А.Тихонов. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 7. – Омск: Вариант-Омск, 2017. – С.12-14.
- Трофимов, И. Слепок затаившихся небес [Текст]: стихотворения / И.Трофимов. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 14. – Омск: Золотой тираж, 2020. – С. 55.
- Трудлер, А. Третий лишний [Текст]: Стихотворения / А.Трудлер. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 8. – Омск: Вариант-Омск, 2017. – С.103-104.
- Тугарин, К. Новая жизнь [Текст]: стихотворение / К.Тугарин. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 15. – Омск: Золотой тираж, 2021. – С. 71.
- Улзытуев, А. Купание слона [Текст]: стихотворения / А.Улзытуев. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 14. – Омск: Золотой тираж, 2020. – С. 61.
- Улзытуев, А. Продвигаясь внутри пломбира [Текст]: стихотворения / А.Улзытуев. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 6. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 104-106.
- Улыбышева, М. Время, когда всё возвращается [Текст]: стихотворения / М.Улыбышева. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 15. – Омск: Золотой тираж, 2021. – С. 4.
- Улыбышева, М. На рыбьем и птичьем своём языке [Текст]: стихотворения / М.Улыбышева. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 5. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 139-142.
- Улыбышева, М. Что-то в этой сказке не сложилось [Текст]: стихотворения / М.Улыбышева. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 8. – Омск: КЦ Акцент, 2018. – С. С.13-14.
- Фабрикант, Б. Дверей у жизни только две [Текст]: стихотворения / Б.Фабрикант. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 13. – Омск: Золотой тираж, 2020. – С. 31.
- Федоровский, И. Девочка-дрожь [Текст]: стихотворения / И.Федоровский. – Мене-

- стрель: литературно-художественный журнал. – № 6. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 53-55.
- Федоровский, И. Обывательские стихи [Текст]: стихотворения / И.Федоровский. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 10. – Омск: ПЦ «Кан», 2018. – С. 6-7.
- Федоровский, И. Я согласен на всё [Текст]: стихотворения / И.Федоровский. – Менестрель: литературно-художественный журнал – № 12. – Омск: Изд-во «ИП Загурский С.Б.», 2019. – С. 30.
- Хохлов, И. Вера в чудеса [Текст]: стихотворения / И.Хохлов. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 3. – Омск: Вариант-Омск, 2014. – С. 68-70.
- Хохлов, И. Всё так непросто [Текст]: стихотворения / И.Хохлов. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 6. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 33-34.
- Хохлов, И. Мы жили на проспекте Худобедно [Текст]: стихотворения / И.Хохлов. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 10. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 4-5.
- Хохлов, И. Эта фотография устарела [Текст]: стихотворения / И.Хохлов. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 14. – Омск: Золотой тираж, 2020. – С. 26.
- Цыганков, А. Гений места [Текст]: стихотворения / А.Цыганков. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 6. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 19-22.
- Цыганков, А. Прозрачные импровизации [Текст]: стихотворения / А.Цыганков. – Менестрель: литературно-художественный журнал – № 11. – Омск: Золотой тираж, 2019. – С. 37.
- Чембарцева, В. Скитаясь по пятому времени года [Текст]: стихотворения / В.Чембарцева. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 62-63.
- Чернов, А. Я слушал снег [Текст]: стихотворения / А.Чернов. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 32-33.
- Чечик, Ф. В музыке отсутствующей речи [Текст]: стихотворения / Ф.Чечик. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 14. – Омск: Золотой тираж, 2020. – С. 10.
- Чкония, Д. Я удачно считаю по ранам [Текст]: стихотворения / Д.Чкония – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 12-13.
- Шамсутдинов, Н. Приватное бессмертие героя [Текст]: стихотворения /Н.Шамсутдинов. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 4. – Омск: Вариант-Омск, 2015. – С.73-75.
- Шафронская, В. Так снится детство [Текст]: стихотворения / В.Шафронская. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 1. – Омск: Вариант-Омск, 2012. – С. 3-6.
- Шварцман, М. В потёмках алфавита [Текст]: стихотворения / М.Шварцман. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 41-43.
- Шевченко, Г. Продавщица продавщиц [Текст]: стихотворения / Г.Шевченко. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 4. – Омск: Вариант-Омск, 2015. – С. 76-79.
- Шевченко, Г. Мой холодильник Дима [Текст]: стихотворения /Г.Шевченко. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 5. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С.35-41.
- Шевцов, А. Бог комаров Карамора [Текст]: стихотворения / А.Шевцов. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 14. – Омск: Золотой тираж, 2020. – С. 4.
- Школьников, А. Зима и печь [Текст]: стихотворения / А.Школьников. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 9. – Омск: ПЦ «Кан», 2018. – С.4.
- Шкуратова, Ю. Плакательный залог [Текст]: стихотворения / Ю.Шкуратова. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 12. – Омск: Изд-во «ИП Загурский С.Б.», 2019. – С. 71.
- Шнеур, А. В печальном искусстве ждать [Текст]: стихотворения / А.Шнеур. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 36-37.
- Щербова, Г. Факт частной жизни [Текст]: стихотворения / Г.Щербова. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 15. – Омск: Золотой тираж, 2021. – С. 70.
- Югай, Л. Лёд болит, когда тает [Текст]: стихотворения / Л.Югай. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 8. – Омск: КЦ Акцент, 2018. – С.75.
- Ягодинцева, Н. Взглядом ловишь – а очи неимут [Текст]: стихотворения /Н.Ягодинцева. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 15. – Омск: Золотой тираж, 2021. – С. 59.
- Ягодинцева, Н. У красной черты [Текст]: стихотворения / Н.Ягодинцева. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 11. – Омск: Золотой тираж, 2019. – С. 30.

ПРОЗА

Анишина, Н. Несостоявшийся эксперимент [Текст]: рассказ / Н.Анишина. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 59-61.

Борн, М. Импрессия [Текст]: миниатюра / М.Борн. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 14. – Омск: Золотой тираж, 2020. – С. 11.

Бунина, Ю. Женщина слева от него [Текст]: повесть / Ю.Бунина. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 1. – Омск: Вариант-Омск, 2012. – С.18-28.

Веденникова, А. Август моего солнца [Текст]: рассказ /Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 11. – Омск: Золотой тираж, 2019. – С. 23-29.

Веденникова, А. Бригадир аистов [Текст]: рассказ / А.Веденникова. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 14. – Омск: Золотой тираж, 2020. – С. 5-9.

Верясова, Д. Судьба автомобилиста [Текст]: глава из романа «Материк»/Д.Верясова. – Менестрель: литературно-художественный журнал – № 13. – Омск: Золотой тираж, 2020. – С. 64-65.

Гаммер, Е. Где ясность мысли, там отныне тайна [Текст]: повесть / Е.Гаммер. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 14. – Омск: Золотой тираж, 2020. – С. 62-84.

Гаммер, Е. Укороченное сознание, или флеш-фикши по-русски [Текст]: мини-проза / Е.Гаммер. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 12. – Омск: Изд-во «ИП Загурский С.Б.», 2019. – С. 41-44.

Ганебных, Н. Урус [Текст]: рассказ/Н. Ганебных. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 1. – Омск: Вариант-Омск, 2012. – С. 38-41.

Гареев, Ф. Шарлатан [Текст]: рассказ/Ф.Гареев. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 12. – Омск: Изд-во «ИП Загурский С.Б.», 2019. – С. 54-62.

Гребенников, А. Фёдор [Текст]: рассказ /А.Гребенников. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 15. – Омск: Золотой тираж, 2021. – С.18 -22.

Грейп, А. Интернет [Текст]: рассказ / А.Грейп. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 15. – Омск: Золотой тираж, 2021. – С.5-15.

Грейп, А. Я работаю алкоголиком [Текст]: рассказ / А.Грейп. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 12. –

Омск: Изд-во «ИП Загурский С.Б.», 2019. – С. 20-28.

Григорян, Л. Атлант из научного института [Текст]: рассказ / Л.Григорян. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 9. – Омск: ПЦ «Кан», 2018. – С. 46-47.

Григорян, Л. Весенний вальс солнечных зайчиков [Текст]: рассказ / Л.Григорян. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 11. – Омск: Золотой тираж, 2019. – С. 60-65.

Гусев, Р. Гутенморг [Текст]: рассказ / Р.Гусев. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 12. – Омск: № 12. – Омск: Изд-во «ИП Загурский С.Б.», 2019. – С. 76-84.

Дашкевич, В. Лети, петух, лети [Текст]: повесть /В.Дашкевич. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 12. – Омск: Изд-во «ИП Загурский С.Б.», 2019. – С. 6-18.

Делаланд, Н. Кое-что [Текст]: рассказ / Н.Делаланд. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 12. – Омск: Изд-во «ИП Загурский С.Б.», 2019. – С. 31-38.

Дёмин, А. Урок биологии, или Происхождение человека [Текст]: рассказ / А.Дёмин. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 44-47.

Дорохин, С. Границы вероятности [Текст]: рассказ / С.Дорохин. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 5. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 42-45.

Драгунская, К. Чёрный или зелёный. Варежки. [Текст]: рассказы / К.Драгунская. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 14. – Омск: Золотой тираж, 2020. – С. 56-60.

Драгунская, К. Юноша с младенцем на фоне апрельского неба [Текст]: рассказы / К.Драгунская. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 11. – Омск: Золотой тираж, 2019. – С. 57-58.

Елизарова, Н. Житие Максимки [Текст]: рассказ / Н.Елизарова. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 5. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 155-161.

Елизарова, Н. Под слоем копоти [Текст]: рассказ / Н.Елизарова. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 15. – Омск: Золотой тираж, 2021. – С. 56-57.

Елизарова, Н. Пока смерть не разлучит нас [Текст]: роман / Н.Елизарова.– Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 6. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 110-142.

- Елизарова, Н. Небесные чертоги [Текст]: роман / Н.Елизарова. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 7. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 88-145.
- Ефимова-Дашкевич, М. Синие глаза лета [Текст]: миниатюра / М.Ефимова-Дашкевич. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 5. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 131.
- Иваницкая, Н. Йетти [Текст]: рассказ / Н.Иваницкая. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 10. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 24-28.
- Кавадеев, А. Звуки Великого Радио [Текст]: этнические истории / А.Кавадеев. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 13. – Омск: Золотой тираж, 2020. – С. 44-58.
- Казакова-Саблина, С. Что на роду написано [Текст]: рассказ / С.Казакова-Саблина. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 9. – Омск: ПЦ «Кан», 2018. – С. 36-42.
- Каминский, С. Сервиз Гарднера [Текст]: рассказ / С.Каминский. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 28-31.
- Каюров, Г. Пока живые [Текст]: рассказ / Г.Каюров. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 6-8.
- Каюров, Г. Скрипка [Текст]: рассказ / Г.Каюров. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 13. – Омск: Золотой тираж, 2020. – С. 14-21.
- Каюров, Г. Сладкое детство [Текст]: рассказ / Г.Каюров. – Менестрель: литературно-художественный журнал/Г. Каюров. – № 3. – Омск: Вариант-Омск, 2014. – С.7 – 10.
- Кириллова, Е. Женская жестокость [Текст]: рассказ / Е.Кириллова. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 11. – Омск: Золотой тираж, 2019. – С. 32-36.
- Кириллова, Е. Мой дом [Текст]: рассказ / Е.Кириллова. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 13. – Омск: Золотой тираж, 2020. – С. 23-23.
- Кожейкин, А. Пятое колесо [Текст]: рассказ/А.Кожейкин. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 4. – Омск: Вариант-Омск, 2015. – С. 91-93.
- Козырев, А. Как я убил Дантеса [Текст]: обыденная фантастика/А.Козырев. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 66-67.
- Козырев, А. Живое золото [Текст]: роман-иероглиф / А.Козырев. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 7. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С.21-71.
- Крещенская, С. Вечерний променад [Текст]: рассказ / С.Крещенская. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 17-25.
- Кудрявская, Г. Первая разлука [Текст]: рассказ / Г. Кудрявская. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 1. – Омск: Вариант-Омск, 2012. – С.9-10.
- Кураш, В. Серый человек [Текст]: рассказ / В.Кураш. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 6. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 8-14.
- Кураш, В. Наш человек в Варшаве [Текст]: рассказ / В.Кураш. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 11. – Омск: Золотой тираж, 2019. – С. 16-20.
- Леснянский, А. Два письма [Текст]: глава из романа «Гамлеты в портнянках» / А.Леснянский. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 5. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 108-117.
- Лидский, В. Наследство [Текст]: повесть / В.Лидский. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 4. – Омск: Вариант-Омск, 2015. – С. 8-28.
- Лидский, В. Алебук [Текст]: повесть / В.Лидский. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 5. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 8-34.
- Лифантьева, Е. Мыšь Эйнштейна [Текст]: рассказ / Е.Лифантьева. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 12. – Омск: Изд-во «ИП Загурский С.Б.», 2019.– С. 73-75.
- Лопатин, А. Вера [Текст]: рассказ/А.Лопатин. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 50-54.
- Мазурова, А. Чаруй меня, не уходи [Текст]: миниатюры / А.Мазурова. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 11. – Омск: Золотой тираж, 2019. – С. 50-54.
- Новгородцева, Л. Синие волосы [Текст]: рассказ / Л.Новгородцева. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 13. – Омск: Золотой тираж, 2020. – С. 6-11.
- Новгородцева, Л. Сложный уровень [Текст]: рассказ / Л.Новгородцева. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 10. – Омск: ПЦ «Кан», 2018. – С.8-20.
- Новохатняя, Н. Раз-и-два [Текст]: рассказ / Н.Новохатняя. – Менестрель: литературно-

- художественный журнал. – № 12. – Омск: Изд-во «ИП Загурский С.Б.», 2019. – С. 47-52.
- Овакимян, С. Без любви [Текст]: рассказ/С.Овакимян. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 15. – Омск: Золотой тираж, 2021. – С.33-36.
- Омский, В. Крик души [Текст]: рассказ / В.Омский. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 1. – Омск: Вариант-Омск, 2012. – С. 33.
- Орлова, С. Коконы [Текст]: рассказ / С.Орлова. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 1. – Омск: Вариант-Омск, 2012. – С. 47-49.
- Орлова, С. Химера [Текст]: повесть / С.Орлова. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 8. – Омск: КЦ Акцент, 2018. – С. 77-102.
- Ошевнев, Ф. Впервые на посту. У каждого своё [Текст]: рассказы / Ф.Ошевнев. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 9. – Омск: ПЦ «Кан», 2018. – С. 57-66.
- Петров, А. Буйвол Чжуан-Цзы: [Текст]: рассказ / А.Петров. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 38-40.
- Петров, А. Биополярный мусорщик [Текст]: фантастический рассказ / А.Петров. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 3. – Омск: Вариант-Омск, 2014. – С. 47-54.
- Петров, А. Мёртвый Ужин [Текст]: повесть / А.Петров. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 5. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 48 – 67.
- Петров, А. Борьба с системой и другие мелочи жизни [Текст]: повесть / А.Петров. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 6. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 35-49.
- Петров, А. Лютер [Текст]: рассказ / А.Петров. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 8. – КЦ Акцент, 2018. – С. 16-18.
- Полюга, М. Мир вам [Текст]: рассказ/М.Полюга. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 15. – Омск: Золотой тираж, 2021. – С.60-65.
- Полюга, М. Незабудка [Текст]: рассказ / М.Полюга. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 13. – Омск: Золотой тираж, 2020. – С. 26-30.
- Прашкевич, Г. Азбука вины [Текст]: из сожжённой книги / Г.Прашкевич. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 9. – Омск: ПЦ «Кан», 2018. – С. 6-33.
- Прашкевич, Г. Пирамида Хэссопа (Отчёт Джи Тотлера, комментатора канала Zet) [Текст]: повесть / Г.Прашкевич. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 14. – Омск: Золотой тираж, 2020. – С. 27-45.
- Прокопьев, С. Лучше водки хуже нет [Текст]: рассказ / С.Прокопьев. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 9. – Омск: ПЦ «Кан», 2018. – С. 51-55.
- Пронин, С. Со сцены [Текст]: рассказ / С.Пронин. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 15. – Омск: Золотой тираж, 2021. – С. 52-53.
- Протасов, Л. Дым над рекой [Текст]: роман / Л.Протасов. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 8. – КЦ Акцент, 2018. – С. 22-72.
- Протасов, Л. Нипрочто [Текст]: повесть / Л.Протасов. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 13. – Омск: Золотой тираж, 2020. – С. 32-42.
- Протасов, Л. Пещера [Текст]: роман / Л.Протасов. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 10. – Омск: ПЦ «Кан», 2018. – С. 31-106.
- Ратич, Л. Четыре времени лета [Текст]: повесть / Л.Ратич. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 11. – Омск: Золотой тираж, 2019. – С. 69-92.
- Романов, А. Принцип неопределённости [Текст]: рассказ / А.Романов. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 11. – Омск: Золотой тираж, 2019. – С. 5-13.
- Садур, Е. Воздух [Текст]: приснившаяся повесть/Е.Садур. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 7. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 157-226.
- Садур, Н. Юг. [Текст]: повесть / Н.Садур. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 5. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С.74-102.
- Сапрыкина, Т. Королева пыли [Текст]: рассказ / Т.Сапрыкина. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 15. – Омск: Золотой тираж, 2021. – С.25-31.
- Сафонов, А. Вечный сын [Текст]: рассказ / А.Сафонов. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 10-11.
- Сафонов, А. Понтий Пилат [Текст]: рассказ / А.Сафонов. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 3. – Омск: Вариант-Омск, 2014. – С. 16.
- Симонова, Д. Бронзовая чтица [Текст]: рассказ /Д.Симонова. – Менестрель: лите-

- ратурно-художественный журнал. – № 4. – Омск: Вариант-Омск, 2015. – С. 126-130.
- Симонова, Д. Все яблони цветут одинаково [Текст]: рассказ / Д.Симонова. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 5. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 122-126.
- Симонова, Д. Медная девочка [Текст]: рассказ / Д.Симонова. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 7. – Омск: Вариант-Омск, 2017. – С.7-11.
- Симонова, Д. Нет такого писателя [Текст]: рассказ / Д.Симонова. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 14. – Омск: Золотой тираж, 2020. – С. 23-25.
- Симонова, Д. Фёдоровна и зелёный кот [Текст]: рассказ / Д.Симонова. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 6. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 94-103.
- Симонова, Д. Школьный вальс с Анжелой Дэвис [Текст]: рассказ / Д.Симонова. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 11. – Омск: Золотой тираж, 2019. – С. 38-47.
- Синяк, Т. Достало [Текст]: рассказ / Т.Синяк. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 14. – Омск: Золотой тираж, 2020. – С. 51-53.
- Смирнов, М. Переступить порог [Текст]: рассказ / М.Смирнов. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 6. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 81-88.
- Смирнов, М. С возвращением, Федька [Текст]: рассказ / М.Смирнов. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 7. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С.80-84.
- Смирнов, М. «О время, погоди» [Текст]: рассказ / М.Смирнов. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 8. – Омск: КЦ Акцент, 2018. – С. 112-115.
- Спивак, М. Невезучий контрабандист [Текст]: рассказ / М.Спивак. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 8. – Омск: КЦ Акцент, 2018. – С. 107-108.
- Сторч, Л. Вечер осенний [Текст]: рассказ / Л. Сторч. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 4. – Омск: Вариант-Омск, 2015. – С.32-41.
- Телков, Б. Вакансия доктора Свифта [Текст]: рассказ / Б.Телков. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 1. – Омск: Вариант-Омск, 2012. – С. 7-8.
- Телков, Б. Одинокий [Текст]: рассказ / Б.Телков. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 14.
- Телков, Б. Помидор [Текст]: рассказ /Б.Телков. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 3. – Омск: Вариант-Омск, 2014. – С. 27-29.
- Телков, Б. Имя от пришельца [Текст]: рассказ / Б.Телков. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 8. – Омск: КЦ Акцент, 2018. – С. 7-10.
- Токарев, А. Стёршийся иероглиф [Текст]: рассказ / А.Токарев. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 8. – Омск: КЦ Акцент, 2018. – С.119-122.
- Уткин, С. Миниатюры [Текст]: рассказы /С.Уткин. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 4. – Омск: Вариант-Омск, 2015. – С. 80-86.
- Фалеев, Д. Дураки [Текст]: рассказ / Д.Фалеев. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 15. – Омск: Золотой тираж, 2021. – С. 47-50.
- Ханов, Б. Сердечные нравы [Текст]: рассказ /Б.Ханов. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 15. – Омск: Золотой тираж, 2021. – С. 39-45.
- Чёткина, Е. А была ли я? [Текст]: рассказ / Е.Чёткина. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 3. – Омск: Вариант-Омск, 2014. – С. 40-41.
- Зульфикаров, Т. День стрекоз [Текст]: притчи / Т.Зульфикаров. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 14. – Омск: Золотой тираж, 2020. – С. 47-48.
- Юдин, С. Гроах [Текст]: рассказ / С.Юдин. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 6. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 60-72.
- Юдин, С. Кури ноги [Текст]: повесть / С.Юдин. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 10. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 113-120.
- Юдин, С. Морок [Текст]: рассказ / С.Юдин. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 14. – Омск: Золотой тираж, 2020. – С. 13-21.
- Юдин, С. Рождественская мистерия [Текст]: рассказ / С.Юдин. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 12. – Омск: Изд-во «ИП Загурский С.Б.», 2019. – С. 63-70.

КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА

- Алавердова, Л. Дозволено ли Юпитеру? [Текст]: эссе/Л.Алавердова. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 3. – Омск: Вариант-Омск, 2014. – С.126-129.

- Вайнерман, В. «Менестрель» шагает по планете [Текст]: статья / В.Вайнерман. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 108-111.
- Вайнерман, В. Я – золотистый рыцарь, жизнь посвятивший мечте [Текст]: статья / В.Вайнерман. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 116-125.
- Волкова, М. Монументальная моментальная фотография Уральской поэтической школы [Текст]: очерк / М.Волкова. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 8. – КЦ Акцент, 2018. – С.127-130.
- Гельбах, И. В мастерской художника [Текст]: статья / И.Гельбах. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 96-99.
- Горелова, И. Коротко о сложном [Текст]: рецензия / И.Горелова. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 10. – Омск: ПЦ «Кан», 2018. – С. 131.
- Голубовский, Е. Заборные выставки. От Омска до Одессы [Текст]: статья / Е.Голубовский. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 100-102.
- Григорьева, Л. «Среди незримых знаков вешних...» О поэзии Олега Чертова [Текст]: статья / Л.Григорьева. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 5. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – 176-178.
- Григорьева, О. «Жил я впервые на этой земле...» [Текст]: статья / О.Григорьева. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 15. – Омск: Золотой тираж, 2021. – С. 101-105.
- Грейп, А. Река под стеклом. О сайте поэмы Р.Амелина «Мегалополис Олос» [Текст]: статья / А.Грейп. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 15. – Омск: Золотой тираж, 2021. – С. 99-100.
- Джин, Я. Мёртвые не умирают. О поэзии Дмитрия Мельникова [Текст]: статья / Я.Джин. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 7. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С.229-235.
- Демидова, Я. Животворящий хаос [Текст]: статья / Я.Демидова. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 11. – Омск: Золотой тираж, 2019. – С. 109-110.
- Демидова, Я. Писать очень трудно [Текст]: рецензия / Я.Демидова. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 11. – Омск: Золотой тираж, 2019. – С. 103-105.
- Демьяненко, А. О принципах современной критики [Текст]: манифест / А.Демьяненко. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 6. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 176-180.
- Дмитриева, М. Студийные записи [Текст]: рецензия / М.Дмитриева. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 11. – Омск: Золотой тираж, 2019. – С. 100-102.
- Елизарова, Н. Современная детская литература Омского Прииртышья [Текст]: статья / Н.Елизарова. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 90-92.
- Елизарова, Н. Экранизации художественных произведений о школе [Текст]: статья / Н.Елизарова. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 3. – Омск: Вариант-Омск, 2014. – С. 122-125.
- Жеребчук, Б. Эмигрантская литература. Миф или реальность? [Текст]: статья / Б.Жеребчук. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 3. – Омск: Вариант-Омск, 2014. – С.138-141.
- Кедров-Челищев, К. Проект Велимира. Из литературного дневника [Текст]: статья / К.Кедров-Челищев – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 9. – Омск: ПЦ «Кан», 2018. – С. 80-83.
- Клишин, О. Магнитная аномалия Аркадия Кутылова [Текст]: статья / О.Клишин. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 13. – Омск: Золотой тираж, 2020. – С. 98-118.
- Козырев, А. Логика истории и взаимодействие культур [Текст]: статья / А.Козырев. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 136-141.
- Козырев, А. Введение в систему Джордано Бруно [Текст]: эссе / А.Козырев. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 3. – Омск: Вариант-Омск, 2014. – С. 144-148.
- Козырев, А. Дневник издателя [Текст]: статья / А.Козырев. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 3. – Омск: Вариант-Омск, 2014. – С.149-151.
- Козырев, А. Homo Experimentum: [Текст]: эссе / А.Козырев. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 4. – Омск: Вариант-Омск, 2015. – С. 188-191.
- Козырев, А. К вопросу о своеобразии литературы омского региона [Текст]: статья / А.Козырев. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 4. – Омск: Вариант-Омск, 2015. – С.204-206.

Копелиович, М. Борис Чичибабин в контексте нашего времени [Текст]: эссе / М.Копелиович. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 9. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 104-105.

Корнев, В. Ложь реальности и правда фантазии (Марк Захаров) [Текст]: статья / В.Корнев. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 9. – Омск: ПЦ «Кан», 2018. – С.84-91.

Курилко, А. Морской лев литературы. Попытка анализа главного произведения Эрнеста Хемингуэя [Текст]: статья / А.Курилко. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 6. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 158-168.

Кутенков, Б. Кровь и почва, или Москвоцензизм? [Текст]: статья / Б.Кутенков. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 3. – Омск: Вариант-Омск, 2014. – С.131-134.

Мачульская, Е. Как пишутся городские легенды [Текст]: эссе / Е.Мачульская. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 103-104.

Мачульская, Е. Песни белого города [Текст]: эссе / Е.Мачульская. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 4. – Омск: Вариант-Омск, 2015. – С. 184-187.

Миркина, З. Что же такое свобода? [Текст]: эссе / З.Миркина. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 8. – Омск: КЦ Акцент, 2017. – С.131-134.

Никифорова, Е. Кому нужны «новые песни о главном?» [Текст]: статья / Е.Никифорова. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 86-88.

О'Нил, О. Обзор альманаха «Точка зрения» [Текст]: статья / О.О Нил. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 112.

Орлова, С. О сказке и тоске [Текст]: статья / С.Орлова. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 93-94.

Орлова, С. Высокая степень обратной связи [Текст]: статья / С.Орлова. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 113.

Рагулин, И. Звезда полей [Текст]: статья / И.Рагулин. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 81-85.

Савицкая, С. Воспоминания Марины Попович [Текст]: статья /С.Савицкая. –

Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 1. – Омск: Вариант-Омск, 2012. – С. 71-80.

Садур, Н. Собачий бог. О поэте и драматурге Александре Строганове [Текст]: статья / Н.Садур. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 7. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 238.

Садур, Е. Привилегия касты [Текст]: статья / Е.Садур. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 6. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 181-192.

Сергеева, А. Добрый отзыв злого критика [Текст]: рецензия / А.Сергеева. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 8. – Омск: КЦ Акцент, 2017. – С.187-188.

Сенин, И. Запрещённая реальность. Размыщение о пьесе Нины Садур «Лётчик» [Текст]: статья / И.Сенин. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 6. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С.169-170.

Сенин, И. Провинция, столица, заграница. Записки провинциала [Текст]: статья / И.Сенин. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 3. – Омск: Вариант-Омск, 2014. – С. 140-143.

Сенин, И. Философия жизни Андрея Козырева [Текст]: отрывки из статьи / И.Сенин. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 1. – Омск: Вариант-Омск, 2012. – С. 65-70.

Сенин, И. Художника обидеть может каждый [Текст]: рецензия / И.Сенин. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 8. – Омск: КЦ Акцент, 2017. – С.189-190. Соколинский, Е. Александр Строганов в параллельных мирах. Критический сумбур вместо музыки [Текст]: статья / Е.Соколинский. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 15. – Омск: Золотой тираж, 2021. – С. 106-121.

Соснов, Д. Живое о живом [Текст]: рецензия-экспромт / Д.Соснов. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 9. – Омск: ПЦ «Кан», 2018.– С. 76-77.

Соснов, Д. Литература как искусство монтажа [Текст]: рецензия на сайт журнала «Ликбез» / Д.Соснов. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 13. – Омск: Золотой тираж, 2020. – С. 87-89.

Соснов, Д. Новый взгляд на «Старые вещи» [Текст]: статья / Д.Соснов. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 3. – Омск: Вариант-Омск, 2014. – С. 116-118.

Соснов, Д. «Искрись стихами, юная душа! Искрись, прошу, пожалуйста, не гасни!» [Текст]: статья / Д.Соснов. – Менестрель:

- литературно-художественный журнал. – № 6. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 201-204. Соснов, Д. Фестиваль собирает таланты [Текст]: статья /Д.Соснов. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 114-115.
- Сергеева, А. Вычитывая век [Текст]: статья / А.Сергеева. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 6. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 171-175.
- Сергеева, А. Путешествие в Византию [Текст]: рецензия на книгу Андрея Козырева «Осень в Византии» /А.Сергеева. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 8. – Омск: КЦ Акцент, 2018. – С.135-136.
- Сергеева, А. Насколько безымянна частота? [Текст]: рецензия на книгу Ивана Денисенко «Безымянная частота» /А.Сергеева. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 9. – Омск: ПЦ «Кан», 2018. – С. 100-103.
- Степанова, А. Моё сTихое Слово [Текст]: рецензия / А.Степанова. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 10. – Омск: ПЦ «Кан», 2018.– С. 132 – 134.
- Таран, И. Вольные мысли [Текст]: сложно-сокращённая рецензия / И.Таран. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 9. – Омск: ПЦ «Кан», 2018.– С.74-75.
- Телков, Б. Порхание розовых бабочек [Текст]: статья / Б.Телков.– Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 1. – Омск: Вариант-Омск, 2012. – С. 58-64.
- Федоровский, И. С любовью по ссылке, или Вбродский брести [Текст]: рецензия на сайты / И.Федоровский. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 14. – Омск: Золотой тираж, 2020. – С.102-103.
- Фещенко-Скворцова, И. Фальшивый гетероним Фернандо Пессоа [Текст]: статья / И.Фещенко-Скворцова. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 9. – Омск: ПЦ «Кан», 2018. – С. 92-99.
- Хилько, Н, Дорогой пилигримов [Текст]: статья / Н.Хилько. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 105-107.
- Хилько, Н. Первоначальная модель нравственных приоритетов духовного наследия культуры России постперестроечной эпохи [Текст]: статья / Н.Хилько. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 3. – Омск: Вариант-Омск, 2014. – С. 128-130.
- Хохлов, И. Возвращение Николая Разумова [Текст]: очерк / И.Хохлов. – Менестрель: ли- тературно-художественный журнал. – № 8. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С.151.
- Чертыова, Т. Вечный Дом [Текст]: статья / Т.Чертыова. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 6. – Омск, 2016. – С. 193.
- Шайдурова, А. Жизнь как искусство [Текст]: статья / А.Шайдурова. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 95.
- Яковлева, Т. Частный взгляд на народность культуры [Текст]: статья / Т.Яковлева. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 89.

ДРАМАТУРГИЯ

- Бурыкин, А. Молоко [Текст]: комедия в семи сценах / А.Бурыкин. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 15. – Омск: Золотой тираж, 2021. – С. 141-160.
- Козырев, А. Общество Поэтов-Анонимов [Текст]: сцена из трагедии / А.Козырев. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 3. – Омск: Вариант-Омск, 2014. – С.104-108.
- Коляда, Н. Всеобъемлюще [Текст]: маленькая комедия в одном действии / Н.Коляда. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 7. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С.253-270.
- Лидский, В. Нелегальный сумасшедший [Текст]: эксцентрическая трагикомедия в двух действиях / В.Лидский. – Менестрель: литературно-художественный журнал – № 12. – Омск: Изд-во «ИП Загурский С.Б.», 2019. – С. 115-136.
- Лидский, В. Чёрненькие [Текст]: мелодрама в двух действиях/В.Лидский. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 9. – Омск: ПЦ «Кан», 2018. – С.109-123.
- Пулинович, Я. Саламандры [Текст]: пьеса в двух действиях / Я.Пулинович. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 9. – Омск: ПЦ «Кан», 2018. – С.124-147.
- Садур, Е. Острова блаженных [Текст]: пьеса в двух актах / Е.Садур. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 4. – Омск: Вариант-Омск, 2015. – С. 136-173.
- Садур, Н. Лётчик [Текст]: ночная пьеса в двух актах/Н.Садур. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 3. – Омск: Вариант-Омск, 2014. – С. 61-99.
- Садур, Н. Офени ушли [Текст]: пьеса в девяти картинах с прологом и эпилогом /

- Н.Садур. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 4. – Омск: Вариант-Омск, 2015. – С. 105-135.
- Садур, Н. Мальчик-небо [Текст]: мистерия / Н.Садур. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 10. – Омск: ПЦ Кан, 2018. – С. 147-167.
- Садур, Н. Остров Несусвет (Приключения Оли и Коли) [Текст]: пьеса-сказка для детей от 6 лет /Н.Садур. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 13. – Омск: Золотой тираж, 2020. – С. 119-145.
- Слаповский, А. Эдип Карамызякского района [Текст]: детективная трагикомедия в двух действиях. Частично в стихах / А.Слаповский. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 11. – Омск: Золотой тираж, 2019. – С. 146-165.
- Сологуб, С. Ланцелот уже не тот [Текст]: сказка в двух действиях / С.Сологуб. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 15. – Омск: Золотой тираж, 2021. – С. 122-140.
- Строганов, А. Иерихон [Текст]: комедия в двух действиях/А.Строганов. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 6. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 206-253.
- Строганов, А. Нерон, исчерпанный и нежный, наблюдает полёт дирижабля [Текст]: мелодрама в двух действиях / А.Строганов. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 11. – Омск: Золотой тираж, 2019. – С. 118-145.
- Строганов, А. Сторож брату своему [Текст]: пьеса в трёх действиях / А.Строганов. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 14. – Омск: Золотой тираж, 2020. – С.127-149.
- художественный перевод
- Кириллова, Г. Христина Панджариidis. Богатый американец ищет сиделку [Текст]: рассказ. Перевод с болгарского / Г.Кириллова. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 34-35.
- Некляев, В. Константин Кавафис. Услышав о любви [Текст]: стихотворения. Перевод с новогреческого / В.Некляев. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 9. – Омск: ПЦ «Кан», 2018. – С.148.
- Рехин, Э. Мария Конопницкая. Что видели дети по дороге. Что видело солнышко [Текст]: стихотворения. Перевод с польского / Э.Рехин. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 79-80.
- Фельдман, Е. По страницам англо-шотландской поэзии. [Текст]: стихотворения. Перевод с английского / Е.Фельдман. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 112-115.
- Фельдман, Е. Из шотландской поэзии [Текст]: стихотворения. Перевод с английского / Е.Фельдман. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 3. – Омск: Вариант-Омск, 2014. – С.115-118.
- Фещенко-Скворцова, И. Рикарду Рейш - португальский Гораций [Текст]: стихотворения. Перевод с португальского / И.Фещенко-Скворцова. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 8. – Омск: КЦ Акцент, 2018. – С. 155-157.

ПУБЛИКАЦИИ

- Анищенко, М. Река, лодка, дом и женщина [Текст]: неоконченная поэма / М.Анищенко. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 7. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С.242-249.
- Бородянский, Г. Очередь за уютом [Текст]: стихотворения / Г.Бородянский. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 15. – Омск: Золотой тираж, 2021. – С. 161.
- Гофман, В. Этот крест не отдам никому [Текст]: стихотворения / В.Гофман. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 5. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 183-186.
- Кузнецов, Н. Оправдывая миф. Стихотворения / Н.Кузнецов. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 14. – Омск: Золотой тираж, 2020. – С.126.
- Павельева, И. Не жги последнего моста [Текст]: стихотворения / И.Павельева. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 5. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С.187-190.
- Разумов, Н. Я опоздал к отлёту журавлей [Текст]: стихотворения / Н.Разумов. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 8. – Омск: КЦ «Акцент», 2017. – С.152-154.
- Чертов, О. Сиротство пребыванья на земле [Текст]: стихотворения / О.Чертов. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 5. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 180-184.

Чертов, О. Стихотворения из книги «Вечный Дом» [Текст]: стихотворения / О.Чертов. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 6. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С.194-200.

Чертов, О. Георга. Размышления о романе Отара Чиладзе «И всякий, кто встретится со мной» [Текст]: эссе / О.Чертов. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 7. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С.250-252.

Чертов, О. Грузинские письма [Текст]: письма / О.Чертов.– Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 8. – Омск: КЦ «Акцент», 2017. – С.137-150.

Чертов, О. Лунным мальчиком по городу пройду: [Текст]: стихотворения / О.Чертов. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 10. – Омск: ПЦ «Кан», 2018. – С.145-146.

Чичибабин, Б. Между печалью и ничем [Текст]: стихотворения / Б.Чичибабин. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 9. – Омск: КЦ «Акцент», 2018. – С. 106-108.

ВОСПОМИНАНИЯ И МЕМУАРЫ

Алейников, В. Галерея портретов [Текст]: воспоминания / В.Алейников. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 14. – Омск: Золотой тираж, 2020. – С.109-125.

Алейников, В. При свечах [Текст]: воспоминания / В.Алейников. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 8. – Омск: КЦ «Акцент», 2017. – С. 158-178.

Алейников, В. Русский андеграунд [Текст]: воспоминания / В.Алейников. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 10. – Омск: ПЦ «Кан», 2018. – С. 158-178.

Соснов, Д. Жизнь, которая светит другим [Текст]: воспоминания / Д.Соснов. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 134-135.

Чертыова, Р. В память о сыне [Текст]: воспоминания / Р.Чертыова. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 126-133.

У НАС В ГОСТЯХ

Время в поперечном разрезе [Текст]: современная поэзия Пензы / А. Коржавина, Т.Кадникова, А.Мартышина, В.Доронина. – Менестрель: литературно-худо-

жественный журнал. – № 14. – Омск: Золотой тираж, 2020. – С.85-86.

Там, где кончается Россия: [Текст]: современная поэзия Владивостока / И.Шепета, В.Федоренко, И.Ахмадиев, С.Голиков, С.Нелюбин, А.Белых, К.Дмитриенко. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 13. – Омск: Золотой тираж, 2020. – С. 71-77.

ТЕМАТИЧЕСКАЯ АНТОЛОГИЯ

Взгляд с пристрастием. Антология поэтического автопортрета [Текст]: стихотворения/В.Левина, Г.Щербова, А.Филиппова, М.Полякова, М.Чистопольская. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 15. – Омск: Золотой тираж, 2021. – С. 73.

Книга о вкусной и знакомой пище. Антология кулинарной поэзии [Текст]: стихотворения / С.Золотарёв, В.Ерофеева-Тверская, М.Безденежных, Г.Шевченко, И.Федоровский. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 11. – Омск: Золотой тираж, 2020. – С. 94.

Охота на волков. Антология анималистической поэзии [Текст]: стихотворения / Е.Кордзахия, В.Сенькина, Д.Соснов. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 12. – Омск: Изд-во «ИП Загурский С.Б.», 2019.– С. 86. Стихи о предметах первой необходимости. Антология обывательской поэзии [Текст]: стихотворения / А.Школьников, А.Тихонов, И.Федоровский, А.Сергеева. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 12. – Омск: Изд-во «ИП Загурский С.Б.», 2019. – С. 86.

Широка страна моя родная. Антология географической поэзии [Текст]: стихотворения / А.Козырев, М.Улыбышева, О.Андреева, И.Денисенко, И.Надирова, С.Курач, А.Панин. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 14. – Омск: Золотой тираж, 2020. – С.91-92.

ПОЭТИЧЕСКАЯ ПЕРЕКЛИЧКА

«Ад одиночества» (И.Анненский – В.Богданов) [Текст]: стихотворения. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 12. – Омск: Изд-во «ИП Загурский С.Б.», 2019. – С. 93.

«В вагоне» (П.Васильев – З.Сюникаева) [Текст]: стихотворения. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 11. – Омск: Золотой тираж, 2019. – С. 95.

«Гнев» (С.Есенин – Бабка Лидка) [Текст]: стихотворения. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 9. – Омск: ПЦ «Кан», 2018. – С.70.

«Купол» (О.Мандельштам – В.Богданов) [Текст]: стихотворения. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 14. – Омск: Золотой тираж, 2020. – С.93.

«Мимо собственной могилы» (Н.Некрасов – И. Таран) [Текст]: стихотворения. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 10. – Омск: ПЦ «Кан», 2018. – С. 124.

«Мой голос из-под земли» (М.Цветаева – А.Кондакова) [Текст]: стихотворения. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 13. – Омск: Золотой тираж, 2020. – С. 84.

«Наш Арго!» (А.Белый – И.Денисенко) [Текст]: стихотворения. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 9. – Омск: ПЦ «Кан», 2018.– С. 69.

«Несрочная весна» (Е.Баратынский – О.Клишин) [Текст]: стихотворения. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 15. – Омск: Золотой тираж, 2021. – С. 83.

«Плач гитары» (Ф.Гарсиа Лорка – В.Шелленберг) [Текст]: стихотворения. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 10. – Омск: ПЦ «Кан», 2018. – С. 124.

«Холодный гранит» (И.Анненский – Д. Мельников) [Текст]: стихотворения. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 9. – Омск: ПЦ «Кан», 2018. – С.70.

«Это какая улица?» (О.Мандельштам – Д.Румянцев) [Текст]: стихотворения. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 9. – Омск: ПЦ «Кан», 2018. – С. 69.

ПОЭТЫ О СВОИХ СТИХАХ

Близнюк, Д. Фотографии островов [Текст]: стихи с комментариями / Д.Близнюк. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 12. – Омск: Изд-во «ИП Загурский С.Б.», 2019. – С. 94-95.

Дмитриев, А. Чтобы уже не пустовать [Текст]: стихи с комментариями / А.Дмитриев. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 11. – Омск: Золотой тираж, 2019. – С. 96.

Кутенков, Б. Во тьме Большого Невзначая [Текст]: стихи с комментариями / Б.Кутенков. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 13. – Омск: Золотой тираж, 2020. – С. 85-86.

Песков, Д. Старая пластинка [Текст]: стихи с комментариями / Д.Песков. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 15. – Омск: Золотой тираж, 2021. – С 84.

Федоровский, И. Авторецензия с претензией на ошибку [Текст]: стихи с комментариями/ И.Федоровский. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 14. – Омск: Золотой тираж, 2020. – С.94-95.

АНКЕТА «МЕНЕСТРЕЛЬ»

Здравствуй, племя младое, непонятное [Текст]: ответы на анкету / Г. Каневский, М. Кудимова, Ф. Гримберг, К.Анкудинов, Д.Кан, Д.Курская. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 13. – Омск: Золотой тираж, 2020. – С. 93-97.

Кто в литературе хозяин [Текст]: ответы на анкету / Р.Сенчин, Б.Кутенков, А.Тимофеев, В.Куприянов, А.Дмитриев, К.Дмитриенко, Л.Григорьева, И.Федоровский, Н.Делаланд, Д.Курская, А.Балтин, А.Чемоданов. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 14. – Омск: Золотой тираж, 2020. – С.104-108.

О школах и школьниках [Текст]: ответы на анкету / А.Метельков, А.Дмитриев, М.Рантович, М.Улыбышева, Н.Ягодинцева, И.Федоровский. – Менестрель: литературно-художественный журнал – № 12. – Омск: Изд-во «ИП Загурский С.Б.», 2019.– С. 105-110.

Похвала глупости [Текст]: ответы на анкету / Комаров К., Улзытуев А., Ягодинцева Н., Горелова И., Кан Д., Федоровский И., Строганов А. – Менестрель: литературно-художественный журнал – № 11. – Омск: Золотой тираж, 2019. – С. 106-108.

Учиться и учить [Текст]: ответы на анкету / О.Николаева, Б.Кутенков, Н.Ягодинцева, И.Горелова, Н.Коляда, В.Кальпиди. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 15. – Омск: Золотой тираж, 2021. – С. 95-98.

ИНТЕРВЬЮ

УПШ – США: два мира, две поэзии [Текст]: двойное интервью / В. Зубарева, М.Волкова. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 11. – Омск: Золотой тираж, 2019. – С.111-117.

Взгляд извне и изнутри [Текст]: двойное интервью / С.Орлова, Г.Каневский. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 10. – Омск: ПЦ Кан, 2018. – С. 148-151.

Есть ли жизнь на Марсе, или Русские писатели в Англии [Текст]: двойное интервью / Д.Курская, Л.Григорьева. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 13. – Омск: Золотой тираж, 2020. – С. 90-92.

Острова и мосты: [Текст]: интервью / А.Козырев, М.Матвеева. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 15. – Омск: Золотой тираж, 2021. – С. 87-91.

Поэты Шрёдингера [Текст]: двойное интервью / А.Демьяненко, К.Дмитриенко. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 12. – Омск: Изд-во «ИП Загурский С.Б.», 2019. – С. 96-104.

«Преобразившись в световую нить...»: к 25-летию со дня гибели Олега Чертова [Текст]: интервью / А.Козырев, Т.Чертова. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 15. – Омск: Золотой тираж, 2021. – С. 92-94.

Улучшая среду обитания: два среза литпроцесса – на Волге и на Дону [Текст]: двойное интервью / А.Дмитриев, О.Андреева. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 14. – Омск: Золотой тираж, 2020. – С.96-101.

САТИРА И ЮМОР

Довгай, Н. Человек с квадратной головой [Текст]: юмореска / Н.Довгай. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 1. – Омск: Вариант-Омск, 2012. – С.97-98.

Дорохин, С. Пародии [Текст]: стихотворения / С.Дорохин. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 4. – Омск: Вариант-Омск, 2015. – С. 207-209.

Сенин, И. Вариации на тему «У попа была собака» [Текст]: стихотворения / И.Сенин. – Менестрель: литературно-художественный

журнал. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 144-146.

Сериков, В. Смехотворения [Текст]: стихотворения / В.Сериков. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 3. – Омск: Вариант-Омск, 2014. – С. 159.

Смотрин, М. Загадай желание! [Текст]: рассказ / М.Смотрин. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 1. – Омск: Вариант-Омск, 2012. – С. 98-100.

Сундеев, В. Гrimаса судьбы [Текст]: легкомысленный рассказ / В.Сундеев. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 1. – Омск: Вариант-Омск, 2012. – С. 101-104.

Сундеев, В. Провинциал [Текст]: легкомысленный рассказ / В.Сундеев. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 147-150.

Сундеев, В. Лёнчик-настройщик [Текст]: легкомысленный рассказ / В.Сундеев. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 3. – Омск: Вариант-Омск, 2014. – С.156-158.

Козырев, В. Покатилось и упало красно солнышко [Текст]: стихотворения / В.Козырев. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 5. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 230-231.

Котыщенко, В. Брюхопёсая съедоба [Текст]: стихотворения / В.Котыщенко. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 5. – Омск: Вариант-Омск, 2016. – С. 228-229.

Моор-Мурадов, Ю. Реванш доктора Ватсона [Текст]: этюд в лукавых тонах /Ю.Моор-Мурадов. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 2. – Омск: Вариант-Омск, 2013. – С. 142-144.

Ходырев, В. Анекдот моей жизни, или Чем чёрт не шутит? [Текст]: рассказ / В.Ходырев. – Менестрель: литературно-художественный журнал. – № 3. – Омск: Вариант-Омск, 2014. – С.142-155.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Баланова Наталья – поэт. Живёт в Москве. Инженер-экономист. Публиковалась в журнале «Новая Юность». Участница курсов Литературной школы журнала «Менестрель».

Бекишев Александр – поэт. Родился в 1956 г. в Кызыле Тувинской АССР. С 1965 г. проживает в Омске. Окончил исторический факультет ОМГУ. Публиковался в местных СМИ, альманахах «Складчина», «Тарские ворота», «Иртыш-Омь», «Точка зрения». Член Союза российских писателей.

Бородянский Георгий – поэт, журналист. Родился в Омске в 1959 году. Окончил Омский институт инженеров железнодорожного транспорта, работал инженером в НПО «Прогресс». Занимался журналистикой, сотрудничал со многими газетами в Омске и Томске. В 1990-1994 гг., возглавлял издательство «Любинский проспект». Публиковался в омских газетах, журнале «Смена», коллективных сборниках «Старт», «Перекрёсток» и др. Автор нескольких поэтических сборников. Член Союза Российских писателей. Последние годы работал корреспондентом «Новой газеты». В 2010 году стал лауреатом премии им. А.Сахарова в номинации «Журналистика как поступок», в 2020 году – лауреатом литературной премии им. А.Блока.

Бурыкин Алексей – актёр, режиссёр, драматург. Родился в 1968 г. В 1990 г. окончил актёрский факультет Школы-Студии МХАТ. Работал в Театре-студии под руководством О.Табакова, частном театре Улисс. Дебютировал в кино в фильме «Брызги шампанского» (1987). В 1993 г. в Москве состоялась премьера спектакля по пьесе А.Бурыкина «Н-Нижинский» (с участием О.Меньшикова и А.Феклистова). Пьесы ставились в России, Финляндии, Израиле. Автор более 30 документальных фильмов, в частности «Я гений Николай Глазков», «8 секунд», «Брат Азарий», «Рыбаков, сын Рыбакова, внук Рыбакова», «Юрий Кублановский. Родина рядом». В 2018 году выпустил первый поэтический сборник «Пощада».

Вихляев Константин – поэт, автор песен, прозаик, эссеист, организатор Ялтинского фестиваля авторской песни.

Родился в 1954 г. Закончил Донецкий институт советской торговли и Одесский государственный университет. Автор нескольких сборников стихов и прозы, а также музыкальных альбомов. Живёт в Ялте. Участник курсов Литературной школы журнала «Менестрель».

Гаврилов Виктор – поэт, член Союза писателей России, член СЖР, кандидат педагогических наук, доцент. Родился в Омске в 1974 году. Окончил филологический факультет Омского государственного педагогического университета. Работал в школе, в с. Екатерининское, Тарского района, Омской области. Печатался в коллективных сборниках, альманахе «Иртыш», журнале «Литературный Омск». Автор трёх поэтических книг: «Благослови на счастье» (Омск, 1996), «Свет, который внутри» (Омск, 2006), «Маятник звезды» (2015), «Времена. Coda» (2020) и книги стихов и сказок для детей «Кочепыжик» (2017). Лауреат литературной премии им. Ф.М. Достоевского (Омск, 2006).

В настоящее время живёт и работает в Сургуте, доцент кафедры ФОиЖСурГПУ.

Гильман Ксения – поэт. Родилась в Иркутске. Окончила режиссёрский факультет ГИТИСа, Высшие литературные курсы в Литературном институте им. А.М.Горького. Автор двух поэтических сборников. Публиковалась в периодических изданиях. Участница курсов Литературной школы журнала «Менестрель».

Григорьева Ольга – поэт, критик, журналист. Родилась в г. Новосибирске. С 1971 года живёт в Казахстане (с 1978 года – в Павлодаре). Окончила факультет журналистики Государственного университета им. С.М. Кирова (Алма-Ата). Автор многочисленных сборников стихов и очерков, а также книг для детей. Публиковалась в журналах «Складчина» (Омск), «Омская муз» (Омск), «Нива» (Астана), «Простор» (Алма-Ата), альманахах «Южная звезда» и «Ковчег» (Ростов-на-Дону), «Миша» (Москва), многих научных сборниках. Стихотворения О. Григорьевой вошли в первый том 7-томной антологии «Современное русское зарубежье». Член Союза российских писателей, член Союза журналистов Казах-

стана. Награждена почётным знаком «Деятель культуры». Лауреат Международной литературной премии им. Марины Цветаевой.

Гребенников Александр – прозаик. Родился и живёт в Новосибирске. Окончил Новосибирский авиационный техникум, служил в погранвойсках. Автор книг «Из жизни снежных людей» (Новосибирск), «Третий экипаж», «День работоговца» (обе – Москва, в соавторстве с Г. Прашкевичем и Т. Сапрыкиной).

Грейп Анна – прозаик. Родилась в 1983 г. Живёт во Владимире. Участница курсов Литературной школы журнала «Менестрель». Публиковалась в журнале «Менестрель», других периодических изданиях.

Горелова Ирина – поэт, критик, издатель. Главный редактор альманаха ОмГТУ «Переливы». Автор поэтических книг «В ожидании Мастера», «Век новокаменный». Лауреат литературной премии им. Ф. М. Достоевского. Кандидат экономических наук. Член Союза писателей России.

Гущина Александра – поэт. Живёт в Новосибирске. Училась в КемШУКИ на кафедре фото-видеоизобразительства, в Кемеровском музыкальном колледже на хоровом отделении. Занималась в творческой мастерской «Аз», возглавляемой поэтом Александром Ибрагимовым. Публиковалась в журналах «После 12» (Кемерово), «Вольный лист» (Омск). Участница курсов Литературной школы журнала «Менестрель».

Домбровский Станислав – поэт. Родился в Омске в 1987 г. Окончил Новосибирский Государственный университет, по профессии – программист. Публиковался в сборниках и журналах: «Время на ощупь», «Иду на честный разговор», «Литературный Омск» и др. Автор сборника стихов «Запасный выход» (2006). Лауреат областной молодёжной литературной премии им. Ф.М.Достоевского (2006).

Елизарова Наталья – прозаик, драматург. Родилась в городе Омске. Окончила филологический факультет Омского государственного университета,

аспирантуру Омского государственного технического университета по специальности «Отечественная история». Кандидат исторических наук. Печаталась в российских периодических изданиях и коллективных сборниках. Автор девяти книг прозы. Лауреат литературной премии имени Ф.М. Достоевского (Омск, 2004 г.). Лауреат международного литературного конкурса «Лучшая книга года» (Берлин-Франкфурт, 2015 г.). Дипломант II Международного литературного Тургеневского конкурса «Бежин луг» (Тула, 2019). Член Союза российских писателей, Российского фонда культуры, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств.

Зельцер Сара – поэт. Родилась в Курске в семье военного. Жила в Читинской области, Белоруссии и Германии. Участник российских и международных фестивалей, семинаров, конкурсов. Автор сборника стихов «Не нужно музыки». Живёт в Москве.

Кальнов Денис – поэт. Родился в 1991 г. в Мурманске. Закончил Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г.Белинского. Проживает в г. Каменке Пензенской области. Публикуется впервые.

Климович Людмила – поэт, критик. Родилась в 1970 г. в г. Макушино Курганской области. Закончила Омский государственный политехнический институт. Живёт в Сургуте. Постоянный слушатель курсов литературной школы журнала «Менестрель», участник поэтических мастерских Creative Writing School и LitBand. Участница курсов Литературной школы журнала «Менестрель».

Клишин Олег – поэт, критик, публицист. Автор поэтических книг «Выход», «Круговая порука», «Вычитаемый век», «Набросок». Лауреат областной литературной премии им. Ф.М.Достоевского, областной премии им. Л.Мартынова, международной литературной премии им. И.Ф.Анненского. Член Союза писателей России.

Курбатова Лариса – поэт. Родилась в 1964 году в закрытом городе Северске Томской области. Живёт в Томске. В 1986 году окончила филологический факультет Томского государственного университета. Работает заведующей отделом социокультурных коммуникаций Научной

библиотеки ТГУ. Участница курсов Литературной школы журнала «Менестрель». Публикуется впервые.

Курмангалина Яна-Мария – поэт. Родилась в 1979 году. Детство прошло в Западной Сибири – в трассовом поселке Хулимсунт. Юность – в Краснодарском крае и Ростове-на-Дону. Окончила Литературный институт им. А.М. Горького (семинар В.А. Кострова) и получила кинодраматургическое образование во ВГИКе им. С.А. Герасимова (мастерская А.Я. Инина). Автор четырёх книг стихов – «Белые крылья» (Пермь, 2000 г.), «Вид из окна» (Архангельск, 2008 г.), «Первое небо» (Томск: ИД «СК-С», 2015), «Спит Вероника» (Москва, «Стеклограф», 2019) и книги прозы для детей «Журавлиное солнышко» в серии «Сказки русского леса» (Москва, «ВАКО», 2016). Стихи, статьи и переводы публиковались в российской и зарубежной периодике: «Новый берег», «Дружба народов», «Prosodia», «Интерпоэзия», «Октябрь», «Эмигрантская лира», «Гостиная», «Этажи», «Артиклъ», «День и ночь» и др. Участник студии сравнительного перевода «Шкеберть», журнала «Дружба народов». Редактор поэтического раздела журнала «Формаслов», заместитель главного редактора журнала «Эмигрантская лира». Живёт в г. Одинцово, Московская область.

Кутенков Борис – поэт, литературный критик, культуртрегер, обозреватель. Родился и живёт в Москве. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького (2011), учился в аспирантуре. Редактор отдела науки и культуры «Учительской газеты», редактор отдела эссеистики и публицистики портала «Textura». Критические статьи публиковались в журналах «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Дружба народов» и мн. др., а стихи – в «Волге», «Урале», «Интерпоэзии» и мн. др. Колумнист портала «Год литературы». Один из организаторов литературных чтений «Они ушли. Они остались», посвящённых рано ушедшим поэтам XX и начала XXI века. Организатор литературно-критического проекта «Полёт разборов», посвященного современной поэзии и ежемесячно проходящего на московских площадках.

Латыпова Камила – поэт, критик, преподаватель флейты. Живёт в Казани. Участница Всероссийского литературного

фестиваля им. М. Анищенко, г. Самара, 2019 (мастерская Дмитрия Мурзина). Участница Творческого форума «Таврида», г. Судак, 2020 (поэтическая мастерская Дмитрия Воденникова). Участница XIV Зимнего международного фестиваля искусств Юрия Башмета. «Зимняя школа поэзии 2021», г. Сочи» (мастерская Инги Кузнецовой и Андрея Гришаева). Дипломант фестиваля авторской песни «Горки» (2021). Участница финального семинара XVII литературного форума им. Н.С. Гумилёва «Осиянное слово» (2021). Лауреат (2 место) 2-го Республиканского Литературно-художественного фестиваля «Хрустальное озеро» (2021). Участница курсов Литературной школы журнала «Менестрель». Публикуется впервые.

Левина Виктория – прозаик, поэт, журналист, переводчик. Член Союзов писателей Израиля и международных союзов России, Германии, Болгарии и других стран. Родилась в России, в Забайкальском крае. Жила в Украине. Окончила Московский Государственный Технический Университет имени Н.Э. Баумана, инженер-механик. Работала в авиационной промышленности. С 1997 года проживает в Израиле. Лауреат ряда литературных премий. Печатается в журналах «Менестрель», «Литературный Иерусалим», «Литературный европеец», «Литературная газета», «Эмигрантская лира», «Сура», «Традиции и авангард», «Гиперборей», «Таврия литературная», «Форум», «Белая скала».

Лобанова Анастасия – поэт. Живёт в Харькове. В 2009 году окончила Международный Славянский университет. Лауреат ряда литературных премий и фестивалей. Публиковалась в харьковской периодике, в журнале «45 параллель» и других изданиях. Участница курсов Литературной школы журнала «Менестрель».

Лоцманова Светлана – поэт, сценарист. Родилась в Крыму, в настоящее время проживает в Москве. Публиковалась в сборниках издательства «Серебряное слово» и «Берёзовая эстетика», выпущенных издательством «Перископ», а также журнале CWS «Пашоня». Выпускница поэтической мастерской Creative Writing School. Участница курсов Литературной школы журнала «Менестрель».

Матвеева Марина – поэт, публицист, культуртрегер. Родилась в г. Саки, живёт в Симферополе. Публиковалась в изданиях Крыма, Украины, России, дальнего зарубежья (США, Канада, Германия, Великобритания, Австрия). Редактор ряда сборников и антологий поэтов Крыма. Лауреат международных литературных премий «Литературная Вена», «Пятая стихия» и др. Член Союза писателей России.

Николаева Олеся – поэт, прозаик, эссеист. Профессор Литературного института им. Горького, член Союза писателей СССР с 1988 года. Лауреат премии «Поэт» (2006), Патриаршей литературной премии (2012) и премии Правительства РФ в области культуры (2014).

Овакимян Сати – прозаик. Родилась в 1988 г. в Ереване. Автор книг «Полу-Остров» и «Созвездие эмигранта». Печаталась в журналах «Дружба народов», «День и Ночь», «9 муз» и др. Лонг-листер литературной премии им.И.Анненского. Лауреат VI Общеармянского конкурса рассказов «Абрикосовая косточка». Дипломант XI Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь».

Песков Дмитрий – поэт. Родился в Москве. С 13 лет проживает за границей (Швейцария, Швеция, США). Окончил среднюю школу при Постоянном представительстве Российской Федерации в Женеве в 1992 году. Магистр искусств по специальности «Французская литература» Северно-Иллинского университета, а также магистр изящных искусств Джаксонвильского университета по специальности «Хореографическое искусство». Публиковался в журналах: «Нева», «45 параллель», «Южная звезда», «Время и место», «Журнал ПОэтов», а также в поэтических изданиях на английском языке. Преподавал хореографию и танцевальное искусство в высших учебных заведениях. В настоящее время живёт и работает в г. Манти, штат Юта, США.

Побужанский Эдуард – поэт, издатель. Родился в г. Черновцы (Украина). Детство и юность провёл в г. Единцы на севере Молдавии. Окончил факультет журналистики Молдавского государственного университета и Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького (мастерская Юрия Кузнецова). Автор пяти поэтических книг. Стихи публиковались в «Литературной газете», журналах: «Креща-

тик», «Плавучий мост», «Слово/Word», «Москва», «Алтай», «Дальний Восток», «Север», «Берега», были переведены на румынский, украинский, чешский, английский и армянский языки. Член Союза писателей России. Основатель и главный редактор издательства «Образ». Живёт в Москве.

Полюга Михаил – прозаик. Родился в 1953 г. в Бердичеве (Украина). Окончил Харьковский юридический институт и Литературный институт им. А. М. Горького. Автор 19 книг поэзии и прозы. Публиковался в литературных периодических изданиях Украины, России, Германии, Израиля. Член Национального союза писателей Украины и Союза российских писателей. Живёт в Бердичеве.

Пронин Сергей – прозаик. Родился в Москве. Окончил Московский университет экономики, статистики и информатики и Университет Центрального Ланкашира (г.Пreston, Великобритания). В настоящее время – разработчик компьютерных игр, ведущий сценарист проектов «Дозоры. Грода в Сумарке», «Черновик Онлайн», «Альвегия Онлайн», ведущий дизайнер проектов «Dark Orbit», «Dreadnought», «The Cycle». Автор более 100 эстрадных миниатюр и ряда пьес, дважды лауреат международного фестиваля студенческих театров в г. Запорожье. Публиковался в журналах «Пашня», «Берлин. Берега», «Очевидец» и на порталах «гУРУ-арт» и «Текстъ». Редактор раздела «Актуальное» журнала «Литтература».

Сапрыкина Татьяна – прозаик. родилась и живёт в Новосибирске. Окончила Уральский университет (факультет журналистики). Публиковалась во многих сборниках и журналах, автор книги повестей и рассказов «День работоговца» (Москва, в соавторстве с Г. Прашкевичем и А. Гребенниковым) и книги сказок «Читалка» (Новосибирск).

Соколинский Евгений – критик. Родился и живёт в Санкт-Петербурге. Окончил филологический факультет ЛГУ, защитил диссертацию по драматургии А.В.Сухово-Кобылина. Работает в Российской национальной библиотеке. Организатор Оперного лектория РНБ. С середины 1970-х гг. занимается театральной критикой. Преподавал театральную критику в Санкт-Петербургской театральной академии, историю театра в Санкт-Петербургской консерватории. Член Союза театральных деятелей и Союза писателей Санкт-Петербурга. Автор

многочисленных публикаций и книг по современному русскому театру.

Сологуб Светлана – прозаик, драматург. Живёт в Москве. Автор книг «Сказки ПРО», «Человека-Подобие», «Шестое пришествие». Финалист конкурсов современной драматургии «Любимовка», «Творим мир своими руками», «Время драмы». Омской международной лаборатории современной драматургии, Международной драматургической программы «Премьера PRO», Волошинского конкурса; участник фестиваля «ДА!» Дома актёра г. Москвы, фестиваля детской драматургии АртТюзАрт (Украина). Лонг-листер премии им. И.Ф.Анненского-2020 (категория «Драматургия»). Победитель конкурса рассказов «Лето любви... по Фаренгейту» в рамках Года литературы в России-2020 (по итогам читательского голосования).

Соснов Дмитрий – поэт. Родился и живёт в Омске. Окончил юридический факультет ОмГУ. Первая публикация состоялась в газете «Омский университет» (ОмГУ). Стихи печатались в альманахах «Иртыш», «Складчина», в журналах «Омская Муза», «Пилигрим», «Виктория». Автор восьми поэтических книг. В 1998–99 годах возглавлял независимое ЛИТО ОмГУ «Четырёхлистник», работал редактором-организатором журнала «Пилигрим».

Тугарин Константин – поэт. Родился и живёт в Омске. Студент 1 курса филологического факультета ОмГУ. Участник курсов Литературной школы журнала «Менестрель». Публикуется впервые.

Фалеев Дмитрий Михайлович – писатель, этнограф (цыгановед), искусствовед и путешественник. Живёт в г. Иваново. Лауреат премии Дебют-2005 и русско-итальянской премии «Радуга» (2010). Автор книги «Бахтале-зурале! Цыгане, которых мы не знаем» (Москва, Альпина Нон-фикшн, 2013). Ряд рассказов переведен и опубликован в различных изданиях России, Великобритании, Италии, Франции и Китае.

Ханов Булат – прозаик. Живёт в Казани. Окончил Казанский федеральный университет в 2013 г. В 2016 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Советский дискурс в современной русской прозе». Публиковался в журналах

«Октябрь» и «Дружба народов», в сетевых изданиях «Литература» и «Текстура». Лауреат премий «Лицей» (2018) и «Звёздный билет» (2018). В 2019 г. в издательстве «Эксмо» вышел роман Б.Ханова «Гнев».

Чертова Татьяна – поэт, прозаик, драматург. Живёт в г. Омске. Автор многих книг и публикаций. Глава Фонда О.В.Чертова, издающего книги Олега Владиленовича Чертова и других авторов. Пьесы Т.Чертовой «Каникулы президента» и «Наш друг Ив Монтан» (написанные в соавторстве с И.Косицким) ставились в театрах Омска и других городов России.

Щербова Галина – поэт, прозаик, критик. Родилась и живёт в Москве. Публиковалась в журналах «Москва», «Литературная учёба», «Границы», «Невский альманах», «Петербургские строфы», «НГ-Exlibris», на Интернет-порталах. Автор шести книг прозы, нескольких поэтических сборников, статей в области культурологии и литературной критики. Участница курсов Литературной школы журнала «Менестрель».

Улыбышева Марина – поэт, прозаик, публицист. Автор поэтических книг «До завтра» (Омское книжное издательство, 1982), «Художник и Марина» (М., «Советский писатель», 1992), «Нептица» (Калуга, «Золотая аллея», 1994), «MARINA» (Калуга, «Гриф», 2014). Печаталась в «Литературной газете», газете «Россия», журналах «Дружба народов», «Наш современник», «Сибирские огни», «Октябрь», «Юность», «Мир Паустовского», «Фома», «Ока», «Траектория творчества», «Эксперт» и др.; в альманахе «День поэзии», детских журналах «Кораблик», «Шишкин лес», «Вверх». Лауреат Международной Волошинской премии. Живёт в Калуге.

Ягодинцева Нина – поэт, критик, секретарь Союза писателей России, лауреат премии им. П. П. Бажова, лауреат Литературного конкурса имени К. М.Нефедьева, член Координационного совета Ассоциации писателей Урала, член Совета по критике Союза писателей России, координатор работы Совета молодых литераторов Союза писателей России. Председатель жюри Южно-Уральской литературной премии. Кандидат культурологии. Живёт в г. Челябинске.

Менестрель

Литературно-художественный журнал

№ 15

16+

15 номер журнала «Менестрель» издан при поддержке программы социальных инвестиций
«Родные города» ПАО «Газпром нефть».

Сайт журнала: www.menestrelomsk.com.
Электронная почта: kozyrevboss@list.ru.

Редколлегия журнала принимает материалы для публикации в электронном виде.
Материалы, содержащие ненормативную лексику, к публикации не принимаются.

Ответственность за содержание и достоверность сведений, предоставленных для опубликования, несут авторы. Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

В оформлении обложки использована картина Михаила Врубеля «Царевна-Лебедь» (1900).

Подписано к печати 02.08.2021. Формат бумаги 60x84/8.

Печать оперативная. Усл. печ. л. 15,5. Тираж 150 экз.

Издательство «Золотой тираж»
644043, г. Омск, ул. Орджоникидзе, 34.